902.7
Л 37

Левицкий Ор.

Очерки
Народной жизни в
Малороссии.

ЕК

ЕК 902.7 Л37

ОЧЕРКИ

НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ

во второй половинѣ XVII ст.

Ор. Левицкаго.

Изданіе редакціи журнала „Кіевская Старина".

654913

інв. Б8

БІБЛІОТЕКА
Вінницького педуніверситету

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерингoвская, № 6.
1902

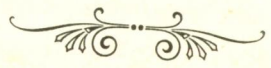
1902

Дозволено цензурою. Кіевъ, 7 января 1902 года.

СОДЕРЖАНІЕ ОЧЕРКОВЪ:

		стран.
	Предисловіе.	
1.	Убійство и грабежъ въ Самарскомъ монастырѣ.	9
2.	Прыбыши	17
3.	Нетяги	26
4.	«Злодійская складка»	30
5.	Козацкія насилія во время походовъ	34
6.	Обвиненіе священника въ убійствѣ	39
7.	Убійца, прикованный къ гробу своей жертвы	53
8.	Козачка, спьяна застрѣлившая работницу	59
9.	Жестокая жена	63
10.	Женоубійца	69
11.	Кровосмѣшеніе и дѣтоубійство	71
12.	Расторженіе брака, какъ мѣра уголовнаго наказанія	73
13.	Супружеское право помилованія осужденнаго.	80
14.	Разводъ мужа съ женой-воровкой	82
15.	Двумужница	84
16.	Вотчимъ и падчерица	90
17.	Тесть и зять	96
18.	Нехворощанскій сотникъ Ѳедоръ Сухомлинъ	98
19.	Хозяинъ и работница	113
20.	Легкомысленная Любка	124
21.	«Нестатечная» жена	129
22.	Позорное клеймленіе прелюбодѣевъ	131
23.	Вдова, не получившая дозволенія вступить въ четвертый бракъ	138
24.	Вдова и компанѣецъ	139
25.	Обезчещенная вдова	144
26.	Обманутая шинкарка	146
27.	Мельникъ и шинкарка	151

		стран.
28.	Грѣхъ съ кумою	
29.	Кишиньскій Донжуанъ	153
30.	Грѣшный игуменъ	155
31.	Дьякъ ловеласъ	171
32.	Явдоха пономарка	180
33.	Блудливый старецъ	182
34.	Поджогъ изъ мести	190
35.	Кража имущества, спрятаннаго отъ татаръ	192
36.	Бѣлорусскіе купцы, обокраденные на ярмаркѣ въ Полтавѣ	196
37.	Кража у курскаго купца на той же ярмаркѣ	201
38.	Служанка воровка	207
39.	Неблагодарная „сусида"	213
40.	Переволочанскій „крамарь"	217
41.	Народный судъ надъ ворами въ бориспольской ратушѣ	219
42.	Пойманный пчелокрадъ	223
43.	Воровство, приведшее къ убійству	227
44.	Кража въ чумацкой дорогѣ	230
45.	Попытка утаить деньги, взятыя на храненіе	232
46.	Раскаявшійся воръ-утайщикъ	236
47.	Возстановленіе опороченной чести	241
48.	Запорожецъ съ откушеннымъ ухомъ	243
49.	Сынъ, ложно опорочившій отца и брата	252
50.	Ссора между родственниками	255
51.	Споръ изъ-за наслѣдства	257
52.	Мировая при участіи суда	260
53.	Колдовство и чародѣйство	262
54.	Санжаровскія чаровницы	264
55.	Порча вещей посредствомъ колдовства	270
56.	Полтавскіе школяры	276
57.	Кіевскіе студенты	280
58.	Цыганы и евреи	288
		305



Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ исторіи каждой страны нѣтъ болѣе важнаго и интереснаго предмета, какъ жизнь даннаго народа, проявляется ли она въ видѣ опредѣленнаго массового движенія, взрыва и настроенія, или течетъ вяло, безцвѣтно, дробясь на тысячи мелкихъ индивидуальныхъ стремленій, интересовъ, столкновеній. Бурныя проявленія народной жизни, какъ все яркое и эффектное, всегда привлекали вниманіе историковъ,—благо, для изображенія такихъ моментовъ даже сухія и скудныя въ другихъ отношеніяхъ лѣтописи даютъ болѣе или менѣе обильный матеріалъ. Но какъ отдѣльный человѣкъ остается самимъ собою, совершаетъ ли онъ геройскіе подвиги, или погружается въ обыденные, житейскіе интересы, такъ и народная жизнь, вспыхиваетъ ли она яркой полосой, или погружается въ тусклыя сумерки будничнаго прозябанія, должна представлять для историка одинаковый интересъ, ибо въ томъ и другомъ случаѣ въ ней непрерывно совершаются эволюціонные процессы, пристальное наблюденіе надъ которыми только и можетъ привести къ познанію исторической закономѣрности. Но это пока—идеалъ будущаго; ближайшей же задачей историческаго изученія является по возможности все-

стороннее, живое и полное представленіе минувшей жизни въ ея повседневныхъ, будничныхъ проявленіяхъ.

Но гдѣ-же взять матеріалы для такого детальнаго изученія минувшихъ эпохъ? Обычные историческіе источники—лѣтописи, дипломатическіе акты, законодательные памятники и т. под. окажутся уже недостаточными. Наиболѣе пригоднымъ матеріаломъ для этого была бы литература изучаемой эпохи или, еще лучше, повседневная пресса, и нѣтъ сомнѣнія, что историки будущихъ вѣковъ, при изученіи нашей, напримѣръ, эпохи, главнымъ образомъ и будутъ пользоваться этимъ матеріаломъ. Но мы имѣемъ дѣло обыкновенно съ такими эпохами, литература которыхъ слишкомъ скудна и безжизненна, а періодической прессы и вовсе не было. Взамѣнъ той и другой приходится довольствоваться мемуарами. Но если и мемуаровъ нѣтъ или они плохи, тогда историку остается разсчитывать на единственный цѣнный матеріалъ, къ сожалѣнію не существующій для исторіи отдаленныхъ вѣковъ, но болѣе или менѣе сохранившійся отъ эпохъ болѣе къ намъ близкихъ: разумѣемъ судебные акты. Нѣтъ нужды въ подробномъ разъясненіи цѣнности этого матеріала для указанной цѣли; достаточно напомнить, что и въ наше время, при возможности непосредственнаго наблюденія надъ общественною или народною жизнью, нѣтъ болѣе удобнаго мѣста для подобныхъ наблюденій, какъ судебныя засѣданія, и не даромъ судебные отчеты занимаютъ такое видное мѣсто въ повременной печати. Нерѣдко уголовные процессы вскрываютъ такіе тайники души народной или же такія глубоко скрытыя язвы въ общественномъ организмѣ, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ жизни не поддаются наблюденію.

Исторія Малороссіи болѣе, чѣмъ какая-либо иная, есть исторія народная. Самымъ блестящимъ и самымъ интереснымъ ея періодомъ справедливо считается XVII вѣкъ, когда украинскій народъ проявилъ высшее напряженіе своихъ духовныхъ силъ и, хотя на короткое время, устроилъ свою жизнь по своимъ извѣчнымъ идеаламъ; когда, по образному выраженію поэта,

Братерськая наша воля,
Безъ холопа и безъ пана,
Сама соби, у жупани,
Розвернулася весела.

Ни литература того вѣка, скудная и безжизненная, ни записки иностранныхъ путешественниковъ, очень цѣнныя въ другихъ отношеніяхъ, не даютъ сколько-нибудь полнаго представленія о тогдашней народной жизни; своихъ же мемуаровъ изъ той эпохи мы и вовсе не имѣемъ. Остается разсчитывать на единственный источникъ—судебные акты; но прежде чѣмъ говорить объ этомъ источникѣ, необходимы нѣкоторыя предварительныя объясненія.

Въ то время, какъ для исторіи западной Малороссіи, т. е. Волыни, Подолья и отчасти Кіевской Украины, мы имѣемъ около шести тысячъ актовыхъ книгъ бывшихъ здѣсь въ XVI—XVIII вв. судовъ гродскихъ, земскихъ и магистратскихъ,—книгъ, представляющихъ неисчерпаемый матеріалъ для всесторонняго изученія протекшей жизни этого края,—объ актовыхъ книгахъ лѣвобережной Малороссіи ни въ одномъ историческомъ сочиненіи нѣтъ и упоминанія, да и самый вопросъ о существованіи такихъ книгъ еще не разъясненъ. Правда, въ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1852 и 1857 гг. были напечатаны отрывки изъ Стародубскихъ магистратскихъ книгъ за 1683 и 1690 годы, но эти отрывки такъ незначительны по объему, что странно было и говорить о нихъ, какъ объ историческомъ матеріалѣ; о другихъ же актовыхъ книгахъ малороссійскихъ судовъ XVII—XVIII ст. составилось общее убѣжденіе, что онѣ погибли безъ остатка. Вотъ почему и о судоустройствѣ въ старой Малороссіи нельзя было сказать ничего опредѣлительнаго, и вопросъ объ этомъ важномъ предметѣ до послѣдняго времени не подвергался обстоятельному изслѣдованію. Лишь недавно стали извѣстны новые актовые матеріалы бывшихъ малороссійскихъ судовъ: въ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1887 г. напечатаны отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ за 1657 и 1673—74 годы; въ 1892 г. въ

приложеніи къ нашему журналу была издана цѣлая актовая книга Бориспольскаго ратушнаго суда за годы 1612—1698; наконецъ, намъ лично извѣстно, что въ библіотетѣ почтеннаго изслѣдователя старой Малороссіи А. М. Лазаревскаго хранятся отрывки актовой книги Борзенскаго сотеннаго суда 1664—1720 г. и четыре полныя книги Полтавскаго полкового суда второй половины XVII и XVIII вв., да двѣ книги того же суда (XVII в.) имѣются въ библіотекѣ покойнаго В. В. Тарновскаго, завѣщанной имъ, вмѣстѣ съ его музеемъ, Черниговскому губ. земству [1]). Итакъ, вотъ сколько актоваго матеріала прибыло въ теченіе послѣднихъ лѣтъ! Конечно, это лишь ничтожныя крупинки изъ того богатаго запаса актовыхъ книгъ, какой долженъ былъ скопиться въ Малороссіи въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтняго существованія въ ней своихъ судовъ, и мы твердо увѣрены, что со временемъ отыщутся и другія актовыя малороссійскія книги; но и тѣ, что уже открыты, представляютъ въ общей сложности настолько обильный и важный матеріалъ, что отнынѣ ни одинъ изслѣдователь малорусской старины не въ правѣ болѣе игнорировать его. Въ рукахъ г. Лазаревскаго этотъ матеріалъ отчасти уже послужилъ для интереснаго и пока единственнаго въ нашей литературѣ очерка судоустройства въ старой Малороссіи [2]), въ такой-же степени онъ пригоденъ и для освѣщенія многихъ бытовыхъ сторонъ ея прошедшей жизни.

Настоящіе „Очерки“ также составлены по актовымъ книгамъ преимущественно Полтавскаго полкового и отчасти другихъ козацкихъ судовъ, и нужно сказать, что лучшаго матеріала мы и пожелать не могли бы: едва-ли найдутся другіе судебные

---

[1]) Извѣстно, сверхъ того, что въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ Музеѣ, хранится актовая книга Прилуцкаго полкового суда за 1660 годъ, куда поступила изъ библіотеки П. Лукашевича.

[2]) См. его брошюру: «Замѣчанія на историческія монографіи Д. П. Миллера о малор. дворянствѣ и о статутовыхъ судахъ». Харьковъ, 1898 г.

акты, такъ ярко и полно отражающіе въ себѣ жизнь народную, какъ именно акты малороссійскіе. Это объясняется двумя причинами: а) судъ въ Малороссіи во второй половинѣ XVII в. былъ народнымъ, слѣдовательно всесословнымъ и вполнѣ свободнымъ отъ мертвящаго формализма, и б) юридическая практика еще не успѣла выработать тѣхъ мертвящихъ канцелярскихъ формъ, благодаря которымъ самыя яркія проявленія жизни, пройдя черезъ протоколъ, на половину обезличиваются, поэтому протоколы малороссійскихъ судовъ, писанные народнымъ языкомъ, отличаются жизненностью.

До переворота Хмельницкаго въ Малороссіи, какъ и въ другихъ областяхъ южно-русскаго края, существовали суды: статутовые—гродскіе и земскіе (въ Кіевѣ, Черниговѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ и Стародубѣ) и магдебургскіе—магистратскіе и ратушные въ городахъ и мѣстечкахъ. Всѣ они были построены на сословномъ началѣ: суды статутовые существовали почти исключительно для шляхтичей, магдебургскіе—для мѣщанъ. Существовалъ, кажется, и у козаковъ свой особый судъ, но о немъ пока еще ничего опредѣленнаго мы не знаемъ. Что же касается народной массы, то для нея не существовало спеціально организованнаго суда: посполитые, жившіе въ королевскихъ староствахъ, судились у старостъ или ихъ намѣстниковъ, (такъ было въ староствахъ: Черкасскомъ, Любецкомъ, Остерскомъ, Нѣжинскомъ и мн. др.), а тѣ, что жили на частно-владѣльческихъ земляхъ, были подчинены присуду своихъ „дѣдичей“ или ихъ старостъ и намѣстниковъ. Правда, сельское и деревенское населеніе въ маловажныхъ дѣлахъ судилось собственнымъ, народнымъ—„громадскимъ“ судомъ, соотвѣтствовавшимъ древнему „копному“ суду, еще и въ то время существовавшему на Волыни и въ Кіевской Украинѣ, но государственная власть совершенно игнорировала „громадскій“ судъ, хотя „копный“ отчасти признавала. Когда Малороссія была освобождена и должна была вновь создавать себѣ формы гражданскаго быта, то ей нужно было прежде всего организовать судъ, такъ какъ старыя его формы не отвѣчали новымъ условіямъ обще-

ственной и политической жизни страны. Когда именно и какимъ законодательнымъ актомъ совершена была эта важная реформа—не извѣстно, но реформированные суды несомнѣнно функціонировали въ Малороссіи еще при жизни Хмельницкаго. Въ общихъ чертахъ реформа состояла въ слѣдующемъ: а) гродскіе и земскіе суды, а равно старостинскіе и частновладѣльческіе, были уничтожены, а вмѣсто нихъ учреждены были суды козацкіе: въ сотняхъ—сотенные, въ полковыхъ городахъ—полковые, и въ качествѣ высшей инстанціи, при гетманскомъ управленіи—судъ генеральный; б) существовавшіе до того времени въ Малороссіи магистратскіе и ратушные суды не только не подверглись той же участи, но получили еще бо́льшее распространеніе: теперь они встрѣчаются во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ только населеніе занималось торговлей и ремеслами; но такъ какъ сословный—мѣщанскій характеръ магистратскихъ и ратушныхъ судовъ не имѣлъ смысла въ безсословной Малороссіи, то эти суды не могли удержать прежней обособленности и скоро слились съ козацкими судами: въ сотняхъ—съ сотенными, въ полковыхъ городахъ—съ полковыми, хотя старинные магистраты въ маловажныхъ дѣлахъ часто дѣйствовали и безъ участія козацкой старшины; в) собственный юридическій кодексъ для малороссійскихъ судовъ, естественно, не могъ быть тотчасъ составленъ,—мысль о его составленіи возникла лишь въ началѣ XVIII ст., послѣ чего и было приступлено къ составленію свода „Малороссійскихъ правъ"; до тогоже времени (да и впослѣдствіи) малороссійскіе суды, какъ собственно козацкіе, такъ и магистратскіе и ратушные, въ равной мѣрѣ руководствовались Литовскимъ Статутомъ и Магдебургскимъ правомъ, но по большей части видоизмѣняли ихъ предписанія подъ вліяніемъ мѣстнаго обычнаго права или внутреннихъ понятій о справедливости. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что Литовскій Статутъ и Магдебургское право были удержаны единственно въ качествѣ юридической нормы при опредѣленіи рода наказаній за уголовные проступки и взысканій по тяжбамъ гражданскимъ; всѣ же прочія предписанія названныхъ кодексовъ, касавшіяся организаціи суда, порядка и формъ судопроизводства, вопросовъ о подсудности, правѣ апелляціи и т. под., не имѣли силы и были замѣнены новыми обычаями, нигдѣ, однако, не записанными. Судебныя засѣданія, какъ и въ прежнихъ судахъ, были всегда публичны и, какъ видно изъ протоколовъ, охотно были посѣщаемы; но это не была „публика" въ современномъ значеніи, влекомая въ судъ лишь простымъ любопытствомъ: тогдашніе посѣтители шли въ судъ потому, что считали правосудіе актомъ общенароднымъ, и по мѣрѣ силъ старались оказывать ему содѣйствіе. Болѣе почетныя лица („зацныя персоны") изъ числа присутствовавшихъ козаковъ и мѣщанъ были приглашаемы въ составъ суда и вмѣстѣ съ „урядовыми персонами", т. е. присяжными судьями, участвовали въ совѣщаніяхъ при составленіи декретовъ. Но кромѣ того, каждый изъ присутствовавшихъ могъ безъ вызова заявить суду, что ему извѣстно по данному дѣлу. Если присутствовавшіе находили приговоръ слишкомъ суровымъ, они тутъ же ходатайствовали о его смягченіи, и такія ходатайства по большей части немедленно судомъ были удовлетворяемы. Порядокъ и формы судопроизводства отличались крайней простотой и патріархальностью. Все, что въ предписаніяхъ Статута и Магдебургскаго права отзывалось формализмомъ или создавало почву для казуистики, было отвергнуто: ни возныхъ, ни письменныхъ позвовъ, ни повѣренныхъ—ничего этого и въ поминѣ не было въ козацкихъ судахъ. За то въ нихъ практиковалось немало такихъ обычаевъ, о которыхъ не знаютъ ни Статутъ, ни Магдебургское право.

Такимъ же характеромъ простоты и отсутствіемъ канцелярскаго формализма отличаются и протоколы козацкихъ судовъ XVII ст. По формѣ ближе всего они подходятъ къ протоколамъ тогдашнихъ ратушныхъ судовъ, напримѣръ, Олыки, Ковля, Выжвы, та же въ нихъ и терминологія; но благодаря тому, что малороссійскія актовыя книги писались народнымъ языкомъ, онѣ тѣмъ самымъ выигрываютъ со стороны жизненности. Въ общемъ—это рядъ какъ бы стенографическихъ отче-

товъ, только болѣе короткихъ. Писарь не передаетъ своими словами содержанія жалобы или свидѣтельскаго показанія, а буквально воспроизводитъ рѣчи участниковъ процесса, сохраняя всѣ характерныя особенности живого слова, съ разными подчасъ наивностями, записывая даже разнообразныя формы обращенія къ суду истца, отвѣтчика или свидѣтелей. Благодаря такому пріему изложенія, актовыя книги козацкихъ судовъ обладаютъ необыкновенною силою увлекательности: ими положительно можно зачитываться, какъ реально-художественнымъ произведеніемъ. Передъ вами проходятъ словно живые люди XVII ст.; точно изъ фонографа, вы слышите ихъ подлинныя рѣчи, ощущаете какъ-бы дыханіе давно минувшей старины. И кого только нѣтъ въ этой волшебной панорамѣ! Благодаря единству суда, передъ вами мелькаютъ живыя тѣни изъ разныхъ слоевъ тогдашняго безсословнаго общества. Здѣсь вся Малороссія временъ Самойловича и Мазепы,—правда, преимущественно въ лицѣ порочныхъ своихъ гражданъ; но и самые ихъ пороки и преступленія нерѣдко такъ своеобразны, такъ рѣзко запечатлѣны характеромъ того оригинальнаго быта и вѣка!

И намъ казалось, что ничто не въ состояніи такъ непосредственно ввести читателя въ ту эпоху, какъ простой, безхитростный пересказъ болѣе характерныхъ процессовъ, сопровождаемый лишь необходимыми историко-бытовыми поясненіями. Мы старались выбрать такія дѣла, въ которыхъ раскрываются по возможности разнообразныя стороны и проявленія тогдашней жизни. Чтобы сохранить въ нашемъ пересказѣ то впечатлѣніе живой непосредственности, какое получается при чтеніи подлинныхъ книгъ, мы, слѣдуя пріему тогдашнихъ писарей, приводимъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ текстуально, какъ онѣ протоколированы, но чтобы не затруднить читателей-нефилологовъ, позволяемъ незначительныя текстуальныя измѣненія, именно—устраняемъ немногія, явно книжныя выраженія и формы (въ томъ убѣжденіи, что они принадлежатъ писарю, а не записаны изъ народныхъ устъ) и замѣняемъ тогдашнее безсистемное правописаніе близкимъ къ современному. Поэтому приводимые нами во множествѣ образцы тогдашняго языка со стороны формъ и начертанія не удовлетворятъ строгимъ требованіямъ филолога, которому рекомендуемъ обратиться къ подлиннымъ актамъ, но въ отношеніи лексическомъ они вполнѣ вѣрны подлинникамъ.

1. Убійство и грабежъ въ Самарскомъ монастырѣ.

Самарскій Николаевскій монастырь [1]), исторія котораго столь неразрывно связана съ исторіей Запорожья, получилъ начало не ранѣе 1672 года; но точныхъ свѣдѣній о начальныхъ годахъ его существованія не имѣется. Довольно сказать, что первое документальное о немъ упоминаніе (въ письмахъ кошевыхъ) относится лишь къ 1691 году. Вообще же можно утверждать, что въ началѣ существованіе этого монастыря было эфемерно: монахи (преимущественно изъ бывшихъ сѣчевиковъ) то сходились въ него, то по разнымъ причинамъ разбѣгались. Прежде всего, имъ не было житья отъ татаръ; монастырь находился одинаково далеко какъ отъ южной границы гетманщины, такъ и отъ Сѣчи, и потому ничтожный татарскій загонъ всегда могъ разорить его раньше, чѣмъ прибудетъ помощь съ той или съ другой стороны. Правда, въ 1687 г. московскимъ правительствомъ былъ заложенъ на р. Самари, близъ монастыря, Богородицкій городокъ; но это была ничтожная крѣпостца, съ незначительнымъ гарнизономъ, и на ея помощь нельзя было серьезно разсчитывать. При томъ же, надо вспомнить, какимъ бѣльмомъ на глазу у запорожцевъ служила Богородицкая крѣпость и какъ непріязненно они относились къ ея гарнизону; а Самарскіе иноки были плотью отъ плоти запорожцевъ и на все смотрѣли ихъ глазами. Но, кромѣ татарскихъ набѣговъ, монастырь постигали и другія бѣдствія. Въ 1690 г.

[1]) Близъ г. Новомосковска, Екатеринослав. губ.; существуетъ и нынѣ.

въ іюлѣ появилась на Самари саранча, все истребила и своимъ трупомъ отравила воздухъ, отчего здѣсь открылся моръ, жертвою котораго сталъ игуменъ и многіе изъ братіи, остальные же въ страхѣ разбѣжались, такъ что къ осени въ монастырѣ осталось всего лишь три монаха, но и изъ нихъ два уѣхали зачѣмъ-то въ Ичню, оставивъ монастырь на попеченіе единственнаго брата, отца Авксентія, и при немъ стараго сѣчевика въ званіи послушника. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, ни въ самомъ монастырѣ, ни близъ него не было ни одной живой души. Лишь изрѣдка сюда навѣдывались изъ ближнихъ зимовниковъ сѣчевики, остававшіеся для промысловъ, но и они опасались вступать въ зараженную обитель.

Къ этому именно времени относится кровавый эпизодъ, живыя подробности котораго сохранились въ актахъ полтавскаго полкового суда.

Въ Нехворощанскомъ монастырѣ [1]) проживали въ числѣ послушниковъ нѣкто Иванъ Петренко и Петро Винникъ. Первый былъ раньше „кравцемъ“ (портнымъ) въ Соколкѣ, а другой, безродный „нетяга“, съ молодыхъ лѣтъ служилъ по „вынницяхъ“ (на винокурняхъ), отчего и получилъ свое прозвище, такъ какъ фамильнаго у него не было. При всей простотѣ и несложности экономической жизни тогдашней Малороссіи, въ ней было всегда много субъектовъ, по разнымъ причинамъ не умѣвшихъ пристроиться ни къ какому опредѣленному дѣлу или же легко выбивавшихся изъ жизненной колеи. Ихъ такъ и именовали: *„неробочіе“*, *„гультяи“*. Изъ такихъ неудачниковъ въ военное время легко рекрутировались охотницкіе полки и и запорожскія „ватаги“, а когда войны не было, они „тягались“ по винокуреннымъ, пивовареннымъ и селитреннымъ заво-

[1]) Нехвороща—тогда сотенный городъ Полтавскаго полка, нынѣ мѣстечко Константиногр. у. Тамъ находился Успенскій монастырь, основанный одновременно съ Самарскимъ и закрытый въ 1786 г.

дамъ, а болѣе отважные пускались на легкую, хотя опасную „дòбычъ“ въ качествѣ „прыбышовъ“ (разбойниковъ). Наши новые знакомцы Петренко и Винникъ пока избрали средній терминъ—поступили въ монастырь, гдѣ ихъ охотно приняли, какъ мастеровыхъ людей, возложивъ на нихъ и „послушаніе“, соотвѣтственно ихъ прежнимъ занятіямъ: Петренко обшивалъ братію, а Петро Винникъ работалъ на монастырской винокурнѣ. „Но скученъ миръ однообразный сердцамъ, рожденнымъ для войны“, такъ и нашимъ „нетягамъ“ не могло прійтись по вкусу иноческое безмолвіе, ночныя бдѣнія, а паче всего воздержаніе и обязательный трудъ. Имъ мерещилась иная жизнь—сытая, пьяная и привольная; но для такой жизни нужно много денегъ, а ихъ не заработаешь столько честнымъ трудомъ. Вотъ если бъ подвернулся счастливый случай, легкая „дòбычъ“!

И вотъ имъ показалось, что такой случай представился. Въ ихъ монастырь пришли два брата изъ Самари и повѣдали горестную вѣсть, что тамъ свирѣпствуетъ ужасный моръ, игуменъ и многіе изъ братій умерли, остальные разбѣжались, а самая обитель со всѣмъ ея имуществомъ и казной оставлена впустѣ, и никто не смѣетъ войти въ нее изъ страха заразы. Петренкомъ и Винникомъ разомъ овладѣла преступная мысль.—„А много ли казны осталось въ монастырѣ“? разспрашивали они пришельцевъ. Тѣ въ точности этого не знали, но полагали, что очень много, а добра всякаго—серебряной посуды, шолковыхъ матерій, турецкихъ платковъ, поясовъ и не перечесть: запорожцы любили свою обитель и щедро одѣляли ее всѣмъ, что ни посылалъ имъ Господь на сушѣ и на морѣ, въ татарскихъ и турецкихъ земляхъ. И вотъ Петро Винникъ, какъ болѣе опытный въ такихъ дѣлахъ, сталъ подговаривать товарища отправиться на легкую и богатую „добычъ“ въ Самарскій монастырь. Петренко не долго колебался, и въ ближайшую ночь, въ началѣ октября 1690 г. оба они исчезли изъ Нехворощи. Предпріятіе казалось имъ очень легкимъ и безопаснымъ: вѣдь монастырь совершенно пустъ, къ нему боятся даже приблизиться,—кто же помѣшаетъ имъ похозяйничать тамъ, какъ дома? Когда они

пришли на Самарь, тамъ дѣйствительно на всемъ лежала печать заброшенности и запустѣнія, но монастырь не былъ всетаки совершенно оставленъ: въ немъ обитали старецъ Авксентій и при немъ послушникъ, престарѣлый сѣчевикъ Ѳедоръ. Это значительно разстраивало планы нашихъ добычниковъ, но отступать было уже поздно. Они сдѣлали видъ, будто пришли съ намѣреніемъ вступить въ число братіи опустѣлаго монастыря; конечно, ихъ приняли очень охотно. А на четвертый день послѣ этого Петренко и Винникъ вѣроломно убили пріютившихъ ихъ старцевъ, ограбили монастырскую казну, взяли немалую сумму наличныхъ денегъ и какія нашли цѣнныя вещи и оставили монастырь на этотъ разъ совершенною „пусткою", съ двумя непогребенными трупами. Убійцы были столь безпечны, что возвратились снова въ Нехворощу, гдѣ ихъ, конечно, тотчасъ и накрыли. Имъ не удалось воспользоваться ни одной полушкой изъ своей „добычи", такъ какъ путь изъ Самари до самой Нехворощи проходилъ совершенной пустыней, и они съ деньгами умирали отъ голода. Отобранныя у нихъ вещи ясно указывали на то, гдѣ они ихъ добыли; да они, впрочемъ, и не думали таиться и при первомъ допросѣ во всемъ повинились. Мѣстный сотникъ арестовалъ ихъ и подъ конвоемъ отослалъ въ Полтаву.

18 октября происходило первое засѣданіе полкового суда по дѣлу объ этихъ „кгвалтовникахъ и запамяталыхъ забойцяхъ", привлекшее въ зданіе ратуши многочисленную публику. Съ нихъ стали снимать допросъ, при чемъ они „сами доброволне злость свою вызнавалы, повидаючы: „Грихъ то насъ, панове, смертелный такъ спиткавъ, що мы невынныхъ душъ позабывалысьмо въ монастыри святого Ныколы Самарскимъ". Первымъ былъ допрошенъ Иванъ Петренко, давшій такое показаніе:

— Булы мы въ товарыстви въ монастыри Нехворощанскому, я бувъ послушныкомъ, а Петро вынныкомъ. И ставъ мене Петро намовляты: „Ходимъ, мовытъ, на добычъ на Самарь, до монастыра тамошнёго". Я кількокротне зборонявся, не прыступаючы на тіи ёго слова, а напотимъ, давшыся намовыты,

пишлысьмо обыдва до монастыра Самарского и прожылысьмо тамъ днивъ чотыри; я жъ зостававъ пры козаку, который въ тимъ же монастыри бувъ послушныкъ, а Петро пры черныци, въ еднiй целiи (кельи). А такъ мени Петро мовывъ: „напередъ ты козака вбый, а вбывшы прыйды до мене, скажешъ мени висть о смерты ёго, а я того-жъ часу убью черныця". Съ которои Петровои порады вбывъ я ночнои поры того козака, вже спячого, обухомъ въ голову, и свичка свитылася, а по вбытю, взявшы свичку, пiйшовъ до Петра, ажъ Петро стоитъ зъ черницемъ у пекарни. Такъ тоди Петро тымъ же обухомъ стоячого черныця вдарывшы въ голову, обвалывъ на землю и ставъ вязаты, пытаючысь грошей. А той небожчыкъ чернець сказавъ: „гроши у скрыни, въ трапези". Тоди одбывшы тую скрыню, найшлысьмо въ нiй готовыхъ грошей трыста золотыхъ, кубокъ срибный церковный, жупанивъ чотыри, шапокъ кунихъ такожъ чтыри, поясивъ шовковыхъ малыхъ два, и третiй блакытный бильшiй, хустокъ турецькыхъ пять, кытайкы жовтои штука и запаска червоная кытайчаная. Зъ тымы всимы ричамы пiйшлысьмо зъ Самарского монастыра, и прыйшовшы до Кильчени [1]), подилылысьмося въ ривный дилъ, и въ Нехворощу прыбулы, де насъ панъ сотныкъ пiймавшы, тiи вси помененныи ричи и гроши одибравъ одъ насъ".

Другой „забойця", Петро Винникъ началъ такъ:

— Панове, власне було, якъ повидаетъ Иванъ, товарышъ мiй",—и затѣмъ буквально повторилъ его разсказъ, прибавивъ лишь слѣдующую подробность объ убійствѣ имъ старца Авксентія: „Винъ же, небожчыкъ, рукы и ногы мои цилуючы, для мылостывого Бога просывся, абы я ёго не забывавъ; однакъ я, не глядячы на ёго прозьбу, згладывъ ёго своимы рукамы зъ сёго свита". Свое показаніе Петро такъ закончилъ: „Поты моеи повисты; хочъ и на той свитъ пiйду, бильше мене не пытайте: остатнюю правду вамъ повидаю".

---

[1]) Рѣка въ Новомосковскомъ у., правый притокъ Самари.

Судъ велѣлъ записать „доброволнее прызнатя тыхъ зброднивъ“, а ихъ самихъ отвести въ тюрьму, „покиль хто за почынення того забойства не одзовется стороною акторскою“, т. е. пока явится обвинитель или же лице, потерпѣвшее отъ даннаго преступленія.

Но черезъ два дня судъ снова вызвалъ обвиняемыхъ и, не довольствуясь ихъ добровольнымъ сознаніемъ, велѣлъ ихъ „на квестію (иначе: „на пробу“, „на спытку“) даты, допытуючысь“, не взяли-ли они въ Самарскомъ монастырѣ еще какихъ-либо вещей, „або товарыства зъ собою бильше чы не малы“. Иванъ Петренко былъ пытанъ троекратнымъ приложеніемъ раскаленнаго желѣза, а Петро Винникъ „звычайною мистровскою пробою трикротною“, т. е. дыбою. Оба они утверждали прежнее показаніе: ничего больше изъ монастыря не брали и въ „товарыстви“ съ ними никого не было. „Вже мени—прибавлялъ Петро—прыходытъ часъ на той свитъ иты: самую правду вамъ повидаю“.

Лишь въ началѣ ноября „отозвалася акторская сторона“ въ лицѣ прибывшаго въ Полтаву „честного отца Веніамина, законника монастыра Самарского“. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ изъ Сѣчи козакъ Васько съ „товарыствомъ“, присланный въ качествѣ представителя Войска Запорожскаго низового, считавшаго себя патрономъ и ктиторомъ Самарской обители. Когда открылось засѣданіе полкового суда и были введены подсудимые, отецъ Веніаминъ, какъ главный истецъ и обвинитель, держалъ такую рѣчь:

— Панове! Оныи запамяталыи и Бога небоячіися люде монастыръ нашъ кривью невынною осквернылы, брата мого отця Авксентія убывшы и послушныка зъ нымъ Ѳедора, побралы гроши, що тамъ було, и иншіи речи. Нехай бы незбожныкы, худобу тую забравшы, жывыхъ ихъ въ монастыру оставылы,—меншая бъ то скорбъ була; а то знялыся имъ рукы, безбожныкамъ, погубыты невынныи души. По моровій плядзи (бѣдствіи, карѣ), якъ по Божимъ допущеніи черезъ той же моръ превелебный въ Богу отець игуменъ нашъ зъ братіею зъ

сёго свита пійты мусилы, тоди мы осталыся тры насъ тилько въ монастыри. Я жъ для нужнои потребы поихавъ бувъ зъ монастыра до Ични, а ёго, отца Авксентія небожчыка, зоставывъ въ монастыри съ послушныкомъ Ѳедоромъ, въ которій дорози одно часъ не по тому бувъ, а друге—все на мысль прыпадае вертатыся до монастыра Самарского назадъ; такъ я и вернувся зъ другымъ братомъ, который теперъ въ Сичи. Прыихалысьмо въ Самарь, до монастыра, ажъ выйшовъ до насъ козакъ той, що монастырскіи посудкы (снасти) на ловъ рыбный беретъ, и ставъ до насъ мовыты: „Отцеве честныи! Прыйшовъ я тилько що зъ куреня въ монастыръ, ажъ померъ, знаты, зъ мору отець Авксентій, и послушныка Хведора нема. Да тутъ було и два чоловикы, казалыся съ Полтавы, а нема ихъ теперъ: десь-то небожчыкъ ихъ пославъ“. Чуючы одъ козака такую мову, звонтпылемся (я не рѣшился) зъ другымъ братомъ и въ монастыръ иты, а потимъ тее не въ певносты стало: тыи люде, що зъ Полтавы меновалыся, де бъ милы буты посланыи? Тыхо прыйшовшы я въ монастыръ, викно видсунувъ въ целіи; виконыця впала на землю. Гляну—ажъ послушныкъ, небожчыкъ Ѳедоръ, лежытъ, голова ёму напивъ перетята. Потимъ прыйшлы мы до целіи, де чернець бувъ, ажъ небожчыка убыто и голову у пологъ уверчено, той пологъ увесь кривавый, у голови двѝ раны велыкыхъ, сокырою протятыхъ, було, а плечи и груды одъ обуха вси збыти зосталы. Обачывшы мы тее забойство, одъихалы въ Новобогородычынъ, а съ потребу возивъ нанявшы, прыихалы въ монастыръ и все, що було, въ городъ Новобогородычынъ позабиралы. Правда, въ церкви святій церковныхъ ричей ничого не брано, тилько, якъ чую есть запысано, скрыню одбыто въ трапези и гроши, и що було пры грошихъ, все побрано. О которыхъ кгвалтовныкахъ и забойцяхъ вже въ Новобогородычнимъ вчувъ я, що воны есть тутъ, въ полтавскимъ вязеню, зъ якыхъ запамяталыхъ людей прошу мылостей вашыхъ святои справедлывосты“.

Козакъ Васько и его товарищи, делегаты Запорожья, заявили, что они съ своей стороны „попыраютъ (поддерживаютъ)

тую жъ справу", и именемъ кошевого и всего Войска Запорожскаго низового просили „скутечнои справедлывосты зъ тыхъ домови Божому кгвалтовныкивъ и душъ людскыхъ забойцивъ".

Слово еще разъ было предоставлено обвиняемымъ, не сообщатъ ли они еще чего-либо, касающагося совершеннаго ими преступленія, но отъ нихъ послѣдовала лишь слѣдующая „отповидь":

— Вже, панове, покилькокротне до того свого злого учынку прызнавалысьмося, такъ и теперъ тее жъ повидаемъ: я, Иванъ Петренко, вбывъ послушныка Хведора обухомъ, а я, Петро, черныця до смерты прыправывъ; а якъ въ той монастыръ Самарскій прыйшлысьмо, есть мылостямъ вашымъ достатечне видомо зъ прызнатя нашого".

Судъ нашелъ, что „вси слушныи доводы", т. е. уличающія обстоятельства, достаточно разъяснены, и приступилъ къ составленію декрета. Этому предшествовала „судовая порада" (совѣтъ), на которой „вси згодне одынъ къ другому склонывшыся", судьи „удалыся до кныгъ Статуту Литовского" и нашли въ раздѣлѣ одиннадцатомъ артикулъ третій „о кгвалтѣ церковъ Божіихъ набоженства христіянского", гласящій: „если бы хто, кгвалтовне на церковъ Божую найшовшы, кого забилъ, тотъ горло тратитъ". Это наказаніе показалось судьямъ недостаточно строгимъ для даннаго случая, и они остановились на 18 артикулѣ того же раздѣла: „хто кого молчкомъ потаемне ножемъ и якою иншою бронью на улицѣ, въ дому албо въ коморцѣ забьетъ, таковый срокгою карностю, четвертованьемъ зъ свѣта маетъ быти зглаженъ". Къ такой именно казни судьи и приговорили Петренка и Винника.

Но въ это время отецъ Веніаминъ заявилъ домогательство, чтобы осужденные еще разъ были даны „на квестію": онъ не зналъ навѣрное, „чы много тыхъ всихъ грошей було въ скрыни у трапези", и хотѣлъ, чтобы это было ему выяснено. Судьи хотя и находили вторичную пытку излишней послѣ произнесенія декрета, и безъ того опредѣлившаго осужденнымъ очень „срокгую карность", но не захотѣли отказать „акторской сторонѣ"

въ ея домогательствѣ. Преступники быди отведены въ тюрьму и тамъ снова подвергнуты „спытцѣ" при помощи „сродзе роспаленого" желѣза, въ присутствіи отца Веніамина, который, по принятому обычаю, обязанъ былъ лично задавать пытаемымъ вопросы. Отвѣты получились прежніе: „не бильшъ, тилько таляривъ сто (иначе 300 золотыхъ) було, тыхъ грошей, которымы въ ривный дилъ на Кильчени подилылысьмо. На той вже свитъ идемо, остатнюю повидаемъ правду".

„По спытцѣ оной (заключаетъ протоколъ) тие кгвалтовники и забойци отъ мистровыхъ рукъ четвертованямъ зъ сего свѣта пойшли". Протоколъ не упоминаетъ о мѣстѣ совершенія казни, но она обычно происходила на площади базарной, въ присутствіи толпы народа.

Отобранныя отъ преступниковъ деньги и вещи были отданы отцу Веніамину, „яко сторонѣ акторской", съ тѣмъ, чтобы онъ то и другое „мѣсцу святому, до монастыра Самарского вернулъ". При отдачѣ денегъ вышелъ немалый конфузъ: преступники и добровольно, и на пыткѣ твердили, что у нихъ было отобрано сто таляровъ, или триста золотыхъ, а въ наличности ихъ оказалось всего двѣсти золотыхъ и то еще „безъ пяти копъ". Судьи объясняли этотъ недочетъ тѣмъ, „що тыи гроши черезъ розніе руки ишли", при томъ же о. Веніаминъ и самъ навѣрное не зналъ, „чи много ихъ всѣхъ було, нѣмъ (пока) пану сотникови подано". Впрочемъ, заключилъ судъ, это обстоятельство „на увазѣ панской (т. е. полковника) належати маетъ".

---

2. Прыбыши.

Герои Самарской „трагедіи" Петренко и Винникъ, какъ мы видѣли, принадлежали къ категоріи тѣхъ „неробочыхъ" людей, или „гультяевъ", которымъ тягостенъ былъ скромный повседневный трудъ пахаря или ремесленника; имъ все мерещилась легкая „добыча", которая доставляла бы неизсякаемыя средства для беззаботной, разгульной жизни. Къ такому „добычничеству"

654913
БІБЛІОТЕКА
Вінницького педуніверситету
БІБЛІОТЕКА
Винницкого Педагогического Института
№ 11567

малороссъ XVII ст. легко могъ пріучиться самымъ ходомъ политическихъ событій на своей родинѣ: не говоря уже о запорожцахъ, постоянно предпринимавшихъ морскіе и сухопутные походы за добычей, стоитъ вспомнить безконечныя войны, долго не прекращавшіяся въ Малороссіи, когда козакъ возвращался съ похода, обремененный богатою добычею, и беззаботно пропивалъ талеры и дукаты и за безцѣнокъ сбывалъ дорогую утварь, платье и оружіе, увѣренный, что скоро предстоитъ новый походъ, и онъ снова легко добудетъ этого добра, сколько пожелаетъ. Когда войны сдѣлались рѣже, а походы въ чужія государства, какъ раньше въ Молдавію и Польшу, и вовсе прекратились, пріобрѣтенная долгими годами страсть къ добычничеству или спорадически проявлялась въ такихъ дикихъ взрывахъ, какъ массовые „рабунки" богатыхъ и значныхъ въ 1687 г., послѣ низложенія Самойловича, или же принимали хроническую форму „прыбышства", т. е. разбоевъ. Любители легкой наживы, „прыбыши" соединялись въ небольшія шайки, укрывались въ лѣсахъ, при большихъ дорогахъ и рѣчныхъ переправахъ, и грабили и убивали проѣзжихъ. Почему-то преимущественно жертвами ихъ свирѣпства являлись „московскіе люди", торговцы и даже военные, приходившіе въ Малороссію съ своими воеводами. „Прыбыши" имѣли своихъ пристанодержателей, укрывателей и сбытчиковъ награбленной добычи. Для отвода глазъ они нерѣдко накупали рыбы или дегтя и пускались въ торговлю, въ прасольство или на другіе промыслы, но главнымъ, профессіональнымъ ихъ занятіемъ все-таки было воровство и разбой. Легко добывая деньги, они такъ же легкомысленно и растрачивали ихъ: на базарахъ, на ярмаркахъ водили за собою музыкантовъ, поили и угощали перваго встрѣчнаго и съ напускнымъ равнодушіемъ не берегли ни мало своихъ кармазиновыхъ жупановъ и цвѣтной обуви, чѣмъ нерѣдко и выдавали свое профессіональное занятіе. Казалось бы, что, при отсутствіи организованной полиціи, при безусловной свободѣ занятій и передвиженія населенія, при отсутствіи даже намека на что-нибудь въ родѣ паспортовъ, приписки къ обществу и другихъ мѣръ современнаго полицей-

скаго контроля, трудно, даже невозможно было властямъ успѣшно бороться съ этимъ ужаснымъ зломъ—разбоемъ; но, просматривая декреты тогдашнихъ малороссійскихъ судовъ, мы поражаемся сравнительною малочисленностью дѣлъ о разбояхъ и на каждомъ шагу находимъ доказательства, что власть отлично справлялась съ „прыбышами" и, какъ говорится, держала ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Безъ сомнѣнія, этому отчасти должны были способствовать тѣ жестокія мѣры наказанія, какія тогда примѣнялись къ разбойникамъ, попадавшимъ въ руки правосудія: ихъ немилосердно вѣшали, а не то—отсѣкали по одной рукѣ и ногѣ или пятнали урѣзываніемъ носа, ушей, а при допросахъ жестокими пытками заставляли выдавать товарищей и соучастниковъ. Но лучшей и наиболѣе дѣйствительной гарантіей противъ чрезмѣрнаго размноженія разбоевъ, какъ и другихъ преступленій, служилъ живой, дѣятельный и неусыпный контроль самого общества надъ каждымъ изъ своихъ членовъ и та полная, завидная и для нашего времени солидарность между обществомъ и властью, какая неизмѣнно проявлялась, по крайней мѣрѣ въ области правосудія, въ дѣлѣ открытія и преслѣдованія преступниковъ. При малолюдности тогдашнихъ даже городскихъ поселеній, почти всѣ односельцы знали лично другъ друга, жизнь каждаго протекала у всѣхъ на виду, и не было возможности укрыться дурному поступку. Пословица же: „моя хата съ краю", очевидно, сложилась впослѣдствіи, при другихъ общественныхъ и административныхъ порядкахъ; во всякомъ случаѣ въ то время, о которомъ мы говоримъ, она рѣшительно не примѣнялась въ жизни. Не только тотъ, кто непосредственно терпѣлъ отъ даннаго преступленія, но и всякій, кто о немъ вѣдалъ или могъ навести на его слѣдъ, не стѣснялся обращаться къ содѣйствію власти или даже возбуждать противъ виновнаго судебное преслѣдованіе. Простота и патріархальность тогдашней юстиціи, отсутствіе тонкихъ, недоступныхъ простому разумѣнію юридическихъ формальностей, благопріятствовали этому въ полной мѣрѣ. Никто не опасался столь страшной впослѣдствіи судебной волокиты, ибо таковой вовсе еще не было. Въ судебныхъ актахъ того времени можно указать

сотни дѣлъ по разнымъ уголовнымъ проступкамъ, возбужденныхъ совершенно посторонними, нимало отъ нихъ не потерпѣвшими лицами. Мало того, благодаря гласности и публичности тогдашняго суда, при самомъ разборѣ даннаго дѣла изъ среды присутствующей въ судѣ публики то и дѣло выступали частныя лица и безъ всякаго стѣсненія уличали подсудимыхъ, если тѣ показывали неправду, и нерѣдко при этомъ сообщали суду очень важныя свѣдѣнія по данному дѣлу. Вотъ чѣмъ была сильна и страшна для преступниковъ тогдашняя юстиція въ Малороссіи; вотъ почему ея малочисленная администрація, даже не имѣвшая въ своемъ составѣ спеціально полицейскихъ органовъ, съ успѣхомъ обуздывала и во время накрывала любителей легкой „добычи"! Поэтому и самые разбои въ то время были довольно мелки и не такъ ужъ часты. Такія крупныя фигуры на этомъ поприщѣ, какъ знаменитый Гаркуша, формировались въ другое время, при другихъ условіяхъ.

Нижеслѣдующій пересказъ одного судебнаго процесса „о розныхъ прыбышахъ" долженъ послужить живою иллюстраціею къ сказанному.

Въ августѣ 1688 года нѣкто Прокопъ Столчанинъ, житель полтавскій, бывши въ Решетиловкѣ, обратилъ вниманіе мѣстной старшины на одного франтоватаго гуляку, который „марне копійкамы и ыншымы гришмы шафуетъ и подъчасъ въ кали въ сапьяновыхъ чоботихъ въ грязи ходытъ", и предложилъ задержать этого молодца „на выводъ, що бы винъ мивъ буты?" Задержанный оказался Процыкомъ Стадниченкомъ, небезъизвѣстнымъ сотенной старшинѣ, такъ какъ онъ одно время проживалъ даже въ Решетиловкѣ, занимаясь шинкарствомъ, потомъ неизвѣстно куда исчезъ, оставивъ по себѣ довольно темную память, какъ человѣкъ „непевный". На вопросъ, чѣмъ онъ теперь промышляетъ и откуда добылъ тѣ значительныя деньги, которыми такъ „марне шафуетъ", Процыкъ не далъ удовлетворительнаго объясненія, и потому сотникъ рѣшилъ отправить его, какъ подозрительнаго

человѣка, въ Полтаву, гдѣ въ то время происходилъ большой розыскъ о пойманныхъ въ разныхъ мѣстахъ „прыбышахъ", авось и Процыкъ окажется изъ этой же компаніи. Тамъ дѣйствительно нашлись между арестантами его давніе знакомцы, признавшіе въ Процыкѣ своего стараго компаньона; но самъ онъ упорно отрицалъ это и ни въ чемъ не хотѣлъ сознаться.

Насталъ день разбора этого дѣла въ полковомъ судѣ. Въ числѣ другихъ подсудимыхъ, призванъ былъ къ допросу Процыкъ; онъ и на судѣ продолжалъ отрицать свою виновность не только въ разбоѣ, но и въ какомъ бы то ни было преступленіи. Но въ это время изъ публики выступилъ „значный товарышъ" панъ Тимошъ Гаевскій и сказалъ:

— Панове! Я заразъ пизнавъ того неробочого, прыбыша Процыка. Хиба-жъ я—продолжалъ онъ, уже обращаясь къ подсудимому—не видаю досконале о твоихъ нецнотахъ? Якъ бувъ я высланымъ (командированнымъ) одъ бувшого полковныка Семеновыча въ Новимъ-Санджарови, а ты самочвартъ съ прыбышамы въ купця Краснокуцкого орихы зъ воза выкралы-сте и и орихы тыи волоскіи михомъ носылы-сте въ Старый-Санджаривъ, продаючы чумакови, и того чумака, якъ злодія, за тыи орихы карано, и шкуру возовую поризалы-сте, явный злодію. Я жъ тебе хотивъ за те караты, а ты просывся и подыймовався добрымъ буты, и за упрошенямъ твоимъ давъ я тоби кобенякъ, убраня и шапку. И ты, нецното, зрадывъ мене: побравшы мою одежу, знову въ тимъ же есы прыбыстви. Де жъ ты, нецното, грошей тилько мивъ набраты? Ты явный злодій!

Процыкъ ничего не отвѣтилъ на эту обвинительную рѣчь пана Гаевскаго.

А тутъ поднялся полтавскій мѣщанинъ Марко Тесля, „зацная персона", и такъ „повидавъ:"

— Панове! Того запамяталого ризуна людского, прыбыша Процыка Стадныченка новосанджаривского зъ грихомъ вамъ ёго жывыты (оставлять въ живыхъ) для велыкыхъ шкодъ, яки винъ плодыть, по ризныхъ мисцяхъ, по рикахъ, въ лисахъ людей мордуючы. Отъ и прошлого року, пидъ часъ походу військового,

въ сторожив, въ пасици чернецькій, множство винъ съ прыбышамы людей руськыхъ [1]) поризалы, тилько копійкы и оружя доброе одбыраючы. А въ манастыру часто буваютъ зимою, бо зъ Паськомъ шынкаремъ товарыство міють. А якъ Процыкъ зъ вязеня полтавского втикъ, много винъ въ ровняхъ (въ степяхъ), въ рикахъ людей невынныхъ помучылы зъ Кыктемъ и зъ Чутомъ, которыи Кыкоть и Чутъ и теперъ зъ прыбышамы самочвартъ въ стинци [2]) Билыцькій зостають, а сей Процыкъ, товарышъ Кыктивъ и Чутивъ, для славы будто въ торговлю кынувся, шафуючы скарбомъ людскымъ, которого скарбу прыбыствомъ, людей невынныхъ рижучы, добулы. Увесь Подолъ нашъ, пидъ монастыремъ, досконале о тимъ свидомъ. Той же Процыкъ уже тры разы въ мистра (палача) въ рукахъ бувавъ, а все зъ вязеня втикаетъ. Билшыхъ злостей Процыковыхъ не можно выповисты. Тое вамъ истотне повидаю. Знаетъ же Процыка и братъ Паськивъ ридный Самойло (одинъ изъ подсудимыхъ), бо воны зъ тымъ Самойломъ изъ вязеня полтавского втеклы, а напотимъ чоловика заризавшы, кони и возы побралы. Я жъ самъ и піймавъ сёго Процыка, злодія, зъ конемъ и зъ возомъ и зъ хомутомъ и давъ въ двиръ ёго мылосты панови полковныкови въ Полтави. А посли того знову воны въ ричкахъ, по розныхъ мисцяхъ, людей розбываючы, шкоды строилы".

Далѣе „обизвався" Левко Хлибенко, козакъ полтавскій, и обращаясь къ Процыку, такъ „мовилъ":

— „Азажъ (развѣ) ты, злодію, съ прыбышамы не прыходывъ пидъ мою кимнату, хтячы кимнатное окно открутыты? А мене сторожъ дворовый остеригъ, такъ я выбигъ на мій двиръ, ажъ ты и твое товарыство, втикаючы черезъ перелазъ, одбиглы со-

[1]) Рѣчь идетъ о первомъ Голыцынскомъ походѣ въ Крымъ въ 1687 г. Монастырь разумѣется полтавскій. Любопытно, что великороссовъ и въ то время, какъ и нынѣ, именовали въ Малороссіи «руськими». И въ «протокулѣ» Стародубскаго магистрата 1690 г. великороссіяне именуются нерѣдко «людьми руськои породы».

[2]) *Стинка*—гора, поросшая лѣсомъ.

кырку, которая и теперъ пры мени зостаетъ, а тебе, злодію, піймавъ я въ тини мисячній пидъ кимнатою, и ты зъ рукъ моихъ втикъ. Оповищавъ я твою злость сусидомъ и прыятелемъ моимъ Иваномъ Красноперычомъ».

Наконецъ отозвалась нѣкая Палажка Кунтушивна и „доброволне сама на себе тое вызнала":

— А що жъ, панове, якъ шынковала я въ пана Якова Перехрысты, добре ся знала съ прыбышамы, а зъ сымъ Процыкомъ прыбышомъ и дытыну соби прыплодыла, которое дытя и вмерло".

Имѣя противъ себя цѣлый сонмъ свидѣтелей и уличителей, поколебался въ своемъ упорствѣ Процыкъ „неробочый" и такъ „доброволне самъ на себе вызналъ":

— А що жъ, панове, рикъ тому будетъ о святій Покрови, якъ я на ярмарку въ Нижыни вкравъ въ купця московского шисть сотъ золотыхъ и тыи гроши марне пошафовавъ, пустывшися до чумацтва, хтивъ горилкою шынковаты, и домъ купывъ бувъ соби у Решетыловци; а що ся грошенятъ зостало, позычывъ Савци Лытвынови Орлянскому [1]) копіёкъ десять золотыхъ, чехивъ симъ копъ, ножны на сафъяни пидъ сребромъ и зъ ланцушкомъ срибнымъ давъ Савци до спряту; але Савка о моихъ злостяхъ не видаетъ. До того купывъ я дёгтю пивторы бочкы и рыбы вялои пивъ-пяты головы, и еще въ Савкы моихъ тры михы борошна пшеничного и жытного михивъ два. Остатнюю вамъ правду повидаю, хочъ уже и на той свитъ пійду".

Перешли къ другимъ обвиняемымъ. Стали допрашивать Самойла, пріятеля Процыка. Противъ него выступилъ обвинителемъ братъ его Пасько, говоря такъ:

— Панове! Маю певныи видомосты, що Самойло, рожоный братъ мій, съ прыбышамы туляючыся по розныхъ мисцяхъ, чыгаетъ (подстерегаетъ) прыправыты мене о смерть и всю домивку мою росшарпаты. Оповищавъ я тое непоеднокротне

[1]) Т. е. жителю г. Орла, что нынѣ мѣст. Орликъ, кобеляцкаго уѣзда.

паномъ Иваномъ Красноперычомъ[1]) що на мое здоровъя рожоный братъ мій непріятельско наступуетъ. Въ день и въ ночи завжды зостаю въ осторожносты. А въ тимъ мене остеригъ Борысъ, такый же прыбышъ, товарышъ Самойливъ".

Самойло отрицалъ это, но противъ него „обозвался" одинъ изъ подсудимыхъ, тотъ самый Борисъ, на котораго ссылался Пасько:

— Чого ся, Самойло, таишъ? А же ты вправди тую злость хтивъ надъ братомъ твоимъ пополныты! Я твій товарышъ, и съ тобою вкралысьмо коней трое на броду Буцкого, на Коломаку, и съ того броду прывелысьмо тыи кони на Рудное тры насъ".

Слѣдующіе три „злочынци", Нычыпоръ Мырошныкъ, Яковъ Шабатура и Павло „прыбышъ" „самы злость свою доброволне вызналы". Нычыпоръ за всѣхъ держалъ рѣчь:

— А що жъ, панове, бувъ и я пры товарыству, якъ матку Матвіеву мучено, допытуючыся сукна и грошей; я до тои злосты и прычынцею бувъ. А направляла насъ на тое Каська шынкарка: „теперъ, мовытъ, батька Матвіевого нема, пишовъ до Кыива, а самъ Матвій у війську,—тамъ теперъ добудетеся", и на еи повисть тую злость справылысьмо. Вправди, ничого-сьмо въ неи не пропылы".

По справкѣ оказалось, что двое изъ этой компаніи побывали уже въ „рукахъ мистровыхъ". У одного недоставало уха. Его спросили: гдѣ онъ уха „позбувся?" Онъ откровенно отвѣтилъ:

— Я вуха ливого позбувъ за московскіи кони.

Судьи признали, что виновность „тыхъ явныхъ збродневъ, розбойниковъ и прыбышевъ" вполнѣ доказана «и болшихъ доводовъ не потребуетъ", и „по радѣ товарыской вглянувши у право", постановили декретъ: „не допускаючы злымъ на свити жыты и запобигаючы тому, абы ся тая злость въ городи и по селахъ

[1]) Иванъ Красноперычъ былъ тогда атаманомъ городовымъ въ Полтавѣ.

не діяла", примѣнить къ подсудимымъ артикулъ Магдебургскаго права, гласящій: „по квестіи злодій маетъ быти обвѣшонъ".

Когда осужденныхъ подвергли пыткѣ (черезъ троекратное приложеніе „сродзе роспаленого" желѣза), они стали выдавать своихъ пристанодержателей и укрывателей добычи. Процыкъ „волалъ: у отця мого есть дви бляси срибра и глекъ грошей, подилылысьмося зъ нымъ; въ Кобеляци, въ Мыколая Мирного жупанъ фалендышовый и бочка борошна; зъ Афанасіемъ черницемъ въ Коломаку зховалысьмо пидъ коморнымъ помостомъ, по правимъ боку отъ пекарни, саблю пидъ срибромъ янычарскую. въ Яська Бабенченка шабля пидъ ящуромъ. Хочъ и на той свитъ пійду, останю вамъ правду повидаю".

Нѣкоторые изъ осужденныхъ подъ пыткой старались очистить тѣхъ, кого они напрасно раньше оговаривали: „Дмытро Кузубенко („волали" они) зацный чоловикъ: винъ того злого дила ничого не видаетъ, дармо на нёго безчестя наволоклы булы, а теперъ ёго не хочемъ дармо каляты".

Когда, послѣ пытки, осужденныхъ стали вести уже на висѣлицу, судъ двумъ изъ нихъ уменьшилъ кару: вмѣсто шибеницы, велѣлъ «тымъ розбойныкомъ кождому по одной руцѣ и по нозѣ втяты (отсѣчь), абы ся тая злость не множыла».

Сомнительно, чтобы они были особенно рады такой милости.

Изъ этого пересказа можно убѣдиться, какъ мелки и незначительны были разбои въ то время. Какой-нибудь Процыкъ Стадниченко, въ сущности, является едва-ли не самою крупною фигурою въ ряду тогдашнихъ „прыбышевъ". Но вотъ передъ нами судебный декретъ о пяти „прыбышахъ", приговоренныхъ въ 1700 г. къ четвертованію. Судя по крайней строгости кары, можно бы думать, что ей подверглись какіе-нибудь страшные кровопійцы; а между тѣмъ ихъ преступленія состояли вотъ въ чемъ. Трое изъ нихъ забрались на пасѣку, на Коломакѣ, и стали мучить раскаленнымъ заступомъ старика-пасѣчника, допытываясь денегъ. Пасѣчникъ немедленно указалъ имъ все, что имѣлъ цѣннаго, и

разбойники взяли у него 70 золотыхъ, двѣ „ручницы“, нѣсколько круговъ воску, сермягу и ушли, оставивъ его въ живыхъ. Въ другой разъ они же забрались ночью въ хуторъ полтавскаго козака Стецька Сергіенка, о которомъ „чувалы, що у нёго грошей много“. Его также подвергли пыткѣ, но сколько ни „пеклы“, онъ твердилъ одно: „мои гроши по людяхъ: люде моимы гришмы орудують“. Такъ ничего и не добились, хотя замучили его на смерть, а уходя, взяли воловью шкуру и порѣзали себѣ на „постолы“. Судъ нашелъ это преступленіе неслыханнымъ и такъ мотивировалъ свой суровый приговоръ: „Поневажъ воны, не памятаючы на Господа Бога, на право посполитое и на карность срокгую, и не маючы литосты (жалости) надъ чоловикомъ невыннымъ, безъ увагы оного мордовалы и до смерты спеклы, не мають ныни и самы у суду мылосердія миты“,—и приговорилъ ихъ къ высшей мѣрѣ наказанія. Лишь одного изъ нихъ судъ помиловалъ въ послѣднюю минуту и то снисходя „на плачливую прозьбу честнои госпожи игуменіи монастыра дивочого полтавского“, почему-то принявшей въ немъ близкое участіе.

Преступленіе двухъ другихъ прыбышовъ, приговоренныхъ къ тому же ужасному наказанію, было совсѣмъ уже обыкновеннымъ. Ѣхали они зачѣмъ-то въ Чигринъ-Дуброву и остановились ночевать въ чужомъ пустомъ хуторѣ. На свою бѣду, туда же заѣхалъ для ночлега проѣзжій человѣкъ. Они его сонного застрѣлили изъ ружья, сняли съ него жупанъ „тузинковый“ (недорогого сукна), кожухъ, шаблю, взяли коня съ сѣдломъ, немного денегъ, а тѣло убитаго, „за хоромамы положывшы, очеретовымы двермы накрылы“.

---

3. Нетяги.

Осенью 1699 года въ Велико-Будищской сотнѣ участились случаи кражъ и грабежей. Ни убійствъ, ни крупнаго разбоя еще не было, но только и слышно было—тамъ остановили въ лѣсу и ограбили проѣзжаго, тамъ обокрали комору, а тамъ за-

брались въ уединенный хуторъ и унесли съѣстные запасы. Всѣ говорили, что это пошаливаютъ не настоящіе „прыбыши“, а голодные „нетяги“. Такъ назывались бездомные бродяги, которые обыкновенно нанимались въ чернорабочіе, а потерявши службу, не знали чѣмъ жить и кормиться, уходили въ лѣса, искали товарищей и начинали промышлять на дорогахъ и въ чужихъ амбарахъ. На крупный разбой „нетяги“ обыкновенно не отваживались, но если во главѣ шайки становился опытный и смѣлый „ватажокъ“, то подъ его руководствомъ нетяги быстро могли переродиться въ настоящихъ „прыбышей“.

Въ концѣ октября мѣстному сотнику удалось накрыть шайку „нетягъ“ въ хуторѣ Будищскаго женскаго монастыря, и гдѣ-же? въ „господѣ“ атамана, гдѣ у нихъ была „складка“ добычи. Шайка состояла изъ шести человѣкъ, но поймано было только трое, а остальные вмѣстѣ съ „ватажкомъ“ ускользнули. Изъ имущества была захвачена лишь лошадь, „ручныця“ и кожухъ, принадлежавшіе „ватажку“.

Пойманныхъ „нетягъ“ препроводили въ Полтаву и предали полковому суду. Здѣсь выступила противъ нихъ и „акторская“, или „укривжоная сторона“. Нѣкій Панасъ, коваль изъ с. Петровки, жаловался, что ему отъ тѣхъ нетягъ „вчынывся погромъ на шляху доброволномъ Будянскомъ“: его обобрали дочиста и сняли съ чересомъ золотыхъ сорокъ „и въ капшуци“ на шеѣ золотыхъ „полсема“ ($6^1/_2$). Козакъ Хведоръ Шаравка, изъ с. Рыбцовъ, „скаржывся о выкраденю зъ коморы всеи зложенои худобы“. Велебный отецъ игуменъ Полтавскаго монастыря прислалъ двухъ законниковъ „зъ скаргою, що въ хутори ихъ, на Говтви, одъ тыхъ нетягъ многіи пакости почынылыся въ худоби, и що тамъ було для роботникивъ солоныны, сала и пшона, все забрано, и еще на законныка, будучого тамъ на послушаніи, засидаютъ, хотятъ ёго вбыты“.

Выслушавъ эти жалобы, судъ подвергъ подсудимыхъ допросу, и первому изъ нихъ, Хведору Василенку, былъ предложенъ вопросъ:

— Зъ якого ты города и якее есть дило твое и жытіе?

И тотъ „безъ жадного прымусу и страху и караня“ показалъ:

— Я зъ Багачкы. Сёго лита до черныць прыставъ: казалы мени, що по Дымытріи (26 октября) будешъ овець пасты, ажъ стало такъ, що овець не дано пасты. Тоди я, зъ нетягамы знайшовшыся, добувалыся на шляху, и сёго коваля потрусылы и щось грошей въ нёго въ капшуци було—подилылыся и иншыи ричи зъ воза и зъ нёго позабыралы; а о тыхъ грошихъ, якіи, онъ говорытъ, булы въ череси, не знаю. А потимъ и другого чоловика на тій же дорози, йихавъ зъ крейдою, розгромылы и борошна чотыри михы взялы, а ёго самого пустылы. Поты моеи повисты“.

По той „испытци“ спрошенъ былъ о томъ же другой „нетяга Васыль“, безъ прозвища, давшій такое показаніе:

— Родомъ я зъ Харькова. До Будыщъ прыйшовъ того року, якъ саранча ишла [1]), а жытіе мое таке: въ людей служывъ, а теперъ, недавно, знявшыся зъ нетягамы, тому маетъ буты недилъ дви, якъ пробуваемо въ лиси, и то шышуючы (sic), знайшовъ на шляху якогось Максыма зъ Тахтавулова, зъ возомъ драбынчастымъ и зъ конемъ рыжымъ, а въ вози було уздъ чотыри и хомутъ зайвый и дижечка лыповая зъ вичкомъ зъ водою, и тамъ той Максымъ на дорози безпечне огонь роскладавъ, которого я запытавъ: „Чому ты тутъ на шкодлывимъ мистци ставъ? Десь ты не маешъ буты певный, бо добрый бы чоловикъ не стававъ тутъ“. И винъ мени одказавъ такъ: „Бачышъ, пане брате, якый я? Такый-же якъ и ты нетяга. Мене Иванъ Черняченко, сотныкъ полтавскій, у вязеню килько недиль державъ и бывъ, и я ледва выкрутывся одъ нёго. Уже мени у Полтаву и въ Тахтавуливъ невыдно, бо зловлятъ и вже не видаю, якъ попаду, чы й выйду знову видтиль. Отъ уже буду зъ нетягамы пробувàты, бо и теперъ я въ попа якогось яблукъ накравъ и то возывъ въ Рубливку и въ Будыща продаваты“. И ставъ раиты мени, щобъ я зъ товарыствомъ своимъ прыйшовъ до ёго на шляхъ, „бо я, мовытъ, йидучы зъ города, глядивъ, хто будетъ за мною йихаты: матымемъ добычу добрую“. Я, послухавшы его, пишовъ и прывивъ зъ собою чотырохъ чоловикъ нетягъ: сыхъ двохъ, що тутъ ніймани, и другыхъ двохъ, що повтикалы зъ тымъ ватажкомъ Максымомъ,—я и йменя ихъ не знаю, бо не казалы свого йменя; и не забарывшысь, того жъ часу сёго коваля за ёго (Максымовымъ) прыводомъ погромылы и другого затымъ, у которого борошна чотыри михы взялы; тилько жъ до грошей, що, мовытъ коваль, въ череси малы буты, не знаю и не бачывъ. И до сеи шкоды, що чернци жалуются, я прызнаюся: мы взялы въ ихъ хутори сало, полотъ солоныны и сорочку чорную, въ якую сорочку пшоно завязалы,—було изъ пидсытокъ, и тее все въ схованю остается у атамана чернычого въ Будыщахъ, у погреби, а о ыншыхъ речахъ не знаю. Воля, панове, ваша зо мною, куды хотиты повернуты“.

Третій нетяга, Васыль Кгрудзыченко сдѣлалъ такое „прызнатя“:

— Я зъ Будыщъ, у чернычого плуга всю осинь погонывъ, и одставшы одъ плуга, прыставъ до сыхъ же гултяивъ тако-жъ недавно, передъ Дымытріемъ. Я, панове, безъ быття прызнаюся вамъ по правди, що того ватажка Тахтавуливского мы вси слухалы и за ёго прыводомъ у вечиръ, на Дмытрія святого, сёго коваля розбылы, и що въ ёго було на вози и на нюмъ, побралы, объ чимъ вси знаютъ, о всихъ речахъ, де що подилося, тилко тыхъ грошей, яки на ковалеви булы, воны не знаютъ, бо я самъ зъ нёго, якъ шарпалы одежу, ухватывъ чересъ зъ гришмы и тамъ свою пайку и тую, що зъ капшука подилылыся, укынувъ и закопавъ потай товарыства пидъ пня, недалеко одъ монастыра. Я ти гроши изнайду, колы извелыте туда мене повесты,—вси цили; та и казанокъ ёго жъ покынувъ въ келарни. По тій шкоди другого чоловика шарпалы, и я прытомнымъ бувъ, въ которого борошно отнялы, а бильше не видаю. Надъ сымъ насъ поймано трохъ, а тры зъ того погрому

[1]) Т. въ 1690 году.

втеклы. А того нашого ватажка кинь въ сотныка Будыського и ручныця, а кожухъ у асаула; а складка наша у атамана маетности чернычои. Поты моеи повисты".

Судъ призналъ „таковыхъ неробочыхъ людей" виновными въ кражѣ и разбоѣ и, принимая мѣры къ тому, „абы такіи злости не шырылыся межи народомъ хрыстіянскымъ", рѣшилъ покарать ихъ по заслугѣ. „А вглянувшы въ „Порядокъ" права Магдебурского, который вказуетъ на лысти 221 за таковую роботу плату такымъ подобенствомъ: „зрайцу, розбойныка, лупежцу (грабителя) въ коло вплесты" (колесовать),—судьи признали такую кару слишкомъ суровой и предпочли мѣру наказанія, предписанную въ Литовскомъ Статутѣ: „злодій, приведеный зъ лыцемъ и правомъ переконаный, по квестіи маетъ быти повѣшенъ". Но и эту кару примѣнили не ко всѣмъ осужденнымъ: Васыля Кгрудзыченка, „который свою добычъ до рукъ господареви тому, въ кого розбылы, отдавъ" судьи „пустили на покаяніе"; „а тыхъ двохъ, по квестіи (пыткѣ), велено на пыбеныцю выдаты, поручаючы ихъ души судови Божому".

---

4. „Злодійская складка".

Въ концѣ 1690 года въ с. Мачохахъ, недалеко отъ Полтавы, у бѣдной вдовы пономарки Гапки Яцыхи, „злодіи" обокрали комору и забрали все ея достояніе. Виновныхъ не удалось открыть, и дѣло грозило кануть въ вѣчность; но вскорости послѣ того въ с. Супруновкѣ былъ пойманъ на кражѣ чужихъ овецъ Климъ овчаръ, у котораго при обыскѣ оказалась плахта, похищенная въ числѣ другого имущества у Гапки пономарки. Естественно, его заподозрили и въ этой кражѣ, но онъ упорно отрицалъ свое участіе въ ней, хотя не скрывалъ, что ему вѣдомо, кто обокралъ Гапку: по его словамъ, это было дѣломъ рукъ воровской компаніи, состоявшей изъ членовъ семьи вдовы-козачки Марьи Педорчыхи: ея сына Харька, зятя Йосыпа Хведченка, и нѣкоего Гаврыла овчара, незадолго передъ тѣмъ повѣшеннаго за овцекрадство; у

этого Гаврыла Климъ и купилъ будто-бы пономарчину плахту. Тамъ, въ сельцѣ Хведоркахъ (близъ Мачохъ), на пасѣкѣ Марьи Педорчыхи, была „злодійская складка" и тайное убѣжище „прыбышивъ", съ которыми ея сынъ и зять вмѣстѣ ходили на добычу.

По этому оговору позваны были въ полковой судъ Марья Педорчыха и ея сынъ Харько (зять не былъ разысканъ) и подвергнуты допросу. Оба они отрицали оговоръ, а Климъ такъ уличалъ ихъ:

— Чого ся, Хведорчыхо, таишъ? Досконале о тимъ видаешъ, що я тоби очне повидаю, що въ пасици вашій сынъ твій Харько, міючы складку злодійскую, передержовавъ прыбышивъ. Южъ того не можешъ ся втаиты!

На это Педорчыха „жаднои одповиди не дала, тилько таилася, що яко-бы о тимъ не видаетъ". А неугомонный „Клымъ неробочій подруге и потретье Педорчыси очне мовывъ:"

— Хиба жъ то неправда, Педорчыхо, що зять твій въ твоихъ же добрахъ добычъ злодійскую и самыхъ прыбышивъ передержувавъ, о чимъ есы добре видала, бо зъ твого дому й исты имъ ношено.

Но Педорчыха твердила одно:

— Не знаю о тимъ ничого, не видаю.

Тогда Климъ принялся за ея сына.

— Запамяталый Харьку, чого ся таишъ? Передержувавъ ты въ пасици своій прыбышивъ и вси складкы злодійскіи, о чимъ и матка твоя видаетъ. Хочъ на той свитъ пиду, остатнюю вамъ правду повидаю.

Если бы Марья Педорчиха впрямь сознавала себя невинно оклеветанною, то она, „зносячы зъ себе потваръ", должна была бы положить на столъ шостакъ—плату палачу—и потребовать, чтобы Климъ, какъ явный „злодій", не заслуживающій никакого довѣрія, немедленно подвергнутъ былъ пыткѣ и на дыбѣ повторилъ клеветническія рѣчи. Но Педорчиха этого не сдѣлала. Тогда судъ, по собственной иниціативѣ, велѣлъ Клима „на квестію даты", желая допытаться, „якъ власне (какъ именно) тыхъ покраденыхъ ричей лыце—плахта ёму до рукъ досталася". По-

званъ былъ палачъ и началъ связывать Климу руки, чтобы вести его на пытку. Тутъ Климъ сталъ „волаты, мовячы:“

— Що хочете зо мною, панове, чините, а я вамъ одно повидаю, що Харько, Педорчышынъ сынъ, Йосыпъ Хведченко, зять Педорчышынъ, и Гаврыло вивчаръ, которого за Будыськи вивци обвишено,—а мене тоди зъ вязеня пущено и горломъ даровано,—тіи до паламаркы выкрадаты комору ходылы. О тимъ я видаю добре, бо колы я, купуючы у Гаврыла тую плахту за висимъ шагивъ, пытавъ ёго, де вона есть добута, тоди мени Гаврыло вивчаръ казавъ: „выкралысьмо, прави, въ Гапкы паламаркы комору тры насъ: я, Харько Педорчышынъ сынъ и Юсыпъ Хведченко. Самую вамъ правду, панове, повидаю, хочъ и на той свитъ пійду, бильше мя не пытайте!

Судьи велѣли записать Климово „прызнатя“, а его самого, „яко прылычного злодія“, все-таки приказали „на пробу попровадыты“, Педорчиха же и ея сынъ, какъ лица оговоренныя Климомъ, должны были присутствовать при его истязаніи, чтобы онъ и на пыткѣ могъ имъ „очне“ (въ глаза) повторить оговоръ или же отречься отъ него. Тутъ Марья Педорчыха, какъ видно, очень нервная женщина, не выдержала роли и взволнованно заговорила:

— Не хочу я, панове, того, абы Клымъ бувъ мученъ: есть у мене чымъ покраденыи ричи съ худобы нагородыты Гапци паламарци. Якъ першъ просыла-мъ, щобъ той злодій Клымъ не бувъ на муку выданый, такъ и теперъ о тое прошу, и не хочу за нымъ туды иты, де винъ буде мученъ. А що-сьмо зъ сыномъ проступылы, повынна я тое съ худобы своеи одбуваты, и що въ хутори нашому прыбышивъ передержувалы-сьмо съ краденымы ричамы—не таюся я: есть то самая правда, съ которымы прыбышамы сынъ мій Харько и Юсыпъ, зять, хожовалы красты въ людей ризныхъ ричей.

Послѣ такого откровеннаго признанія судъ не сталъ продолжать слѣдствія и прямо приступилъ къ составленію приговора. Судьи признали „явное проступство Марьи Педорчыхы, що вона, видомость міючы о злодіяхъ, у своимъ хутори жыючыхъ, не тилько щобъ могла объ оныхъ урядови даты знаты, але ще зъ дому еи, якъ прызнаетъ Клымъ, йисты имъ ношено, и сына свого Харька одъ тои крадижи не завстягала“ (удерживала). Поэтому Харько, обокравшій вмѣстѣ съ другими „комору“ Гапки пономарки, согласно Статуту (разд. XIV, арт. 14), „годенъ есть обвишенъ буты на шыбеныци“; но судъ, „на молодыи лита ёго респектъ міючы“, даровалъ его „горломъ и назначенямъ члонковъ“, обязавъ однако его съ матерью „за такъ значное проступство“ уплатить „вину панскую и врядовую“ и потерпѣвшую отъ его воровства Гапку пономарку „слушне нагородити и во всемъ успокоити“. Клима же овчара, какъ „приличного злодія“, судъ велѣлъ „одризанямъ носа скаравшы, зъ миста посторонкамы (веревками) выбыты“

Мѣсяцъ спустя въ тотъ же полковой судъ явилась Гапка Яцыха, пономарька, и заявила:

— Мила я, панове, значныи шкоды въ выкраденю худобы моеи и вывидалася по самій слушносты, що Харько Педорченко тоею жъ крадежею бавывся; за тое мя Марья Педорчыха передъ людьмы зацнымы, тамъ же, на сели Мачухахъ, угодыла и во всемъ перепросыла и поеднала, давшы мени готовыхъ грошей сорокъ золотыхъ, о чимъ и атестацію передъ мылостямы вашымы презентую.

А Марья Педорчиха къ этому прибавила:

— Такъ есть, панове: угодыла я на всимъ Яцыху паламарку за проступство сына мого Харька, що мылостямъ вашымъ нехай видомо буде, ижъ бысьмо (чтобы мы) въ симъ заводи правнимъ бильше не турбовалыся“.

Судъ велѣлъ прочесть „еднальный листъ“, составленный сторонами передъ Мачошскимъ атаманомъ, священниками и др. „зацными людьми“. Тамъ было оговорено между прочимъ, что Яцыха пономарька впредь „не буде турбоваты Марушкы Педорчыхы“ и ея сына Харька, „а оная Педорчыха не буде жадныхъ похвалокъ и посвару зъ Гапкою паламаркою чыныты“, а если одна изъ сторонъ вздумаетъ „заводъ сей правный взновляты,

должна будетъ за то на урядъ городовый полтавскій заплатить „заруку“ десять таляровъ.

Полковой судъ, съ своей стороны, наказалъ сторонамъ строго соблюдать условія мировой, а ихъ заявленія объ „угодѣ“ и „листъ еднальный“ велѣлъ внести въ актовую книгу. Но впослѣдствіи эта запись въ книгѣ была зачеркнута, въ объясненіе чего писарь сдѣлалъ приписку: „Сия справа затерта есть по указу его мылосты пана Захарыя Шийкевича, зосланого отъ е. м. вельможного пана гетмана у Полтаву для ферованя (рѣшенія) розныхъ справъ на тотъ часъ прилучающихся“. Очевидно, генеральный писарь, посылавшійся въ полковые суды для ревизій, призналъ мировую сдѣлку Педорчихи съ Гапкой противозаконной. Сопровождалось ли это привлеченіемъ Харька къ уголовной отвѣтственности за кражу—не знаемъ. Извѣстно только, что этотъ Харько, какъ и его младшій братъ Семенъ, и впослѣдствіи ловился на кражахъ, но корыстолюбивый полковникъ Иванъ Искра обыкновенно „даровалъ ихъ карностью“, получая всякій разъ въ „вѣчную посессію“, въ видѣ „вины“ или „за добровольнымъ пущеньемъ“, то лѣсокъ, то грунтикъ, то иное угодье изъ числа ихъ „отцевскихъ добръ“.

---

5. Козацкія насилія во время походовъ.

Если въ мирное время общественная безопасность въ Малороссіи была нарушаема разными „прибышами“ и „нетягами“, то въ военную пору, при переходахъ козацкихъ полковъ, такими нарушителями нерѣдко оказывались сами же козаки. Это зло—насилія военныхъ людей надъ гражданами своей же земли—было обычнымъ явленіемъ въ исторіи всѣхъ народовъ, а въ странахъ малокультурныхъ, напр. въ Турціи, Китаѣ и др., оно въ большей или меньшей степени не исчезло и донынѣ. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ военное ополченіе состояло изъ людей наемныхъ, нерѣдко иноземцевъ, тамъ солдатскія своевольства и насилія обыкновенно достигали размѣровъ настоящаго народнаго бѣдствія, по своей тяжести мало уступавшаго ужасамъ непріятельскаго вторженія. Пальму первенства въ этомъ отношеніи

безспорно заслужили польскіе жолнеры, неистовства которыхъ въ XVII—XVIII вв. вызывали непрерывный, хотя и безполезный вопль негодованія у современныхъ писателей, сеймовыхъ ораторовъ и проповѣдниковъ; актовыя книги южнорусскихъ воеводствъ также полны вопіющихъ жалобъ на эти неистовства. Козацкое войско уже въ силу того, что оно являлось народнымъ ополченіемъ, не могло вести себя столь варварски по отношенію къ мирному населенію своей страны; даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда козакамъ приходилось дѣйствовать на территоріи, хотя принадлежавшей враждебному государству, но населенной ихъ же единоплеменниками, напр. на Волыни или въ Галичинѣ, они не забывали о племенной связи, соединявшей ихъ съ мѣстнымъ населеніемъ и, безжалостно истребляя евреевъ и поляковъ, грабя подчасъ имѣнія и южнорусскихъ пановъ, мало или вовсе не обижали мѣстное поспольство. Надобно еще имѣть въ виду, что въ исключительныхъ случаяхъ, когда война принимала характеръ внутренней усобицы, наряду съ правильно организованными козацкими полками дѣйствовали еще партизантскіе отряды, подъ именемъ дейнекъ, левенцевъ и др., рекрутированные чаще всего изъ разныхъ „гультяевъ“, „нетягъ“ и тому подобнаго сброда и потому дозволявшіе себѣ разныя насилія надъ мирнымъ населеніемъ; но было бы несправедливо ихъ безчинства относить на счетъ козаковъ. Послѣдніе если и дозволяли себѣ въ походахъ нѣкоторыя своевольства, то они всегда были дѣломъ немногихъ отдѣльныхъ лицъ, а не цѣлыхъ отрядовъ, и происходили довольно рѣдко; по крайней мѣрѣ жалобы на нихъ почти не встрѣчаются въ актовыхъ книгахъ. Такія безчинства по большей части случались лишь въ началѣ похода, когда сотенное „товарыство“, угостившись не въ мѣру при прощаніи съ односельцами, выступало небольшими партіями; но лишь только козаки становились подъ свои хоругви, суровая дисциплина сковывала ихъ дѣйствія и не давала имъ возможности своевольничать.

Безъ сомнѣнія, и въ козацкомъ войскѣ существовалъ своего рода военно-полевой судъ, каравшій за нарушеніе дисциплины, порядка службы и другія преступленія, совершенныя въ лагерѣ или въ походѣ; но потерпѣвшіе отъ такихъ преступленій могли

привлекать виновныхъ и въ обыкновенные суды, именно въ полковые, въ составѣ которыхъ хотя находились и члены магистрата или ратуши, но преобладающая роль принадлежала полковой старшинѣ.

Для образца приводимъ двѣ „кримѣнальныя справы“ о козацкихъ своеволіяхъ, разбиравшіяся въ 1657 г. въ нѣжинскомъ полковомъ судѣ.

—

Олена Яцыха Шовкоплясыха, „селянка“ изъ с. Вишневки, бѣдная вдова, горько жаловалась, что когда козаки, ея односельчане, выступали въ походъ, то одинъ изъ нихъ Ничипоръ Яцковичъ безвинно нанесъ ея сыну Мартыну, „виннику“ (рабочему на винокуренномъ заводѣ), столь тяжкіе побои, что тотъ на другой день умеръ. Обвиняемый не отрицалъ своей вины и лишь тѣмъ оправдывался, что былъ въ то время пьянъ и совершилъ убійство безъ намѣренія, вслѣдствіе несчастливой „прыгоды“ (случая). По его словамъ, дѣло происходило такъ:

— Выйшлы-сьмо зъ Вышніовкы въ дорогу, до війска. Перенявшы насъ, другій атаманъ въ тимъ же сели, Мысько, запросывъ на горилку“. И въ то время, когда козаки пьянствовали въ дворѣ атамана, „небожчыкъ Мартынъ, надъишовшы протывъ насъ на улыци, свыснувъ, за который свыстъ нашъ атаманъ Марко пославъ небожчыка иматы (схватить). Межы иншымы и я, побигшы, хотивъ ёго взяты, а колы жъ винъ ся не дававъ, въ посвари тымъ обухомъ, съ которымъ мене атаманъ пославъ, неумысне, але съ пьянства и прыгоды ударывъ я Мартына у голову разъ, одъ которого разу ажъ дня другого у вечиръ змеръ“.

Быть можетъ, въ другое время судъ принялъ бы во вниманіе эти смягчающія вину обстоятельства и оказалъ бы подсудимому снисхожденіе, но въ то именно время подобныя козацкія безчинства повторялись очень часто, и потому судъ, „забигаючы дальшому сваволенству, поневажъ срокгая (ужасная) покилькакротъ сваволя зъ роспусты (вслѣдствіе распущенности) и пьянства свижо оказалася и по дорогахъ розбои значныи почынено“, рѣшилъ подвергнуть подсудимаго примѣрно строгому наказанію и постановилъ декретъ: „абы Нечыпоръ мечемъ на горли скараный бувъ, а атаманъ Марко абы головщыну[1]) жони забытого и выну (доходъ) на урядъ належную, зъ нагороженемъ сторони шкодъ, поплатывъ, и за змерлого душу священныка за сорокоустъ и столы (поминальное угощеніе) той же Марко повыненъ погодыты, поневажъ за ёго неосторожнымъ посланямъ тое ся забойство стало“.

—

Въ тотъ же день нѣжинскимъ полковымъ судомъ было разсмотрѣно и другое аналогичное дѣло о насиліи, учиненномъ выступавшими въ походъ козаками.

Въ воскресный день 31 мая батуринская мѣщанка Вивдя (Евдокія) Борисыха, вмѣстѣ съ своей сестрой и полувзрослой дочкой, отправилась пѣшкомъ въ сосѣднее село Пальчики. Въ пути ихъ нагнали три всадника. Завидѣвъ ихъ, женщины свернули съ дороги и пошли хлѣбами, не слушая приказа пьяныхъ козаковъ остановиться. Тогда двое изъ козаковъ, Василій Волошинъ и Мысько Татарченко сошли съ коней, поручивъ подержать ихъ третьему товарищу Мойсею Мульченку, и погнались за женщинами. Ударами обуха Вивдя и ея дочь были сбиты съ ногъ, а ихъ спутница убѣжала съ крикомъ о помощи, и хотя неподалеку были пастухи, Вивдя подверглась грубому насилію со стороны Волошина, а Мысько сорвалъ съ дѣвочки монисто „зъ московчиками“ (привѣсными великор. монетами), стоившее около десяти копъ литовскихъ, и отнялъ готовыхъ денегъ копъ на три. Неизвѣстно, какъ и кѣмъ разбойники были задержаны, но на другой день они держали отвѣтъ передъ судомъ.

Главный преступникъ Василь Волошинъ, оказавшійся „выросткомъ“[2]) гетманскаго шурина Василія Золотаренка, бывшаго

---

[1]) Т. е. предписанное Лит. Статутомъ денежное вознагражденіе за голову убитаго.

[2]) *Выростками* именовались: а) пріемыши, питомцы и б) слуги, выросшіе въ домѣ. Въ какомъ смыслѣ употреблено здѣсь это слово, нельзя опредѣлить.

передъ тѣмъ (и впослѣдствіи вторично) нѣжинскимъ полковникомъ, „не признался до учынку и вымовлялся непамятью, же (что) былъ пьяный". Его товарищъ Мульченко оказался откровеннѣе. Онъ такъ „оповидавъ":

— Мы самотреть пидъ Пальчики йихалы. Обачывшы, що жинкы идуть бокомъ (стороною), Волошынъ, зсившы съ коня, а мени давшы держаты, самъ погнався за жинкамы и Мысько за нымъ тамъ же бигавъ, де Васыль Борысыху бывшы по челюсти, гвалтъ ій пополнывъ".

Мысько Татарченко также „прызнавъ очевысто (въ глаза) на Васыля, що незбожный учынокъ гвалтомъ выполнывъ надъ Борисыхою".

Затѣмъ были спрошены свидѣтели, очевидцы преступленія. Пылыпъ, старый человѣкъ, обыватель с. Пальчиковъ, далъ такое показаніе:

— Шукавъ я шкапы своеи въ полю и иду до воды пыты, ажъ невиста (женщина) бигучы, гвалтъ волаючы, мене просытъ, оповидаючы, що еи сестри гвалтъ Васыль Волошынъ чынытъ. Я, надбигшы, выдилемъ Васыля надъ тою невистою на гвалтовнимъ учынку, тилко обавялемся (опасался) даты ратунку, бо воны, гвалтовныкы, пры оружи, а я зъ голымы рукамы.

Другой свидѣтель, пастухъ Омелянъ, показалъ:

— Выдилемъ Васыля Волошына на тимъ гвалтовнимъ учынку въ полю, якъ и Пылыпъ, и Мыська Татарченка выдилемъ, що ся за дивчыною гонывъ и бывъ нагайкою, яко жъ и мене той же Мысько, набигшы, бывъ, абы зъ чередою пречъ отогнався, и мусилемъ зъ боязни далеко одійты, а воны що хотилы тамъ полнылы.

То же подтвердилъ и Ѳедоръ, „чередныкъ" (стадникъ) батуринскій.

Судъ, „выслухавшы обохъ сторонъ контроверсій и оные добре у соби уважывшы, забигаючы такъ срокгому сваволенству подъ часъ тягненя войскового и прыхыляючыся до права пысаного (т. е. Статута), въ роздѣлѣ 11-мъ, артикулѣ 2-мъ, и въ Саксонѣ (Speculum Saxonum) на картѣ 165-ой описаного," велѣлъ потер-

пѣвшей Вивдѣ Борисыхѣ „при свѣдкахъ поприсягнуть" Василя Волошина и Мыська Татарченка, послѣ чего оба они должны быть „на горлѣ мечемъ караны". Но тутъ произошло неожиданное затрудненіе: потерпѣвшая „гвалтовниковъ своихъ поприсягать не хотѣла",—не потому, конечно, чтобы она усомнилась въ справедливости своей жалобы, а потому, что ей тяжело было вести людей на плаху; она заявила, что „даруетъ ихъ горломъ", и „домовлялася" только „шкодъ нагороженя, гвалту и выкладовъ" (судебныхъ издержекъ). Но судъ не согласился оставить насильниковъ безъ наказанія, хотя и уменьшилъ степень его тяжести: „забигаючы злій роспусти", судьи новымъ декретомъ постановили, согласно „Порядку"[1] (карта 132), „абы Василеви и Мыськови мистръ (палачъ) по уху отризавшы, зъ мста посторонками высвидчывъ (веревкой позорно выгналъ изъ города), щобъ и въ полку тутейшимъ ни въ кого и нихто ихъ передержуваты не важывся, подъ горловымъ скаранемъ; а Мойсій Мульченко, при томъ же гвалтовномъ учинку будучій, що не давъ жадного ратунку, повыненъ будетъ Борысыси почтивое навязати ведле еи стану (т. е. уплатить положенную Статутомъ „навязку"—денежное вознагражденіе за безчестье), шкоды и выклады (расходы) понагорожати и вину на урядъ належитую (судейскій доходъ) заплатити".

---

6. Обвиненіе священника въ убійствѣ.

Во вторникъ первой недѣли великаго поста, 9 февраля 1692 года, пришелъ изъ Павленокъ, что нынѣ предмѣстье Полтавы, убитый горемъ бѣднякъ, не имѣвшій даже фамильнаго имени или прозвища—въ актѣ онъ поименованъ: „Процыкъ, Савышынъ сватъ"—и заявилъ передъ полковымъ судомъ такую „плачливую" жалобу:

---

[1]) Разумѣется извѣстная руководящая книга по магдебурскому праву: Porządek sądow y spraw mieyskich, служившая въ Малороссіи законною книгою.

— Панове! Мавъ я сына Семена, кравця (портного), который мешкавъ въ монастыру нашимъ полтавськимъ, у кравечни (въ портняжей мастерской). Сымы днямы, на масныци въ четвергъ, небожчыкъ сынъ мій, будучы на послушаніи монастырскимъ, зъ отцемъ Каріономъ, діякономъ, въ сели Петровци осыпъ [1]) выбыралы и зайихалы въ Семянивку. Въ сели тимъ, не знаты, зъ якои прычыны, отъ отця Ивана Терпыла, священыка Семяновского, въ дому чернецькимъ, сынъ мій збытый зоставъ тыранско, одъ которого бою, колы прывезено ёго въ пятныцю до дому мого, третёго дня, въ недилю, рано, и Господу Богу духа отдавъ. Учора ёго и поховано".

Жалкій видъ Процыка, необыкновенно скорбный тонъ его жалобы, а болѣе всего необычайность преступленія такъ поразили судей, что они въ тотъ же день отрядили въ Семяновку, на мѣсто происшествія, двухъ бурмистровъ, „людей виры годныхъ", Петра Юревича и Процыка Соляныка, чтобы они „подлугъ самои слушности тому забойству вывелы инквизицію и, що належыть, порядне все казалы запысаты". Слѣдователи отправились сначала въ Петровку, взяли съ собою мѣстнаго атамана и двухъ „зацныхъ людей", въ качествѣ понятыхъ, и хотѣли ѣхать съ ними въ Семяновку; но имъ сказали, что петровскій асаулець [2]) Олыхвиръ (Елеѳерій) Бей сопровождалъ покойнаго Семена Проценка при сборѣ „осыпа", лично присутствовалъ при нанесеніи ему священникомъ побоевъ и можетъ дать подробныя показанія объ этомъ происшествіи. Онъ былъ боленъ въ то время, лежалъ въ постели, поэтому слѣдователи съ понятыми отправились къ нему въ домъ и записали съ его словъ слѣдующее:

— Панове! Прыйшовшы въ Семяновку, небожчыкъ Семенъ Проценко погнався, жартуючы, за Терпыловою дытыною, а вернувшысь, увійшовъ у корчму чернецькую, де отець Иванъ Тер-

---

[1]) *Осыпъ* - хлѣбный сборъ въ пользу монастыря, такъ какъ с. Петровцы было монастырскимъ имѣніемъ.

[2]) *Асаулець* или *асаульчикъ*—полицейскій урядникъ въ родѣ нынѣшняго десятскаго.

ныло, священыкъ семяновскій, сыдивъ. Заразъ ёго безъ жаднои прычыны ухопывъ отець Иванъ и ставъ давыты за горло, и давывъ ёго, небожчыка Семена, зъ годыну добрую, потимъ палыцею ставъ быты и палыцю всю на нимъ поламавъ. А колы сьмо почалы Семена бороныты зъ Тымошемъ Ложечныкомъ, въ тимъ же рази винъ, отець Иванъ, и Ложечныкови руку тіею жъ палыцею перебывъ":

Послѣ этого слѣдователи отправились въ Семяновку и допросили сначала Тимоша Ложечника, который „тое жъ признавъ, якъ и Олыхвиръ, слово въ слово". Затѣмъ была призвана шинкарка Евдокія Билка, въ корчмѣ у которой случилось „забойство". „По напомненю ій (какъ и другимъ свидѣтелямъ) боязны Божои", Билка такъ „посвидчыла".

— Мои ласкавіи панове! Одъ власныхъ рукъ Терпыловыхъ той Проценко зъ сёго свита пишовъ: очыма своимы бачыла, що бывъ ёго отець Иванъ Терпыло нещадно, безъ мылосты, и за горло зъ годыну давывъ. Все жъ тое діялося, де я шынкую горилкою, въ дому чернецькимъ, де на той часъ бувъ пры тимъ побои и Тымишъ Ложечныкъ, и що ся тамъ чыныло одъ отця Терпыла, все тое по самій истынній правди передъ мылостямы вашымы высвидчаю".

Допросомъ этихъ трехъ свидѣтелей-очевидцевъ и ограничилось первое слѣдствіе. Самого отца Терпила къ допросу не привлекали.

Когда бурмистры, окончивъ возложенное на нихъ порученіе, возвратились въ Полтаву и въ открытомъ засѣданіи полкового суда доложили слѣдственный протоколъ вмѣстѣ съ устнымъ отчетомъ, ихъ сообщенія произвели большую сенсацію. Выходило такъ, что священникъ затѣялъ въ корчмѣ драку съ монастырскимъ слугой и причинилъ ему смертельные побои. Такое позорное преступленіе было, очевидно, весьма исключительнымъ, если не безпримѣрнымъ, въ тогдашней уголовной хроникѣ. Возникалъ вопросъ: какъ же поступить теперь съ „забойцей"? Не будь онъ посвященнымъ лицемъ, его немедленно бы „дали до вязеня" и затѣмъ судили бы въ полковомъ судѣ обыкновеннымъ

порядкомъ. Но по литовскимъ законамъ, духовныя лица по всѣмъ преступленіямъ подлежали исключительно духовному суду, т. е. митрополичьему, или вообще епархіальному, свѣтскому же уряду, именно гродскому суду, принадлежало лишь право принимать жалобы на духовныхъ, совершившихъ уголовное преступленіе, и производить по нимъ разслѣдованіе,—не предварительное дознаніе, котораго литовско-русское судопроизводство почти не знало, а такъ называемую „скрутенію“ (scrutinium), т. е. разборъ и оцѣнку доказательствъ, представляемыхъ въ судебномъ засѣданіи самими тяжущимися сторонами, съ примѣненіемъ всѣхъ пріемовъ состязательнаго процесса, послѣ чего потерпѣвшей сторонѣ выдаваема была формально удостовѣренная выпись изъ судебнаго протокола для представленія въ духовный судъ, который при рѣшеніи дѣла руководился данными, добытыми и разъясненными съ помощью „скрутеніи“. Тѣ же порядки остались и въ Малороссіи, съ замѣною лишь суда гродскаго полковымъ судомъ; но въ настоящемъ случаѣ старый порядокъ былъ нарушенъ, и дѣло получило весьма оригинальный ходъ и разрѣшеніе.

Когда полтавское городское духовенство, близко интересовавшееся дѣломъ своего собрата, ознакомилось съ результатами „инквизиціи“, произведенной посыланными на мѣсто бурмистрами, оно единодушно признало ее неполной, невѣрной и во всѣхъ отношеніяхъ негодной и, „хотячи самои истины дойты“, настойчиво просило „урядъ, абы выведена була“ вторая „инквизиція“, въ Полтавѣ, при совмѣстномъ участіи уряда свѣтскаго и духовнаго, для чего должны быть вызваны не только тѣ „свѣдки“, которые уже были допрошены бурмистрами, но и другіе, „хто тилко бувъ тому бою прытомный“ (очевидцемъ). Полковый урядъ удовлетворилъ желаніе духовенства, и вторичная «инквизиція» состоялась 11 февраля, т. е. черезъ два дня послѣ первой. Такая быстрота дѣйствія была возможна потому, что Семяновка и Петровка находились въ очень близкомъ разстояніи отъ Полтавы.

Не въ ратушѣ, обычномъ мѣстѣ судебныхъ засѣданій, а въ «братерскомъ дворѣ пречистскомъ», какъ мѣстѣ, болѣе при-

личномъ для честныхъ отцовъ, собрался урядъ духовный и свѣтскій «для выведенія» вторичной инквизиціи. Предсѣдательствовалъ полтавскій протопопъ Лука Симеоновичъ, «при бытности честныхъ отцевъ презвытеровъ парахіяльныхъ полтавскихъ, зъ прытомностю уряду городового»: наказного полковника и полкового судьи „и при многыхъ обчыхъ (стороннихъ) персонахъ“. Ни войта, ни бурмистровъ, повидимому, не было въ составѣ слѣдственной комиссіи, если не разумѣть ихъ въ числѣ „обчыхъ персонъ“. На аналоѣ были положены св. евангеліе и крестъ для привода свидѣтелей къ присягѣ, чего не дѣлали первые инквизиторы.

Первымъ былъ допрошенъ Олыхвиръ Бей, асаулецъ петровскій. Онъ былъ тяжко боленъ, и его съ трудомъ привезли изъ Петровки, рискуя, что онъ могъ и помереть въ дорогѣ, но духовенство особенно настаивало на его бытности. Олыхвиру напомнили, чтобы онъ „памятавъ на смерть и на судъ Божій“ и говорилъ правду, и велѣли приложиться къ св. кресту и евангелію: въ этомъ и состоялъ краткій обрядъ присяги, хотя въ другихъ случаяхъ судебная присяга производилась по формѣ, близкой къ современной. Олыхвиръ Бей „вызнавъ тымы словамы:“

— Выбираючы мы осыпъ зъ небожчыкомъ Семеномъ, прыйшлы-сьмо на Семяновци въ двиръ шынковный чернецькій, де трапывся и сынъ отця Терпылы, прысланый зъ пляшкою по горилку. Купывшы горилкы, винъ пишовъ до-дому, а небожчыкъ Семенъ, жартуючы, погнався за нымъ, а не вдарывшы ёго ни разу, вернувся и пишовъ до школы, [1]) а потимъ прыйшовъ до воза, и пойихалы-сьмо добираты осыпу. Потимъ другымъ разомъ прыйшлы-сьмо въ корчму чернецькую горилкы пыты. На скоримъ часи прыйшовъ до тіеи жъ корчмы чернецькои отець Терпыло и ставъ небожчыкови мовыты: „для чого ты гнався за моею дытыною?“ и вхопывшы Семена за груды, ставъ давыты палцемъ у горло, ажъ я мусивъ ихъ розвесты. Отець Иванъ

[1]) Любопытное указаніе, что и въ такомъ маленькомъ сельцѣ, какъ Семяновка, была тогда школа. Ниже упоминаются и ея «школяри».

Терпыло сивъ на лави. Мало часу згодывшы, другымъ разомъ почавъ ёго быты палыцею, а бьючы, и кинець тіеи палыци уломывъ. А по тимъ бою пишовъ отець Терпыло до-дому и, осидлавшы коня, мивъ йихаты до началныка зъ скаргою на небожчыка. А мы збытого небожчыка, що не мигъ о сзоій сыли иты, взявшы, вынеслы-сьмо зъ хаты и въ визъ вложылы. Тутъ надъихавъ отець Терпыло и, выдячы небожчыка барзо збытого, надъ возомъ просывъ ёго о прощеніе, и попростылыся зъ собою, а небожчыкъ Проценко, пры прощеніи тимъ, давъ ёму и руку. И заразъ пойихалы-сьмо. Булы пры тимъ люды зацныи, меновыте: Тымишъ Ложечныкъ, Иванъ Байракъ, Иванъ Коробочка и шынкарка чернецькая прозвыськомъ Билка.

Слѣдователи „велилы Бееви, яко хорому, систы, а другого свидка прызваты".

Призвали Евдокію, шинкарку. Поцѣловавъ крестъ и евангеліе, она „подъ сумненемъ завязанымъ повидала" тономъ, не столь увѣреннымъ, какъ передъ бурмистрами:

— Я, панове, не бачыла того, якъ небожчыкъ Семенъ за хлопцемъ отця Терпыловымъ гонывся, тилко тое мени школяри казалы; а що побой стався въ чернецькій хати, де я шынкую, тое вамъ по самій истыни повидаю, душу мою Господу Богу ховаючы, що отець Терпыло разъ тилко всёго того змерлого Семена затявъ кулакомъ, и то впередъ межы нымы стався посваръ за хлопця, за которымъ небожчыкъ гонывся, хотячы зъ пляшкою отняты горилку. За тое гоненя и ляканя хлопця ставъ отець Терпыло небожчыка лаяты, а винъ ще барзій ёго лаявъ, такъ передъ ударенямъ, якъ и по удареню Терпыловимъ, за що отець Терпыло и другымъ разомъ хотивъ небожчыка палыцею ударыты, але замахнувшы, по сволоку ударывъ. Ложечныкъ тежъ Тымишъ розважавъ ихъ; а такъ другій разъ отець Терпыло замахнувшы на небожчыка, нехотячы затявъ по руци Тымоша, и билшъ южъ бійкы не було. Що зась Олыхвиръ, асаулець, мовытъ, щобъ отець Терпыло небожчыка, взявшы за груды, давывъ за горло, то не есть правда: свидокъ тому Иванъ Коробочка, Тымишъ Ложечныкъ и Левко Куць, ктыторъ семяновскій,

которыи спилне зъ отцемъ Иваномъ въ дому чернецькимъ сыдилы. Могутъ и тіи мылостямъ вашымъ посвидчыты, що такого бою отець Терпыло не чынывъ надъ тымъ змерлымъ Проценкомъ, якъ то Олыхвиръ повидаетъ; и не выношено Семена зъ хаты, але самъ побигъ, насмихаючыся зъ отця Терпылы и лаючы, и похвалкы чынячы, за що мивъ отець Терпыло зъ скаргою до началныка на того жъ Проценка йихаты за свою зневагу, але за упрошеннямъ людей зацныхъ, наветъ и сёго жъ Олыхвира, отець Иванъ Семена, небожчыка, во всимъ простывъ и вже не йиздывъ зъ скаргою до началныка. Зъ которымъ то Семеномъ, небожчыкомъ, отець Иванъ, по прощеніи, и зъ тымы жъ людьмы, якіи отця Ивана за небожчыка просылы, увійшлы знову въ хату, и купывъ имъ Олыхвиръ за шагъ горилкы, иднанщыны, [1]) и въ хати повторне прощеня межи собою взялы. Поклонывся той небожчыкъ Проценко отцю Иванови и поцилувавъ въ руку.

Сказавъ это, Билка „обернулася до Олыхвира и рекла":

— А чы не такъ було?

Олыхвиръ равнодушно отвѣтилъ:

— Правда. По прощени булы-сьмо въ хати, и купывъ я за шагъ горилкы.

Тутъ „урядовыи особы" замѣтили Бѣлкѣ:

— А чому жъ ты такъ передъ тымъ не свидчыла, колы выводылы инквизицію посланци наши? Тебе тамъ запысано такъ, що ты повидала, що одъ власныхъ рукъ Терпыловыхъ зійшовъ зъ свита Семенъ, небожчыкъ, и що давывъ небожчыка отець Терпыло за горло зъ годыну и бывъ нещадно.

Билка немного смутилась, но тотчасъ отвѣтила:

— Высланыи зъ ратуша, которыи туда, на Семянивку зъйиздылы, найбарзій Олыхвировои мовы слухалы и тое пысаты

---

[1]) Въ текстѣ: *ѣднанщына*, т. е. мировая; могорычъ, распиваемый по случаю примиренія. Обычай и слово, существующіе и нынѣ въ народномъ быту.

казалы, що винъ повидавъ. А я и того часу самую истынную правду повидаты передъ пымы хотила, але мени не далы въ ричи моій виры, повидаючы: „неправду ты мовышъ—Олыхвиръ правду мовытъ“, а напотимъ пидпысалы мене, якобы и я такъ посвидчала, якъ Олыхвиръ, а то есть неправда.

Призвали третьяго „свидка“, Тимоша Ложечника, который показалъ:

— Сыдивъ и я, панове, въ дому чернецькимъ зъ господыномъ [1]) Терпыломъ и зъ Иваномъ Коробочкою и зъ Левкомъ Куцемъ, ктыторемъ. Того жъ часу прыйшовъ Олыхвиръ и за нымъ заразъ небожчыкъ Проценко Семенъ. Ставъ мовыты тому небожчыкови Семенови отецъ Иванъ: „За що ты, прави, мого хлопця бывъ и гонывся за нымъ?“ и налаявъ ёго за тое, а Проценко также отцю Иванови налаявъ прыкро. Отецъ Иванъ вставшы, ударывъ кулакомъ разъ усёго, а за горло не давывъ, якъ Олыхвиръ повидаетъ; не було того. Барзо ще й напотимъ межи собою сварылыся, и лаявъ Проценко отцю Ивану, за що хотивъ ёго отецъ Иванъ палыцею ударыты, а я, щобъ кровопролытя не було, уложывся (вмѣшался). Тоди винъ мене нехотячы въ той часъ палыцею ударывъ по палцяхъ. А щобъ давывъ за горло отецъ Терпыло небожчыка Семена, то не есть правда; и не выносывъ ёго Олыхвиръ до воза: самъ небожчыкъ, ще й похвалкы чынячы на отця Ивана, зъ хаты къ возови пишовъ. Діялося тое на масныци, у вивторокъ. И потимъ пры насъ же и попрощалыся за поворотомъ зъ дому отця Терпыловымъ.“

Далѣе выступилъ четвертый „свидокъ“ Левко Куць, ктиторъ семяновскій. Онъ такъ сказалъ:

— Я за своею потребою мымо двиръ чернецькій тоди йшовъ, а не умыслне (нарочно) горилкы пыты, бо одъ запустъ черезъ увесь пистъ святый велыкій горилкы николы не пью, ажъ до Воскресенія. Обачывшы мене отецъ Иванъ

[1]) Почтительный титулъ, прилагаемый въ то время исключительно къ духовнымъ лицамъ и очевидно заимствованный изъ церковнаго поминанія: «господина (древн. *киръ*) нашего епископа»...

тикномъ, просывъ до себе, а я отповидавъ: „Я вамъ не допомогу, бо горилкы не пью“. А отець Иванъ реклъ: „Та ходы такы, хочъ такъ посыдышъ, о щось порадымось“. А такъ я вступывъ до ныхъ. А въ прудкимъ часи прыйшовъ Олыхвиръ Бей, пидпылый, которого отець Терпыло запытавъ: „Чы то вы хлопця мого скубъ и гонывся за нымъ?“ Отповидавъ Бей: „Я того не знаю“. А въ тимъ часи прыйшовъ и Проценко Семенъ, небожчыкъ, де ставъ мовыты отець Иванъ до ёго: „За що ты за моимъ дытыною гонывъ?“ А винъ одповидавъ: „То що жъ, що гонывся?“ А отець Терпыло, тымы словамы уразывшыся, налаявъ ёму, а Проценко ще гиршей зъ лайбою одозвався. Повставшы тоди, отець Иванъ пхнувъ ёго въ груды разъ всёго кулакомъ, а колы винъ не перестававъ лаяты отця Терпыла, отець Терпыло хотивъ ёго палыцею ударыты, але по сволоку ударывъ, а другій разъ замахнувшы, ударывъ по руци Тымоша Ложечныка, а палыци ни трохы не зламавъ. Тилько було всёго тіеи бійкы. И выйшовшы на подвирья, Проценко лаявъ отця Ивана и тамъ же прыпомынавъ и якіись подвязкы, а отець Иванъ пишовъ до дому, хотячы за безчестя свое пойихаты до началныка зъ скаргою. А Проценко прыйшовъ до хаты, которому ставъ я мовыты: „Небоже, не гараздъ чынышъ, що такъ священыка зневажаешъ; лише бъ, колы бъ ты ёму укорывся та попросывъ о прощеніе“. Винъ на мою раду схылывшыся, запытавъ: „А куды отець Терпыло будетъ йихаты?“ Отповидалы ёму: „Не куды, тилко мымо сюю корчму“. И заразъ небожчыкъ ставъ мене просыты, щобъ зъ нымъ и зъ другымы сполъ сыдячымы перепросывъ отця Ивана. На прозьбу ёго выйшлы-сьмо вси на улыцю, а ото отець Иванъ ведется зъ конемъ осидланымъ, которого почалы-сьмо вси просыты, абы де бійка сталася, тамъ було и прощеніе. А такъ отець Иванъ, на прозьбу небожчыкову и нашу, попростывся зъ небожчыкомъ, и ввійшовшы до хаты, небожчыкъ ще й руку поциловавъ Терпылову, а Бей и горилкы купывъ“.

Пятый свидѣтель Иванъ Коробочка показалъ то же, что и Левко Куць, почему его „мовы“ и не записали, да и некогда было: „священныци спишылыся на службу преждесвященную, а

южъ було мало не ку вечеру". Такъ долго инквизиція продолжалась.

Отмѣтимъ одну существенную особенность настоящей „инквизиціи": она производилась безъ всякаго участія и даже, кажется, въ отсутствіи главныхъ лицъ во всякомъ процессѣ—обвинителя и обвиняемаго. Судъ самъ разыскиваетъ свидѣтелей, допрашиваетъ ихъ, устраиваетъ имъ очныя ставки, а тѣ, кого ближе всѣхъ касалось дѣло и кто могъ бы представить наиболѣе существенныя улики и оправданія, указать нужныхъ свидѣтелей, отмѣтить ошибки или намѣренную ложь въ ихъ показаніяхъ,—тѣ даже не присутствуютъ при гласномъ разслѣдованіи ихъ дѣла. Порядокъ судопроизводства, предписываемый Лит. Статутомъ, исключалъ самую возможность подобнаго слѣдствія; статутовые суды производили „скрутеніи" непремѣнно при личномъ участіи сторонъ, которыя сами приводили свидѣтелей, представляли улики и оправданія, вступали между собою въ состязаніе, а суду оставалось лишь, какъ въ современномъ гражданскомъ процессѣ, оцѣнивать силу и достоинство представленныхъ ему доказательствъ. Впрочемъ, и козацкіе суды обычно не устраняли обвиняемаго и обвинителя отъ участія въ производствѣ слѣдствія и не отказывались допрашивать тѣхъ свидѣтелей, на которыхъ стороны указывали или, чаще всего, сами же и приводили въ судъ. Бывало и такъ, что обвиняемый опорочивалъ предварительную „инквизицію", произведенную безъ его участія сотеннымъ или сельскимъ урядомъ, и требовалъ произвести ее заново, и судъ удовлетворялъ такія требованія. Въ дѣлѣ отца Терпила первая инквизиція тоже была опорочена, но не обвиняемымъ, а посторонними лицами—полтавскимъ городскимъ духовенствомъ, которое затѣмъ присвоило себѣ первенствующую роль при производствѣ вторичной инквизиціи. Это стороннее вмѣшательство и въ дальнѣйшемъ ходѣ процесса измѣнило его обычное теченіе.

Мы уже упомянули, что право суда надъ священникомъ, обвиняемымъ въ уголовномъ проступкѣ, по церковнымъ канонамъ и по прежнимъ польско-литовскимъ узаконеніямъ, принадлежало епархіальной власти; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ слѣд-

ственное производство объ о. Терпилѣ нужно было передать для рѣшенія кіевскому митрополиту, епархія котораго обнимала тогда всю нынѣшнюю Полтавщину. На самомъ же дѣлѣ „справа" о. Іоанна Терпила разсматривается и получаетъ окончательное рѣшеніе на мѣстѣ, въ Полтавѣ, въ соединенномъ засѣданіи „суда духовного и свѣцкого". Судъ свѣтскій—это полковой, но безъ обычнаго участія въ его составѣ войта и бурмистровъ, а судъ духовный—это игуменъ мѣстнаго монастыря и всѣ городскіе священники. Правду сказать, такой смѣшанный судъ не предусмотрѣнъ ни церковными, ни прежними литовско-русскими законами и составляетъ исключительное изобрѣтеніе малорусской юстиціи. Мало того, собраніе городского духовенства, во главѣ съ протопопомъ, могло считаться законнымъ „духовнымъ судомъ" лишь въ томъ случаѣ, если бы оно для разсмотрѣнія извѣстнаго дѣла получило спеціальное полномочіе отъ митрополита, которому одному принадлежало право духовнаго суда въ предѣлахъ своей епархіи; но въ данномъ случаѣ такое полномочіе не было испрошено. Въ этомъ сказалась давняя традиція южнорусскаго духовенства узурпировать, принадлежащее лишь епархіальной власти, право духовнаго суда. И въ прежній польско-литовскій періодъ, въ XVI—XVII в. в., мы часто встрѣчаемъ на Волыни и, вообще, въ правобережной Малороссіи случаи, что протопопы, а нерѣдко и простые приходскіе священники, самовольно совершаютъ разводы, даютъ разрѣшеніе на недозволенныя канонами браки, судятъ прелюбодѣевъ и т. п., и архіереи безуспѣшно протестуютъ противъ подобной узурпаціи. То же самое совершалось и въ гетманщинѣ до тѣхъ поръ, пока новое, синодальное управленіе завело и въ Малороссіи общерусскіе церковные порядки.

Какъ бы то ни было, 16 февраля, того же 1692 года, населеніе Полтавы съ утра уже толпилось въ „братерскомъ" успенскомъ дворѣ, чтобы послушать, какъ будутъ судить семяновскаго священника за убійство „кравця". За судейскимъ столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ сидѣлъ „превелебный въ Богу его милость господинъ отецъ" Лазарь Бузкевичъ, игуменъ пол-

тавскаго монастыря, и съ нимъ его намѣстникъ „всечестный старушекъ“ отецъ Іеремія Свитайло; далѣе—„превелебный въ Богу господинъ“ отецъ Лука Симеоновичъ, протопопъ полтавскій, и „честные господинове отцы презвитеры полтавскіе“: святоуспенскій Іоаннъ Величковскій,—по свидѣтельству лѣтописца Самуила Величка, „мужъ благодати Божія и мудрости полный“, привѣтствовавшій въ 1687 г. гетмана Самойловича, при его проѣздѣ въ Крымъ черезъ Полтаву, высокопарными виршами „своеи композитуры [1]); спасскій Іоаннъ Свитайло, впослѣдствіи имѣвшій несчастіе впутаться въ злосчастную исторію Кочубеевскаго доноса и за то вынесшій жестокую пытку и затѣмъ сосланный въ Соловки; [2]) никольскій Іосифъ Нищинскій, срѣтенскій Тихонъ Филиповичъ и воскресенскій Іоаннъ Филиповичъ. „Зъ свицкого тежъ уряду“ присутствовали: полковникъ Павелъ Семеновичъ Герцыкъ, судья наказной Иванъ Красноперичъ, бывшій полковникъ п. Леонтій Чернякъ и сынъ его п. Иванъ Чернякъ, писарь полковый, „и много иныхъ зацныхъ особъ рыцерского и миського уряду“. Здѣсь же собраны были всѣ свидѣтели, допрошенные на предварительномъ слѣдствіи. Олыхвиръ Бей, „на смертелномъ лижку (постели) будучы, для тяжкои хоробы не моглъ самъ прытомне статы до суду, прето (поэтому) жона ёго Настя въ особи ёго зъ тымы жъ свидкамы стала“. О присутствіи въ судѣ о. Терпила и „акторской стороны“—Процыка, „Савышыного свата“, въ протоколѣ не упоминается; кажется, они опять отсутствовали, что являлось рѣзкимъ и непонятнымъ нарушеніемъ порядковъ, принятыхъ и въ козацкихъ судахъ.

Сначала была прочтена жалоба потерпѣвшаго Процыка и протоколы первой и второй „инквизицій“, послѣ чего судъ „на

---

[1]) Лѣтопись Величка, Ш, 9.

[2]) Сохранилось преданіе, что когда этотъ попъ Свитайло и сотникъ Кованько послѣ пытки лежали на полу, прикрытые окровавленными рогожками, то Кованько сказалъ: «Отче Иване! Яка жъ московська пужка солодка! Купимъ іи жинкамъ на гостынець».—Бодай тебе, Петре, побыла лыха годына: хиба тоби трохы спыну спысалы»! отвѣчалъ Свитайло.

достовѣрнѣйшее всего того испытаніе“, велѣлъ еще „всимъ свѣдкамъ, ставши, устне у голосъ повѣдати, що хто прызнавалъ“. Прежде всѣхъ „пытано жону Олыхвѣрову Бееву, на мѣсцу мужа еи, що бы мѣла повѣдати именемъ мужа своего?“ Настя такъ сказала:

— Панове! Мужъ мій хочъ було и подопьетъ, а еднакъ хороше дывытся; а теперъ, по выбыраню того осыпа, прыбувшы до-дому, захоривъ и чомусь гостро ставъ дывытыся, и колы прыйиздылы посланыи на инквизицію, южъ бувъ хорый и, хорымъ будучы, не видаю, що тамъ винъ имъ повидавъ. Потимъ взято ёго, хорого, до Полтавы на инквизицію, и тамъ не видаю, що винъ повидавъ, тилко прыйихавшы, ще барзій гостро ставъ дывытыся и кошулю зъ себе скынувъ; що я постеригшы, пыльновала ёго, яко жона, въ тій тяжкій хороби и сусидъ просыла, щобъ мени въ тимъ допомагалы. А колы трохы прыйшовъ къ соби, пытала я ёго: „Шо ты тамъ свидчывъ а, чуты, и прысягъ есы?“ А винъ одповидивъ: „Я не знаю ничого, що тамъ говорывъ“. Поты моеи повисты“.

Затѣмъ велѣно остальнымъ „свидкамъ“ поочередно „мовыты“, и всѣ они „повидалы тое слово въ слово, що у второй инквизиціи запысано“. Послѣ этого имъ предложено еще разъ поцѣловать св. евангеліе и крестъ и тогда велѣно „выступити“ (отойти).

Судъ, „порадившись“ между собою, объявилъ, что четыремъ свидѣтелямъ: Тимошу Ложечнику, Левку Куцю, Ивану Коробочкѣ и Евдокіи Билкѣ онъ „даетъ зуполную виру, яко статечнымъ свидкамъ, а Олыхвира Бея, яко подъ часъ того бою бувшого подпылого и подъ часъ инквизиціи не въ зуполномъ уми зоставшого, а надто не единослова, яко ся показуетъ зъ обохъ инквизицій (здѣсь указаны несогласія въ его двукратныхъ показаніяхъ), не прыймуетъ за свидка, поневажъ въ двохъ ричахъ солгавъ, южъ такому и въ иншыхъ ёго свидоцствахъ довиряты не можемъ, звлаща, же (что) и жона его прызнаетъ ёму забытіе ума“. Кромѣ того, и первую инквизицію „судъ не прыймуетъ для многихъ въ ней фалшиве попысаныхъ речій: шынкарку напысано

Настею, а вона Евдокія; Ложечныка напысано Миськомъ, а имя ему Тымишъ" и т. п. Въ виду этого „тыхъ первыхъ инквизиторовъ, за неуміетность въ вывоженю инквизиціи, судъ нынѣшній велитъ карати вязенемъ (арестомъ), а честного отца Іоанна Терпыла, священыка семяновского, одъ тои напасти увольняетъ и симъ декретомъ наказуетъ, абы Процыкъ за тую нанесеную потварь (клевету) и безчестіе отца Терпыла во всемъ перепросывъ. Варуетъ (предупреждаетъ) тежъ судъ нынѣшній подъ виною (судебнымъ штрафомъ) на архипастырскую милость (митрополита) ста таляровъ, абы нихто, такъ зъ духовныхъ, яко и зъ свицкыхъ не важывся николы безчестя того задаваты честному отцу Іоанну Терпылу, яко невынно напасть претерпившому; а хто бъ смивъ тымъ ёму прымовыты, таковый неотпустне вышреченую выну заплатыть".

Такъ энергично вступились полтавскіе пресвитеры за своего собрата,—не только обѣлили его, но и заградили уста всякому, кто былъ иного мнѣнія относительно „напасти", якобы „невинно претерпѣнной" отцомъ Терпиломъ. Это горячее заступничество, конечно, дѣлаетъ честь ихъ братской солидарности, но не судейскому ихъ безпристрастію. Вѣдь не съ добра же умеръ скоропостижно молодой Проценко послѣ іерейскихъ побоевъ. А что Проценко былъ избитъ, объ этомъ не было спора и на судѣ; тамъ шло лишь разногласіе о большей или меньшей интенсивности побоевъ.

А несчастный Процыкъ, Савышынъ сватъ, не только потерялъ сына, можетъ быть, единственнаго кормильца, но долженъ былъ еще „перепросить" о. Терпила „за потварь и безчестье". Это совсѣмъ уже такъ, какъ разсказывается въ юмористической пѣснѣ:

Была жинка мужыка,
Пишла позываты.
Присудылы мужыку
Ще й жинку прохаты.

---

7. Убійца, прикованный къ гробу своей жертвы.

Крѣпко печалилась старая Кузьмиха, полтавская мѣщанка, вдова, что ея сынъ Тымко вышелъ не честнымъ ремесленникомъ, какимъ она надѣялась его видѣть, а „ледащомъ" и забулдыгой. Учился онъ смолоду „гаптарству" (золотошвейному мастерству) и могъ быть хорошимъ „гаптаремъ", если бы поменьше волочился по шинкамъ да не связывался съ шинкарками. Надѣялась мать, что женитьба исправитъ безпутнаго сына, но и молодая жена не сумѣла привязать къ дому Тымка, и онъ снова принялся за старое: „День гаптуе—два гайнуе, часомъ въ шинку й заночуе". Хорошо, что хоть извѣстно было, въ какомъ именно шинкѣ надо было искать его—„на братерскомъ пречистскомъ дворѣ", гдѣ шинковала Гапка „чаривныця". Кузьмиха твердо была убѣждена въ томъ, что Гапка „бавылась чаровныцтвомъ", иначе—чѣмъ же другимъ могла она „прывабыты до себе" ея сына? Ни „вроды" у нея, ни „хысту", да и „прыстаркувата" уже, а объ ея „нецнотлывомъ жытіи" и говорить нечего. Кто же видалъ „цнотлывую" шинкарку? Недаромъ полтавскій отецъ протопопъ отказывалъ шинкаркамъ въ святомъ причастіи. А случится въ городѣ „злодійство"—у кого тотчасъ же „трусятъ" (обыскиваютъ) краденое? У шинкарокъ. Развѣ и эту Гапку мало „трусылы" и „у вязеню" держали? И эта „нецнота", эта, „злыдена нетипаха" задумала было женить на себѣ Тымка! И едва не успѣла въ своемъ замыслѣ, да спасибу Вуцькѣ, другой шинкаркѣ, во время предупредившей объ опасности. Сколько тогда Кузьмиха пролила слезъ, умоляя и заклиная сына не позорить ихъ честнаго рода этой женитьбой и взять за себя другую дѣвушку, которую она сама же выбрала для него! Къ счастью, Тымко таки одумался, послушался матери и мѣсяцъ-другой послѣ женитьбы какъ будто и остепенился; но теперь снова пьетъ да гуляетъ и, кажется, опять „злигся" съ тою же Гапкою. Охъ, чуетъ материнское сердце—не добромъ это кончится!

Предчувствія старой Кузьмихи сбылись скорѣе, чѣмъ она ожидала.

Наступилъ праздникъ св. Николая (9 мая 1700 г.), день ярмарки въ Полтавѣ. Тымко съ утра шатался по ярмаркѣ и привелъ съ собою къ Гапкѣ какую-то „черныцю“ изъ Будищскаго монастыря, отрекомендовавъ ее своею родственницею. Потребовавъ угощенія, онъ пригласилъ за столъ Гапку; но Гапка, охмелѣвъ, стала ревновать Тымка къ „черныци“ и довела его до такого бѣшенства, что онъ схватилъ рогачъ и попереворачивалъ въ печи горшки „зъ стравою“. Гапка, избитая, ревѣла въ пекарнѣ, со злости катаясь по полу. Не обращая на нее вниманія, Тымко забрался въ „кимнату“ (боковую комнату) и улегся спать; туда же поплелась за нимъ и пьяная черница, и черезъ нѣсколько минутъ изъ „кимнаты“ доносился уже усиленный храпъ. Тогда Гапка подкралась на цыпочкахъ, заперла на защепку „кимнатную“ дверь и завязала щеколду снуркомъ. Въ ея головѣ зародился предательскій умыселъ: дождавшись, когда въ шинокъ сойдутся люди, открыть предъ ними дверь въ „кимнату“ и потребовать, чтобы Тымку и черницѣ, какъ явнымъ прелюбодѣямъ, были обрѣзаны полы[1]) и ихъ самихъ отвели въ ратушу. Такъ бы оно и сталось, можетъ быть, но минуту спустя вернулась изъ церкви жившая въ томъ же братскомъ домѣ старуха Ганна Иваныха и, ничего не вѣдая, отвязала дверь и вошла зачѣмъ-то въ „кимнату“. Гапка въ ту минуту была въ сѣняхъ. Спохватившись, что Иваныха, открывъ дверь и разбудивъ спящихъ, разстроила ея планы, она сначала вбѣжала въ „кимнату“ и съ бранью начала гнать оттуда Тымка, но затѣмъ сообразивъ, что не все еще потеряно, Гапка быстро заперла дверь и хотѣла звать людей. Какъ ни пьянъ былъ Тымко, онъ разгадалъ, однако, предательскій замыселъ Гапки и сталъ бѣшено ломиться въ дверь. Вырвавшись изъ западни, онъ такъ неистово принялся колотить Гапку, что она подъ его ударами испустила духъ.

---

[1]) Обычный въ то время способъ позорнаго клеймленія захваченныхъ на прелюбодѣяніи.

Сбѣжался народъ. Тымка связали и, какъ „забойцу, зъиманого на гарячимъ учынку“, отвели въ ратушу, „до полкового уряду“. Тамъ его немедленно подвергли допросу. Тымко такъ объяснялъ происшедшее убійство:

— Я, панове, въ тимъ двори пывъ, а вона, Гапка, безъ дання прычыны мене по щокахъ ударыла, чого я, пьянымъ будучы, не стерпившы, вдарывъ еи тилко всёго два разы, а Гапка, павшы на землю, заразъ и духа пострадала.

Судъ на „достовирнійшый доводъ тои справы“ велѣлъ призвать свидѣтельницу убійства Ганну Иваныху, которая такъ показала:

— Прыйшла я до тіеи жъ господы въ двиръ братерскій и не застала въ хати никого, тилко самую Гапку, ажъ бачу— поставци на столи стоятъ порожніи и стилъ полытый. Спыталася я: „чы то въ тебе, Гапко, напытку нема? Позбирай зъ столу поставци“. И тое ій сказавшы, пишла зъ хаты въ другую и обачыла, що горшкы въ печи зъ стравою поворочано, и пишовшы знову въ хату переднюю, нарикала я на Гапку за тое, що шкода есть, страву поворочано. Взявшы зъ викна желизне перехрыстя, хотила понести ёго въ кимнату, ажъ двери кимнатныи мотузкомъ завязани. Я ихъ одчыныла, увійшла въ кимнату и застала ёго, Тымка, зъ черныцею ніякоюсь зъ Будыського монастыря, а вернувшысь зъ кимнаты, сказала: „Гапко, чого винъ, Тымко, туда увійшовъ?“ А Гапка отказала: „Не знаю для чого и колы—не бачыла“, и почала ёго, Тымка, зъ кимнаты гоныты, а потимъ сама напередъ выбигши, защепнула двери защипкою, а Тымко почавъ двермы трусыты и велытъ отщепнуты. Скоро жъ вона отщепнула двери, а Тымко, выбигшы, почавъ іи, Гапку, быты, выговоруючы: „Сякая-такая нецного, чому ты на мене наволикаешъ безчестя?“ и такъ тыранско бывъ, що ажъ заледво оную водою одлылы. Вона жъ, Гапка, прыйшовшы къ соби, схопывшыся, кынулася до Тымка, а Тымко знову іи затявъ два разы, которая впавшы на землю вмерла. И такъ одъ Тымковыхъ рукъ небожка свита пострадала“.

Хотя фактъ преступленія былъ вполнѣ ясенъ и не нуждался въ разслѣдованіи, но судъ почему-то нашелъ нужнымъ отложить рѣшеніе дѣла „до указу пана зверхнійшого", т. е. полковника, котораго въ то время не было въ городѣ, а преступника велѣно было тотчасъ „пры тилу небожкы Гапкы прыкуваты, нимъ (пока) будетъ небожка погребена, а по погреби звычайнимъ до секвестру ёго, Тымка, даты" (т. е. взять подъ арестъ).

Фактъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ документѣ, т. е. приковываніе убійцы къ гробу жертвы, касается любопытнаго обычая, имѣвшаго въ то время общее распространеніе въ лѣвобережной Малороссіи, но, сколько извѣстно, не практиковавшагося на правомъ берегу Днѣпра. О немъ нѣтъ упоминанія ни въ Литовскомъ Статутѣ, ни въ Магдебургскомъ правѣ. По объясненію профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова,[1]) это—остатокъ древняго судебно-уголовнаго обычая, состоявшаго въ томъ, что убійцу, схваченнаго на мѣстѣ или даже подозрѣваемаго лишь въ этомъ преступленіи, привязывали къ ногѣ трупа и оставляли въ такомъ положеніи до суда, до офиціальнаго осмотра. Это имѣло значеніе или поличнаго (непререкаемой улики), или—пытки, которою вынуждалось собственное сознаніе; и нужно сказать, что такая форма пытки была одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ, такъ какъ рѣдкій убійца могъ выдержать долго очень близкое сосѣдство съ жертвою. Въ такой формѣ этотъ архаическій обычай существовалъ и въ Великороссіи еще въ XVI ст.

Въ Малороссіи XVII и XVIII вв. приковываніе къ гробу потеряло уже правовой характеръ и получило значеніе ненужнаго додатка къ тому наказанію, какое окончательно потомъ предстояло убійцѣ. Правда, на Запорожьи, если вѣрить народнымъ преданіямъ, нерѣдко случалось, что убійцу заживо хоронили вмѣстѣ съ жертвою. Хотя въ гетманщинѣ эта жестокая казнь

[1]) См. интересную его замѣтку объ этомъ предметѣ въ «Кіев. Старинѣ» 1888 года, т. XX.

несомнѣнно не практиковалась въ XVII ст., но если только она когда-либо была въ обычаяхъ древняго народнаго суда, то въ такомъ случаѣ приковываніе убійцы къ гробу убитаго можетъ быть разсматриваемо какъ ея символъ, или пережитокъ, имѣвшій цѣлью позоръ и устрашеніе. Правду сказать, и въ этой смягченной формѣ данный обычай заключалъ въ себѣ много излишней, утонченной жестокости. Преступникъ оставался прикованнымъ къ гробу иногда въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ и въ такомъ видѣ обязательно сопровождалъ его въ процессіи, когда мертвеца несли въ церковь и на кладбище. Легко представить, какія нравственныя муки онъ долженъ былъ испытывать, слушая вопли и причитанія родни убитаго и служа объектомъ негодованія со стороны окружающаго народа. Но этого мало. Обыкновенно покойника, наканунѣ погребенія, на ночь вносили въ церковь, и несчастный убійца проводилъ мучительнѣйшую ночь въ запертомъ храмѣ, наединѣ съ жертвою; а чтобы онъ, метаясь въ безумномъ ужасѣ, не опрокинулъ гроба, его нерѣдко связывали веревками и клали на ночь подъ „марами" (носилками), на которыхъ помѣщался гробъ.

Въ такой формѣ этотъ ужасный обычай просуществовалъ въ Малороссіи почти до конца XVIII ст. Еще въ 1783 году въ одной изъ церквей Черниговской епархіи, послѣ панихиды надъ убитымъ козачьимъ сыномъ Іосифомъ Бѣденкомъ, была прикована къ его гробу козачья дочь дѣвица Христина Водяникова, при чемъ мѣстный священникъ не только не препятствовалъ этому, но самъ приказывалъ бывшимъ въ церкви людямъ вязать Христину веревками и связанную положить подъ гробъ. Этотъ случай побудилъ генералъ-губернатора графа Румянцева, циркулярнымъ письмомъ къ архіереямъ малороссійскихъ епархій, обратить ихъ вниманіе на это „странное и человѣчество уражающее (оскорбляющее) произъшествіе" и просить о воспрещеніи столь жестокаго и противозаконнаго обычая, что и было исполнено [1]).

[1]) Тамъ же, указъ черниговскаго архіерея о воспрещеніи даннаго обычая.

Такую мучительную пытку долженъ былъ вынести и герой нашего разсказа Тымко Кузьменко и затѣмъ ожидать въ тюрьмѣ рѣшенія своей участи.

Ровно черезъ недѣлю „маестратъ миській полтавскій“ [1]), „одобравшы отъ зверхнійшого пана, властелина, одъ его мылосты пана полковника, указъ цетоваты (рѣшить) тую справу подлугъ (по) належытого права“, велѣлъ снова „передъ собою поставыты того мужоубойцу Тымка не для выведеня инквизиціи, лечъ (но) для ферованя (произнесенія) декрету и уконченя справы“. Тутъ явилась въ судъ и „акторская сторона“, сестра убитой Гапки, и „домовлялася судового всказаня“ надъ убійцей. Справившись съ законами, судъ приговорилъ Тымка къ смертной казни; но въ эту минуту полученъ былъ другой „указъ“ отъ полковника: „за усыловнымъ кривавослезнымъ маткы Тымковои и тещи и жоны его прошеніемъ, дароваты ёго горломъ“, обязавъ лишь его „поеднаты духовенство за отправу погребу небожкы Гапкы и за сорокоустъ за душу еи“ и сверхъ того уплатить „кревнымъ“ ея предписанную въ Литовскомъ Статутѣ „поголовщину“. Такъ какъ покойная Гапка „жыла лезно, безъ мужа, и не мила ёго, а шынкомъ бавылася“, то судъ опредѣлилъ за голову ея низшій размѣръ платы, всего 50 золотыхъ. Наконецъ, Тымко долженъ былъ уплатить „выну врядовую“, т. е. извѣстный денежный штрафъ въ пользу судей.

А „вына панская“, т. е. полковничій доходъ, неужели была прощена? О нѣтъ, полкозникъ тоже въ накладѣ не остался. Оказывается, что не однѣ „кривавослезныя“ мольбы несчастныхъ женщинъ подвинули его на милосердіе, а нѣчто иное, болѣе существенное. Такъ какъ у старой Кузьмихи и у ея свахи не было ни грунтовъ, ни пасѣкъ, ни даже „паровыць“ воловъ, то продолжительный торгъ за голову Тымка окончился выдачей полковнику формальнаго обязательства, по которому „оный Тымко,

[1]) Такъ титулуетъ себя въ данномъ декретѣ полковой судъ, собравшійся въ обычномъ своемъ составѣ: наказной полковникъ, полк. судья, городовой атаманъ, войтъ и бурмистръ.

выдячы такъ великое по Бозѣ его милости пана полковника отцевское надъ собою мылосердіе, ижъ (что) не тилко на здоровю не пострадалъ, и на худобѣ ненарушонимъ зосталъ,—во вѣчние и неуставаючіе роды зъ жоною своею поручилъ себе въ доживотную дому его панскому службу“.

Честь изобрѣтенія такой, новой въ Малороссіи, кабалы всецѣло принадлежитъ полтавскому полковнику Ивану Искрѣ, тому самому, который семь лѣтъ спустя вмѣстѣ съ Кочубеемъ задумалъ было подставить ногу Мазепѣ. Прежніе полковники продавали милосердіе за меньшую цѣну.

---

8. Козачка, спьяна застрѣлившая работницу.

Раннею весною 1689 года козацкіе полки, вмѣстѣ съ гетманомъ, выступили въ Крымскій походъ. Ушелъ вмѣстѣ съ ними и Борзенскій козакъ Грыцько Плющенко, а дома осталась жена его Палажка съ малыми дѣтьми. Въ то время рѣдкая изъ козачекъ въ отсутствіе мужа вела себя „статечно“ (благоразумно, воздержно), особенно въ городахъ: на базарѣ ежедневно съ ней встрѣчались кумушки да сестрички, охотницы повеселиться, звали къ себѣ или сами шли къ ней въ гости,—и изо дня въ день тянулись „бесиды“ да пьянство, а съ пьянства возникали подчасъ и другіе грѣхи. „Не статкувáла“, какъ видно, и Палажка Грыцыха: она тоже въ отсутствіе мужа предалась пьянству и дошла до того, что спьяна застрѣлила свою „наймычку“.

Въ то время Борзна была сотеннымъ городомъ нѣжинскаго полка и въ ней, какъ и въ другихъ городкахъ, существовалъ „козацкій сполне и мѣйскій“ судъ, немедленно собравшійся для разслѣдованія такого неслыханнаго проступка. За отсутствіемъ сотника, ушедшаго въ походъ, предсѣдательствовалъ въ этомъ судѣ городовой атаманъ, а съ нимъ засѣдали: войтъ, „значное товарыство“ (козаки), бурмистръ и нѣкоторые изъ почетныхъ мѣщанъ. Обвинителями выступили родители убитой,

нѣкто Тышко Батюта съ женой. Они съ плачемъ жаловались, что Палажка Грыцыха, „будучы подпылою, чы зъ умыслу, чы зъ трафунку (случайно),—о томъ Богъ всемогущій знаетъ,—невидомо за якую прычыну, а зъ неналежного своего жоноцкого поступку, чого бъ ій не годылося чыныты, порвавшыся до ручныци (ружья), хочай не знала, що оная була заправлена (заряжена), наймычку свою а дочку нашу власную Катерыну на смерть зъ ручныци застрелыла“.

Судьи спросили Палажку: „Для чого ты такый злый учынокъ учыныла: зъ якого ранкору (злопамятства), або за якый выступокъ смила на смерть забыты дивчыну, наймычку свою“?

— Що жъ, панове,—винилась Палажка,—грихъ мене спотькавъ. Тилко и було прычыны—за едну фанту[1]) кармазыновую старую, що удерто шматъ полы. Пытала-мъ: „чы то ты учыныла шкоду“? Тилко жъ вона, небожчыця Катерына, мовыла, що „я того непровынна: не знаю и не видаю, бо тое ще при самомъ господареви (хозяинѣ), якъ до війска не йшовъ, учынылося удартье“. И за тую прычыну хотила-мъ пострашыты: поставыла-мъ еи на тій фанти, узявшы ручыцю съ килка, а правди не знаючы, що була заправлена. Якъ звела-мъ курокъ, безъ подсыпкы опустывся, невидаты зъ чого спалыло на пановци, и застрелыла-мъ небожчыцю на смерть“.

Дѣло было ясно, въ дальнѣйшемъ разслѣдованіи не было нужды; постановить же приговоръ по настоящему дѣлу сотенный урядъ не имѣлъ полномочій, такъ какъ уголовные проступки, за которые могла угрожать смертная казнь, подлежали рѣшенію высшаго суда, полкового или генеральнаго. Поэтому Палажку Грыцыху, какъ „забойцю“, судъ велѣлъ немедленно посадить въ тюрьму и занялся рѣшеніемъ вопроса о томъ, что сдѣлать съ трупомъ убитой Катерины.

---

[1]) *Фанта*—закладъ, залогъ; очевидно, рѣчь идетъ о кармазиновой одеждѣ, кѣмъ-то оставленной въ залогъ.

По обычаю, отчасти основанному на предписаніи Статута[1]), не принято было хоронить убитаго раньше, чѣмъ свершится судъ надъ убійцей. При необыкновенной быстротѣ козацкаго судопроизводства, когда преступникъ нерѣдко судился и даже подвергался казни не позже, какъ на другой или третій день послѣ преступленія, такой обычай не былъ очень стѣснительнымъ; но если дѣло грозило затяжкой, судъ обыкновенно постановлялъ раньше декретъ о преданіи убитаго погребенію, не ожидая рѣшенія судьбы убійцы. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: принимая во вниманіе, что дѣло должно поступить на рѣшеніе высшаго суда и что трупъ въ лѣтнюю пору (дѣло происходило въ концѣ мая) нельзя долго держать, урядъ Борзенскій разрѣшилъ его „до гробу отпровадити“.

Но при этомъ, согласно существовавшему въ Малороссіи обычаю, слѣдовало вести за гробомъ и убійцу, прикованную къ гробу жертвы. Тутъ выступили родственники Палажки и стали просить Тышка Батюту освободить ее отъ этой позорной церемоніи въ виду ненамѣренности совершеннаго ею проступка. Въ то время отъ воли потерпѣвшаго зависѣло многое въ участи подсудимаго, даже полное освобожденіе его отъ кары за уголовный проступокъ. И Батюта, уступая этимъ просьбамъ, оказалъ „милость“ преступницѣ: „не позволилъ Грыцыхы до гробу при тѣлѣ дочки своеи явне вести“, а затѣмъ, „за намовами людскими и прозбою“ Палажки, „склонился и до згоды зъ нею“ и заключилъ мировую, въ силу которой Грыцыха должна была нанять сорокоустъ за душу убитой и кое-чѣмъ вознаградить осиротѣвшихъ родителей, а послѣдніе отказывались отъ уголовнаго преслѣдованія ея за убійство ихъ дочери.

Обо всемъ этомъ сотенный урядъ былъ обязанъ донести высшему суду, именно полковому; но въ данномъ случаѣ онъ почему-то миновалъ эту инстанцію и непосредственно обратился

---

[1]) Разд. 11, артык. 2-й; изъ него видно, что до изданія 3-ей редакціи Статута, во всей Литвѣ было въ обычаѣ не хоронить убитаго до совершенія суда надъ убійцей.

нѣкто Тышко Батюта съ женой. Они съ плачемъ жаловались, что Палажка Грыцыха, „будучы подпылою, чы зъ умыслу, чы зъ трафунку (случайно),—о томъ Богъ всемогущій знаетъ,—невидомо за якую прычыну, а зъ неналежного своего жоноцкого поступку, чого бъ ій не годылося чыныты, порвавшыся до ручныци (ружья), хочай не знала, що оная була заправлена (заряжена), наймычку свою а дочку нашу власную Катерыну на смерть зъ ручныци застрелыла“.

Судьи спросили Палажку: „Для чого ты такый злый учынокъ учынила: зъ якого ранкору (злопамятства), або за якый выступокъ смила на смерть забыты дивчыну, наймычку свою“?

— Що жъ, панове,—винилась Палажка,—грихъ мене спотькавъ. Тилко и було прычыны—за едну фанту[1]) кармазыновую старую, що удерто шматъ полы. Пытала-мъ: „чы то ты учынила шкоду“? Тилко жъ вона, небожчыця Катерына, мовыла, що „я того непровынна: не знаю и не видаю, бо тое ще при самомъ господареви (хозяинѣ), якъ до війска не йшовъ, учынылося удартье“. И за тую прычыну хотила-мъ пострашыты: поставыла-мъ еи на тій фанти, узявшы ручыцю съ килка, а правди не знаючы, що була заправлена. Якъ звела-мъ курокъ, безъ подсыпкы опустывся, невидаты зъ чого спалыло на пановци, и застрелыла-мъ небожчыцю на смерть“.

Дѣло было ясно, въ дальнѣйшемъ разслѣдованіи не было нужды; постановить же приговоръ по настоящему дѣлу сотенный урядъ не имѣлъ полномочій, такъ какъ уголовные проступки, за которые могла угрожать смертная казнь, подлежали рѣшенію высшаго суда, полкового или генеральнаго. Поэтому Палажку Грыцыху, какъ „забойцю“, судъ велѣлъ немедленно посадить въ тюрьму и занялся рѣшеніемъ вопроса о томъ, что сдѣлать съ трупомъ убитой Катерины.

---

[1]) *Фанта*—закладъ, залогъ; очевидно, рѣчь идетъ о кармазиновой одеждѣ, кѣмъ-то оставленной въ залогъ.

По обычаю, отчасти основанному на предписаніи Статута[1]), не принято было хоронить убитаго раньше, чѣмъ свершится судъ надъ убійцей. При необыкновенной быстротѣ козацкаго судопроизводства, когда преступникъ нерѣдко судился и даже подвергался казни не позже, какъ на другой или третій день послѣ преступленія, такой обычай не былъ очень стѣснительнымъ; но если дѣло грозило затяжкой, судъ обыкновенно постановлялъ раньше декретъ о преданіи убитаго погребенію, не ожидая рѣшенія судьбы убійцы. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: принимая во вниманіе, что дѣло должно поступить на рѣшеніе высшаго суда и что трупъ въ лѣтнюю пору (дѣло происходило въ концѣ мая) нельзя долго держать, урядъ Борзенскій разрѣшилъ его „до гробу отпровадити“.

Но при этомъ, согласно существовавшему въ Малороссіи обычаю, слѣдовало вести за гробомъ и убійцу, прикованную къ гробу жертвы. Тутъ выступили родственники Палажки и стали просить Тышка Батюту освободить ее отъ этой позорной церемоніи въ виду ненамѣренности совершеннаго ею проступка. Въ то время отъ воли потерпѣвшаго зависѣло многое въ участи подсудимаго, даже полное освобожденіе его отъ кары за уголовный проступокъ. И Батюта, уступая этимъ просьбамъ, оказалъ „милость“ преступницѣ: „не позволилъ Грыцыхы до гробу при тѣлѣ дочки своеи явне вести“, а затѣмъ, „за намовами людскими и прозбою“ Палажки, „склонился и до згоды зъ нею“ и заключилъ мировую, въ силу которой Грыцыха должна была нанять сорокоустъ за душу убитой и кое-чѣмъ вознаградить осиротѣвшихъ родителей, а послѣдніе отказывались отъ уголовнаго преслѣдованія ея за убійство ихъ дочери.

Обо всемъ этомъ сотенный урядъ былъ обязанъ донести высшему суду, именно полковому; но въ данномъ случаѣ онъ почему-то миновалъ эту инстанцію и непосредственно обратился

---

[1]) Разд. 11, артык. 2-й; изъ него видно, что до изданія 3-ей редакціи Статута, во всей Литвѣ было въ обычаѣ не хоронить убитаго до совершенія суда надъ убійцей.

въ войсковый генеральный судъ, прося у него „науки“, какъ поступить съ этой „справой“. Отъ генеральнаго суда послѣдовала такая „информація“: такъ какъ Палажка Грыцыха примирилась съ отцемъ убитой ею Катерины „и тое сталося зъ воли инстикгаторской (обвинителя, истца), того южъ и мы въ той справи поеднаня судомъ нашымъ не розрываемъ. Однакъ, гриху и помсты Божои варуючыся (остерегаясь), безъ карносты такого проступства, мимо законъ Божій, повынность наша судовая пустыты тую забойцю не повелѣваетъ; бо если право святое отцеви, который бы сына свого хотячы и не хотячы забывъ, указуетъ рикъ и шисть недиль у вязеню сыдиты, а другый рикъ въ собори церковномъ себе чтырикротъ на празныкы облычаты, [1]) а сеей забойци Грыцыси, которая, подпылою (пьяною) будучы, знаты зъ зухвальства своего надъ служебкою такее окрутное (жестокое) дило пополныла, овшемъ (тѣмъ паче) треба карности даты. Зачымъ абысте еи далы до вязеня, то есть до турмы, ежели на долгое вязеня способна, а ежели назбытъ прыкра (слишкомъ слаба), то въ якую комору крайную еи посадите, жебы сліота (непогода) не досаждала, де маетъ рикъ и шисть недиль, ведлугъ права (согласно закону), за свій выступокъ сыдиты; або выну пиняжную, ровную зъ нагородою укрывжоному, нехай намъ, суду, отдасть, ежели захочетъ фолкги (снисхожденія) и волности отъ сыдинья“.

Палажка, очевидно, предпочла уплату „вины“ продолжительному заключенію, потому что спустя нѣсколько дней Борзенскій урядъ получилъ отъ генеральнаго судьи Михаила Вуяхевича слѣдующее увѣдомленіе:

„Мои ласкавіи прыятели, пане атамане Борзенскій и пане войте тамушній зъ бурмистрами! Поневажъ Грыцыха, того свого злого учынку жалуючы, досыть тому укрывжоному отцеви забытои небожчыци учынила, сорокоуста за душу еи уеднала, теды судъ нашъ, респектомъ и малыхъ еи дитей, и прыхылывшися на прозьбу отца Грыцышына и дядька, одъ вязеня еи уволняетъ,

[1]) Имѣется въ виду предписаніе Статута, розд. 11, арт. 7, § 2.

съ которого абысте ваши милости, южъ жадного датку не вытягаючы, еи выпустылы и въ домъ до дитей пойты и вольно мешкаты (памятаючы на грихъ той, щобъ до покуты ся доброволне удала) позволылы. При томъ, по васъ того пыльно хотячы миты, зостаю назавше вашмостямъ всего добра зычлывымъ прыятелемъ ихъ царского пресвитлого велычества Войска Запорозского енералный судя и наказный гетманъ Мыхаилъ Вуяхевичъ. Зъ Батурына, мая 28, 1689 року“.

---

9. Жестокая жена.

Убійство женою мужа искони почиталось однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій и по степени уголовной отвѣтственности приравнивалось къ убійству родного отца или матери. Въ Литовскомъ Статутѣ опредѣлена была особая, необыкновенно жестокая, спеціальная кара за три преступленія: отцеубійство, матереубійство и убійство одного супруга другимъ. Первыя два преступленія, какъ совершенно противоестественныя, всегда были крайне рѣдки; скажемъ даже больше: ни въ уголовной практикѣ гродскихъ и магистратскихъ судовъ, насколько она извѣстна намъ изъ актовыхъ книгъ юго-западнаго края, ни въ актахъ козацкихъ судовъ мы не припоминаемъ ни одного случая такихъ преступленій. Но убійство между супругами лишь благодаря доктринерству старинной юриспруденціи могло быть включено въ одну категорію съ двумя первыми преступленіями; на дѣлѣ же, по самой природѣ своей, оно далеко не такъ, какъ тѣ, противоестественно, а неразрывность брачнаго союза, безправное положеніе замужней женщины и другія несовершенства семейнаго быта могутъ создавать на каждомъ шагу достаточные поводы къ этому ужасному преступленію. Правду сказать, малорусская женщина XVI—XVII в. в. меньше, чѣмъ всякая другая, имѣла поводовъ посягать на жизнь своего мужа: ея положеніе далеко не было безправнымъ; въ случаѣ неудачнаго брака не трудно было добиться развода; наконецъ, благодаря извѣстнымъ

свойствамъ малороссійскихъ нравовъ и характеровъ, женщина здѣсь всегда играла въ семьѣ такую роль, что чаще мужу приходилось терпѣть отъ нея, а не наоборотъ. Поэтому семейныя катастрофы были здѣсь явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ, почти исключительнымъ. Даже въ правобережной дворянской средѣ (XVI—XVII в. в.), сильно уже тронутой польскимъ культурнымъ вліяніемъ и утратившей патріархальную строгость и чистоту нравовъ, съ трудомъ можно указать лишь нѣсколько случаевъ мужеубійства, въ которыхъ напрасно было бы искать выраженія какого-либо протеста противъ супружескаго гнета: преступницами обыкновенно оказывались легкомысленныя или развращенныя женщины, желавшія путемъ убійства избавиться отъ нелюбимыхъ мужей и овладѣть ихъ состояніемъ. Въ уголовной хроникѣ козацкихъ судовъ намъ извѣстенъ пока единственный случай подобнаго преступленія, именно тотъ, который мы намѣрены разсказать; но и онъ, какъ увидимъ, если и даетъ поводъ говорить о семейномъ деспотизмѣ, то жертвой такого деспотизма, во всѣхъ отношеніяхъ, долженъ быть признанъ убитый мужъ, а отнюдь не убійца жена.

—

Дѣло происходило въ с. Мачохахъ, недалеко отъ Полтавы, въ первыхъ числахъ сентября 1700 года.

Жилъ тамъ нѣкій Дынысъ, бѣднякъ, не имѣвшій даже фамильнаго прозвища. Пробурлаковавъ всю жизнь, захотѣлъ онъ подъ старость обезпечить себѣ пристанище въ семьѣ и женился или, какъ говорится, „прыставъ въ прыймы“ къ немолодой уже бездѣтной вдовѣ Ульянѣ Бурковчихѣ, имѣвшей и хату, и грунтъ, и небольшое хозяйство. Дынысъ оказался усерднымъ, трудолюбивымъ „господаремъ“, и казалось, что престарѣлой четѣ до конца дней было обезпечено спокойное и безбѣдное существованіе. Одно лишь горе: Ульяна обладала однимъ изъ тѣхъ несносныхъ и для совмѣстной жизни совершенно невозможныхъ характеровъ, о которыхъ такъ мѣтко говоритъ извѣстное народное присловье: „се така баба, що ій чортъ на маховыхъ вылахъ чоботы подававъ“. Безъ мѣры злая и сварливая, Ульяна

сразу же обратила мужа въ батрака и въ безотвѣтную жертву всегда ей присущаго желчнаго настроенія. Вдобавокъ, была у нея пріятельница Тетяна Яцыха, такая же фурія, пьянствовавшая вмѣстѣ съ нею и почему-то постоянно вооружавшая ее противъ Дыныса. Долго бывшій бурлака „понòсывъ“ отъ жены „многіи биды, досады и уничиженія“, наконецъ мѣра его терпѣнія истощилась, и онъ принялъ рѣшительное намѣреніе бѣжать отъ прелестей супружеской жизни и поступить въ „шпиталь“ (богадѣльню), въ это послѣднее убѣжище сирыхъ, недужныхъ и безпріютныхъ. Но такихъ, какъ онъ, даромъ въ „шпиталь“ не пускали, а требовали „вступного“ копу грошей. Какъ ни незначительна была эта сумма, но у бѣднаго „господаря“, до изнеможенія работавшаго не на своемъ „господарствѣ“, никогда ея не водилось, а жена не давала и требовала, чтобы онъ раньше окончилъ уборку хлѣба и тогда уже убирался „хочъ пидъ тры чорты“. Дынысъ добросовѣстно исполнилъ и это требованіе, свезъ хлѣбъ до послѣдняго снопа въ токъ, сложилъ въ скирды и сталъ настойчиво просить жену отпустить его съ миромъ и дать ему копу грошей „для вкупленяся въ шпыталь“ и новую свиту. Но Ульянѣ не было никакого разсчета лишиться дарового работника, и она, грубо издѣваясь надъ мужемъ, прогнала его съ глазъ и ушла въ корчму къ пріятельницѣ. Вернулся несчастный бурлака на токъ, а тамъ стоятъ аккуратно сложенные стожки—его „кривавая праця“, плодъ неустанныхъ его трудовъ на чужую корысть. Невыносимо горько сдѣлалось на душѣ у Дыныса, и онъ „зъ велыкого жалю“, не помня себя отъ гнѣва и огорченія, взялъ да и поджегъ эти самые стожки, а самъ натянулъ на плечи драную свиту, нахлобучилъ шапку, махнулъ рукой и ушелъ „свитъ за очи“.

Когда надъ токомъ взвились клубы дыма, сбѣжались сосѣди и стали тушить пожаръ. Прибѣжала и Дынысыха. Она сразу догадалась, чьихъ рукъ это дѣло, и неистово кричала: „Ой дожените, ой прыведите мени того клятого палія, того старого собакý“. Когда пожаръ былъ уже притушенъ, двое изъ сосѣдей, особенно негодовавшихъ на Ды-

ныса за поджогъ, угрожавшій и ихъ усадьбамъ, сѣли на возъ и погнались за бѣглецомъ. Они догнали Дыныса далеко за селомъ, связали, привезли на мѣсто пожарища и первые стали бить палками. Прибѣжала затѣмъ Ульяна, схватила оглоблю и била связаннаго мужа до изнеможенія, потомъ позвала на помощь пріятельницу Тетяну и велѣла ей бить вилами. Бѣдный Дынысъ не былъ въ состояніи выдержать такого дружнаго боя и испустилъ духъ.

Собрался судъ для рѣшенія дѣла о такой неслыханной „злости". Въ качествѣ истцовъ явились племянники убитаго Каленикъ и Пылыпъ Науменки, жители сосѣдняго съ Мачохами сельца Хведорокъ, а обвиняемыми были: Ульяна Дынысыха, какъ „принципалка забойства" и помогавшіе ей: Тетяна Яцыха, Юско Литвинъ и Павло Билыкъ. Первымъ былъ допрошенъ Юско Литвинъ, ѣздившій въ погоню за Дынысомъ. Его спросили: „Зъ якыхъ миръ и съ кымъ ты Дыныса бывъ?" Онъ отвѣтилъ:

— Правда, панове, піймавшы ёго и прывизши до ёго току, я немного бывъ оного зъ Павломъ Билыкомъ, тилко жъ вышныною, и вдарывшы-сьмо по килка разивъ, оставыл-емъ оного, а самъ пишовъ до атамана оповистыты, що ёго, Дыныса, піймалы и прывезлы; и колы вже зъ атаманомъ прыйшлы-сьмо, засталы жону ёго Уляну Дынысыху та Тетяну Яцыху, которіи ёго былы: Уляна оглоблею, а Яцыха выламы, и такъ одъ того бою мало и жывъ будучы, якъ-бы годынъ въ дви чы въ тры умеръ, которого вже и розвязалы-сьмо нежывого".

Спросили Павла Билыка: „чы и ты тому бою прытомнымъ (участникомъ) бувъ?"

— А що жъ, панове—отвѣтилъ онъ—було тое, бо якъ прывизъ Юско зъ Педоромъ Деныса, пойманого, а я стеригъ вогню, щобъ не росполонывся, тоди Юско веливъ мени дви вышныны выризаты, и такъ я, выризавшы ёму одну, а соби другую, былы-сьмо ёго потимъ, звязаного. Юско жъ до атамана пишовъ, а я стеригъ оного. Тутъ прыйшла Дынысыха, а взявшы зъ стрихы оглоблю, была ёго, Дыныса, тыранско. Потимъ прыйшла Тетяна Яцыха, и мало вже жывого заставшы, тежъ

была выламы, допытуючыся: „за що ты, мовытъ, злый сыне, на мене маешъ за зле и говорышъ, будто ты черезъ мене не маешъ мешкаты зъ жоною своею?" И якъ вже прыйшовъ Юско зъ атаманомъ, засталы Дыныса тилко що жывого, однакъ вже не говорывъ, который того жъ часу и Богу душу отдавъ.

Тетяну Яцыху спросили: „За що ты Дыныса была?" Она сказала:

— Правда, панове, що была-мъ ёго, бо винъ на мене бувало все говорытъ, будто черезъ мене зъ жоною своею мешканя не маетъ, и за тое ёго зъ килька разивъ палыцею ударыла; бо жона ёго Уляна, прыйшовшы до мене, сказала мени: „прывезлы, мовытъ, и того старого собаку, ворога нашого, который о тоби а о мени много чынывъ обговору и веславы. Будетъ мене памятаты: частовала мъ ёго оглоблею добре; пойды и ты а свого жалю помстыся надъ старымъ псомъ". Послухавшы іи, пишла до току и была-мъ ёго палыцею, тилко не одъ мене смерть ёго постыгла.

Сама Денысыха Ульяна ограничилась короткимъ объясненіемъ:

— За тое я ёго была, що винъ мое добро, пашню въ току запалывъ. Тилко жъ того бою не я, панове, початкомъ: Лытвынъ зъ Павломъ впочатку, скоро ёго прывезлы, піймавшы, былы въ дви палыци.

Спрошены были въ заключеніе и свидѣтели, очевидцы происшествія. Они показали:

— Юско впочатку зъ Павломъ Билыкомъ былы въ дви палыци, перестаючы, и колы просывъ Дынысъ пыты, Юско знову веливъ ёго наповаты палыцямы, и насъ заставлявъ быты, але жъ мы ёго быты не хотилы; тоди Юско знову зъ нымъ же, Павломъ, ёго, Дыныса, былы. Потимъ прыйшла, жона ёго, Дынысова, и взявшы оглоблю, была ёго оглоблею нещадно; а по ній Яцыха прыйшла а, взявшы выла, оного жъ была. А Юско, видячы, що вже Дынысъ кончытся, пишовъ до атамана, и вже зъ атаманомъ прыйшовшы, жывого Дыныса не засталы, але вмерлого вже розвязалы.

Судъ нашелъ, что дѣло вполнѣ выяснено „и жадного болшъ доводу не потреба, поневажъ самы обжалованныи злость

свою на себе вызпалы". Прежде всего судьи постановили, чтобы тѣло убитаго, остававшееся, какъ всегда, до производства судебнаго слѣдствія не похороненнымъ, было предано землѣ „подлугъ звычаю", затѣмъ приступили къ составленію приговора относительно Ульяны Дынысыхы, признанной виновной въ мужеубійствѣ, и ея случайныхъ помощниковъ. Справившись съ Литовскимъ Статутомъ, нашли въ 6 артык. 11-го разд. прямое предписаніе, что жена, умертвившая „доживотного пріятеля своего, не толко горломъ маетъ быти карана, але и почтивость и всю маетность тратитъ, а тоею карностью ганебною (позорною) маетъ быти карана: по рынку волочачы, клѣщами тѣло торгати, а потомъ въ мѣхъ скуряный (кожаный), всадивши до него пса, кура, ужа и кошку, зашити и где найглубей до воды втопити; тымъ же тежъ обычаемъ и помощники маютъ быти караны". Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ слишкомъ сложный и вычурный родъ казни едва ли примѣнялся и въ самой Литвѣ, по крайней мѣрѣ на Волыни извѣстные намъ процессы о мужеубійствахъ оканчивались обыкновенною смертною казнью отъ руки палача; тѣмъ меньше этотъ родъ казни могъ примѣняться въ лѣвобережной Малороссіи. Не остановились на немъ и члены полтавскаго полкового суда: „А поневажъ (читаемъ далѣе въ декретѣ) въ насъ того обычаю не заховуютъ, теды, запобигаючы мы такій злости, абы промежъ людьмы, а звлаща межи малженствомъ, оная не множылася, якая на Уляну Дынысыху показалася, що вона, не памятаючы на почтывость стану малженского и жадного никóлы пошанованя мужеви своему не чынячы, овшемъ (а напротивъ) завше его пры старости унычыжала, зъ дому ёго гонила, а наостатокъ, якъ зъ инквизиціи показалося, свыты едной и копы грошей для вкупленяся въ шпыталь ёму не дала, и тымъ злость взгнитывшы, що винъ пашню свою запалывъ, о смерть ёго зъ помощныкамы своимы прыправыла,—маетъ вона подлугъ нынѣшнего декрету киньмы по рынку волочена и клищамы торгана, а наостатокъ маетъ смертелне четвертованемъ скарана буты сама одна, а помощныкы еи повынни головщыну кревнымъ Дынысовымъ платыты и выну панскую и врядовую".

Постановляя этотъ суровый приговоръ, судьи не могли не сознавать, что въ данномъ преступленіи, въ сущности, не было

преднамѣреннаго убійства, а было лишь причиненіе жестокихъ побоевъ въ состояніи запальчивости, вызванной опрометчивымъ поступкомъ самого пострадавшаго; вотъ почему остальные участники преступленія подверглись легкой карѣ, какая положена была за неумышленное убійство, между тѣмъ какъ Ульяна Дынысыха, въ сущности не болѣе ихъ виновная, была присуждена къ лютой казни, назначенной въ законѣ за предумышленное мужеубійство. Но судьи въ этомъ случаѣ могли невольно поддаться тому тягостному и крайне невыгодному для подсудимой впечатлѣнію, какое было произведено раскрытой при слѣдствіи картиной отношеній Дынысыхы къ ея покойному мужу, и въ своемъ приговорѣ они явились какъ бы мстителями за всѣ униженія и поруганія, какія терпѣлъ несчастный Дынысъ отъ злой жены.

---

10. Женоубійца.

Совсѣмъ иначе отнесся тотъ же судъ къ аналогичному преступленію—убійству жены мужемъ.

Въ началѣ 1700 г. присланъ былъ въ полтавскій полковой судъ „на декретъ" житель г. Переволочной, Юхымъ Рѣзникъ, обвиняемый въ томъ, что онъ, „запомнившы боязнь Божую и встыду людского, тиранско замордовавъ жону свою ажъ до смерты". На судѣ его спросили: „Що тому забойству за прычына була"? Онъ такъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, такъ то мене грихъ поткавъ и вседушевный непрыятель до того мене прывивъ. Воля ваша що хотиты зо мною чыныты, тилко якъ передъ Богомъ вамъ ся открываю, що вона, небижка, завжды пьянствомъ ся бавыла и статковаты не хотила, и мене не слухала, и ганебне було вексуетъ[1]), диты зъ дому розгоныть, и такъ зъ неосторожносты своеи хотивъ еи покараты, а до смерты прыйшло".

---

[1]) Старинное польское *weksować* (отъ лат. vexare)—надоѣдать, мучить.

Въ Литовскомъ Статутѣ за женоубійство опредѣлена была та же самая лютая казнь, что и за мужеубійство; если же въ преступленіи Юхыма Рѣзника нельзя было усмотрѣть умышленнаго убійства, то и въ дѣлѣ Ульяны Дынысыхы, какъ мы видѣли, тоже не было основанія приписать ей злой умыселъ, однако ее покарали по Статуту, какъ умышленную мужеубійцу. Но въ данномъ случаѣ судьи, вопреки обычаю, даже не „взглянули у право“ и безъ всякой ссылки на статьи закона постановили слѣдующій приговоръ: „Судъ, выдячы тое, що за убыйство ёго (Рѣзника) и инстикгаторовъ (обвинителей) жадныхъ немае и диты на ёго не настоюютъ и зъ выны вымовляютъ, полицаючы (поручая) сіе забойство праведному судови Божому, даруетъ его (Рѣзника) душею и одпускаетъ на покаяніе, щобъ за еи, небожкы, душу духовного отца за сорокоустъ погодывъ и за свое прегрішеніе старався до кончыны своеи покутоваты“.

Здѣсь судъ вступилъ въ явное противорѣчіе съ закономъ: въ Лит. Статутѣ убійство между супругами отнесено именно къ числу тѣхъ немногихъ, особенно тяжкихъ преступленій, за которыя судъ былъ обязанъ по собственной иниціативѣ и своими средствами преслѣдовать виновнаго, хотя бы дѣти или близкіе родственники не желали возбуждать дѣла или даже готовы были простить убійцу[1]). Очевидно, что этотъ Рѣзникъ былъ дѣйствительно несчастливымъ мужемъ, но заботливымъ отцомъ, и у судей изъ чувства человѣколюбія не поднялась рука, чтобы обрушить на него громы правосудія и окончательно осиротить его несчастныхъ дѣтей. А въ подобныхъ случаяхъ члены козацкихъ судовъ, какъ непрофессіональные юристы, не стѣснялись слѣдовать исключительно велѣніямъ своей совѣсти, пренебрегая требованіями положительнаго закона.

---

[1]) Раздѣлъ 11, артыкулъ 6, § 2.

11. Кровосмѣшеніе и дѣтоубійство.

Полтавскій козакъ Данило Клитненко женатъ былъ на вдовѣ, имѣвшей сына. Своихъ дѣтей у него не было, и онъ выростилъ „пасерба“ (пасынка), какъ родного, женилъ его и надѣялся въ старости имѣть въ немъ опору и утѣшеніе. Но въ началѣ 1698 г. этотъ „пасербъ“ неожиданно умеръ, скоро послѣ того умерла и жена Данила, и остался онъ лишь съ неродною невѣсткою-вдовою Параскою Жаданивною. Данило былъ далеко не старымъ человѣкомъ, а его невѣстка совсѣмъ была молодою, и не диво, что, живя вдвоемъ въ одномъ домѣ, впали они въ превеликій грѣхъ, прижили дитя и, боясь позора и кары, погубили его. Можетъ быть, преступленіе это осталось бы нераскрытымъ, но вслѣдъ за тѣмъ сами преступники стали испытывать такое мучительное душевное состояніе, что Данило отправился къ своему духовнику, полтавскому протопопу о. Лукѣ Симеоновичу, повинился ему во всемъ и сталъ умолять наложить на него и на невѣстку самую тяжкую „покýту“ (епитимію), но снять съ ихъ совѣсти непосильную тяготу и вернуть имъ утраченный душевный покой. Старый протопопъ пришелъ въ ужасъ, выслушавъ Данилову исповѣдь, и сказалъ: „Безъ мѣры великъ твой грѣхъ, человѣче, и нѣтъ вамъ иного способа для его искупленія, какъ съ раскаяніемъ и покорностью волѣ Божіей перенести ту кару, какую наложитъ земное правосудіе“,—и съ этими словами отправилъ Данила въ полковый судъ.

Вѣсть о неслыханномъ преступленіи Данила Клитненка и его невѣстки взволновала всю Полтаву, и много „значного козацтва“ и „славетного“ мѣщанства собралось въ ратушу, чтобы послушать, какъ будутъ судить великихъ грѣшниковъ. Съ видомъ глубокаго сокрушенія Данило и Параска предстали предъ судомъ и не таясь и не оправдываясь „сами на себе тотъ ганебный учинокъ вызнали“.

— Грихъ насъ, панове, спиткавъ,—винился Данило,—бо ще одъ святъ прошлыхъ воскресенскихъ знесшися я зъ Параскою, невисткою моею, мешкалы-сьмо по смерти жоны моеи въ еднимъ дому, и грихъ полнячы, прыжылысьмо дытя, дивчыну, и на морози держачы оное заморозылы и въ хыжи у землю закопалы, уходячы публикы свитовои и карности. Любо жъ (хотя) я еи, Параску, одъ того и одводывъ, лечъ (но) не мигъ еи въ тимъ погамоваты (удержать), бо вона мени сказала: „волымо вже за грихъ терпиты у Бога кару, нижъ встыдъ межъ людьмы миты"; и такъ по еи воли и я дався и билшъ одъ тои згубы не одводывъ, але и самъ на тое радывъ.

Параска ничего не сказала, потому что за горькимъ плачемъ не могла проговорить и слова.

Ни допроса свидѣтелей, которыхъ, впрочемъ, и не могло быть, ни извлеченія трупа погубленнаго ребенка, ни другихъ какихъ-либо слѣдственныхъ мѣръ судъ не призналъ нужнымъ производить: зачѣмъ все это, когда преступники сами во всемъ винились? Оставалось произнести декретъ.

Судъ, „познавши такый ганебный учынокъ Даныловъ и Паращынъ", призналъ, что они повинны въ двухъ тяжкихъ преступленіяхъ: „прогнивалы Господа Бога" тѣмъ, что, „въ сродстви будучы, допустылыся такого спросного (гнуснаго) гриха, а що гирше—поневажъ еще и плоду набувшы, оный згубылы"; и „вглянувшы въ право посполитое, (судьи) вынайшлы въ Статутѣ князства Литовского" (роздѣлъ 11, артык. 60) такое постановленіе: „кды бы (если бы) которая бѣлая-голова, не живучи въ станѣ малженскомъ, але вшетечне ся и нерядне справуючи и такъ плоду набувши, а потомъ для встыду албо боязни караня тотъ плодъ сама албо черезъ кого иного стратыла и о смерть приправовала, таковые—яко тотъ, хто ся того чинити и плодъ такый губити подвязалъ, яко и тая, которая плодъ свой на страту дала, сами маютъ горломъ карани быти". Въ виду этого судъ постановилъ: „тому жъ декретови и тыи

двое збытечныкы и явногришныкы Даныло и Параска, невистка ёго, зосталы подлеглыми".

Осужденныхъ отвели на мѣсто казни, и тамъ они „подлугъ права, за свою такую ганебную вину, зосталы стяти", т. е. имъ отрубили головы.

---

12. Расторженіе брака, какъ мѣра уголовнаго наказанія.

Близка была отъ опасности впасть въ ту же „ганебную вину" душегубства и полтавская мѣщанка Настя Цымбалистая. Была она женщина далеко немолодая, имѣла мужа и почти взрослую дочь. Мужъ занимался прасольствомъ, ѣздилъ то въ Сѣчь, то за Днѣпръ, то въ Слободскую Украину и по цѣлымъ годамъ не бывалъ дома; а легкомысленная жена, получая отъ него деньги на уплату долговъ, прогуливала ихъ „зъ мылосныкомъ" (любовникомъ) Грыгоромъ „винникомъ" (винокуромъ) да справляла ему дорогіе жупаны. Это былъ захожій мастеровой человѣкъ, служившій на одномъ изъ винокуренныхъ заводовъ, какихъ въ то время было много въ Полтавѣ, и судя по имени (Грыгоръ=польск. Grzegorz) долженъ быть признанъ если не полякомъ, то выходцемъ изъ Бѣлоруссіи или правобережной Украины.

Что ни дѣлалъ несчастный Мартынъ, чтобы отвадить этого Грыгора отъ своей жены, ничто не помогало; пока онъ дома, Настя будто ведетъ себя „статечне", какъ подобаетъ „мужней жонѣ", а чуть мужъ со двора, она принимается за старое. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока осенью 1690 года Настя „несподивано набула плодъ" и, боясь мужа и „свитовои публикы", задумала отдѣлаться отъ него путемъ преступленія или сдать его на попеченіе виновника его дней, какъ поется въ пѣснѣ:

Ой на тоби, козаче, дытыну,
Бо, далеби, въ кропыву укыну:

Я не хочу дытя годуваты,
То не будуть люды мене знаты.

Къ чести Грыгора, слѣдуетъ сказать, что онъ не отвѣтилъ, какъ герой той же пѣсни:

Не моя прычына—не моя дытына:
Сама есы, дурна дивко, ты у всёму вынна.

Опасаясь, какъ бы Мартыныха и впрямь не сгубила ребенка, онъ пріискалъ ему кормилицу и нанялъ для нея помѣщеніе вдали отъ сосѣдей, въ предмѣстьи Полтавы, Павленкахъ. Но отъ любознательныхъ кумушекъ не скроешься и подъ землею: онѣ не спускали глазъ съ Мартыныхи съ первыхъ дней ея интереснаго положенія и прекрасно знали, гдѣ находится ея ребенокъ и что съ нимъ дѣлается.

Но вотъ спустя три мѣсяца кормилица была разсчитана, а ребенокъ куда-то исчезъ. Сосѣдки и кумушки пришли въ волненіе: куда Мартыныха дѣвала ребенка? Ужъ не „згладыла“ ли его со свѣта? Поволновались день-другой и рѣшили, что нужно оповѣстить урядъ. И вотъ въ февралѣ 1691 г. ближайшая сосѣдка Меланка Кованьковна, обиженная тѣмъ, что Мартыныха не пригласила ее „бабовать“, отправилась въ полковый судъ и заявила слѣдующее:

— Панове! Мартыныха Цымбалыстая, боязны Божои забувшы и караня права посполытого, безъ бытносты мужа свого Мартына, который у Сичи черезъ рокивъ два зостававъ, сплодыла дытя зъ Грыгоромъ вынныкомъ и породыла ёго сеи прошлои осены, передъ святымъ Дымытріемъ. Видаю я о тыхъ нецнотлывыхъ поступкахъ еи добре, бо тоди Настя, дочка Мартынышына, прызвала мене до матери своеи, ажъ дытыну уже уродыла Мартыныха. Тамъ тоди стоявъ Яцько Лысый, вынныкъ, и баба тіеи дытыны, Хымка Семеныха. Яцько Лысый, вынныкъ, и Олена Хведорыха, взявшы тую дытыну, пишлы до манастыра, абы тамъ еи охрещено—для того, щобъ въ поголосци людскій

тое Мартынышыне проступство не могло чынытыся. И я зъ нымы туды жъ ходыла. Охрещено тамъ тую дытыну рукамы отця Исыхія, намисныка, и дано ій имя Настя. Зъ манастыра тоди, не несучы вже тіи дытыны до Мартыныхы въ домъ, але прынесено еи до Сухыныхы старои въ хату. Тая жъ Олена Хведорыха, що була кумою, нанялася тую дытыну годоваты на чверть року за пять золотыхъ. А теперъ не видаю, де тая дытына дилася. Поты моеи повисты.“

Судъ велѣлъ эту „повисть“ записать, а бывшую „мамку“ и куму Олену Хведорыху „припровадити“ на урядъ. Въ тотъ же день она была допрошена и показала такъ:

— Правда то есть, панове: хрыстыла я тую дытыну въ манастыри изъ Яцькомъ вынныкомъ; тамъ тоди була и Мелашка Кованькивна. По крещени зась, для пидпоры свого убозства, взяла я тую дытыну годоваты на чверть року за пять золотыхъ. Перше зоставала я съ тіею дытыною въ Сухыныхы чотыри недили, и Сухыныси, що мя передержала зъ дытыною чотыри недили, дала Мартыныха два золотыхъ. А одъ Сухыныхы пишовшы, промешкала я на Павленкахъ у Ивана Чыгыря висимъ недиль. Бильшъ безъ нагороды годоваты я не хотила. Ажъ прыйихавъ туда, на Павленкы, Яцько Лысый, вынныкъ, кумъ Мартынышынъ, съ которымъ я тую жъ дытыну хрыстыла у манастыри. Прыйихавшы зъ якымсь чоловикомъ, повидавъ Яцько, що се прыятель Мартынышынъ, въ Решетыливци жыветъ, и того чоловика жинка, взявшы дытыну Мартынышыну одъ мене, повезлы невидаю куды. Поты моеи повисты“.

Судъ и эту „мову Оленыну“ записать велѣлъ.

Затѣмъ былъ призванъ кумъ Мартыныхи, Яцько Лысый, винникъ, сослуживецъ и большой пріятель Грыгора, чѣмъ и объясняется его заботливое участіе въ судьбѣ ребенка и въ сохраненіи тайны его рожденія. Яцька спросили: „Черезъ якый способъ дытыну тую, взявшы зъ Оленою Хведорыхою, пишлы вы до манастыра хрестыты, а не до парохіяльного презвытера?

— Я, панове, не знаю, чія то дытына,—отвѣчалъ Яцько. Мене на улыци попрошено, Олена Хведорыха просыла, и пышлы-сьмо, тую дытыну перехрестылы въ монастыри.

— А що то за чоловикъ, що съ тобою прыйихавшы на Павленкы, до хаты Ивановои Чегырёвои, взялы зъ рукъ Олены, кумы и мамкы Мартынышынои, дытыну Мартынышыну? спросили судьи.

— Не знаю, не знаю,—„одпирався“ Яцько,—що то за чоловикъ зъ жоною своею, на Павленкы прыйихавшы зо мною, взялы у Олены тую дытыну.

Въ виду столь явнаго запирательства, судъ велѣлъ дать Яцька „пидъ кіевое караня“. У него тотчасъ развязался языкъ, и онъ сталъ молить:

— Не кажитъ мене, панове быты: я вамъ скажу самую правду. Такъ було, якъ Мелашка Кованькивна и Олена Хведорыха повидаютъ: не на улыци мене прошено тую дытыну Мартынышыну хрестыты, але зъ господы еи, Мартыныхы, взявшы, у хрещеня святое у манастыри увелы-сьмо; и того чоловика, що зъ своею жинкою и зо мною прыйихавшы на Павленкы, у Олены тую дытыну узялы, зовутъ ёго Юхымомъ, а господыню ёго Орышкою, жывутъ воны на сели Кгуджулахъ. Той Юхымъ Грыгорови тому, зъ которымъ Мартыныха сплодыла дытыну, братъ удругыхъ (т. е. двоюродный.) Бо почувшы Мартыныха, що мужъ еи скоро къ домови будетъ, просыла мене, абы я Грыгоровій невистци тую дытыну отдавъ; я на прозьбу еи чынывъ тое, отдавъ дытыну на село Кгуджулы до рукъ Орышкы, невисткы Грыгоровои.

Въ это время „миськи слугы“ привели въ судъ Настю Мартыныху Цымбалистую. „Не показуючы ей доводовъ тыхъ, що въ семъ свидомыю вышей доложено“, судьи спросили Настю: „Чи правда есть тому, що ты, грихъ беззаконый пополнывшы, сплодыла соби дытя зъ Грыгоромъ вынныкомъ?“

— Не знаю я того, панове,—отвѣчала крайне смущенная Настя.—Такъ то на мене люды говорятъ, але я не чуюся въ тимъ.

Тутъ судьи позвали Олену Хведорыху и велѣли ей уличать Настю. И „стала ій Олена, кума и мамка, все въ очи выговорувати, повидаючы: „Чого таишся, Насте? Сплодыла-сь тое

дытя зъ Грыгоромъ, вынныкомъ, которое теперъ, за прозьбою твоею, одъ мене взявшы, на Кгуджулы отдано.“

Настя, слушая это, горѣла отъ стыда „и зъ велыкого встыду мало вже що и одповидала“. Её велѣно взять „до вязеня“.

Наконецъ „зыськанъ“ былъ и Грыгоръ, винокуръ. Онъ упорно „прився (отрицалъ) всихъ своихъ нецнотлывыхъ поступкивъ“. Его не стали уличять, а просто велѣли дать „до вязеня“.

На другой день была допрошена Химка Семеныха, „що тій порожоній Мартынышыній дытыни бабою була“. Она показала:

— Зазвала мене, панове, Настя, Мартынышына дочка, въ хату, говорячы: „ходы, прави, маты моя недужа“. Я зась прыйду, ажъ тилко тіеи дытыны порожденя стало. Тоди мусила-мъ очыстыты по звычаю нашому“.

Въ этотъ же день были „прыпроважени“ изъ с. Гуджуловъ, что близъ Полтавы, Юхымъ съ его женою Орышкою и съ ребенкомъ Насти Мартыныхи. Юхымъ „повѣдалъ“ такъ:

— Я не видавъ, що то за дытына, бо Яцько Лысый говорывъ мени такъ: „сестра, прави, моя вмерла и дытына тая осталась; давъ я бувъ еи годоваты мамци, такъ вона не схотила годоваты въ чужій хати“. А я певне не видавъ, чія то дытына.“

Этимъ закончено было судебное слѣдствіе, рѣшеніе же дѣла отложено до возвращенія въ Полтаву „акторской стороны“, то есть мужа преступной Насти, которая до того времени, вмѣстѣ съ Грыгоромъ, должна была оставаться въ заключеніи.

Лишь черезъ двѣ недѣли послѣ того вернулся домой—не на радость, конечно—Мартынъ Цымбалистый, и на другой же день судъ занялся окончаніемъ дѣла о его женѣ. На судѣ Мартынъ такъ жаловался на Грыгора винокура:

— Панове! Сей зрайца Грыгоръ вже одъ давного часу мешканя мое псуетъ и не даетъ мени зъ жоною мешкаты, худобы моеи зъ моею Настею не мало поліотровалы (разграбили). Напомынавъ я незбожныка кількокротне, щобъ мени встыду на домивку не наволикавъ, але винъ, на тое не дбаючы, до

сыхъ часъ зъ жоною моею мешкаючы, дытя (якъ теперъ я вывидавъ слушнымы доводамы) сплодылы, убогый домъ мій прывелы до нечесты. Я, убогый чоловикъ, черезъ еи власне у велыкыхъ довгахъ ставъ: що прышлю зъ Сичи и зъ иншыхъ сторинъ людямъ виддаты, то вона зъ мылосныкомъ своимъ, зъ сымъ Грыгоромъ, прогуляетъ, ще до того и жупаны ёму справляла. Воля мылостей вашыхъ, тилко жъ одъ сёго часу не хочу еи миты за жону. Прошу зъ оной справедлывосты.

Судьи спросили Настю: „Чы зъ давныхъ вже часивъ зъ тымъ вынныкомъ Грыгоромъ мешкаешъ?"

— Я того ничого не знаю,— продолжала играть роль угнетенной невинности Настя,—и не моя то дытына, що годовала мамка.

За то Грыгоръ пересталъ запираться.

— Що жъ, панове,—винился онъ,—мешкавъ я много зъ Мартыныхою, пополнылы-сьмо беззаконый грихъ, въ которомъ гриху сплодылы-сьмо дытя, якее мылостямъ вашымъ показувано. Правда, скоро воно уродылося, повидала мени Мартыныха: „Де хочъ, прави, ёго подинь: хочъ убый, хочъ дай мамци годоваты". Тоди я, боячыся велыкого караня на себе, заказавъ ій, абы тои дытыны не вбываючы, мамци дала годоваты, и на тимъ сталося съ порады моеи".

Послѣ этого откровеннаго признанія Настя убѣдилась, что дальнѣйшимъ запирательствомъ она лишь напрасно вредитъ себѣ, и „вырекла тое:"

— Такъ есть, панове, гришыла я много зъ тымъ вынныкомъ и уродыла тое дытя. Не могу ся вже проступку, встыду одъ людей, а надто гриха свого затаиты, тилько прошу мылостей вашыхъ надъ собою змылованя."

Судъ справился съ „правомъ посполитымъ" и въ книгѣ „Порядокъ", на листѣ 132, нашолъ „декретъ:" „Чужоложникъ на горлѣ маетъ бути каранъ, а чужоложниця абы была у пренкгера (позорнаго столба) быта и одъ права малженского оддалена". Но тутъ за Грыгора стали ходатайствовать „люды зацныи" изъ числа присутствовавшей въ судѣ публики, можетъ

быть хозяева тѣхъ винокуренъ, которыя имъ были устроены. Судьи согласились смягчить ему кару и постановили такой приговоръ: „Чужоложныка Грыгора любо (хотя), за прозьбою людей зацныхъ, караньемъ на горли даровалы-сьмо, однакъ прыказуемъ урядовне, абы винъ одъ сёго часу куда хотя зъ миста (изъ города) пишовъ и не тилько въ самимъ городи Полтави, але и въ селахъ полтавскихъ не мивъ свого жытла. А Настю Мартыныху, чужоложныцю, не въ пренкгера, тилко на рынку, предъ народомъ посполитымъ, публице, кіямы пробывшы добре, даемо на волю Мартынови: колы не хоче, респектуючы на диты, зъ нею сложеныи, прыняты оной Насти за жону, тоди, якъ доложено у „Порядку" на лысти вышей напысаномъ, одъ права малженского и мы оддаляемъ. А колы въ наступуючіи часы винъ моглъ бы прыняты оную Настю за жону, то о тимъ впередъ въ суду духовного, потимъ намъ, врядови, повыненъ оповистытыся".

Въ этомъ декретѣ достойна вниманія весьма любопытная подробность. Въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, когда одинъ изъ супруговъ подвергался осужденію за чужеложство, Магдебургское право безусловно предписывало расторженіе брака; между тѣмъ козацкій судъ, руководясь тѣмъ же параграфомъ Магдебургскаго права, постановляетъ декретъ о расторженіи брака лишь условно, въ зависимости отъ желанія или нежеланія стороны невиновной. Это общая черта козацкой юстиціи— свободное отношеніе къ буквѣ закона и примѣненіе его лишь постольку, поскольку его предписанія не противорѣчили мѣстнымъ юридическимъ воззрѣніямъ и обычаямъ, отъ которыхъ дѣйствовавшее право терпѣло на каждомъ шагу болѣе или менѣе значительныя видоизмѣненія. Такъ и въ данномъ декретѣ предписаніе Магдебургскаго права потерпѣло видоизмѣненіе потому, что оно противорѣчило основному положенію мѣстнаго обычнаго права, по которому главнымъ факторомъ въ дѣлѣ расторженія брака признавалась воля и согласіе самихъ супруговъ. Безъ нея даже юридическія и кононическія причины были безсильны сами по себѣ уничтожить брачный союзъ.

Разведенные такимъ способомъ супруги могли впослѣдствіи возстановить свой брачный союзъ, что зависѣло, главнымъ образомъ, отъ воли и желанія невиновной стороны; но въ такомъ случаѣ они обязывались предварительно заявить о томъ духовной власти и тому свѣтскому суду, по приговору котораго ихъ бракъ подвергся расторженію. Это опять черта мѣстнаго обычнаго права, не встрѣчающаяся ни въ одномъ изъ кодексовъ права Магдебургскаго. Повидимому, въ этомъ предписаніи рѣчь идетъ не объ испрошеніи у духовнаго и свѣтскаго уряда дозволенія на возстановленіе расторженнаго брака, а лишь о такомъ формальномъ заявленіи, какое въ любой гражданской сдѣлкѣ договаривающіяся стороны обязывались сдѣлать передъ урядомъ, если хотѣли вновь возстановить законную силу добровольно уничтоженнаго ими соглашенія.

---

13. Супружеское право помилованія осужденнаго.

Если бъ Мартынъ Цымбалистый захотѣлъ простить свою преступную жену, онъ не только имѣлъ право возстановить ея супружескія права, которыхъ она лишилась по судебному декрету, но могъ бы освободить ее и отъ той кары, къ какой она была приговорена.

Разъ судъ, подчиняясь воззрѣніямъ обычнаго права и опасаясь нарушить интересы и права невиновнаго супруга, нашелъ возможнымъ отступить отъ положительнаго требованія дѣйствующаго закона, то почему не итти и дальше въ этомъ направленіи? Если одна изъ мѣръ наказанія невѣрной жены—лишеніе ея супружескихъ правъ—ставится въ зависимость отъ согласія на то невиновнаго мужа, то почему и другія мѣры наказанія за то же преступленіе не подчинить тому же условію? Въ тѣ времена даже на убійство и другія уголовныя преступленія смотрѣли прежде всего какъ на дѣянія, нарушающія частные интересы, и если, напримѣръ, убійца или воръ примирялись съ потерпѣвшими и получали отъ нихъ прощеніе, то судъ, по большей части, освобождалъ ихъ отъ всякаго наказанія, взыскивая

съ нихъ лишь свой судейскій доходъ, или „вину“. Почему же и на чужеложство и вообще супружескую невѣрность не смотрѣть съ частно-уголовной точки зрѣнія, какъ на преступное дѣяніе, болѣе всего наносящее ущербъ чести, интересамъ и вообще праву невиновнаго супруга? А если такъ, то какъ долженъ былъ поступить судъ въ такомъ случаѣ, когда невиновный супругъ заявлялъ на судѣ, что онъ прощаетъ виновнаго, хотя бы преступленіе его было доказано и онъ уже подвергся осужденію?

Такой именно случай произошелъ въ полтавскомъ полковомъ судѣ въ маѣ 1688 года.

Судились нѣкіе Педоръ Панченко и Гапка Панасыха, изъ с. Шостаковъ, пойманные на чужеложствѣ. Они „доброволне обое злость свою на себе вызнавалы“ и такъ винились:

— А що жъ, панове, нашъ то грихъ. Южъ то міетъ буты рикъ, якъ пьяныхъ насъ дьяволъ звивъ и пополнялы-сьмо вшетеченство, любо то въ Педора жона есть, а въ мене мужъ. Вольно вамъ, панове, зъ намы що хотиты чыныты: самую правду вамъ повидаемо“.

Въ виду сознанія подсудимыхъ, слѣдствіе признано было излишнимъ, и судъ произнесъ декретъ: „Поневажъ тіи проступци обое зоставалы въ стану малженскимъ, поскромляючы такіи роспусты и вшетеченство, наказуемъ декретомъ нашымъ, ведле „Порядку“, въ части 4-й, на лысти 131, абы чужоложныкъ Педоръ Панченко мечемъ бувъ каранъ, а чужоложныця Гапка Панасыха у пронкга абы быта була и одъ права малженского оддалена“.

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное: изъ среды присутствовавшей въ судѣ публики выступилъ Панасъ, мужъ осужденной Гапки, „и не допускаючы жоны своеи подъ карность, прынявъ соби жону за жону“, а слѣдуя его примѣру, „тутъ же и Зинька, Педорова жона, прынялася за мужа, пробачывшы ёму той злый учынокъ вшетеченства“. Что оставалось дѣлать суду при этой умилительной сценѣ? Не вырывать же было осужденныхъ изъ объятій невиновныхъ супруговъ, любовью и всепрощеніемъ покрывшихъ ихъ проступки. И судъ немедленно постановилъ другой декретъ: „и мы,

на жаданя ихъ (невиновныхъ супруговъ) изволывшы, карностю ганебною оныхъ проступцивъ даруемъ, еднакъ вину панскую и врядовую за проступство ихъ маютъ платыты".

---

14. Разводъ мужа съ женой-воровкой.

Если Магдебургское право карало замужнюю женщину, обличенную въ прелюбодѣяніи, расторженіемъ брачнаго ея союза съ невиновнымъ мужемъ, то въ этомъ законоположеніи не трудно усмотрѣть извѣстное логическое соотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ, ибо чужеложство и по каноническимъ правиламъ признается достаточнымъ основаніемъ для законнаго развода. Но что сказали бы присяжные юристы, если бы кто-либо потребовалъ развода единственно на томъ основаніи, что его жена опозорила себя совершеніемъ какого-нибудь уголовнаго и при томъ легко наказуемаго проступка, напримѣръ кражей? Конечно, ученый юристъ призналъ бы такое требованіе абсурднымъ, такъ какъ данный проступокъ не имѣетъ никакого отношенія къ сферѣ супружескихъ обязанностей провинившагося лица. Но это теоретическое соображеніе могло казаться мало убѣдительнымъ или даже вовсе непонятнымъ судьямъ изъ народа, простецамъ, незнакомымъ ни съ какими юридическими доктринами, а судившимъ преимущественно по внутреннему убѣжденію о справедливости, и въ своихъ опредѣленіяхъ болѣе руководившимся правовыми воззрѣніями и понятіями своей среды, нежели положительными велѣніями писаннаго закона; а таковъ именно и былъ характеръ и составъ малороссійскихъ судовъ XVII ст. Не входя въ тонкости юридическаго анализа при рѣшеніи вопроса, почему именно прелюбодѣяніе служитъ препятствіемъ къ продолженію брачнаго союза, козацкіе юристы могли усматривать это препятствіе въ томъ позорѣ, какимъ клеймилось прелюбодѣяніе въ тогдашнемъ обществѣ, при чемъ позоръ этотъ пятналъ не однихъ виновныхъ, но и членовъ ихъ семьи, ихъ рода и даже ближайшихъ ихъ потомковъ. Понятно, что съ

опозоренною такимъ образомъ женою тяжело было продолжать брачный союзъ невиновному мужу. Но не меньшимъ позоромъ карало тогдашнее общественное мнѣніе и лицъ, уличенныхъ въ кражѣ; отсюда народное правосудіе естественно могло прійти къ выводу, что не одно чужеложство, но и воровство, а можетъ быть и вообще всякое позорящее преступленіе могло служить для невиновнаго супруга законнымъ поводомъ требовать расторженія брака съ лицомъ, опозорившимъ себя и семью совершеніемъ преступнаго дѣянія.[1]) Вѣроятно, этимъ лишь можно объяснить, почему въ практикѣ козацкихъ судовъ были возможны дѣла и рѣшенія въ родѣ слѣдующаго.

Въ 1665 году въ Бориспольскомъ сотенномъ и вмѣстѣ ратушномъ судѣ разсмотрѣно было дѣло по обвиненію мѣстной обывательницы, жены козака Лукьяна Лихолапа, въ кражѣ „курты" у нѣкоей Носачихи. Обвиняемая хотя запиралась, но не могла оправдаться въ приписываемомъ ей проступкѣ, и судъ готовъ уже былъ признать ее виновной. Но потерпѣвшая Носачиха заявила суду, что она „не настоюетъ" на осужденіи Лихолапихи. Судьи, согласно обычаю, спросили мнѣніе „мыра", т. е. присутствовавшихъ на судѣ козаковъ и мѣщанъ, но „мыръ весь едностайне крыкнувъ:"

— Колы той на настоѣтъ, кому шкода, а намъ на що?

Суду послѣ этого ничего не оставалось, какъ составить декретъ, по которому Лихолапиху „даровано жадною карностю", т. е. она освобождена была отъ всякаго наказанія. Тѣмъ не менѣе судьи обратились къ присутствовавшему здѣсь же ея мужу Лукьяну съ вопросомъ: „Чы прыймешъ еѣ собѣ за жону, якъ булы-сте впередъ?"

Лукьянъ такъ „отповедилъ:"

— Пане вряде! Я не хочу еѣ мѣти собѣ за жону, колы вона съ тыхъ злыхъ речий (обвиненія) выводу собѣ не дастъ

---

[1]) Ниже, въ очеркѣ № 18, мы встрѣтимъ случай, что судъ угрожалъ зятю расторженіемъ его брака единственно за непочтительное обращеніе его съ тестемъ.

(т. е. не оправдается); а ежели бъ дала выводъ, що вона не есть тому причынцею, можна бъ тому ричъ. А теперъ еѣ цураюся и не хочу за жону мѣти, болше неславы не хочу на собѣ носыты; а дѣти моѣ при мнѣ нехай зостаютъ.

Судьи, „выслухавшы мовы Лукьяновои: „ижъ я цураюся еѣ", казали оное дѣло признати и писару записати," т. е. узаконили заявленіе Лукьяна о расторженіи его брачнаго союза съ женою-воровкою на выраженныхъ имъ условіяхъ. Сверхъ того Лукьянъ просилъ дать ему „писание, щобъ онъ напотомъ не мѣлъ жаднои домовки" (попрека) по поводу того, что его жена прокралась. Судъ удовлетворилъ и эту просьбу и выдалъ ему письменное удостовѣреніе такого содержанія: „якъ до сего часу Лукьянъ Лихолапъ цнотливымъ былъ, и теперъ цнота (честь) его ни въ чомъ не нарушона, якъ зацнымъ предъ тымъ былъ, и теперъ зацный. А хто бъ мѣлъ важитися ему на цноту (посягать на его доброе имя), на собѣ самъ понесетъ".

Этотъ декретъ былъ скрѣпленъ подписями не только членовъ суда: войта, бурмистровъ и нарочито „зосланныхъ на тую справу отъ пана полковника" лицъ, но и нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ на судѣ „на той справѣ зацными и вѣры годными людьми".

---

15. Двумужница.

До сихъ поръ мы видѣли, что козацкіе суды, отчасти основываясь на своеобразномъ пониманіи извѣстнаго параграфа Магдебургскаго права, свободно расторгали браки по причинамъ, ничего общаго не имѣющимъ съ каноническими предписаніями. Уже по одному этому можно судить, что принципъ неразрывности брачнаго союза въ убѣжденіяхъ людей той эпохи далеко не имѣлъ того абсолютнаго характера, какой ему придается церковными канонами; оттого и тогдашнія духовныя власти не протестовали противъ вторженія свѣтскаго суда въ такую область, которая во всѣхъ христіанскихъ обществахъ относилась всецѣло къ духовной юрисдикціи. Но жизнь народная шла дальше въ

этомъ направленіи, освящая обычаемъ еще болѣе рѣзкія отклоненія отъ церковныхъ правилъ. Вообще можно сказать, что въ то время въ Малороссіи, какъ и въ другихъ западно-русскихъ областяхъ, брачныя отношенія все еще регулировались не столько каноническими предписаніями, сколько народными обычаями и преданіями, унаслѣдованными отъ предшествовавшихъ эпохъ.

Извѣстно, что еще въ XII в. не было на Руси у простыхъ людей церковнаго вѣнчанія; вѣнчались только бояре и князья. Однако, въ тѣ времена бракъ простыхъ людей былъ бракомъ не только въ глазахъ государства, но и въ глазахъ церкви. Многовѣковыя усилія церкви водворить исключительно церковную форму брака не могли быть безплодны: вліяніе христіанскаго закона мало-по-малу проникало въ глубь населенія, начиная съ верхнихъ его слоевъ; но еще въ XVI и XVII ст. въ правобережной Малороссіи и въ Бѣлоруссіи существовала двойственность воззрѣній на условія правильнаго совершенія брака: не только простой народъ, но и высшій классъ, бояре и земяне, продолжаетъ руководиться старинными воззрѣніями обычнаго права на бракъ, какъ на актъ чисто гражданскій, основанный на свободномъ договорѣ брачущихся сторонъ. А чтобы этотъ договоръ имѣлъ законную силу, необходимо было соблюденіе извѣстныхъ формъ, требовавшихся тогдашнимъ закономъ и обычаемъ. Законъ требовалъ, чтобы договоръ заключенъ былъ открыто, при свидѣтеляхъ, и оформленъ законнымъ документомъ, а обычай еще съ большею неотложностью требовалъ, чтобы выполненъ былъ стародавній обрядъ въ формѣ „весилья", которое и до сего времени въ быту простого народа не утратило важнаго значенія въ дѣлѣ заключенія брака, а въ тѣ времена значило гораздо больше. Конечно, духовенство и тогда настаивало, чтобы бракъ былъ сверхъ того освящаемъ и церковнымъ обрядомъ, и никто изъ благочестивыхъ намѣренно не противился этому требованію; но фактъ въ томъ, что бракъ почитался законнымъ и безъ церковнаго освященія, лишь были бы выполнены формы обычнаго права.

Точно такъ же и разводы сплошь и рядомъ совершались безъ участія духовной власти; для этого требовалось лишь, чтобы супруги, въ присутствіи свидѣтелей, выдали другъ другу такъ называемые тогда „роспустные листы“ и затѣмъ лично заявили ихъ передъ судомъ—духовнымъ или свѣтскимъ, послѣ чего обѣ стороны могли вступить въ бракъ съ другими лицами. Несогласная жизнь супруговъ считалась достаточнымъ поводомъ для расторженія брака по взаимному соглашенію; въ тѣхъ же случаяхъ, когда одинъ изъ супруговъ обвинялся въ прелюбодѣяніи и виновность его была доказана, судъ (не только духовный, но и свѣтскій) постановлялъ декретъ о расторженіи брака по требованію стороны невиновной. [1])

Все это можетъ быть подтверждено многочисленными и неопровержимыми свидѣтельствами въ видѣ предбрачныхъ контрактовъ, разводныхъ листовъ и другихъ документовъ, сохранившихся въ актовыхъ книгахъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края отъ XVI по XVIII ст. Въ лѣвобережной Малороссіи такія книги почти всѣ погибли или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не разысканы; тѣмъ не менѣе имѣются пока многочисленныя указанія, что и здѣсь брачный союзъ регулировался тѣми же воззрѣніями обычнаго народнаго права и при его заключеніи и расторженіи практиковались тѣ же порядки и формы, что и въ правобережной Малороссіи. Такія указанія встрѣчаются и въ тѣхъ судебныхъ актахъ, которые послужили матеріаломъ для нашихъ очерковъ. Вотъ наиболѣе опредѣлительное изъ нихъ.

Въ 1683 году въ Кишиньскомъ сотенномъ судѣ возникло дѣло по жалобѣ мѣстной козачки вдовы Ганны Петращихи на свою „пасербицю“ (падчерицу) Гальку „о заданью соби отъ неи непочтывыхъ дѣлъ и нецнотлывого имени“, т. е. о безчестьи.

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ—см. изслѣдованія проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова изъ области семейнаго права по документамъ Виленскаго и Витебскаго центр. архивовъ, а равно и наши статьи объ этомъ предметѣ въ «Русской Старинѣ» 1880 г., № 10, и въ «Кіевской Старинѣ» 1900 г. № 1.

Разслѣдованіемъ подтвердилось, что въ какой-то „бесиди,“ „при учтывыхъ жонахъ, Галька мачуху свою тыми словами публиковала: „тебе, мовытъ, отецъ мій въ Зинькови у стовпа (позорнаго) взявъ, ты-сь, мовытъ, курва“. По обычному порядку дѣло поступило для рѣшенія въ полтавскій полковый судъ, который предложилъ жалобщицѣ предварительно доставить отъ Зиньковскаго сотеннаго уряда свидѣтельство „о житю еи въ Зинькови и о поступкахъ еи жъ билоголовскыхъ, колы оную небожчыкъ Петрашко соби за малжонку бравъ“. Въ назначенный срокъ обѣ стороны предстали предъ судомъ, причемъ Ганна Петращиха вручила предсѣдателю суда, полковнику Павлу Герцыку слѣдующій „лыстъ“ отъ Зиньковскаго уряда:

„Мосци пане полковныку полтавскій, велце намъ мылостывій пане и добродію! Въ заводи (тяжбѣ) Петращыхы, Кишиньськои жытелькы, зъ еи пасербыцею Галкою, которая публикуетъ еи, Петращыху, ніякымысь нестатечнымы ричамы, якобы вона овде (когда-то) въ насъ, въ Зинькови, мила за проступокъ якыйсь въ стовпа сыдиты и якобы съ того вязеня небожчыкъ Петрашко оную взявъ въ станъ малженскій, такъ до вашмосци пана пышемъ, що Галка Петрашкивна мачуси своій Петращыси жаднымъ (никакимъ) доводомъ слушнымъ реченого сромотного заданя довесты не можетъ, бо то не тилко намъ, урядови, свидомо о еи Петращышыныхъ статечныхъ поступкахъ, але и иншіи старынныи люде, видаючи о еи зъ першымъ мужемъ статечномъ мешканю, такого еи екцессу не прызнаютъ, яко жъ и панъ Мыкыта Безпалый, атаманъ нашъ городовый, старостою пидъ часъ ихъ акту весильного будучи, мовытъ, що тіеи публики на Петращыху не було. О тимъ вашмости, добродіеви нашому, выписавшы, остаемъ на завше покорныи слугы: Ѳома Григоріевычъ, сотныкъ Зиньковскій, Мыкыта Безпалый, атаманъ городовый, Иванъ Матвіевычъ, войтъ зъ майстратомъ“.

Этимъ документомъ окончательно опровергались клеветническія сплетни, выдуманныя Галькою относительно мачехи. Но для большаго посрамленія строптивой и дерзкой „пасербицы“, судъ призналъ „за ричъ слушную“ собрать такія же справки о

ней самой, объ ея „житю и билоголовскихъ поступкахъ“. Съ такимъ запросомъ полковникъ обратился къ полтавскому протопопу Лукѣ Симеоновичу, который не замедлилъ прислать слѣдующій отвѣтъ:

„Мосципане полковныку, добродѣю мой! Совѣсти, на исповѣди открываемой священикови, не достоитъ откривати; а що ся дѣетъ всѣмъ явного о чиихъ нецнотахъ, тое оповѣдѣти не возбранно. Галка Петрашкивна, мѣючи живого мужа, зъ другимъ нецнотливымъ понялася и безъ благословенія моего и безъ вѣдомости парахиялного своего священика взяла шлюбъ. Дармо ся доброю менуетъ и нецноты свои приверненемъ славы покрыты усылуетъ, выводячись зъ якыхсь обмовокъ. Правда то, що корову въ неи отъ парахиялного презвитера взято, проте и еще не вольна есть жити зъ сымъ мужемъ, але розлученію подлежитъ, кгды жъ (такъ какъ), мѣючи живого мужа, зъ симъ прелюбы творытъ, а не по закону Божію живетъ. А еще и не бравши зъ симъ вторимъ мужемъ шлюбу, пріобрѣла дѣтище, за що и я взялемъ корову. Неналежная рѣч, абы она зъ симъ прелюбодѣемъ жила: конечне ихъ розлучити треба; тилко одъ того ся завше криетъ, до сего часу не трафилося еи зыськати. Тое милости твоей ознаймивши, зостаю милости твоей всѣхъ добръ желатель и богомолець Лука Сѵмеоновычъ, протопопа полтавский“.

Итакъ, мы узнаѐмъ, что Галька Петрашковна, не обращаясь къ духовному суду, развелась съ первымъ мужемъ и вступила въ новый бракъ съ другимъ лицомъ, при чемъ неизвѣстно, былъ ли этотъ бракъ вѣнчаннымъ, или дѣло обошлось однимъ „весильемъ“. Съ точки зрѣнія обычнаго права, Галька не совершила нарушенія закона, а потому и сама она искренно считала себя „доброю“, т. е. честною „мужнею жоною“, и общество признавало законность ея второго брака. Будь иначе, ея открытое сожительство съ мужемъ явилось бы не чѣмъ инымъ, какъ явнымъ любодѣяніемъ; а въ тѣ времена въ Малороссіи не только явные, но и тайные прелюбодѣи подвергались немилосердному преслѣдованію: всякій, кто хотѣлъ (а въ охотникахъ не было

недостатка), имѣлъ право подстеречь ихъ „на зломъ учынку“, подвергнуть позорному клеймленію (урѣзать полы и связанными представить на урядъ), а судъ всегда подвергалъ ихъ тяжкимъ денежнымъ штрафамъ и позорнымъ наказаніямъ, а нерѣдко приговаривалъ и къ смертной казни. Но оказываеття, что приходскіе священники и протопопы, стся на почвѣ каноническихъ предписаній, нерѣдко заявляли свой протестъ противъ народныхъ обычаевъ въ области брачнаго права. Справедливость требуетъ замѣтить, что такіе протесты не всегда исходили изъ чистыхъ побужденій, т. е. изъ пастырской заботливости о народной нравственности и исполненіи церковныхъ законовъ. Еще въ XVI ст. южнорусскіе архіереи многократно громили подвластныхъ имъ протопоповъ и священниковъ за узурпацію единственно принадлежащаго епископу права совершать разводы, разрѣшать недозволенные канонами браки, судить прелюбодѣевъ и другихъ нарушителей церковныхъ законовъ и т. п.; а эта узурпація обусловливалась не столько іерейскимъ властолюбіемъ, сколько корыстью: вѣдь тогдашній судъ какъ свѣтскій, такъ и духовный, доставлялъ судьямъ значительный доходъ въ видѣ судебныхъ пошлинъ и штрафовъ, или „винъ“. Эта приманка могла сама по себѣ служить поводомъ духовенству для вмѣшательства въ область народныхъ обычаевъ, касающихся брачнаго права. Такъ было и въ данномъ случаѣ: за самовольный разводъ и вторичный бракъ приходскій священникъ отбираетъ у Гальки корову; въ то же время полтавскій протопопъ привлекаетъ Гальку къ своему суду за то, что она немного поторопилась стать матерью, и въ качествѣ судебной „вины“ тоже беретъ у нея корову. Простодушная Галька и ея мужъ навѣрное полагаютъ, что двумя коровами они въ достаточной мѣрѣ расквитались за неумышленное нарушеніе невѣдомыхъ имъ каноновъ, и надѣются, что теперь уже оставятъ ихъ въ покоѣ,—не тутъ то было: протопопъ попрежнему считаетъ Гальку двумужницей и требуетъ, чтобы она насильственно была разлучена отъ совмѣстной жизни съ „прелюбодѣемъ“, т. е. вторымъ мужемъ.

Впрочемъ, полковый судъ не выразилъ, что онъ придаетъ какое-либо значеніе этому требованію. Протопопское письмо ему понадобилось только лишь для посрамленія дерзкой падчерицы, которая, сама имѣя не совсѣмъ безупречное прошлое, осмѣлилась безчестить мачеху, ложно обвинивъ ее „въ непочтивыхъ рѣчахъ“. Въ своемъ декретѣ судъ призналъ Ганну Петращиху „за невинную и доброе имя и почтивие, статечные поступки маючую“, въ удостовѣреніе чего и въ огражденіе на будущее время ея неопороченной чести велѣлъ выдать ей посвидѣтельствованную копію настоящаго декрета; а Галька была признана виновной въ клеветѣ, и ей велѣно было публично признать, что она ложно „задавала мачусѣ своей ганьбы и непочтивости“, и „ревоковать“, т. е. взять назадъ свои „кламливыи речи“. И когда Галька исполнила все это, Ганна Петращиха, согласно обычаю, „Галку, яко клеветницу свою власную, по щокахъ килька разовъ вдарила“. Откуда явился въ Малороссіи этотъ жестокій обычай—не умѣемъ сказать: ни въ Статутѣ, ни въ Магдебургскомъ правѣ о немъ нѣтъ и помину; но обычай этотъ неизмѣнно практиковался лишь въ дѣлахъ объ оклеветаніи женщинъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда невинно оклеветаннымъ оказывался мужчина, дѣло оканчивалось одной „ревокаціей“, безъ пощечинъ.

---

16. Вотчимъ и падчерица.

Передъ нами только что прошли мачеха съ падчерицей. Взаимныя отношенія между ними, какъ и слѣдовало ожидать, крайне враждебны. Конечно, степень обостренности этихъ отношеній—явленіе случайное; но, вообще говоря, мирныя, а тѣмъ болѣе любовныя отношенія мачехи къ нероднымъ дѣтямъ—феноменъ столь же рѣдкій, какъ и смоквы, выросшія на ивѣ, или изюмъ на липѣ, о которыхъ иносказательно говоритъ Даніилъ Заточникъ. Отчего мачеха не можетъ стать (иногда при всемъ желаніи) доброю матерью для пріемныхъ дѣтей—это вопросъ изъ области біологіи или психологіи, но никакъ не исторіи. Наша

наука можетъ лишь констатировать, что несимпатичный типъ мачехи въ своихъ существенныхъ чертахъ остается неизмѣннымъ во всѣ эпохи и у всѣхъ народовъ. Вліяніе расы, религіи, даже культуры не имѣетъ здѣсь почти никакого значенія, ибо опытъ свидѣтельствуетъ, что и образованныя женщины часто бываютъ безсильны до конца побороть въ себѣ низменное чувство инстинктивной непріязни къ пасынкамъ и падчерицамъ.

Къ чести представителей „грубаго пола“ надо отнести, что они мало или вовсе не подтвержены этой странной идіосинкразіи. Въ то время, какъ въ народныхъ сказкахъ, напримѣръ, „злая мачеха“ только и дѣлаетъ, что злобно преслѣдуетъ и даже изводитъ со свѣта несчастную падчерицу, вотчимъ неизмѣнно рисуется, какъ добродушный и справедливый человѣкъ, съ одинаковою заботливостью относящійся къ роднымъ и нероднымъ дѣтямъ. И въ современномъ быту, не только среди культурныхъ классовъ, но и среди простонародья, какъ часто можно встрѣтить вотчимовъ, питающихъ настоящую отцовскую привязанность къ пріемнымъ дѣтямъ и пользующихся съ ихъ стороны тою же любовью! Это—важное преимущество мужчины, свидѣтельствующее о превосходствѣ его ума, чувства справедливости и человѣчности.

Такимъ прекраснымъ вотчимомъ былъ и Решетиловскій козакъ Пасько Палёнка. По смерти жены осталась на его попеченіи „пасербиця“ (падчерица) Ивга; [1]) онъ ее выростилъ, какъ родную дочь, и выдалъ замужъ за какого-то Грыцька Семченка. Зять оказался пьяницей, „ледащомъ“, часто колотилъ жену, поэтому она скоро бросила его и стала жить у вотчима. Какъ ни старался Грыцько вернуть Ивгу, однако не могъ этого добиться, потому что старый Палёнка не позволялъ взять ее силой и какъ родную дочь защищалъ отъ насилій пьяницы мужа. Это приводило въ бѣшенство Грыцька, и онъ при содѣйствіи своего зятя, такого же пьяницы, Паська Гончаренка, сталъ распускать слухи,

---

[1]) Т. е. Евгенія. Въ подлинномъ актѣ это имя, согласно тогдашнему произношенію, пишется *Ювга*.

будто бы Палёнка потому удерживаетъ у себя его жену, что живетъ съ нею „вшетечно“. Не удовольствуясь этимъ, пріятели искали случая причинить Палёнкѣ еще бо́льшія непріятности. Однажды они застали его въ корчмѣ въ состояніи полнаго опьяненія. Гончаренко привязался къ нему и въ присутствіи нарочно приглашенныхъ пріятелей и родственниковъ сталъ попрекать его, будто онъ состоитъ въ преступной связи съ падчерицей. Пьяный Палёнка бормоталъ что-то невнятное. Тогда Гончаренко крикнулъ присутствующимъ:

— Будьте, панове, свидкамы: Паліонка самъ вызнаетъ на себе, що чужоложытъ зъ Ювгою, и просытъ мене, абы-мъ я того не розголошавъ. Ахъ ты жъ, нецного!“ и съ этими словами Гончаренко нанесъ пьяному старику нѣсколько пощечинъ.

Палёнка, конечно, пожаловался за эти побои и безчестье. Гончаренко оправдывался, что онъ „поличковалъ“ (билъ по щекамъ) Палёнку, какъ явнаго прелюбодѣя, открыто признавшагося въ гнусномъ преступленіи, и ссылался на свидѣтелей, которые утверждали, будто слышали изъ устъ самого Палёнки это признаніе; но решетиловскій сотенный судъ не принялъ во вниманіе этихъ оправданій и приговорилъ Гончаренка къ тюремному заключенію и крупному денежному штрафу. Тогда Гончаренко и его пріятели употребили другое средство: по ихъ наущенію, пьяный Грыцько подкараулилъ какъ-то свою жену, силою увелъ въ домъ своего родственника, подвергъ ее жестокимъ истязаніямъ, пекъ раскаленнымъ желѣзомъ и даже угрожалъ убить ее, требуя, чтобы она, для „вызволенья“ изъ тюрьмы его зятя, въ присутствіи все тѣхъ же припасенныхъ впередъ свидѣтелей, призналась, будто „чужоложила“ съ отчимомъ. Опасаясь за свою жизнь, истерзанная Ивга была вынуждена сдѣлать на себя этотъ поклепъ. Послѣ этого ее сейчасъ же повлекли къ сотнику, передъ которымъ она, уличаемая мужемъ и его свидѣтелями, должна была повторить тотъ же поклепъ. Въ виду такого якобы добровольнаго сознанія, сотникъ приказалъ арестовать Ивгу и ея вотчима и отправить ихъ, какъ тяжкихъ преступниковъ, въ полковый судъ.

Въ началѣ августа 1694 года происходилъ разборъ этого дѣла. Пасько Палёнка горько жаловался, что Гончаренко и его свидѣтели ложно „наводятъ на него“ тяжкое преступленіе, и просилъ у судей «въ такій невинности своій святои справедливости». Первой была допрошена Ивга; она «плачливе» такъ говорила.

— Мылостывыи мои панове! Пасько Гончаренко отчыма мого побывъ, за якее безчестя отчымъ мій до суду тамошнёго решетыливскою ёго, Гончаренка, бувъ позвавъ и копъ симъ грошей на оного наложывъ, которого Гончаренка тамошній урядъ и до вязеня давъ. А въ тій ихъ контроверсіи мужъ мій Грыцько, прыйшовшы на господу отчыма мого, бывъ мене тыранско, выговоруючы тое: «ты, прави, жывешъ, нецного, зъ отчымомъ своимъ, пополняючы зъ нымъ чужолозство»; а потимъ, узявшы мене за шыю намиткою, повивъ до дядька свого Киндрата, де и тамъ бывъ мене нагайкою, а потимъ, росклавшы вогонь и роспалывшы желизо, пикъ мене, одъ чого и теперъ, якъ бачыте, на тили моимъ шванкы (поврежденія), и мордовавъ, такъ выговоруючы: «Твій, нецного, отчымъ для того тебе до себе взявъ, щобъ зъ тобою такый грихъ пополнявъ, якъ Пасько Гончаренко, зять мій, на отчыма твого свидчыть и бывъ ёго по щокахъ за тое, а отчымъ твій ще ёго, Паська, и просывъ, мовячы: „будь ласкавъ, що було, то було, а нехай тилко тое Господь Богъ видаетъ, а ты того не розшыряй, змылуйся“! А колы зять мій тое не хотивъ утаиты, винъ зятя мого теперъ и самого у биду управывъ. А теперъ, щобъ ёго зъ тіеи биды якъ вызволыты, говоры на отчыма свого, будто винъ съ тобою вшетечне жыветъ“. Прото я, терпячы такую биду отъ мужа мого, що и сокырою ще хотивъ мени шыю утяты, колы бъ того не казала, мусила-мъ тое говорыты, будто отъ Святои недили [1]) жыву зъ отчымомъ моимъ вшетечне. Тое я и говорыла, и такъ воны, по моимъ невыннимъ ся прызнатю, принеслы тое и до суду и сюда въ полтавскее вязеня управылы мене зъ отчымомъ моимъ. А уховай Боже, панове, нехай мене Господь Богъ скараетъ на души и

[1]) Такъ называется недѣля Пятидесятницы, или Троицкая.

на тили,—не чныла я зъ отчымомъ моимъ того богомерзкого гриха и не видаю. И за тее мужъ мій мене мордовавъ и зъ направы власного зятя Гончаренка пикъ вогнемъ: „бо твій, прави, отчымъ зятя мого, що ёго ударывъ по щокахъ, зъ остатнои сорочкы вывертытъ, колы ты на ёго не скажешъ, щобъ винъ зъ тобою мешкавъ, якъ изъ своею жоною". Але нехай на мене явныи доводы въ тимъ злимъ учынку, въ якимъ зъ давныхъ моихъ литъ не чуюся, покажетъ, и вси, хто тамъ на той часъ бувъ пры моимъ мордерстви (мученіи), якый доводъ слушный дадутъ".

Свидѣтели Гончаренка единогласно показали:

— Мылостывыи панове райци! Любо (хотя) пры тому мордерстви еи не булы-сьмо, а однакъ, поневажъ Гончаренко, прыятель нашъ же, завидъ маючы зъ Палёнкою, посылавъ насъ пытаты Ювгы, чы вона зъ нымъ мила сполковання (связь); аже вона и передъ намы—правди, вже бытая—прызналась, шо тое було межъ нымы; та и давно тая поголоска похо́дыла, що воны жывутъ зъ собою."

Спрошенъ былъ въ качестѣ свидѣтеля и „господарь (мужъ) Ювжынъ", давшій такое показаніе:

— На тестя мого, панове, за тое жалую и въ подойзреню жону мою маю, що вона, зо мною не жывучы, мешкала зъ нымъ, отчымомъ своимъ, вкупи, въ едній господи. Та и зять мій Гончаренко на ёго тое вызнаетъ и людей пидводытъ, що зъ устъ еи чувъ, якъ вона и передъ судомъ прызналася въ Решетыловци, що зъ отчымомъ своимъ жыла власне, якъ бы зъ своимъ мужомъ".

Наконецъ очередь дошла до Паська Гончаренка, игравшаго въ этомъ процессѣ двойную роль—обвиняемаго и вмѣстѣ обвинителя. Съ видимымъ одушевленіемъ и злобой онъ сказалъ:

— Панове уряде! Черезъ цилый рикъ уже тое слынуло, що якобы Паліонка, взявшы до себе Ювгу, жону шурына мого, изъ нею чужеложывъ; тилько жъ не смилы-сьмо въ тимъ за ёго взятысь. А теперъ, колы люде, пры нашимъ заводу, сталы шемраты о тимъ, та и сама Ювга передъ урядомъ прызналась, на

що есть у мене свидкы, якіи зъ устъ еи тое чулы,—тоди и я, жалуючы по тому, що черезъ ёго, Паліонку, шурынови моему мешканя немае, и на людскіи повисти упавшы, такъ дерзновенно, маючы ёму тое довесты, говорылемъ; и самъ Паліонка передо мною прызнався бувъ до того, що мавъ зъ пасербыцею своею злее сполковання, и просывъ мене и кланявся, абы-мъ того ёго злого учынку никому не оголошавъ. А колы винъ, Паліонка, сватъ мій, хоче теперъ мене въ биду прыправыты, самъ будучы въ тій злости запаленый, що якъ люде свидоми, та и мы зъ устъ ёго чулы, якъ винъ самъ на еи и на себе прызнавъ той учынокъ,—того жъ и теперъ не запыраемось и такъ повидаемо, що винъ власный тому естъ дійця. Поты моеи повисты".

Судъ призналъ, что Гончаренко и его свидѣтели ложно обвиняли Паська Палёнку и его падчерицу, „жадныхъ въ томъ ясныхъ доводовъ и певныхъ знаковъ не маючи, а ни на учынку ихъ не заставшы, и людей не маючи таковыхъ, якіе бъ милы буты при застатю, зъ кымъ бы воны милы тое прысягою довесты", а мнимое сознаніе Ивги не имѣетъ значенія, „поневажъ за срокгостю мордерства, поносячогося отъ мужа еи, мусила Ювга зезнаваты на себе такую невинность". Поэтому, „маючы тыхъ всихъ за неправдывіи свидкы, що воны, контроверсію за бой зъ Паліонкою маючы, такую на ёго невынность злослыве зложылы и зъ своими прыятелями на оного у суду того доводылы", судъ, „подлугъ права Майдебурского, въ „Порядку" полскомъ, на лысту 17 опысаного", постановилъ, чтобы обжалованная сторона, т. е. Палёнка и его падчерица, „въ той своей невинности прысягою одвелыся", послѣ, чего согласно Статуту (разд. 4, арт. 76), „мененыи свидкы, поневажъ дознани суть свидкамы неправдывымы, маютъ вси быти карани, чымъ милы блыжнимъ своимъ ушкодыты," т. е. подвергнуться тому же наказанію, какое угрожало, по ихъ оговору, Палёнкѣ и Ивгѣ. По закону послѣднимъ угрожала смертная казнь, какъ кровесмѣсителямъ. Какому именно наказанію подверглись ихъ обвинители съ лжесвидѣтелями—не знаемъ, такъ какъ судебный протоколъ глухо говоритъ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ, что они, „той же винѣ подлеглыми зо-

ставши и карность належную понесши, яко правние виклады (судебные расходы) сторони поводовой, такъ и безчестя нагородити повинни, при заплаченю вины панскои и врядовои."

17. Тесть и зять.

Въ мартѣ 1689 года бѣдный полтавскій мѣщанинъ Панасъ Тесля пришелъ судиться съ своимъ „сватомъ" Леськомъ Матіенкомъ, по прозвищу Виноградным (ибо онъ на своемъ подгородномъ хуторѣ разводилъ виноградъ) и въ качествѣ улики привезъ мертвое тѣло сына своего Ѳедора. Ставши передъ полковымъ судомъ, онъ такъ жаловался на свата:

— Панове! Реченый сватъ мій Лесько сына мого ридного а зятя свого зъ неужытого серця, тилко въ посвари за хустыну, якъ вдарывъ засовомъ по голови, то и о смерть прыправывъ: въ суботу у вечиръ вдарывъ, и съ того вдару небожчыкъ и не говорывъ, а на завтрешній день, у недилю, и Богу свій духъ предавъ, слова жадного не промовывшы. Прошу мылостей вашыхъ скутечнои справедлывосты, нехай той трупъ сына мого ведле звычаю хрыстіянского похованъ будетъ, а що ричъ билша—небожчыкъ людемъ ризнымъ задолжывся много, що мни, убогому, а ни жони ёго ничымъ тыхъ довгивъ платыты, которыхъ довгивъ всихъ цилкомъ сорокъ золотыхъ безъ золотого и безъ трохъ чехивъ".

Судьи спросили Леська Винограднаго: „Для якои бы то прычыны Хведора, сына Панасового а зятя свого, такъ ганебне вдарывшы, о смерть прыправывъ?"

Лесько съ поникшимъ видомъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, грихъ мій тяжкый, смертельный. Въ насъ и гниву не було, тилко то въ посвари за хустку подлую, за дявольскимъ наущеніемъ, вдарывъ я зятя свого засовомъ по голови разъ тилко. Моя въ тимъ вына: вильно вамъ, панове, зо мною що хотиты чыныты. Мое то неужытее серце забойство справыло, чого не можу оджаловаты."

Судьи осмотрѣли трупъ убитаго, видѣли рану на головѣ и стали „радитись", какой карѣ подвергнуть убійцу. Посмотрѣли въ Статутѣ—тамъ (разд. 12, арт. 1 и 2) сказано: если шляхтичъ убьетъ человѣка „простого стану", то платитъ лишь головщину; если же и убійца окажется „человѣкомъ простого стану," то подлежитъ смертной казни и уплатѣ головщины изъ его имущества. Посмотрѣли еще „въ Саксонъ правъ Майдебурскихъ"— тамъ категорически сказано (въ 38 артык.): „мужебойца маетъ быти стятъ". Примѣнительно къ этимъ статьямъ закона, судьи постановили приговоръ: „Поневажъ то Лесько давъ мисце неужытому серцю своему и прыятеля (родственника) свого о смерть прыправывъ, маетъ буты, ведле права, горломъ каранъ, а головщына зъ маетности его рухомои ведле стану ёго заплачена буты маетъ". Но тутъ „наступылы прозьбы людскіи" о помилованіи невольнаго убійцы, и судъ немедленно измѣнилъ декретъ: „даровавшы ёго смертельною карностью, наказуемъ, абы Лесько той трупъ зятный ведле звычаивъ хрыстіянскыхъ поховавъ, зъ нанятымы сорокоустамы, во всемъ слушне, якъ того звычай вказуетъ, пры заплаченю поголовщыны, тутъ же и вины панскои и врядовои."

Лесько съ одинаковымъ равнодушіемъ выслушалъ тотъ и другой декретъ; онъ долго стоялъ въ раздумьи, чѣмъ-то озабоченный, наконецъ сказалъ:

— А що жъ, панове, не мію чымъ того платыты, ажъ хиба грунтыкы кому спродамъ, котріе маю: хуторець подъ городомъ изъ виноградомъ и особлыве лисокъ за Ворскломъ, надъ Коломакомъ.

Затѣмъ онъ обратился къ предсѣдателю суда, полковнику Ѳедору Жученку:

— Добродію мій, зарятуй мя гришмы, а я тоби за тыи гроши вичысте (навѣки) пущаю той мій хуторець зъ виноградомъ.

Полковникъ согласился на эту сдѣлку, и здѣсь же, въ судебномъ присутствіи, былъ составленъ формальный „реестръ" съ точнымъ обозначеніемъ, что именно будетъ имъ уплачено за Леська въ качествѣ цѣны за „хуторець виноградный": отцу протопопу за похоронъ и за сорокоустъ полковникъ „поступилъ

коня доброго", цѣною въ сорокъ золотыхъ „и на заплаченя долговъ небожчиковскихъ далъ готовыхъ грошей сорокъ золотыхъ безъ золотого и безъ трохъ чеховъ," что же касалось уплаты „головщины" и „вины врядовои", то полковникъ заявилъ, что онъ „въ томъ датку за Леська не заступуетъ". Головщина за человѣка „простого стану", по Статуту, равнялась 25-ти копамъ литовскимъ; во что цѣнилась „вина врядовая"— неизвѣстно; но очевидно, обѣ эти уплаты превышали стоимость принадлежавшаго обвиняемому „лѣска надъ Коломакомъ", почему полковникъ и отказался отъ его пріобрѣтенія.

---

18. Нехворощанскій сотникъ Ѳедоръ Сухомлинъ.

Двѣсти лѣтъ назадъ въ Нехворощѣ сотниковалъ панъ Ѳедоръ Сухомлинъ, о которомъ мѣстные козаки и мѣщане единодушно отзывались, что такого „благого" сотника у нихъ и не было еще на урядѣ. Бывало, прійдутъ къ нему люди судиться, а онъ и жалобы до конца не дослушаетъ—и уже постановляетъ декретъ: „кыньте къ нечыстому свары и годьтесь, а то обохъ звелю забыты въ колоду". Истецъ и отвѣтчикъ потолкуютъ между собою, и смотри—идутъ къ писарю записать условія состоявшейся между ними „згоды", а сотникъ велитъ еще положить и денежную „заруку на взрушителя угоды и мырного постановеня". Доброй души человѣкъ былъ панъ сотникъ и не любилъ ни ссоръ, ни позвовъ, а любилъ, чтобъ всѣ вокругъ него были довольны и веселы. Никто не могъ попрекнуть его, чтобы онъ несправедливо присвоилъ чей-либо „грунтикъ", или лѣсокъ, или „худобу", какъ поступали тогда сплошь и рядомъ другіе старшины. Правда, Сухомлинъ былъ далеко не бѣднымъ человѣкомъ: ему принадлежали прекрасныя водяныя мельницы на Орели о шести „колахъ"—четырехъ мукомольныхъ и двухъ „ступныхъ зъ фалюшами", винокурня съ тремя „казанами", „броваръ" (пивоваренный заводъ), „шинковный

дворъ и комора (лавка) въ рынку", а вокругъ Нехворощи были разсѣяны его хутора, „левады", лѣса, нивки и „сѣножати"; но всѣ эти „добра" панъ сотникъ купилъ у бывшаго полтавскаго полковника Павла Герцика послѣ того, какъ въ январѣ 1696 года татары дотла опустошили предмѣстья Нехворощи и сожгли новопостроенный монастырь. Герцикъ въ то время сложилъ съ себя, по старости, полковничій урядъ и былъ радъ хоть за дешевую цѣну сбыть опустошенныя „добра". Панъ сотникъ почти заново „рекуперовалъ зруйнованныя" мельницы, и „винницу", и „броваръ" и завелъ на своихъ хуторахъ большое хозяйство, которымъ, однако, больше завѣдывала его „господыня" (жена). Самъ же онъ мало занимался „господарствомъ" и дня не могъ провести безъ общества добрыхъ людей: то самъ у кого-либо въ гостяхъ, то къ себѣ гостей наведетъ. А бывало, гдѣ свадьба или „хрестыны"—тамъ уже панъ сотникъ непремѣнный гость. Смолоду былъ онъ мастеръ выпить, но подъ старость сталъ очень воздерженъ, а только любилъ видѣть, какъ люди веселятся. Да еще любилъ онъ церковныя службы, хорошее „кіевское" пѣніе и бесѣды съ духовными людьми о богословскихъ предметахъ. Бывало, войдетъ въ церковь, станетъ на переднемъ мѣстѣ, передъ намѣстнымъ образомъ, и чуть только собьется дьякъ на клиросѣ—не тотъ прокименъ споетъ или стихиру не на тотъ гласъ затянетъ,—ужъ панъ сотникъ непремѣнно его поправитъ и заставитъ „пекты ракы" передъ всей „парахвіей". А священники какой почетъ ему оказывали! При переносѣ св. даровъ или на ектеніи помянетъ или нѣтъ „панотець" ясновельможнаго гетмана, а уже „благородного и боголюбивого пана сотника" такъ отчеканитъ, чтобъ и въ „опасани" каждое слово было слышно, и въ концѣ обѣдни непремѣнно самъ вынесетъ ему просфору.

Глядя на добродушное, всегда привѣтливое и довольное лицо пана сотника, чужой человѣкъ подумалъ бы, что онъ зналъ въ жизни однѣ лишь радости и удачи; а между тѣмъ вся Нехвороща помнила, какъ сотникъ убивался, когда хоронилъ одного за другимъ малыхъ дѣтей, а потомъ и единствен-

наго взрослаго сына, браваго козака, убитаго подъ Казикерменомъ. Подъ старость изъ всей семьи, кромѣ жены, осталась ему въ утѣшеніе лишь дочка-подростокъ, въ которой онъ души не чаялъ. И какъ же нянчился старый сотникъ съ своею „одынычкою“! Чтобы не разставаться съ нею, онъ и отъ походовъ сталъ уклоняться подъ предлогомъ недуговъ, отъ которыхъ Богъ хранилъ его всю жизнь, и дѣла по уряду запустилъ, а наконецъ сталъ поговаривать и о томъ, чтобы вовсе отказаться отъ сотничества.

— На що мени тіи турботы! твердилъ онъ всякому, кто его отговаривалъ отъ этого шага.—Пославъ бы Господь зятя, доброго чоловика, то я и господарство покыну, усе виддамъ дитимъ, та й буду на печи лежаты та унукивъ гойдаты.

И вотъ судьба, казалось, осуществила его пламенное желаніе. Въ Нехворощѣ проявился захожій козакъ, по имени Данило Дробязка. Кто онъ былъ, откуда и какъ зашелъ сюда—никто не зналъ; но когда въ ближайшій воскресный день онъ появился въ церкви, то своею статною фигурою, молодецкимъ видомъ и богатымъ нарядомъ привлекъ общее вниманіе. Замѣтилъ его и панъ сотникъ и зазвалъ къ себѣ, вмѣстѣ съ другимъ „значнымъ товарыствомъ“, на „бесиду“. Гость держалъ себя весьма прилично и въ каждомъ словѣ и обращеніи обнаруживалъ черты хорошаго тона и воспитанія. Былъ онъ будто бы шляхтичемъ изъ-за Днѣпра, учился въ Кіевѣ, бывалъ и въ Батуринѣ, при гетманскомъ дворѣ, и въ Сѣчи, а теперь направлялся въ Слободскую Украину, гдѣ у него была какая-то знатная родня. Многое онъ видѣлъ и испыталъ на своемъ вѣку, и его разсказы объ этомъ оказались столь увлекательными, что гости во время обѣда и ложки опустили, и чарки плохо опорожняли; когда же онъ, послѣ „варенухи“, снялъ со стѣны бандуру и выказалъ большое мастерство въ игрѣ и въ танцѣ, у молодой сотниковны глазки заискрились какъ звѣздочки и нѣжный румянецъ залилъ и щечки, и шейку. Словомъ сказать, къ концу „учты“ всѣ присутствовавшіе совершенно были очарованы интереснымъ пришельцемъ, а хлѣбосольный хозяинъ

прямо заявилъ, что не будетъ онъ сотникомъ, если не удержитъ у себя какъ можно дольше такого милаго гостя.

— Отъ, якъ бы мени отакый зять! простодушно высказывался онъ, и подвыпившіе гости въ одинъ голосъ вторили, что „кращого зятя“ не надо и искать пану сотнику.

Съ каждымъ днемъ гость все больше овладѣвалъ довѣріемъ и расположеніемъ хозяевъ и сердцемъ ихъ дочери. Онъ оказался толковымъ и „на все здатнымъ“ человѣкомъ, часто замѣнялъ сотника по хозяйству и даже по должностнымъ его дѣламъ, а черезъ мѣсяцъ-другой вся Нехвороща пировала на свадьбѣ панны сотниковны. Бенкетъ удался на славу и продолжался больше недѣли. Старый сотникъ былъ внѣ себя отъ радости и не могъ нахвалиться передъ гостями своимъ „богоданнымъ“ зятемъ. Послѣ свадьбы онъ немедленно вышелъ въ „абшидъ“ (отставку) и передалъ сотничество выбранному на его мѣсто Василію Ганджѣ. Было рѣшено, что молодые будутъ жить вмѣстѣ съ стариками; имъ было выдѣлено небольшое собственное хозяйство съ тѣмъ, что по смерти тестя и тещи имъ достанется все ихъ состояніе.

Но Данилу Дробязкѣ показалось скучнымъ столь неопредѣленное время ожидать наслѣдства, и онъ сталъ распоряжаться тестевымъ добромъ, какъ личною собственностью. На первыхъ порахъ Сухомлинъ молча сносилъ это, но скоро убѣдился, что его благодушное отношеніе къ поступкамъ зятя лишь поощряетъ жадность и своевольство послѣдняго, и рѣшился дать ему отпоръ. Тутъ Дробязка сразу сбросилъ съ себя маску смиренія и покорности и явилъ себя въ истинномъ свѣтѣ: онъ оказался человѣкомъ грубаго, дерзкаго нрава, упрямымъ, злопамятнымъ и безмѣрно жаднымъ. Съ тѣхъ поръ мирный доселѣ домъ бывшаго сотника сдѣлался адомъ; не проходило дня безъ ссоръ, попрековъ и даже дракъ, и наконецъ дѣло дошло до того, что однажды зять и тесть схватились за сабли, и послѣдній вышелъ изъ боевой схватки съ перерубленной рукой.

Въ половинѣ сентября 1701 года въ полтавскомъ полковомъ судѣ, въ присутствіи многочисленной мѣстной и пріѣзжей

(по случаю ярмарки) публики, бывшій нехворощанскій сотникъ такъ „плачливе ускаржался“ на своего зятя:

— Не видаю, панове, чого по мени Даныло, зять мій, хочетъ. Я жъ усе тое, що ёму обицявъ, выдаючы дочку мою ёму въ малженство, пры шлюби давъ, именно: камень млыновый на рици Орели, чотыри волы, коровъ дви зъ телятамы, овець десятокъ матокъ, свыней частку и всёго сёголитнёго засивку (посѣва) половыну и пидварокъ (подгородный хуторъ); але винъ, тымъ не будучы благодаренъ, ще въ мене усыловне (насильственно) двое коней взявшы, безпрестанне мя ганытъ и безчестытъ, ста талярей вина доправляется и зо всеи осидлосты мене гонытъ. А прошлои недили, прыйшовшы я зъ церквы, зъ службы Божои, и еще не зажывъ (не скушалъ) просфоры, скоро прыйшовъ зять мій Даныло зъ миста (изъ города) и не видаю, для якыхъ прычынъ, безъ жаднои увагы порвавъ мене за груды, турмосовавъ и якъ хотивъ вексовавъ (мучилъ) мя. Любо жъ (хотя) тамъ обыдва-сьмо вадылы и я ёго подоливъ (одолѣлъ), але винъ, якъ молодшій, выпручавшыся зъ-пидъ мене, скочывъ у хату и порвавшы шаблю, шырмовавъ (фехтовалъ) коло мене зъ шаблею. А же и я, тежъ добувшы въ прысинкахъ шабли, до нёго оказався, боронячы свого здоровья, тоди винъ, побигшы знову въ хату, выбигъ зъ ручныцею и, килька разивъ наводячы оную, хотивъ мене забыты. Я тоди, одважывшы свое здоровья, кынувся до нёго и ручныцю въ ёго выкрутывъ. Винъ, знову порвавшы шаблю, натиравъ (наступалъ) на мене, а колы я ручныцею на голови закладався, порубавъ и ручныцю, и руку мени, якъ бачыте, обтявъ. Я вже ёму и тіи сто таляривъ даты не стою (не отказываюсь), и двиръ бы ёму купыты не одмовывъ, колы бъ мени хочъ мало належытои почесты выражалося. Але мени тое барзо прыкро есть, що не тилко жаднои почесты не маю, але и на здоровью моимъ одъ ёго, небачного чоловика, шванкую (терплю уронъ), и зъ свита мене похваляется зогнаты. Въ тимъ себе остерегаючы, о справедлывость святую прошу“.

Выслушавъ эту жалобу, судьи спросили обвиняемаго:

— Для якыхъ ты прычынъ такъ неслушныи надъ добродіемъ своимъ чынышъ выкруты и безчестышъ оного неналежне, и бьешъ, и раны задаешъ кривавии?

Но Дробязка „и передъ судомъ оказалъ себе не упокореннымъ“ и вмѣсто оправданій продолжалъ „неслушныи похвалки (угрозы) зъ запамяталосты своеи строиты на тестя“. Судъ, въ виду небытности въ тотъ день [1]) полковника и судьи, отложилъ окончаніе этой „справы до прыйдучого пятка“, а „запамяталого“ Дробязку велѣлъ дать „до вязеня туремного“.

Когда въ назначенный день, 19 сентября, судъ приступилъ къ окончанію этого дѣла, п. Ѳедоръ Сухомлинъ «жалосне повторную злость зятя своего Данила объявилъ тыми словами“:

— Прыихавшы зъ Полтавы до дому, найшовъ саквы, повни натоптаного плаття билоголовского, у одрыни [2]) спрятаного, и плахотъ у жупанъ уверченыхъ и увязаныхъ, а що есть тому прычына—того не видаю, винъ самъ маетъ видаты“.

Привели „зъ секвестру“ (изъ заключенія) Данила Дробязку и спросили:

— Для якыхъ прычынъ въ саквы плаття поховавъ и у жупанъ плахты?

— Для того я—отвѣчалъ Данило—тое окроме отъ тестевого державъ, що то мое власное есть, бо то мени на весиллю надаровано, а я тестевого ничого не хочу, и въ двиръ ёго не буватыму“.

Приступили къ составленію декрета. „Видячи такую Дробязчыну неправость и протывенство неупокоримое протывъ отца своего, который ёго, ни въ чимъ не видаючы якого винъ роду, и видкиль, и що за чоловикъ, а ни тежъ жадныхъ маетностій

---

[1]) Дѣло происходило 14 сент., въ праздникъ Воздвиженія, случившійся тогда въ воскресеніе. Это одинъ изъ многихъ случаевъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что козацкіе суды функціонировали въ дни воскресные и даже въ большіе праздники.

[2]) *Одрына* — навѣсъ для сѣна. Слово это въ томъ же значеніи встрѣчается еще въ 2-мъ Лит. Статутѣ (розд. 10, арт. 3).

въ ёго не видячы, за сына дому своему и въ дожывотное прыятство прынявъ, поручывшы ёму власную свою дщерь милую въ малженство, а такіи одъ ёго укоризны и збыткы утерпиваетъ, судъ, вглянувшы у право", остановился на 16 арт. 11-го разд. Статута, гдѣ сказано: кто умышленно „зъ гнѣву и зъ запамяталости сердца злого" убьетъ шляхтича, тотъ подлежитъ четвертованію, а если не убьетъ, а только ранитъ, то „будетъ ли шляхтичъ а шляхтичеви тое учинитъ, за шляхтичево ображеня" отсѣченіемъ руки долженъ быть каранъ. „А поневажъ (прибавили судьи) тая карность" назначена за пораненіе „общого (посторонняго) чоловика, а не за кревного, то Дробязка Даныло маетъ и найбарзѣй (тѣмъ болѣе) такъ скаранъ быти".

Когда объявили этотъ суровый декретъ, тутъ только строптивый Дробязка, „змякчывшися", попросилъ пощады, клятвенно увѣряя, что онъ „до жывота своего згодне зъ паномъ тестемъ жыты и вшелякую ему почтывость, яко добродіеви своему, выражаты маетъ". Всѣ ждали, что скажетъ п. Сухомлинъ, стоявшій въ раздумьѣ. Тутъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ начали уговаривать его оказать отеческое милосердіе надъ провинившимся зятемъ. Сухомлинъ не долго колебался и въ свою очередь сталъ просить судъ о помилованіи его безпутнаго зятя. Судъ, „спустившись на его волю", немедленно отмѣнилъ прежній декретъ и отпустилъ Дробязку „безъ карности", но помиловалъ его, такъ сказать, условно, съ предупрежденіемъ, что если бы онъ, Дробязка, впредь „важывся до якои незгоды противъ тестя своего прыйты, то не тилько подлугъ нынѣшнего декрету будетъ скаранъ, але и отъ права малженского, яко непрыятель, будетъ отчужденъ".

Для историка обычнаго права послѣднія слова декрета должны представлять большой интересъ. Если это не пустая угроза, въ родѣ тѣхъ, на какія обычно столь щедры родители, когда хотятъ вразумить или остеречь безпутныхъ дѣтей, то надо прійти къ интересному выводу, что свѣтскій судъ въ Малороссіи считалъ себя въ правѣ расторгать законные браки не только въ случаяхъ совершенія однимъ изъ супруговъ позорящаго проступка (о чемъ выше было говорено), но даже и въ такомъ случаѣ, когда зять не хотѣлъ жить мирно съ родителями своей жены.

—

Какъ и слѣдовало ожидать, данныя Дробязкою на судѣ клятвенныя обѣщанія жить съ тестемъ въ доброй „згодѣ" и оказывать ему должное почтеніе остались не исполненными. Не таковъ былъ этотъ упрямый характеръ, чтобы его могъ сломить страхъ судебной кары. Убѣдившись въ этомъ, Сухомлинъ рѣшилъ, по слову писанія, уклониться отъ зла и навсегда покинуть городъ и край, гдѣ онъ четверть вѣка прожилъ въ довольствѣ и почетѣ, но гдѣ теперь предстояли ему одни огорченія.

Надо помнить, что Нехвороща, какъ и всѣ остальные городки и села Орельскихъ сотенъ, была недавнимъ поселеніемъ въ тогдашней гетманщинѣ. Она возникла всего лишь въ 1674 году, когда населеніе правобережной Украины, разоряемое и истребляемое поляками, турками и татарами и силой сгоняемое полками гетмана Самойловича, принуждено было сняться съ своихъ мѣстъ и разомъ, громадными массами, перейти на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ для него была отведена пустынная степная полоса между рр. Ворсклой и Орелью и гдѣ сразу же возникло пять новыхъ сотенъ: Нехворощанская, Маячская, Царичанская, Китайгородская и Орлицкая. Когда затѣмъ турки разорили въ 1678 году послѣдніе города въ западной Украинѣ: Чигиринъ, Черкассы, Каневъ, и когда вся страна между Днѣпромъ и Днѣстромъ была обращена въ пустыню, уцѣлѣвшее отъ погрома населеніе также двинулось на востокъ и осѣло въ разныхъ полкахъ гетманщины, а преимущественно въ полтавскомъ, въ Орельскихъ сотняхъ. Какъ бы удобно ни устроились здѣсь невольные переселенцы, не могли они забыть своихъ старыхъ мѣстъ, гдѣ природа была богаче, земля плодороднѣе, угодья привольнѣе и гдѣ у нихъ остались прадѣдовскіе сады и пасѣки. Пока продолжалась военная гроза, многіе изъ нихъ лишь тайно, украдкой могли навѣдываться на родныя пепелища, но при первой возможности, при первой гарантіи спокойствія въ разо-

ренномъ краѣ, всѣ они готовы были вернуться на прежнюю родину.

Такой моментъ скоро наступилъ. Въ Польшѣ царствовалъ король-воинъ, знаменитый побѣдитель турокъ подъ стѣнами Вѣны, Янъ Собѣскій. Преданный одной идеѣ—борьбѣ съ мусульманами, этотъ воинственный король задумалъ во что бы то ни стало возстановить въ Украинѣ козацкое войско, боевыя качества котораго онъ хорошо зналъ и высоко цѣнилъ. Но для этого нужно было напередъ привлечь населеніе въ опустошенный край и гарантировать его права. Въ этихъ видахъ Собѣскій издалъ въ 1684 году особый манифестъ, по которому отдавалъ козакамъ для поселенія обширную территорію между Тясьминомъ, Тыкичемъ и границами кіевскаго Полѣсья и при этомъ подтверждалъ всѣ права и вольности, дарованныя имъ его предшественниками. Много явилось и шляхтичей, и простыхъ козаковъ, предложившихъ королю свои услуги и получившихъ отъ него особыя полномочія для формированія козачьихъ полковъ, но скоро между ними выдѣлилась талантливая и обаятельная личность, быстро овладѣвшая народнымъ довѣріемъ и проявившая необыкновенныя колонизаторскія способности: то былъ знаменитый бѣлоцерковскій полковникъ Семенъ Палій, борзенскій выходецъ, а за нимъ стояли ближайшіе его сотрудники, полковники вновь организуемаго козацкаго войска: Искра, Самусь, Семашко и Абазинъ. Благодаря ихъ умѣнью и энергіи, въ самое короткое время было положено основаніе успѣшной колонизаціи края и организовано пять козачьихъ полковъ: чигиринскій, корсунскій, богуславскій, бѣлоцерковскій и брацлавскій. Подъ ихъ защитой точно по мановенію волшебнаго жезла поднимались изъ развалинъ старые города и села и вновь наполнялись жителями. Непрерывною волною тянулись сюда новые поселенцы со всѣхъ окрестныхъ сторонъ: изъ Волыни, кіевскаго Полѣсья, даже изъ Молдавіи, но больше всего изъ лѣвобережной Малороссіи. Напрасно гетманъ Самойловичъ разсылалъ по всѣмъ полкамъ строгіе запретительные универсалы, разставлялъ даже вдоль Днѣпровскаго берега кордонную стражу съ приказаніемъ не допускать переправы черезъ рѣку: бѣглецы или тайно пробирались черезъ кордонъ, или направлялись въ запорожскія степи, переправлялись черезъ Днѣпръ гдѣ-нибудь южнѣе устья Орели и съ рискомъ попасть въ плѣнъ къ татарамъ тянулись въ обѣтованный край, къ берегамъ Тясьмина, Роси или Буга.

Какъ и слѣдовало ожидать, это эмиграціонное движеніе съ наибольшею силою сказалось среди жителей Орельскихъ сотенъ. Всего лишь десять лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ они были поселены здѣсь, на самой границѣ гетманщины, гдѣ лучшія угодья уже были заняты козаками Ворсклянскихъ сотенъ и гдѣ имъ ежегодно приходилось принимать у себя злыхъ гостей—татаръ. Безлѣсная при-орельская равнина не могла и сравниться съ роскошными уголками Уманщины и Брацлавщины—ихъ прежней родины, и невольные поселенцы все еще продолжали считать своею собственностью оставшіяся тамъ прадѣдовскія земли, сады и пасѣки и каждое лѣто навѣдывались туда, какъ въ свои хутора. И вотъ теперь они узнали, что польскій король снова вернулъ козакамъ Украину, что „козацкій батько“ Палій созываетъ ея прежнихъ поселенцевъ, что на его кличъ валомъ валитъ народъ изъ разныхъ мѣстъ, и легко можетъ статься, что чужіе люди займутъ ихъ предковскія займища. Подъ впечатлѣніемъ этихъ вѣстей многіе изъ козаковъ Орельскихъ сотенъ стали открыто эмигрировать на родину, забирая семьи и движимость, а мѣстные старшины, въ противность гетманскимъ приказамъ, и не думали удерживать ихъ и сквозь пальцы смотрѣли на то, какъ бѣглецы изъ разныхъ мѣстъ гетманщины, минуя кордонъ, толпами проходили черезъ Орельскіе городки, направляясь окольнымъ путемъ туда же, въ Украину. Когда узналъ объ этомъ Самойловичъ, то въ гнѣвѣ за такое „своевольство“ приказалъ смѣнить всѣхъ Орельскихъ сотниковъ и на ихъ мѣста „зъ иншихъ городовъ добрыхъ и справныхъ молодцовъ понасылати“. Эта мѣра не только не успокоила, но еще болѣе раздражила мѣстное козачество: отъ Орельскихъ сотнянъ гетманъ получилъ „суплѣки“ съ предупрежденіемъ, что если присланные сотники не будутъ тотчасъ убраны, то всѣ они вознамѣрились сняться

разомъ и вернуться на прежнюю родину. Гетманъ видимо испугался этой угрозы и въ апрѣлѣ 1686 года приказалъ полтавскому полковнику новыхъ сотниковъ „познимати, а товариству сотень Орельскихъ“ позволить по давнимъ обычаямъ и „вольностямъ“ кого они хотятъ „зъ-межи себе сотниками починити“, только бы впредь они „неподвижно на мѣсцахъ своихъ при вѣрности и статечности мешкали“. Эта уступка успокоила орельчанъ, и они отказались отъ своего намѣренія, хотя частичная эмиграція и послѣ того продолжалась. [1])

Ѳедоръ Сухомлинъ былъ такимъ же невольнымъ выходцемъ изъ-за Днѣпра, какъ и остальное „товариство“ Нехворощанской сотни. Кажется, онъ былъ родомъ изъ Жаботина, разореннаго турками одновременно съ Чигириномъ и другими приднѣпровскими городами. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ сотниковъ, которые въ 1685 г. подверглись гетманской опалѣ, а потомъ снова выбраны на тѣ же уряды, и ему вполнѣ было понятно чувство, побуждавшее его сотнянъ сниматься съ насиженнаго мѣста и съ рискомъ пробираться на Украину. Пока онъ былъ занятъ службой, хозяйственными и семейными интересами, ему и на мысль не приходило, что и онъ когда-нибудь станетъ томиться тою же тоской по родинѣ; но теперь, оставшись безъ дѣла и окончательно убѣдившись въ томъ, что совмѣстная жизнь съ зятемъ сулитъ ему одни огорченія, Сухомлинъ вдругъ почувствовалъ, что его ничто уже не связываетъ съ Нехворощей, что онъ здѣсь лишній и никому ненужный человѣкъ. И захотѣлось ему дожить вѣкъ на родинѣ, въ Жаботинѣ, гдѣ прошла его молодость и куда, слышно, вернулись теперь изъ разсѣянія многіе изъ его родичей и старыхъ товарищей. Достаточно было незначительнаго повода въ видѣ обычной „суперечки“ съ зятемъ, чтобы это желаніе быстро приняло форму непреклоннаго рѣшенія,—и въ октябрѣ того же 1701 года п. Сухомлинъ продавалъ уже свои маетности.

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 554—557.

За покупщиками дѣло не стало. Жила въ Полтавѣ богатая мѣщанка Павлыха Выдричка, занимавшаяся тѣмъ, что выкармливала большіе гурты рогатаго скота и затѣмъ сбывала ихъ заграницу, въ Польшу и Шленскъ (Силезію). Случилось ей быть въ Нехворощѣ на ярмаркѣ какъ разъ въ ту пору, когда Сухомлинъ искалъ покупателя, и она съ двухъ словъ приторговала всю его „осѣлность“, именно: домъ, гдѣ онъ жилъ, дворы шинковые, броваръ, винокурню, солодовню, хутора, поля, лѣса, сѣножати и „греблю“ на Орели съ мельницами—и все это за недорогую цѣну, 1200 золотыхъ. Вручивъ ему въ задатокъ десять копъ, Выдричка немедленно согнала на его земли купленный ею на ярмаркѣ скотъ, а сама поѣхала въ Полтаву, чтобы запастись деньгами и тогда уже заключить съ Сухомлиномъ формальный актъ о продажѣ. Все это произошло въ отсутствіи п. Дробязки, куда-то уѣзжавшаго изъ Нехворощи. Когда онъ вернулся и узналъ, что тесть запродалъ свою маетность, и притомъ всю безъ остатка, онъ пришелъ въ неистовство, поносилъ и укорялъ тестя, грозилъ, что не допуститъ этой продажи, наконецъ заявилъ, что онъ самъ желаетъ купить тестеву маетность за ту же цѣну, и предлагалъ въ видѣ задатка пятьсотъ золотыхъ. Сухомлинъ соглашался на послѣднюю сдѣлку, но „доправлялся разомъ“ уплаты всей суммы, а такихъ денегъ у Дробязки не было. Тогда Дробязка поѣхалъ въ Полтаву и предложилъ сыну бывшаго полковника Григорію Павловичу Герцику, не хочетъ ли онъ за недорогую цѣну откупить отцевскую маетность. Тотъ съ радостью принялъ это предложеніе и немедленно сдѣлалъ въ полковомъ урядѣ формальное заявленіе, что онъ намѣренъ воспользоваться принадлежащимъ ему по Статуту преимущественнымъ правомъ на выкупъ отцевскаго имѣнія, затѣмъ пріѣхалъ въ Нехворощу и положилъ передъ Сухомлиномъ наличными 1300 золотыхъ, заявивъ еще при этомъ, что онъ отказывается въ пользу п. Дробязки отъ усадьбы съ домомъ, въ которомъ жилъ Сухомлинъ. Послѣдній ничего не могъ возразить противъ этой сдѣлки, принялъ отъ Герцика деньги, возвратилъ ему подлинную продажную запись его отца и дозволилъ ему немедленно,

не ожидая заключенія формальнаго акта о продажѣ, вступить во владѣніе купленнымъ имѣніемъ.

Между тѣмъ прибыла съ деньгами Павлыха Выдричка и попала въ домъ Сухомлина какъ разъ въ ту пору, когда тамъ пили могорычъ по случаю окончанія дѣла съ Герцикомъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, она подняла неистовый крикъ, не хотѣла брать отъ Сухомлина своего задатка, грозила ему судомъ за нарушеніе договора, рѣзко упрекала и пана Герцика за то, что онъ тайно перекупилъ запроданное ей имѣніе, и надѣлавъ не мало „галасу", ушла съ угрозами. Сухомлинъ и не радъ уже былъ, что впутался въ такое непріятное дѣло. Послѣ ухода крикливой гостьи, онъ случайно замѣтилъ, что въ его „хоромахъ" насыпаны въ разныхъ мѣстахъ „купкы" чистаго песку. Это удивило его. По розыску среди домашнихъ оказалось, что никто изъ нихъ этого песку не сыпалъ и его не было до прихода Выдрички. Тогда Сухомлину пришло на мысль, что этотъ песокъ посыпанъ съ какимъ-то злымъ умысломъ, и онъ, какъ то требовалось судебными обычаями, тотчасъ формально „обвивъ тое" бывшими у него въ домѣ „добрыми людьми", обративъ при этомъ ихъ вниманіе и на то, что не только въ его дворѣ „и въ иншыхъ дворахъ, але и по всимъ гóроди—чорнóземля", а чистый песокъ развѣ „при рѣчномъ берегу могъ бы ся где оказати".

— Це жъ вража Выдрычка якіись волшбы мени почынила"! откровенно высказалъ онъ свое подозрѣніе.

Объ этомъ тотчасъ было донесено Выдричкѣ, и она немедленно отправилась въ мѣстный сотенный урядъ и занесла „протестацію" о томъ, что п. Сухомлинъ „наволикаетъ" на нее безчестье, ложно обвиняя ее въ „волшбѣ", но что она, „хотячи зъ того мниманья (подозрѣнія) вывестися", намѣрена позвать его въ судъ.

На другой день Выдричка, имѣвшая въ Нехворощѣ „госпóду" (квартиру) въ домѣ монастырскаго шинкаря Алексѣя, послала его въ домъ Сухомлина съ письмомъ къ п. Григорію Герцику, „просячи его, щобъ позволывъ товару (скоту) еи до

якого часу на отавахъ здержатысь". Посланный вернулся и донесъ:

— Грыгорія вже не заставъ, бо одъихавъ до Полтавы, а Сухомлынъ не тилко и малого времени не велыть тамъ статку (скоту) буты, але ще й тебе лярвою и волшебныцею называетъ, не знаты про що.

Этого не могла уже снести покорно не только богатая мѣщанка, но и послѣдняя „наймычка", и потому Павлыха Выдричка, прибывъ въ Полтаву, позвала Сухомлина въ полковый судъ.

На судѣ единственнымъ свидѣтелемъ со стороны обвинительницы былъ упомянутый шинкарь Алексѣй. Онъ упорно стоялъ на своемъ и „у очи" уличалъ Сухомлина: „Звалесь Павлыху лярвою и волшебныцею",—но „болшъ на тое жадного другого на доводъ свидка не поставилъ". А Сухомлинъ, въ виду бездоказательности обвиненія, потребовалъ, чтобы ему позволено было, согласно Статуту, „присягою одвестыся", и когда судъ это дозволилъ, онъ здѣсь же „сумленнемъ своимъ передъ животворящимъ крестомъ Христовымъ одвѣлся", что не называлъ Выдричку никакими поносными словами; хотя же Алексѣй шинкарь утверждаетъ противное, но онъ это дѣлаетъ по злобѣ, имѣя съ нимъ тяжбу, въ доказательство чего Сухомлинъ представилъ суду посвидѣтельствованную копію своей „протестаціи", занесенной въ урядѣ Нехворощанскомъ на Алексѣя, что онъ его поносилъ „передъ людьми злымъ и недобрымъ чоловикомъ".

— Съ того своего ренкору на мене оный запамяталый чоловикъ ще й зъ зацною невистою своимъ ябедныцтвомъ мене звивъ",—заключилъ отвѣтчикъ.

Судьи спросили Алексѣя: правда ли, что онъ поносилъ пана Сухомлина?

— А що жъ, панове—признался онъ—не могу того запритыся (отречься): стоячы я у службы Божій недильного дня на крыласи, говорывъ тое и назвавъ Сухомлына недобрымъ, бо винъ зацную невисту звивъ своею продажею".

При этихъ словахъ Сухомлинъ схватился съ мѣста и волнуясь сказалъ:

— Панове! Яко годный и никóлы на чести своій ненарушоный чоловикъ, неотступне и жалосне прошу судовои въ тимъ увагы: нехай Олексій мени такои прымовкы доводыть скутечне!

— Якъ же я маю тое доводыты, що есть всимъ видомо? отвѣтилъ равнодушно Алексѣй. Нехай уже я буду вынный".

Судьи признали, что дѣло достаточно выяснено, и приступили къ составленію приговора. Сухомлинъ былъ оправданъ, а шинкарь Алексѣй признанъ виновнымъ въ томъ, что ложно опорочилъ „зацную персону", и согласно Статуту (разд. 3, арт. 28) долженъ былъ „во всемъ перепросити зелженого" имъ п. Сухомлина, заплатить ему „правные наклады и навязку" (плату за безчестье) въ суммѣ сорока копъ грошей, „а тую прымовку заразъ передъ судомъ отмовити тымы словамы: „Що я на тебе говорывъ, якобысь ты бувъ недобрый чоловикъ, то я на тебе брехавъ, якъ песъ". Когда Алексѣй выполнилъ эту позорную церемонію, ему объявили, что онъ, сверхъ того, долженъ еще подвергнуться „туремному вязеню за тое, що такъ годныхъ людей звивъ". А п. Сухомлину „на защитъ" его неопороченной чести постановлено выдать посвидѣтельствованную копію настоящаго декрета.

Спустя мѣсяцъ Сухомлинъ совершилъ въ полтавскомъ полковомъ судѣ формальный актъ о продажѣ Герцику своего имѣнія и тотчасъ переселился съ женою за Днѣпръ. Осенью 1705 г. онъ пріѣзжалъ въ Нехворощу, чтобы собрать долги съ своихъ бывшихъ шинкарей, и на одномъ документѣ подписался такъ: „Хведоръ Сухомлинъ, бывшій житель Нехворощанский, а теперешний Жаботинский".

Неизвѣстно, дожилъ ли онъ до той злосчастной поры, когда, согласно условіямъ Прутскаго договора, козачество правобережной Украины было окончательно уничтожено, жители ея насильственно переселены за Днѣпръ, и этотъ роскошный, но многострадальный край былъ снова обреченъ запустѣнію.

---

19. Хозяинъ и работница.

Въ Новомъ Санжаровѣ проживалъ „славетный" мѣщанинъ Сенько (Семенъ) Шапочникъ. Онъ былъ женатъ на дочери богатаго полтавскаго „купца" Куща, имѣлъ хорошій достатокъ, водилъ компанію съ мѣстною старшиною и духовенствомъ и считался въ своемъ городѣ „зацною персоною". Можетъ быть, поэтому онъ былъ гордъ, заносчивъ и самонадѣянъ, а такъ какъ въ рынкѣ у него была „комора" съ продажей пива, меду и горѣлки, то трудно ему было остаться и трезвымъ человѣкомъ. А какъ напьется, бывало, Сенько Шапочникъ, то ему и гетманъ не страшенъ, не то сотникъ, его кумъ и сотрапезникъ. И впалъ Сенько съ пьянства и съ озорства въ превеликій грѣхъ.

Дѣло происходило въ праздникъ, зимою 1687 года. Вернулся Сенько отъ обѣдни не домой, а въ „комору", гдѣ его жена шинковала, и привелъ съ собой пріятелей изъ числа тѣхъ, которые, какъ и онъ, выстоявъ продолжительную праздничную службу, больше томились жаждою, чѣмъ голодомъ. Утоливъ эту жажду медами да оковитою, пріятели разошлись по домамъ ѣсть пироги. Захотѣлъ ѣсть и Сенько и сталъ звать домой жену; но у той, по случаю праздника, такъ бойко шла торговля, что она не рѣшилась оставить „комору" на „челядниковъ" и посовѣтовала мужу одному отправиться домой, гдѣ наймичка Паська [1]) должна его хорошенько накормить. Сенько не сталъ спорить. Добрелъ онъ не совсѣмъ твердыми ногами „до господы" и засталъ на столѣ горячіе пироги и любимую „запиканку". Кромѣ Пазьки, въ домѣ никого не было, потому что вся „челядь" осталась на рынкѣ для помощи „господыни". Скучно показалось Сеньку одному сидѣть за столомъ, и онъ вздумалъ потчевать прислуживавшую ему Пазьку; но та стыдливо отказывалась пить. Онъ схватилъ ее за руку,—Пазька вырвалась и

---

[1]) *Паська* или *Пазька*—Пелагея.

убѣжала изъ „свѣтлицы“. „Роздратованый“ и охмелѣвшій хозяинъ погнался за нею въ „пекарню“, и дѣло окончилось грубымъ насиліемъ.

Пазька была простая дѣвушка, сирота, но и ей было вѣдомо требованіе „права посполитаго“, что въ такихъ случаяхъ потерпѣвшая была обязана немедленно „оповѣдать свой гвалтъ“ постороннимъ людямъ, которые на судѣ удостовѣрили бы справедливость ея жалобы. Но къ кому ей было обратиться, когда усадьба Сенька находилась вдали отъ сосѣдей и ей нельзя было никуда отлучиться? Лишь вечеромъ, когда проспавшійся хозяинъ послалъ ее за пивомъ, она забѣжала къ теткѣ и дѣду и съ плачемъ „оповѣстила“ имъ о постигшемъ ее несчастіи, „оказавши и знакъ на кошулѣ“ (рубашкѣ). Тѣ немедленно пригласили сосѣда, почтеннаго человѣка, Якима Бирлютенка, и онъ, по ихъ просьбѣ, въ тотъ же вечеръ отправился къ Сеньку и открыто уличилъ его въ гнусномъ преступленіи. Можно представить, что здѣсь произошло, когда жена Сенька узнала эту новость. Но Сенько нимало не смутился: онъ обозвалъ Бирлютенка „дурнемъ“, легковѣрно слушающимъ бабскія сплетни, а Пазькѣ пригрозилъ, что она не уйдетъ „катовскихъ“ рукъ за то, что осмѣлилась взвести столь позорное обвиненіе на такого „зацного“ человѣка, какъ онъ.

И точно, предупреждая жалобу со стороны Пазьки, Сенько на другой же день позвалъ къ себѣ на обѣдъ пана сотника и другую старшину, а равно отца протопопа и всѣхъ мѣстныхъ іереевъ, угостилъ ихъ на славу и тутъ же, съ видомъ угнетенной невинности, пожаловался гостямъ, какое онъ терпитъ безславіе и поношеніе отъ „нависнои наймычкы“, которую онъ, по долгу человѣколюбія, призрѣлъ, какъ сироту, въ своемъ домѣ, и которая теперь, не иначе какъ по подговору его „ворогивъ“, такъ дерзко и безстыдно позоритъ его доброе имя. Гости въ одинъ голосъ отозвались, что нужно быть совершеннымъ „дурнемъ“, чтобы дать вѣру оговорамъ глупой наймички, а отецъ протопопъ, въ утѣшеніе хозяину, привелъ на память Іосифа Прекраснаго и другихъ благочестивыхъ мужей, невинно оклеветанныхъ. Въ концѣ концовъ собраніе согласилось, что нельзя же допустить, чтобы безумная Пазька безнаказанно порочила столь почтенную и добродѣтельную особу, иначе, глядя на нее, и другія наймички вздумаютъ „ка-зна що“ взводить на своихъ хозяевъ. Было рѣшено подвергнуть ее сначала духовнымъ увѣщаніямъ, чтобы она „опамятовалась“, вспомнила Бога и созналась, что невинно оклеветала хозяина.

Но Пазька оказалась очень упорной: сколько ни мучились съ нею—сначала приходскій священникъ, а потомъ и самъ протопопъ,—она стояла на своемъ. Тогда она была передана въ распоряженіе сотеннаго уряда. Что ни день, то и собираются бывало сотникъ, старшина и духовные отцы, открываютъ что-то въ родѣ соединеннаго присутствія духовнаго и свѣтскаго суда и принимаются за Пазьку, а Сенько Шапочникъ беретъ на себя заботу о томъ, чтобы судьи были сыты и пьяны. Здѣсь были пущены въ дѣло не одни увѣщанія, но и угрозы, сажаніе въ холодную и даже побои. Но Пазька и здѣсь проявила удивительную для ея лѣтъ непреклонность: сколько ни истязали ее, она твердила неизмѣнно, что „панъ господарь“ точно „збавилъ ее панянства“ путемъ грубаго насилія.

Такъ продолжалось около двухъ недѣль. Наконецъ Пазька какъ-то убѣжала отъ своихъ мучителей въ Полтаву и занесла жалобу на хозяина въ полковый судъ. 7 декабря того же 1687 года назначенъ былъ разборъ ея дѣла и къ этому дню былъ вызванъ въ Полтаву обвиняемый и свидѣтели.

Представляло ли дѣло само по себѣ большой интересъ, или же здѣсь имѣло значеніе то обстоятельство, что обвиняемымъ являлся богатый мѣщанинъ, имѣвшій много родни среди знатнаго полтавскаго мѣщанства и купечества,—только къ разбору дѣла прибыло столько народа, что зданіе ратуши далеко не могло вмѣстить всѣхъ, желавшихъ присутствовать. Самый составъ судей былъ полнѣе обыкновеннаго. На предсѣдательскомъ мѣстѣ находился полковникъ Ѳедоръ Жученко, рядомъ съ нимъ сидѣлъ присланный въ то время въ Полтаву гетманскій ревизоръ п. Захарій Шійкевичъ, далѣе—полковой судья

Петръ Буцкій и городовой атаманъ Иванъ Красноперичъ; „въ уряду же мѣйского“ присутствовали: войтъ Максимъ Петровичъ Попенко и бурмистры Процыкъ Дмитровичъ и Гаврило Прокоповичъ. Сверхъ того, въ ратушѣ находилось „много зацныхъ персонъ такъ значного товарыства (козаковъ), яко тежъ и пановъ мищанъ полтавскихъ и посполитыхъ людей“.

Слѣдуя обычному процессуальному порядку, судьи прежде всего предложили потерпѣвшей изложить предъ всѣми свою жалобу. Смущаясь и заливаясь слезами, Пазька начала:

— „Панове! Господаръ мій, міючы соби жону,—а я въ нёго служыла-мъ цнотлыво,—Бога не боячысь, зкгвалтывъ мя, панянства позбавывшы, усыловне, по своій воли“.

— Якого жъ часу и на якимъ мистцю Сенько той грихъ пополнывъ?—спросили судьи.

— Теперешнёго фылыпового посту, на день празныка Воведенія, выйшовшы зъ церквы, зъ службы Божои, господаръ подпывавъ на комори горилкою, бо и господыня моя на комори була, горилкою шынкуючы, а за тымъ самъ прыйшовъ до дому, а въ свитлыци никого не було. Винъ, порвавшы мене пидъ ничью, усыловне грихъ той тилесный пополнывъ. Трудно мени було заразъ втикаты або кымъ кгвалтъ мій оповидаты, бо домъ ёго оподаль отъ людей зостаетъ; терпила-мъ черезъ килька годынъ; ажъ колы у вечиръ послалы мене по пыво, тоди заразъ и оповистыла-мъ той мій кгвалтъ титци моій Матвіиси Ткачыси и дидусеви моему и знакъ на кошули имъ оказала“.

Затѣмъ выступили дѣдъ и тетка потерпѣвшей и предъявили суду „*лице*“, то есть вещественную улику преступленія, именно рубашку своей родственницы со знаками „позбулого панянства“, а сами сказали:

— Панове! Готови-сьмо сумленямъ нашымъ пидняты (т. е. присягнуть), що того жъ дня, у вечиръ, прыбигла до насъ Пазька, прыятелька (родственница) наша, и кгвалтъ свій намъ ознаймыла. И заразъ послалы-сьмо до Сенька Шапочныка зацного чоловика Якыма Бирлютенка, абы той грихъ и кгвалтъ въ позбытю панявства передъ очи ёму предложыты. Винъ, те легце

соби поважаючы надъ бидною сыротою, а хотячы грихъ свій покрыты, запобигъ соби духовенства, щобъ ёму помощными булы въ тій справи. А мы у мылостей вашыхъ просымо скутечнои справедлывосты“.

Наконецъ судьи обратились къ обвиняемому:

— Якъ то ты, незбожныку, міючы соби жону, важывся, оставывшы боязнь Божую, грихъ той вшетечный пополныты?

Но Семенъ Шапочникъ „того таився“, то есть не хотѣлъ сознаться.

Въ это время закончена была судебная экспертиза: „зацныя“ женщины, изъ числа, можетъ быть, присутствовавшихъ среди публики, или же нарочито приглашенныя, осмотрѣли внимательно „лице“, т. е. рубашку потерпѣвшей, и заявили суду, что имѣющіеся на ней знаки суть точно „знаки позбытя панянства“.

Этимъ закончено было судебное слѣдствіе. Судъ призналъ, что Семенъ Шапочникъ „жадного выводу о соби не давъ, а тилко таився“, и потому „ставъ переконаный правомъ“; а его бывшая „служебныця“ Пазька и „кгвалтъ“ своевременно „оповидала“, и „лице“ на судъ „презентовала“, и въ особенности тѣмъ еще доказала правоту своей жалобы, что ее, „бидную сыроту, въ Новому-Санджарови передъ духовенствомъ и передъ старшыною тамошною нещадно быто, а вона все волала, же (что) паненства позбула кгвалтовне отъ своего господара“. Справившись за тѣмъ съ Статутомъ (разд. 11, артыкулъ 12) и съ Правомъ Майдебурскимъ (книга „Порядокъ“, листъ 8) и „прихиляючись до рады товарыськои и до суду приналежныхъ персонъ“, судъ произнесъ приговоръ: Семенъ Шапочникъ за свой „незбожный“ проступокъ долженъ быть „скаранъ на горли“.

Но едва это рѣшеніе было объявлено, какъ отовсюду послышался плачъ, стенаніе и мольбы. Прежде всѣхъ разрыдался осужденный и сталъ горячо просить „надъ собою змылованя, чы не могъ бы онъ буты волнымъ отъ смертельнои карности“. За нимъ выступили съ тою же просьбою „многіе зацные персоны, мещане и купцѣ полтавские“: Леонтій Григоріевичъ, кти-

торъ Пречистскій, Ярема Краснокутскій, купецъ, Грыцько Кущъ, тесть осужденнаго, и многіе другіе. Наконецъ и жена Сенька стала съ плачемъ просить о помилованіи ея безпутнаго мужа. Судъ не могъ остаться безучастнымъ ко всѣмъ этимъ слезнымъ мольбамъ и „уволнилъ“ осужденнаго отъ „смертелнои карности“, но приказалъ ему уплатить Пазькѣ „навязку ведле еи стану“ въ суммѣ 20 копъ грошей и вознаградить ее скотомъ, платьемъ и другими „рупесками“ (мелкими вещами).

—

Такой же точно грѣхъ случился въ іюнѣ 1684 года и съ другимъ новосанжаровскимъ обывателемъ, козакомъ Иваномъ Божкомъ, на котораго такъ жаловалась его „служебница“ Марья Луциковна полковому суду:

— Мои ласкавыи панове! Несподивано позбуламъ панянства отъ господаря мого Божка, который, міючы челядныка Яцка, и мени веливъ за собою иты задля ульевъ двохъ въ пасику. По росказаню ёго, принесла-мъ тыи ульи въ пасику, за Ворскло, и положывшы въ катрази, пошла-мъ була до дому. Господаръ мій спытавъ: „куды ты йдешъ“? Я-мъ отповидала: „къ дому йду“. На то господаръ сказавъ: „позгоды, обручивъ первій врубаю“. А Яцко, наймытъ, подали рувни рубавъ. Обручивъ же нарубавшы тилко, килко бъ могла-мъ къ дому прынесты, и лыкъ зодравшы и звязавшы тыи обручи, положывъ доли на землю. Заразъ же мени, бидній сыроти, усыльне гвалтъ справывшы, панянства мене позбавывъ. Я тыи обручи, по росказаню его, понесла-мъ до дому и, не міючы, кымъ освидчыты, мусила-мъ терпиты, ажъ напотимъ сказала-мъ господыни моій“.

Судъ немедленно приказалъ „содомчика оного Ивана Божка до вязеня дати“, а дѣло отложилъ до производства слѣдствія, порученнаго мѣстной сотенной старшинѣ. Черезъ мѣсяцъ съ лишнимъ новосанжаровскій сотникъ донесъ полковому уряду, что онъ посылалъ своего хорунжаго и двухъ человѣкъ изъ „товарыства“ за Ворскло, на Божкову пасѣку, гдѣ они, по указанію потерпѣвшей Марьи, видѣли въ травѣ „потолоку“ и слѣды, гдѣ Божко обручи рубилъ и липу дралъ, и пришли къ заключенію, что „самая истота въ нецнотливыхъ поступкахъ на Ивану Божку слушне ся показала“. Да и самъ обвиняемый не отрицалъ своей вины: онъ молилъ лишь о милосердіи:

— „Панове, змылуйтеся надо мною! Я уже и сповиды святои выслухалемъ. Грихъ то мене споткавъ, що я, міючы жону, того-мъ ся гриху смертелного допустывъ“.

Судъ, „вглянувши въ право Майдебурское“, именно въ книгу „Порядокъ“, призналъ, что „той зброденъ Иванъ Божко, по сповѣди, мѣетъ на горлѣ скаранъ быти зтятьемъ шыи; а поневажъ (продолжаетъ декретъ) усиловне просилъ насъ Божко надъ собою змилованья, даровавши его смертельною карностью, приказуемъ, абы Марьи нагородилъ слушне за збавенье панянства еи, зъ нагороженемъ вины панскои и намъ, врядови, належнои“.

Къ декрету приложенъ точный реестръ „заплаты“, какую должна была получить „дивчина Марья“ отъ Ивана Божка: „корова една, якую сама сподобаетъ; овець пятеро; курта шиптуховая, барашками подшитая; ложникъ (перина) и подушка; плахта една, сорочокъ жоночихъ три, намѣтокъ двѣ; чоботи чирвоныи; поясъ штучковый; хлѣба на Божковыхъ нивахъ сама собѣ нажнетъ; а що рокъ служила, за тое особливо платити повиненъ“.

Такъ сравнительно недорого поплатился Божко за свой „смертельный“ грѣхъ.

—

Еще болѣе дешевою цѣною „вызволивъ“ изъ бѣды козакъ м. Соколки Процыкъ Гончаренко своего сына, впавшаго въ тотъ же грѣхъ „вшетеченства“ съ его „служебкою“ Вовдотьею Сѣдаковною. Эта бойкая и энергичная, но недостаточно строгихъ правилъ молодая вдовица, ставши въ 1683 г. предъ сотеннымъ Сокольскимъ судомъ, занесла такую „скаргу“:

— Мои ласкавіи панове! Мешкала-мъ въ Процыка Гончаренка робою въ дому ёго,—жона ёго взяла мене прясты въ

домъ; мешкала-мъ часъ немалый и робыла-мъ, до чого ся умовыла. Аже чого ткнулось! Процыкъ Гончаренко зъ самою (т. е. съ женою) къ Петру святому до Голтвы на ярмарокъ поихавъ, а насъ зъ Семеномъ и зъ малымы дитьмы на господарстви покынулы. Теды Семенъ, сынъ Процыкивъ, ставъ зо мною гратыся и жартоваты, а далій мене такъ пидвивъ, що и грихъ изо мною, якъ изъ жоною, до прыизду старыхъ строивъ. Уже й стари прыихалы, а винъ того не переставъ: стари ся попьютъ и не чуютъ, а винъ до мене въ ночи прыйдетъ и зо мною, такъ якъ изъ жоною, блудъ чынячы, мешкаетъ,—прави мене южъ за жону полецаетъ. Я ёму во всемъ до сыхъ часъ повольна була, та уже стари постереглы и мене одъ себе отогналы. А я уже и непорожня зостаю: чую, що и дытына зачала, уже и ручкамы и нижкамы ся въ жывоти шамотаетъ; а винъ мене, сыроту, зъ ума звившы, ничымъ одбуваетъ. Я тилько Богу и вамъ оповищаю, а якъ дытыну прыведу, Процыкови въ хату хочъ викномъ вкыну."

Сотенный судъ м. Соколки на первый разъ ограничился лишь тѣмъ, что велѣлъ записать жалобу потерпѣвшей „до снаднѣйшои уваги, нѣмъ (пока) слушный доводъ станетъ." Въ чемъ состоялъ этотъ доводъ—не извѣстно. Въ концѣ концовъ дѣло поступило на рѣшеніе полковника Герцика, о приговорѣ котораго узнаемъ изъ слѣдующей лаконической замѣтки въ актовой книгѣ: „За тое чужеложство самъ Процыкъ Гончаренко, вызволяючы сына своего Семена, привѣлъ коня и отдалъ до двору полковничого." О вознагражденіи потерпѣвшей не говорится ни слова. Весьма вѣроятно, что Вовдя и совсѣмъ не была признана потерпѣвшей стороной; но въ такомъ случаѣ она, какъ соучастница въ преступленіи, должна была подвергнуться наказанію наравнѣ съ ея соблазнителемъ.

—

Вообще можно замѣтить, что случаи насильственнаго сожительства „господарей" съ ихъ „челядницами" были въ то время такъ часты, что болѣе корыстолюбивые изъ полковниковъ не находили даже нужнымъ подвергать ихъ формальному разбору

въ полковомъ судѣ, а прямо приказывали составлять опись имуществу виновныхъ и затѣмъ львиную часть изъ этого имущества брали себѣ въ видѣ судебной „вины", а остальную часть распредѣляли между старшиной и дѣтьми виновнаго. Такъ поступалъ чаще другихъ полтавскій полковникъ Павелъ Герцикъ. Въ 1684 г. къ нему было прислано слѣдующее донесеніе изъ Кереберды, отъ тамошняго сотеннаго уряда:

„Мосци пане полковныку, нашъ мылостывый пане и добродію! Прыточылась справа Богу мерзкая въ тій мири: жытель нашъ именемъ Дмытро, невисту (женщину) нанявшы на рикъ, яко своій челядныци изъ собою по пашню казавъ йихаты; въ которій дорози, запомнившы боязни Божои и встыду людского, міючы жону свою, зъ челядныцею въ полю усыловне грихъ тилесный пополнывъ. Тоди тая невиста, ставшы передъ насъ, мовыла, що того жъ часу хотила свою зневагу оповисты, але Дмытро ій мовывъ: „якъ оповистышъ, я худобою одбуду, а ты собою одбудешъ", и такъ не отпускаючы тіеи невисты, три мисяци зъ нею чужоложывъ и такымы словы тую невисту потишавъ: „мила бъ есы въ соби одъ мене зачаты, надарывшы тебе, въ ыншій городъ отвезу, або самъ зъ дому одъиду." Зачымъ мы, чуючы ихъ Богу мерзкое дило, казалысьмо ихъ до вязеня даты, и того чужоложныка перепысавшы всю худобу, реестръ до вашои панскои мылости посылаемъ и о науку вашмости, нашого пана и добродія, просымъ: що міемъ зъ тымъ чужоложныкомъ поступыты?"

Герцикъ далъ такую „науку": „за проступство помененого Дмытра, зъ реестру худобы оного, за выну, маетъ буты прыслано до двору полковничого: воловъ пять, лошакъ и ручныця зъ рогомъ (пороховницей); сотныкови Керебердянскому зо всимъ тамошнимъ врядомъ позволяемъ взяты: быковъ два, овець двадцять и дви и жупанъ сыній, а остатокъ худобы оного проступци зоставляемъ ёго дитямъ." О вознагражденіи потерпѣвшей челядницы въ этой резолюціи ничего не упоминается.

—

Изрѣдка случалось, что „наймычки“, изъ корыстныхъ или иныхъ побужденій, взводили на своихъ хозяевъ и ложные извѣты. Тогдашнее законодательство, карая смертью за изнасилованіе дѣвушки или женщины, вмѣняло однако судьямъ въ обязанность точно удостовѣриться въ фактѣ преступленія. По Лит. Статуту, подвергшаяся изнасилованію была обязана непремѣнно „волать“, т. е. громко звать на помощь, и когда бы люди сбѣжались на ея крикъ, она должна была „оказати предъ ними знаки гвалту“ и затѣмъ, на судѣ, въ присутствіи этихъ свидѣтелей присягой удостовѣрить истинность своего обвиненія; если же потерпѣвшая не „волала“, между тѣмъ преступленіе происходило въ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди могли бы слышать ея крики, то ея жалоба должна была почитаться голословной [1]). Магдебургское право, повидимому, еще съ большимъ недовѣріемъ относилось къ жалобамъ объ изнасилованіи. Оно также требовало „воланія“ и свидѣтелей преступленія; но хотя бы потерпѣвшая „съ распущенными волосами и въ разорванномъ платьѣ“ пришла на урядъ, жалуясь объ изнасилованіи и обязуясь доказать это показаніями свидѣтелей, слышавшихъ ея „воланіе“, а обвиняемый явился бы на урядъ раньше ея, и притомъ явился добровольно, не связанный и не пойманный, желая доказать свою невинность, то въ виду такого добровольнаго прихода ему предоставлялось преимущественное право „отвестить“ присягою, при шести свидѣтеляхъ, отъ взводимаго на него обвиненія [2]). Козацкіе суды не были столь педантичны въ оцѣнкѣ доказательствъ въ такихъ дѣлахъ, но и они принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы убѣдиться, точно ли было совершено изнасилованіе, и въ случаѣ какого-либо сомнѣнія признавали жалобу ложной, клеветнической и самихъ клеветницъ нерѣдко подвергали наказанію.

---

[1]) Лит. Статутъ 1588 г., разд. 11, арт. 12.

[2]) Jus Municipale, переводъ П. Щербича, арт. 38, глосса. Porządek, изд. 1760 г, стр. 150.

Такой клеветѣ подвергся въ 1700 году нѣкій Кузьма, полтавскій житель, со стороны своей „служебки“ Орышки. Явилась она въ судъ въ сопровожденіи своей тетки, предъявила „знаки гвалту на кошулѣ“ и занесла жалобу, будто Кузьма ночью перенесъ ее сонную на свою постель и насильно „позбавилъ панянства“. На другой день вечеромъ она сообщила объ этомъ своей „господынѣ“, но Кузьмиха пообѣщала денежно вознаградить ее, лишь бы она „того никому не ясыла“. Прождавши нѣсколько дней обѣщанной „нагороды“ и убѣдившись, что хозяева ее „ничымъ одбуваютъ“, Орышка рѣшилась обратиться къ судебной защитѣ.

Противъ этой жалобы обвиняемый Кузьма такъ „вимѣрявся“ (оправдывался).

— Панове, невынныи на мене ричи Орышка наносытъ. А то такъ було. Прыйшовшы я зъ поля пизно до господы, не заставъ господыни (жены) въ дому, тылько дивку та хлопцивъ два, и повечерявшы, веливъ Орышци постиль послаты на полу [1]). Орышка зась, пославшы а ходячы по хати, говорыть: „Отъ бида, нигде мени лягты спаты“! Я жъ пишовъ у сины тютюну тягты, а хлопци въ хати, пидъ прывалкомъ къ печи, на земли полягалы спаты. А я, потягшы тютюну, увійшовъ у хату, и лигши на своій постели на полу, мацнувъ къ стини, ажно дивка лежытъ; и я, тилко за жывитъ еи пощупавшы, сказавъ: „Чого ты тутъ лягла? Колы бъ такъ кому молодому пидлизла пидъ бикъ, то не здорова бысь пишла“! и такъ еи зъ полу зигнавъ, и вона, вставшы, пишла и лягла на лави. А щобъ я ій що чынывъ, неправду вона говорытъ. Богъ бы мене скаравъ! Невыненъ я, панове, тому учынку, що вона на мене складаетъ.

Для экспертизы были приглашены „старыи невисты (женщины), добре на томъ знаючіися“, которыя, внимательно осмо-

---

[1]) Разумѣется извѣстная настилка изъ досокъ въ малороссійской избѣ, которая и нынѣ называется «поломъ» и служитъ постелью для семьи.

трѣвъ предъявленную жалобщицею „кошулю“, единогласно заявили:

— Не есть то, панове, слушныи знакы гвалту, бо и не на тимъ мистци, де бъ належало, и крови немае.

Послѣ этого судъ объявилъ декретъ: „поневажъ Орышка гвалту не волала, и жадныхъ знаковъ певныхъ не показала, и свидкивъ не поставыла, и передъ людьмы таилась, и вже по трёхъ дняхъ, колы ій нагороды не дано, тогди до суду зъ злосты объявыла за побудкою титкы своеи“, то, руководствуясь 12 арт. 11 разд. Статута, судъ въ данномъ дѣлѣ не призналъ никакого „гвалту“ и за ложное обвиненіе „тую дивку Орышку скарати канчуками“ велѣлъ. „А помовленный (оговоренный) Кузьма оть гвалту любо (хотя) и воленъ зоставъ, однакъ не згола (не совсѣмъ), але маетъ за тое, якъ самъ прызнався, що тую дивку за животъ пощупавъ, виною звыклою скаранъ буты“, т. е уплатить обычный судейскій доходъ.

Бѣдному Кузьмѣ оставалось лишь пенять на себя за излишнюю откровенность.

20. Легкомысленная Любка.

Козакъ и житель сотеннаго города Кереберды Павло Набоченко отправился въ іюнѣ 1698 г. въ Голтву на ярмарку, а дома осталась молодая его жена Любка съ его сестрой подросткомъ. Долго Павло ярмарковалъ, а когда возвратился домой, то сразу замѣтилъ, что съ Любкой случилось что-то неладное: не встрѣтила она его съ обычнымъ привѣтомъ, не смотритъ ему въ глаза, съ смущеніемъ принимаетъ его ласки и безпричинно плачетъ. Долго Павло безуспѣшно разспрашивалъ жену, не обидѣлъ ли кто ее, не случилось ли съ ней какой бѣды; она плакала и волновалась, но увѣряла, что ничего съ ней не случилось. Наконецъ Павло услышалъ отъ жены такое ужасное признаніе, что лучше бы и не слышать: оказалось, что въ его

отсутствіе злой человѣкъ проникъ къ нему въ домъ и опозорилъ его на вѣки. По словамъ Любки, приходилъ къ ней Алексѣй Яковенко и, воспользовавшись тѣмъ, что она оставалась одна въ домѣ, насильно овладѣлъ ею.

Алексѣй Яковенко былъ извѣстный на всю Кереберду повѣса и «джигунъ», типъ того «вдовыченка», о которомъ и въ пѣснѣ поется:

Нема впыну вдовыному сыну,
Що звивъ зъ ума дивку сыротыну.

Онъ и въ дѣйствительности былъ сыномъ вдовы «значного» козака, имѣвшей значительный достатокъ и не чаявшей души въ своемъ «одынчикѣ». Ему уже перевалило за тридцать, а онъ все еще «паробкувавъ», не желая разставаться съ привольемъ и беззаботностью молодецкой жизни.

Пошелъ Павло Набоченко къ своему тестю Прокопу Дзыкгавому, разсказалъ о постигшемъ ихъ горѣ и сталъ «радытысь», какъ ему поступить съ обидчикомъ.

— А що жъ, сыну, будемъ позываты вражого сына до права: може жъ такы Богъ намъ поможе довесты, що сей шыбеныкъ побувае и въ кативскыхъ рукахъ.

Несмотря на то, что былъ праздникъ Петра и Павла, сотенный судъ открылъ присутствіе. Изъ урядниковъ въ немъ участвовали только сотникъ и городовой атаманъ, и то оба наказные, за то много было «товарыства» и мѣщанъ, все людей «зацныхъ и вѣры годныхъ». Между ними «згодывся» и мѣщанинъ кіевскій Грыцько Гапоненко, пріѣхавшій за осетрами, которыми и въ то время славилась Кереберда, и приглашенный въ судебное засѣданіе, какъ членъ славнаго магистрата Кіевскаго. Сюда же явился Прокопъ Дзыкгавый съ своимъ зятемъ и занесъ жалобу на Яковенка, «мовячы въ такіи слова»:

— Наши ласкавыи панове вряде! Трапылося буты зятеви моему зъ своею маткою на ярмарку въ Говтви, а Олексій Яковенко дочку мою зкгвалтывъ.

Какъ услышали «урядъ и товарыство» такое «неужытое слово», то и въ ужасъ пришли. Кереберда былъ городокъ малый, и нравы въ немъ были патріархальные. Случалось, что молодежь пошаливала съ «удовыцями» да съ «покрыткамы»; но чтобы кто изъ «молодыковъ» «зкгвалтывъ мужнюю жону»—о такомъ возмутительномъ проступкѣ еще не было слышно.

Немедленно приступили судьи къ производству «инквизиціи». Прежде всего позвали потерпѣвшую Любку Павлыху и спросили:

— Повидай намъ, небого, якъ тое Богу мерзкое дило учынылось?

Любка немного замялась и стала разсказывать:

— А тое було такъ, панове. Трапылося буты мужови моему изъ маткою въ Говтви, на ярмарку, а дивчына, моя зовыця, одійшла по червець [1]), ажъ тутъ Олексій Яковенко рано въ недилю, передъ Божою службою, прыйшовъ зъ Мыкытою Клыменкомъ и запыталы мене, чы есть дома Павло. Я имъ одказала: «нема дома, на ярмарку». А воны, наклавшы люльку, тяглы (курили) обыдва. Клыменко жъ Мыкыта скоро пишовъ исъ хаты, а Яковенко заразъ взявъ мене пидъ плечи, понисъ у хыжу и на кровать кынувъ. Въ той же часъ я изійшла памяты (т. е. впала въ обморочное состояніе), а Олексій Яковенко вчынывъ мени кгвалтомъ грихъ тилесный. Маючы такую жалость, пишла я до свого отця и плакала вельмы. Пыталы мене панотець: «для чого ты плачешъ»? а я для такого встыду не прызнавалася до прыизду мужевого. По обиди прыйшла я додому, тилко подала курятамъ йисты и заразъ выйшла зъ хаты и на двори на колодкахъ лягла спаты, бо вже въ синяхъ бояслася, щобъ мене ище тее не нагабало. И заразъ той же Яковенко зъ дякомъ одъ миста, черезъ тынъ перелизшы, прыйшли

[1]) *Червець*—особаго рода насѣкомое (coccus polonicus), изъ котораго добывали кармазиновую краску для окрашиванія матерій. Въ старину сборъ и обработка червеца составляли широко распространенный въ Малороссіи промыселъ.

до хаты,—а я не спала,—и такъ говорытъ дякъ: «Чы справды жъ Павла нема»? а Яковенко каже: «нема, мы напывшысь, мовытъ, и пидемо заразъ». И війшлы у хату. Клыкавъ Яковенко мене килька разъ по йменю, а я будто и не чую, а потимъ выйшовъ съ хаты, знайшовъ мене на колодкахъ и мовыть такъ: «иды въ сины». А я ёму одмовыла: «Якои ты чортовои матери сюда ходышъ, або то до удовыци»? А винъ мени мовыть: «одже гирше тоби буде, колы я сылою тебе визьму», и пишовъ у сины. Дяка вже справды не було. А я, що постылала мишокъ, покынула и лаючы зъ двору пишла; и винъ незабаромъ пишовъ. Третимъ разомъ того жъ дня, у вечиръ, доила я корову, а Мыкыта Клыменко прыйшовъ до воритъ и пытается дивчыны; «чы ще нема Павла зъ ярмарку»? а вона одказала: «нема». И якъ прысмеркло гараздъ, прызвала я на ничъ дивчыну, сестру Лукъянову, и обляглы спаты. И заразъ почула я, що коло хаты и коло синей и хыжи щось тупае, а далій прыйшовъ до синныхъ дверей, торгавъ вельмы, и що мы булы пидперлы двери лопатою, то винъ поламавъ, и вшедшы въ хату, говорывъ зъ дивчатамы пóночи, мовячы: «добрывечиръ». Одказано ему: «здоровъ». А винъ пытае: «Чы дома Павло»? Одказано: «Нема».— «Я жъ, мовытъ, возьму на люльку вогню и пійду». Ажъ дивчата кажутъ: «Ни, не для вогню ты, але для Любкы ходышъ». А винъ: «Пійду жъ я одъ васъ». И якъ выйшовъ зъ хаты, то не йшовъ зъ двору, але ставъ пидъ синьмы, и пождавшы, нимъ (пока) поснутъ дивчата, продравъ стриху и друкомъ колотывъ у хыжу, а я ёму лаяла. Винъ похвалывся: «Ну постій же! тилько тоби на свити жыты»!—Поты моеи мовы. Прошу васъ, панове вряде, въ тимъ святои справедлывосты».

Спросили и «дивчыну», Лукьянову сестру, ночевавшую у Павлыхи, при чемъ почему-то не позвали ее въ присутствіе, а посылали къ ней «зъ уряду людей зацныхъ»: Ивана Вареныка и Ивана Зозулышыного брата, для допроса на дому. Свидѣтельница показала:

— Перше, завыдна, прыходывъ на вывидкы Мыкыта Клыменко, пытався: чы дома Павло? А мы одказалы: «нема». По-

тимъ прыйшовъ Олексій Яковенко, одбывъ двери и поламавъ пидпоры; а мы, полаявшы ёго, выгналы. Тоди винъ, выйшовшы съ хаты, пидъ хыжою прытаився, и скоро мы поснулы, продравъ стриху и колотывъ въ хыжу друкомъ. И впять одогналы ёго зъ двора ласкою. Поты мого прызнатя».

Тогда судьи обратились къ обвиняемому Яковенку и сказали ему:

— Скажы, чоловиче, по истынній самій правди: що тамъ було межъ вамы?

Яковенко отвѣтилъ:

— Що жъ, панове уряде, якъ перше духовному отцеви росказавъ, такъ и вамъ мовлю. Рано, въ недилю, прыйшовъ я зъ Клыменкомъ до Павловои хаты тютюну тягты, и потягнувшы Клыменко выйшовъ съ хаты и стоявъ на воротахъ, а я Любку до того прыводывъ, и вона мени повынылась, вчынывъ ій на постели грихъ тилесный, тилько жъ не кгвалтомъ: сама вона пишла до хыжи. А Клыменко того не видае. По истынній самій правди мовлю. А що въ день и въ ночи прыходывъ, и тому есть правда, бо сама мени прыходыты казала».

Судьи въ недоумѣніи переглянулись и затѣмъ спросили вновь Павлыху:

— Чому жъ ты по тимъ кгвалти людимъ не оповидала?

— Що жъ, панове,—отвѣтила Любка: по истынній самій правди, въ той часъ не стямылася—едно изъ страху, вдруге—що беременна, а втретье за встыдъ; ажъ, за прыиздомъ, мужови своему сказала».

Этимъ и ограничилось предварительное слѣдствіе. Затѣмъ судьи постановили: «Не маючы мы способу такый судыты судъ, тилко испытаніе одъ обохъ сторонъ запысалысьмо и одсылаемъ справу до высокого панского (т. е. полковничьяго) суду».

А въ полковомъ судѣ это дѣло рѣшено было очень быстро. «По вычытаню всимъ въ слухъ инквизиціи, на уряди Керебердянскомъ выведеной», и внимательномъ ея «вырозуминю», судъ не усмотрѣлъ въ дѣлѣ и признаковъ какого-либо «кгвалту», такъ какъ Любка «кгвалтомъ не волала, и сталося ей тое въ

день, а не въ ночи», и притомъ въ городѣ, «межи людьми», которые могли бы слышать ея «воланье»,—а призналъ лишь «самое ихъ обохъ порубство (прелюбодѣяніе) и самоволное призволенеся», а потому постановилъ: «абы оные вшетечники Яковенко и Павлыха булы выною пиняжною (денежною) скарани и вязенямъ долгимъ прынужени,—що ся и стало», прибавляетъ писарь, вписавшій декретъ въ актовую книгу.

Такъ была сравнительно мягко, вѣроятно изъ снисхожденія къ ея молодости, покарана «необачная» Любка, легкомысленно затѣявшая сыграть роль оскорбленной невинности.

---

21. „Нестатечная“ жена.

Полтавскій житель Яковъ Семененко женился на молодой вдовѣ съ дѣтьми Ганнѣ Горбанивнѣ, соблазнившись тѣмъ, что у нея было порядочное состояніе: и „грунты“, и скотина, и „господарство“ немалое. Бракъ оказался весьма неудачнымъ. Вѣроятно, часть вины за это лежала и на мужѣ; по крайней мѣрѣ Ганна имѣла какіе-то поводы неоднократно жаловаться на него полтавскому протопопу о. Лукѣ Симеоновичу, и тотъ дважды подвергалъ Якова карѣ—запиралъ его въ „коморку“ церковную, куда попадали большею частью чужеложники и прелюбодѣи, если на нихъ жаловались не свѣтскому, а духовному или братскому суду. Но затѣмъ и сама Ганна перестала „статковаты“ (вести себя благоразумно), совсѣмъ отбилась отъ рукъ и стала открыто рвать супружескій союзъ съ мужемъ. Она неоднократно бросала семью, подолгу шаталась гдѣ-то „на Водолагахъ,“ т. е. въ южной части Слободской Украины, и распродавала свою „худобу.“ Яковъ Семененко, повидимому, примирился уже съ тою мыслью, что Ганна—не жена ему больше; но то обстоятельство, что она легкомысленно растрачивала оставшееся послѣ перваго мужа состояніе, сильно его озабочивало: выростутъ ея дѣти и отъ него же, какъ отъ мужа

ихъ матери и естественнаго ихъ опекуна, потребуютъ отчета, куда дѣвалась ихъ „батькивщына.“ Чтобы обезпечить себя отъ этой отвѣтственности, Семененко въ октябрѣ 1693 года позвалъ свою жену въ полковый судъ и такъ „скаржился“ на нее:

— Панове! Понявъ я соби въ станъ малженскій Ганну Горбаниву Процыху, невистку Сорокового, и що було еи внесення (приданаго), тое въ опатрности мил-емъ. Аже теперъ, зъ якогось наущенія бисовского, подвакротне оная жона моя, уступуючы закону, стану малженского, тулялася одъ мене по Водолагахъ и не вимъ де, а тіи свои добра міючы за внесеня, рознымъ людимъ попродавала, и товару рогатого коровъ дви, и кгрунта розныи, яко то и Пархоменкови Исаеви за пятьдесятъ золотыхъ продала, о чимъ я не видаю. А що билше, терпивъ я, за еи опачнымъ вданямъ (по ложному доносу) отъ ёго мылосты отца протопопа полтавского, отъ отца Лукы Семеновича вязеня подвакротне въ коморци, а то еи власне нерядъ (ея распутство). Прошу въ тимъ, панове, рачте (благоволите) мылость ваша, моихъ скаргъ выслухавшы, абы я не бувъ турбованый одъ потомкивъ жоны моеи Ганны.

Не извѣстно, что говорила въ оправданіе своей „нестатечности“ присутствовавшая здѣсь Ганна, но она „не таилася“, что „добра свои сама на свій пожытокъ обернула“.

Хотя стороны не просили о расторженіи ихъ брачнаго союза, но судьямъ невольно пришло на мысль, что этой парѣ всего приличнѣе было бы разойтись подобру, поздорову. Но именно потому, что просьба о разводѣ ни одной изъ сторонъ не была заявлена, безъ чего свѣтскій судъ не могъ расторгать законныхъ браковъ, судьи постановили декретъ: „Не міючы власти на роспустъ свицкій (т. е. учинить разводъ помимо духовнаго суда), велилысьмо Якову и Ганни статечне въ стани малженскимъ похристіанску жыты; а выдячы, що Якивъ внесенямъ жоны своеи абынамній (нимало) не завладивъ и не стерявъ ничого, тилко сама реченая Ганна Горбанивна на свій пожытокъ обернула и потомкамъ своимъ утратыла, оного Якова отъ внесеня Ганнынного въ тимъ вольного чынымо и въ потомные часы, ижъ (что) не міетъ

узнаты отъ потомкивъ Ганнынихъ, Проценкивъ, жадныхъ турбацій, подъ уложенямъ выны суду духовному таляривъ сорокъ, на пана полковныка полтавского таляривъ сорокъ, а на врядъ миській полтавскій таляривъ двадцать.“

Не совсѣмъ понятно, почему денежная „зарука“ за нарушеніе даннаго декрета была положена, между прочимъ, и въ пользу суда духовнаго. Обыкновенно такъ дѣлалось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, котораго это могло касаться, или самое дѣло подлежало компетенціи духовнаго суда; но иски о наслѣдствѣ къ компетенціи этого суда не относились.

---

22. Позорное клеймленіе прелюбодѣевъ.

Просматривая протоколы козацкихъ судовъ, легко прійти къ мысли, что изъ всѣхъ заповѣдей Моисеева десятословія въ старой Малороссіи чаще другихъ нарушалась седьмая. Среди тогдашнихъ уголовныхъ дѣлъ едва-ли не самый значительный процентъ составляютъ дѣла о прелюбодѣяніи. Между тѣмъ самая многочисленность такихъ дѣлъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ порокъ отнюдь не пользовался привилегіей безнаказанности; напротивъ, и тогдашніе суды, и общественное мнѣніе съ патріархальною строгостью относились ко всякимъ проявленіямъ разврата и распущенности. Строже всего каралось чужеложство: мужчина за это присуждался къ смертной казни, а женщина —къ сѣченію у позорнаго столба на базарной площади и къ расторженію ея брака, если только ничего не имѣлъ противъ этого ея невиновный мужъ [1]). Простое прелюбодѣяніе, т. е. связь между свободными отъ брачнаго союза лицами, также иногда каралось смертью, но чаще—сѣченіемъ на площади, выставленіемъ у позорнаго столба, изгнаніемъ изъ

[1]) Подробнѣе объ этомъ—см. выше, очерки 12 и 13.

города, и въ рѣдкихъ случаяхъ—денежнымъ штрафомъ. Въ интересныхъ запискахъ извѣстнаго путешественника Павла Алеппскаго, дважды посѣтившаго Малороссію при Богданѣ Хмельницкомъ, упоминается еще объ одномъ родѣ наказанія за прелюбодѣяніе. „Намъ говорили,—пишетъ онъ,—что всякій разъ, какъ поймаютъ въ этой козацкой странѣ въ прелюбодѣяніи мужчину и женщину, тотчасъ собираются около нихъ, обнажаютъ ихъ и садятъ какъ цѣль для пушекъ; это у нихъ неизмѣнный законъ, и никогда никто не увернется отъ этого наказанія“. Но такого наказанія, т. е. разстрѣлянія изъ пушки, не существовало, и въ данномъ случаѣ Алеппскій впалъ въ невольную ошибку. Очевидно, ему говорили о привязываніи виновныхъ къ позорному столбу или, то же, о приковываніи къ пушкѣ, а онъ могъ переиначить слышанное. Достойно вниманія, что въ концѣ XVII ст. въ Малороссіи жива была еще въ народѣ память о необыкновенно суровой карѣ за чужеложество, очевидно практиковавшейся въ болѣе раннее время, когда населеніе не знало еще другого суда и „права“, кромѣ своего, „громадскаго“,—именно о закапываніи виновныхъ въ землю заживо. Въ одномъ процессѣ 1693 г. есть упоминаніе о томъ, какъ мать предостерегала любовника своей замужней дочери, чтобы онъ никому не проговорился объ этой связи: „бо якъ дознается про те старшына, то певно черезъ те, що у тебе своя жона, а у дочкы моеи мужъ есть, будете обое на ростани (т. е. на перекрестной дорогѣ) укопани“. Въ этихъ словахъ звучитъ не только память о быломъ, но и увѣренность, что этотъ стародавній обычай еще можетъ имѣть примѣненіе.

Но судебныя кары, какъ бы ни были суровы, могутъ обуздывать развратъ въ его наружномъ проявленіи, но не въ силахъ преслѣдовать его, когда онъ скрывается подъ покровомъ тайны и потому легко ускользаетъ отъ самаго бдительнаго полицейскаго надзора. Но, какъ мы уже упоминали [1]), въ то патріархальное время правосудіе въ борьбѣ съ преступленіями имѣло дѣятель-

[1]) См. выше, очеркъ 2.

наго союзника въ лицѣ самого общества, вѣрнѣе—всей народной массы, неусыпный контроль которой надъ каждымъ изъ своихъ членовъ служилъ могучимъ средствомъ противъ размноженія всякаго рода преступленій. Для этого всевидящаго и всепроникающаго контроля нѣтъ и не можетъ быть ничего тайнаго, сокровеннаго. Извѣстно, какъ трудно и теперь еще въ условіяхъ сельской жизни укрыться отъ постороннихъ глазъ малѣйшей любовной шашнѣ, самому осторожному роману. Но современная народная масса, долгимъ опытомъ отъученная отъ вмѣшательства въ чужія дѣла, поневолѣ пассивно относится къ творящимся на ея глазахъ безобразіямъ и ограничивается лишь пересудами по поводу ихъ, а въ иныхъ случаяхъ и это дѣлать опасается. Не то было въ XVII ст., когда народныя понятія о дозволенномъ и недозволенномъ въ сущности и были правовымъ кодексомъ, обязательнымъ и для суда. А прелюбодѣяніе въ глазахъ народа искони почиталось тяжкимъ грѣхомъ, оскорбляющимъ Бога, навлекающимъ гнѣвъ Его и потому подлежащимъ строгому преслѣдованію. Поэтому всякій, кому было вѣдомо о чьихъ-либо безнравственныхъ поступкахъ, имѣлъ право прійти въ судъ и открыто выступить съ обвиненіемъ, памятуя лишь объ одномъ, что отъ него потребуютъ представленія неопровержимыхъ уликъ, въ противномъ случаѣ онъ будетъ признанъ „потварцею“, клеветникомъ, и долженъ подвергнуться такому наказанію, какое по закону угрожало оговореннымъ имъ лицамъ. Чтобы запастись такими уликами, обычай дозволялъ обвинителю подстеречь подозрѣваемыхъ въ преступной связи и, пригласивъ свидѣтелей (а еще лучше—предупредивъ мѣстный урядъ), накрыть на мѣстѣ преступленія („застаты на злому учынку“) и при этомъ обрѣзать обоимъ полы бѣлья или платья. Пойманные немедленно препровождались на урядъ для заключенія подъ стражу, а отрѣзанные куски платья представлялись въ судъ въ качествѣ „лица“, или „признаки“, считавшейся непререкаемой уликой въ дѣлахъ этого рода. Кто возбуждалъ обвиненіе, не запасшись такой уликой, тотъ, въ случаѣ запирательства обвиняемыхъ, всегда проигрывалъ дѣло;

Полезнѣе лишь объ одномъ
что отъ него потребуютъ

наоборотъ,—кому обрѣзали полы, тѣ ничѣмъ уже не могли „отвестись“ отъ обвиненія, ибо въ крайнемъ случаѣ обвинитель совмѣстно съ свидѣтелями, „якіе булы при застатьи“, могли „присягою довести“ справедливость обвиненія и этимъ окончательно „поконати“ виновныхъ; но до присяги дѣло рѣдко доходило.

Ни въ Литовскомъ Статутѣ, ни въ Магдебургскомъ правѣ нѣтъ и помину о такомъ способѣ клеймленія лицъ, уличенныхъ въ прелюбодѣяніи. Несомнѣнно, это чисто мѣстный, народный обычай, какихъ много было выработано вѣковой практикой народнаго суда, но далеко не всѣ они впослѣдствіи были санкціонированы Статутомъ. Въ этомъ обычаѣ нужно различать двѣ существенныя черты: добываніе „лица“ и клеймленіе захваченныхъ на преступленіи. „Лице“, т. е. поличное, играетъ весьма важную роль въ южнорусскомъ обычномъ правѣ. Лит. Статутъ трактуетъ о важности „лица“ лишь въ дѣлахъ о кражѣ и разбоѣ [1]), но въ практикѣ обычнаго права его примѣненіе можно указать почти во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ; такъ, напримѣръ, убійцу привязывали къ трупу убитаго и оставляли въ такомъ положеніи до суда, что́ имѣло значеніе „лица“. Въ тѣсной связи съ „лицемъ“ находился обычай „личкованья“; о немъ нѣтъ и упоминанія въ Статутѣ, между тѣмъ мы встрѣчаемъ его именно въ практикѣ статутовыхъ судовъ въ правобережной Малороссіи. Если владѣлецъ отыскивалъ украденныхъ у него или сбѣжавшихъ домашнихъ животныхъ, а тотъ, у кого они оказались, не хотѣлъ выдать ихъ безъ суда, то въ такихъ случаяхъ приглашался возный, и въ присутствіи свидѣтелей животныя подвергались „личкованію“, т. е. имъ надрѣзывали уши (лошадямъ) или лапки (птицамъ) и это „личко“ (отрѣзанныя части) вручалось возному для храненія „до права“, что, очевидно, дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы животныя, о которыхъ

[1]) Статутъ 1588 г., разд. XIV, арт. 3, 5, 7 и др. и разд. XI, арт. 31 и 32.

шелъ споръ, не были подмѣнены другими [1]). Подвергали „личкованію“ и преступниковъ, т. е. отрѣзывали имъ одно или оба уха, но это уже было однимъ изъ видовъ позорнаго наказанія за воровство. Малорусскій народный обычай отрѣзыванія полъ у лицъ, захваченныхъ на прелюбодѣяніи, одновременно совмѣщалъ въ себѣ и признаки „лица“, т. е. преступленія, и „личкованія“, т. е. клеймленія съ цѣлью лишить преступниковъ возможности замѣнить себя на судѣ другими лицами [2]), и наконецъ—позорнаго наказанія. Послѣдній характеръ этотъ обычай удержалъ до конца своего существованія, т. е. почти до нашихъ дней. Еще лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ въ глухихъ углахъ Малороссіи нерѣдко водили по селу въ позорной процессіи лицъ, захваченныхъ на прелюбодѣяніи, предварительно обрѣзавъ имъ „пелену“, т. е передній подолъ сорочки.

—

Весною 1694 года въ с. Ивончинцахъ, что близъ Полтавы, распространился слухъ, что къ мѣстной козачкѣ-вдовѣ Педорѣ Пилипихѣ „що-вечора“ ходитъ козакъ Васыль Кибаленко. Дошелъ этотъ слухъ и до Ивончинецкаго атамана Руденка, и вотъ онъ заходитъ поздно вечеромъ къ мѣстнымъ жителямъ Юрку Коломійченку и Ѳедору Уласенку и говоритъ имъ:

— Пидите и піймайте Пылыпыху зъ Кыбаленкомъ, бо теперъ, якъ люде повидаютъ, певне застанете обохъ на скверномъ учынку. Я вамъ и третёго осавульця до того прыдамъ.

Пошли они втроемъ на дворъ къ Пилипихѣ, посмотрѣли въ хату—тамъ никого не оказалось. Подошли затѣмъ къ „комо́рѣ“—слышно, внутри кто-то шепчется.

— Такъ и есть! рѣшили соглядатаи: Це жъ Педора зъ Васылемъ. А ну, Юрку, свиты лыхтарь (фонарь), та будемо высажуваты двери.

[1]) Актовая книга Луцкаго гродскаго суда 1573 г., № 2047, л. 378.

[2]) Весьма возможно, что захваченные прелюбодѣи и на судъ представали съ отрѣзанными полами, хотя прямого указанія на это въ актахъ мы еще не встрѣтили.

Подошли съ фонаремъ—и что же? Дверь оказалась запертой снаружи висячимъ замкомъ. Оторопѣли на минуту соглядатаи. Какъ же такъ? Въ коморѣ какъ-будто есть кто-то, а на дверяхъ виситъ замокъ! Ужъ не почудилось ли имъ, будто тамъ кто-то шептался? И хотѣли было уходить ни съ чѣмъ, но Педора сама себя выдала. Узнавъ по голосамъ пришедшихъ и догадываясь, зачѣмъ они пришли, она начала бранить ихъ:

— Або я якая нецнота, що до дому мого ходыте мене перестеригаты?

Теперъ посланцы уже не сомнѣвались ни въ чемъ: если Педора какимъ-то чудомъ оказалась въ запертой снаружи коморѣ, то навѣрное она тамъ не одна.

— А ну, Юрку, бижы за сокырою та будемо выстановляты двери.

Видя, что дальнѣйшее запирательство приведетъ лишь къ тому, что ей напрасно сломаютъ дверь, Пилипиха перемѣнила тонъ и стала просить:

— Люде добри! Не псуйте дверей, а визьмите въ хати за мысныкомъ ключъ.

Достали ключъ и вошли въ комору. Тамъ оказалась не одна хозяйка, но и Васыль Кибаленко. Имъ обоимъ тотчасъ обрѣзали полы платья.

— Люде добри, змылуйтесь! Нате вамъ пивчварта золотого, тилко не ведить насъ до старшыны.

Тѣ обѣщали отпустить ихъ съ миромъ и никому не говорить о случившемся, но, получивъ деньги, обманули и отвели „до сильского ратушу“. А на другой день Пилипиха съ Кибаленкомъ подъ стражей были доставлены въ Полтаву и предстали предъ полковымъ судомъ.

Судьи допросили свидѣтелей „поединцемъ“ (отдѣльно каждаго) о томъ, какъ именно были „зъимани“ подсудимые, и тѣ согласно разсказали обстоятельства дѣла и при этомъ „презентовали“ суду „лице“, т. е. отрѣзанныя полы. Были спрошены и подсудимые:

— Для чого бы такъ, на Пана Бога и на карность посполитую не уважаючы, допустылыся злого порубства?

Педора Пилипиха отвѣтила:

— А що-жъ, панове, грихъ мене спиткавъ: хотила-мъ оного Васыля за мужа поняты и для того ёму прыпустылася на грихъ, за которымъ власне зъ тыждень жыла. Вильно вамъ, панове, що хотиты зъ намы чынты: проступылысьмо Богу и карности годни есьмо.

Васыль Кибаленко ничего не сказалъ въ свое оправданіе.

Судъ постановилъ декретъ: „запобигаючы, абы впередъ Кибаленко и Пилыпыха булы одъ злого повстягнени (удержаны) и до спросностей злыхъ не удавалысь, наказуемъ оныхъ значною публикою, то есть столповымъ вязенямъ, обохъ скараты, пры заплаченю вины належытои панскои и врядовои“.

—

Итакъ, не смотря на суровыя кары закона и всеобщій надзоръ, презирая страхъ ежеминутно грозившаго позора, находились все-таки женщины (о мужчинахъ скажемъ послѣ), отваживавшіяся на крайне опасный въ то время путь любовныхъ увлеченій. Но это не были жрицы свободной любви. Не склонность къ разврату или половая распущенность, а несовершенства тогдашняго семейнаго и общественнаго строя чаще всего толкали ихъ на эту опасную дорогу. Это были на первомъ планѣ—вдовы. Извѣстно, каково безпомощное положеніе вдовы въ теперешнемъ крестьянскомъ быту; не лучше была ея участь и въ старое время. Эта горькая безпомощность и понуждала вдову всѣми мѣрами найти себѣ мужа, и ее не трудно было обольстить, посуливъ ей законный бракъ. Не знаемъ, какихъ именно лѣтъ была Педора Пилипиха, когда затѣяла романъ съ Кибаленкомъ; но вотъ предъ нами вдова—пожилая женщина, однако и она прибѣгла къ тому же опасному средству, чтобъ только залучить себѣ мужа, хотя бы и невѣнчанаго.

23. Вдова, не получившая дозволенія вступить въ четвертый бракъ.

Въ январѣ 1694 г. пришелъ въ ратушу полтавскій житель, козакъ Дорошъ Андрущенко и говоритъ бурмистру:

— Колы бъ послаты до удовы Мартыныхы Крыворотои миськыхъ слугъ, моглы бъ воны зъиматы еи на чужолозтви, бо видаю певно, що у неи Иванъ Трохыменко, сердюкъ пихотного полку пана Кожуховського, ночуе.

Бурмистръ доложилъ объ этомъ войту, и тотъ далъ дозволеніе послать: Семена, сторожа арматного, Гнылку, „воротного“ замкового, и Леська „асаульця“; это и были „слуги мѣскіе“, состоявшіе въ распоряженіи магистратскаго уряда и нерѣдко исполнявшіе полицейскія обязанности.

Въ полночь эти слуги, вмѣстѣ съ Андрущенкомъ, отправились въ домъ Мартыныхи, отбили дверь и нашли сердюка Трохименка на чердакѣ, босого и „въ едній кошули“, а его жупанъ и „чоботы“ оказались „на лижку“ (кровати) Мартынышиномъ. Ему дали одѣться, затѣмъ обрѣзали обоимъ полы платья и отвезли въ ратушу.

На другой день интересная пара предстала на судъ. Мартыныху Криворотую спросили:

— Чому бъ ты такъ, не памятаючы на боязнь Божую и на карность посполытую, важылася пры старости литъ своихъ до такои спросносты удатыся? И одъ которого часу зъ тымъ Сердюкомъ, пополняючы таковый грихъ, ты жыла?

Мартыныха „безъ усякого заприняся“ (запирательства) призналась:

— А що жъ, панове, грихъ мене спиткавъ тяжкый. Просыла я пречестного отца протопопу полтавского, щобъ мене зъ запорожцемъ четвертымъ бракомъ звинчавъ, але ёго мылость отець протопопъ въ тимъ мени пречывъ (отказалъ). Одъ того часу я, не памятаючы на Пана Бога и встыду людского не дбаючы, прыпустылася сёму Иванови, пихотынцеви, до пополненя чужолозтва, и вже тому недиль зъ чотыри есть, якъ

стала жыты зъ нымъ въ спросности, такъ безпечне, якъ бы зъ своимъ мужемъ, чого Господь Богъ мени, неужытій, не терпячы и моимъ злымъ диламъ, рачывъ мене выдаты на тяжкую публику (позоръ). Вольно вамъ, панове, худобою мене карайте, тилько такій публици не давайте, якои я годна.

Но судъ не уважилъ этой просьбы и, слѣдуя „выразному самого добродія его милости пана полковныка (Герцыка) росказаню“, постановилъ декретъ: „Мартыныху Крыворотую и Ивана Сердюка публице въ понедилковый торгъ до стовпа даты (т. е. въ базарный день выставить у позорнаго столба), якою карностю обохъ наказавшы, одпустыты“, взявъ съ нихъ „вину панскую и врядовую“.

Слѣдуетъ отмѣтитъ любопытную подробность. Домогаясь вступить въ четвертый бракъ, вопреки церковнымъ правиламъ, Мартыныха имѣла опору своему домогательству въ дѣйствовавшемъ законѣ и обычаѣ. Въ Магдебургскомъ правѣ объ этомъ прямо сказано: „Вольно каждому жениться столько разъ, сколько пожелаетъ, пока безъ жены оставаться не можетъ или не хочетъ, хотя бы ихъ умерло у него три или четыре; такъ точно и женщинѣ, по смерти мужей своихъ, вольно пойти замужъ за иного“ [1]). Въ правобережной Малороссіи (именно на Волыни) въ XVI—XVII вв. можно указать нѣсколько примѣровъ четверобрачія и даже пятибрачія, не вызывавшихъ никакого протеста со стороны духовенства. Но въ лѣвобережной Малороссіи духовенство, какъ видно, старалось противодѣйствовать этому обычаю, что и порождало грѣховные эксцессы вродѣ того, за какой Мартыныха понесла наказаніе.

24. Вдова и компанѣецъ.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ войско являлось элементомъ болѣе или менѣе разрушительнымъ по отношенію къ

[1]) Speculum Saxon. albo Prawo Saskie y Magdeburskie, Павла Щербича, подъ словомъ: Małżenstwo.

чистотѣ семейныхъ нравовъ, спокойствію домашняго очага, женскому цѣломудрію. Собственно малороссійское войско, то есть городовое козачество, меньше другихъ виновно въ этомъ, такъ какъ оно состояло изъ людей осѣдлыхъ, семейныхъ, оставлявшихъ свой домашній очагъ лишь изрѣдка, во время походовъ. Но и въ Малороссіи существовали полки, не распускавшіеся и въ мирное время и рекрутировавшіеся преимущественно изъ бездомной и безсемейной голытьбы; это были такъ называемые „охотницкіе“ или „компанѣйскіе“ полки, конные и пѣшіе, располагавшіеся постоемъ по селамъ и городамъ гетманщины. Эти „компанѣйцы“ и являлись по большей части героями сельскихъ романовъ. Оставляя обыкновенно въ покоѣ замужнихъ женщинъ, такъ какъ за нихъ было кому вступиться, они направляли атаку преимущественно на вдовъ, горѣвшихъ желаніемъ выйти замужъ и имѣвшихъ какія-либо матеріальныя средства. Какъ ни престарѣла была Мартыныха Криворотая, но и она, какъ мы видѣли, нашла себѣ обожателя въ лицѣ компанѣйца,—такъ мало разборчивъ, очевидно, былъ этотъ бездомный народъ.

Весною 1697 года одинъ изъ компанѣйскихъ полковъ расположился постоемъ въ полтавскомъ полку. Нѣсколько козаковъ изъ хоругви п. Ростковскаго [1]) было поставлено въ с. Мильцахъ, близъ Полтавы. Одинъ изъ нихъ, Кирикъ Лещенко немедленно свелъ близкое знакомство съ бездѣтной вдовой Параскою „Тубулцевою невисткою“. По цѣлымъ днямъ они вмѣстѣ пьянствовали то у нея въ домѣ, то по корчмамъ, благо у Параски были достаточныя средства для пьянственной жизни и не было близкихъ родичей, которые удержали бы ее отъ такого легкомысленнаго поведенія. Но въ домѣ у нея жилъ нѣкто Марко, въ званіи „господаря“, завѣдывавшій ея хозяйствомъ и, кажется, имѣвшій виды сдѣлаться со временемъ полнымъ „господаремъ“ и мужемъ легкомысленной вдовы. Сближеніе ея съ компанѣйцемъ было ему не по душѣ, и онъ сначала донесъ „о Парас-

[1]) Ив. Ростковскій былъ хорунжимъ въ конномъ охотницкомъ полку Ильи Новицкаго.

чиномъ нестатку и зломъ мешканю“ ея деверю, Микитѣ Кривому, чтобы тотъ ее „въ томъ построфовалъ“ (сдѣлалъ выговоръ, обличилъ), но Микита отказался это сдѣлать въ томъ убѣжденіи, что она его не послушается. Тогда Марко сталъ разсказывать стороннимъ людямъ о связи Параски съ Кирикомъ компанѣйцемъ, наконецъ отправился къ мѣстному священнику о. Зѣновію и сказалъ:

— Панотче! Подобно, у васъ никого жывого въ сели немашъ, що такымъ нецнотамъ допускается въ спросности (въ непотребствѣ) бродыты. Учора Параска презъ цилый день первій у корчми пыла зъ Кырыкомъ, де оную Кырыкъ нещадно и побывъ, якого бою терплыве зносыла, нибы отъ мужа свого, потимъ прыйшлы до дому и пьючы долягòма, тамъ и заночовавъ Кырыкъ. И теперъ обое пьютъ, певно и почуватымутъ вкупи. Колы бъ вы, панотче, дозволылы ихъ зловыты на такому учынку, я бъ и часъ показавъ, колы ихъ застаты.

На это о. Зѣновій отвѣтилъ:

— Не моя то ричъ, сыну, до того интересоватыся; тое можуть учынты тіи, кому прылычно.

Но бывшій при этомъ пономарь Михайло былъ другого мнѣнія объ этомъ предметѣ. Онъ позвалъ мѣстнаго осавульца, пригласилъ еще двухъ свидѣтелей и убѣдилъ ихъ отправиться „ловыты Параску на злому учинку“. Марко ввелъ ихъ тихонько въ домъ, зажегъ свѣчу—и они точно застали хозяйку съ компанѣйцемъ въ одной комнатѣ, но спящими на разныхъ мѣстахъ. Въ виду этого они не рѣшились рѣзать имъ полы, а только связали и привели ихъ въ сельскую ратушу. А на другой день ихъ представили въ полтавскій полковый судъ.

Здѣсь свидѣтелей подвергли „кождого зъособно“ допросу: „якъ тую пару піймалы и якымъ способомъ: на учынку, чы на розныхъ мистяхъ побралы“? и они согласно показали слѣдующее:

— Одъ того часу, панове, якъ компанія въ полку нашому стала и козакивъ чотырёхъ и въ наше село на станцію дано, Кырыкъ Лещенко зъ Параскою, Тубулцевою невисткою, зчаста

пидпываючы по корчмахъ, взявъ такее зъ нею обознаня, що не пыльнуючы своеи господы, завше ночуетъ у Параскы; о которыхъ повисты носылыся такіи, якобы той Кырыкъ зъ Параскою въ спросности гриховній жыветъ. Теперь зась, колы Марко донисъ о такомъ ихъ мешканю видаты ризнымъ людямъ и священикови отцю Зиновію, абы ихъ велено було зловыты, за повторнымъ ёго, Марковымъ, даньемъ знаты, прыйшлы-сьмо у ночи до двору Парасчыного, и учувшы Марко нашъ прыходъ, одчынывъ двери синныи и сказавъ, що вкупи ночуютъ обое. Увойшедшы у хату, велилы-сьмо свичку засвитыты, и скоро свичка була засвичена, взялысьмо Кырыка въ едній кошули и босого на земли сыдячого, а вона була на постели. Не встыгнувшы и кибалóкъ [1]) ухватыты, лежачыхъ на лави, ведле Кырыка, купно зъ плахтою и запаскою, Параска умкнулася зъ хаты простоволосая; еднакъ оную тамъ же взявшы, далы-сьмо йій такъ кибалкы́, яко и плахту зъ запаскою, щобъ убралася, и повязавшы обохъ, прывели тамъ же, у Мыльцяхъ, до ратуша, а теперъ ихъ и сюды прыпровадылы-сьмо.

Спросили и Марка, „за чіимъ извищеннямъ тое поимання сталося“, но онъ почему-то сталъ вилять и далъ такой уклончивый отвѣтъ:

— Я про те, панове, досконале не видаю, чы есть межъ нымы якый учынокъ злый, або нитъ. Тилко правда, що той Кырыкъ що дня зъ нею такъ у корчмахъ пываетъ, якъ и въ дому гуляючы зчаста ночуетъ, якобы маючы межи собою намиреніе въ станъ малженскій сочетатыся. А щобъ ихъ теперъ побрано на еднимъ мистци и будто за моимъ извищеннямъ,— то неправда: бо винъ, Кырыкъ, въ пекарни зо мною ночувавъ, а Параска въ другій хати була такъ зъ запаскою и плахтою, якъ и зъ кибалкою; также и постели пидъ Кырыкомъ жаднои не було, кримъ курты штаметовои Парасчынои, якую винъ самъ, пьяный, взявшы на столи, постлавъ соби доли. И знаты

[1]) *Кибалкы́*, чаще въ единств. ч. *кибалка* — головной уборъ замужнихъ женщинъ.

я о Парасчинимъ мешканю отцю Зиновію а ни Мыкыти Крывому не дававъ.

Но тутъ выступилъ Иванъ Мостовый, въ домѣ котораго проживалъ о. Зиновій, и энергично сталъ уличать Марка, что онъ самъ приходилъ къ священнику и домогался, чтобы велѣно было „зловыты Параску и компанійця на учынку“, но о. Зиновій уклонился отъ этого.

Спрошены были наконецъ и сами обвиняемые: грѣшили ли они противъ седьмой заповѣди? Параска съ Кирикомъ „въ томъ прѣлися“ (отрицали это), утверждая, что „межи ними жадного не було учынку“, но не скрывали того, что имѣли намѣреніе вступить въ законный бракъ; „та и теперъ (прибавили они), поневажъ такъ сталося, що такій попалысьмося публи́ци, едно другого опустыты не хочемо, але циле соедынытыся малженствомъ готови-сьмо“.

Судъ, „познавши вину оскаржоныхъ—едно зъ повистій людскыхъ, другое—ижъ и самы пойманыи, хотячы той свій злый учынокъ покрыты, за малженство теперъ вже сягаютъ“, тѣмъ не менѣе воздержался пока отъ окончательнаго приговора— вѣроятно, въ виду отсутствія „лица“ (поличнаго) и запирательства подсудимыхъ,—и „поступуючы подлугъ права посполитого“, велѣлъ четыремъ свидѣтелямъ, схватившимъ обвиняемыхъ, учинить формальную присягу въ томъ, что они „не зъ злости якои, або не зъ ненависти“ возбудили это дѣло, и что „на учынку ихъ застали“. Присяга была отсрочена на четвертый день.

Въ назначенный срокъ всѣ свидѣтели, согласно обычаю, „положивъ каждый два пальца великихъ на св. крестѣ“, не колеблясь выполнили присягу,—и судъ немедленно постановилъ декретъ: „абы Параска зъ Кырыкомъ, яко вшетечники (прелюбодѣи), за такый свій злый учынокъ“, были выставлены на рынкѣ у позорнаго столба и затѣмъ съ позоромъ прогнаны изъ города, „а Марко, за фалшивое свое свидоцство, абы отписъ кіевую карность“.

—

Можетъ быть, насъ спросятъ: почему же судъ такъ упорно игнорировалъ заявленіе подсудимыхъ объ ихъ намѣреніи сочетаться законнымъ бракомъ, тогда какъ современный народный судъ (волостной) въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно самъ понуждаетъ провинившихся покрыть честнымъ вѣнцомъ свой грѣхъ? Отвѣчаемъ: потому что Магдебургское право принципіально не одобряло браковъ между лицами, впавшими въ грѣхъ прелюбодѣянія. Въ Speculum Saxonum прямо говорится: „если бы кто взялъ въ замужество женщину, съ которою раньше явно чужеложилъ или ее изнасиловалъ, тотъ никогда не можетъ имѣть отъ нея дѣтей честнаго ложа“, т. е. дѣти, родившіяся отъ такого брака, должны считаться незаконнорожденными [1]). Конечно, это предписаніе не могло имѣть обязательной силы для южнорусскаго населенія, руководившагося въ брачныхъ дѣлахъ церковными правилами и своими обычаями, и судъ не имѣлъ власти воспретить прелюбодѣямъ сочетаться бракомъ, но онъ никогда не покровительствовалъ и не поощрялъ подобные браки. Въ этомъ можно видѣть одинъ изъ фактовъ вліянія чужеземнаго кодекса на правовыя понятія малорусской старшины.

---

25. Обезчещенная вдова.

Обрѣзать кому-либо полы—значило заклеймить это лицо такимъ несмываемымъ позоромъ, что право и обычай дозволяли прибѣгать къ этому средству лишь съ крайнею осмотрительностью, по отношенію къ несомнѣннымъ прелюбодѣямъ, виновность которыхъ должна быть затѣмъ доказана передъ судомъ. Но находились легкомысленные люди, полагавшіе, что разъ женщина ведетъ себя „нестатечно“, напримѣръ—напивается до безчувствія, пьяная шатается ночью по корчмамъ, пристаетъ къ мужчинамъ и т. под., то ее уже за одно это можно было клеймить такъ, какъ обыкновенно клеймили уличенныхъ прелюбодѣевъ. Такъ думали и поступали обыкновенно легкомысленные „молодыки“ (парни), подобно тому, какъ и нынѣшніе сельскіе „парубки“ иногда необдуманно позорятъ ославленную „нечестною“ дѣвушку или вдову, смазывая дегтемъ ворота ея двора, за что и платятся передъ судомъ. Не проходили даромъ такіе проказы и „молодыкамъ“ въ стародавніе годы.

[1]) Speculum Saxon. lib. 1, artic. XXXVII.

Въ 1689 г. въ сотенномъ городѣ Кобелякѣ, во время ярмарки, одна вдова Марья Климыха такъ много пьянствовала, день и ночь волочась по шинкамъ, что когда утромъ сынъ ея отправился розыскивать пропавшую мать, то нашелъ ее гдѣ-то за городомъ валявшеюся въ безчувственномъ состояніи и съ обрѣзанными полами. Очнувшись, она съ трудомъ могла припомнить, что наканунѣ, ночью, какіе-то „молодыки“ вызвались проводить ее, пьяную, домой, и вѣрно это они такъ грубо и жестоко посмѣялись надъ ней. Тяжело было бѣдному сыну перенести материнскій позоръ, и онъ, разузнавъ, кто именно были эти „молодыки“, и заявивъ о томъ мѣстному уряду, повезъ мать въ Полтаву и заставилъ пожаловаться полковому суду.

При разборѣ дѣла Марья Климыха такъ повѣдала о постигшемъ ее несчастьи:

— Панове! Въ теперешнимъ року, на день св. Параскови (14 окт.), о ярмарку Кобеляцкимъ, смеркомъ, пидпылая будучы, ишла я къ дому моему, ажъ тутъ зустрилыся зо мною Грыцько Бурмистренко зъ Сыроватченкомъ и зъ иншымъ товарыствомъ. Я, повирывшы имъ, яко знаемымъ, пишла зъ нымы. Воны жъ взялы мене, повелы за мисто (за городъ), за пидваркы къ Билыкамъ, и затулывшы ротъ, що хотилы справовалы вшетечный смертелный грихъ, и семрягъ на мени дви пидризалы и кынулы за мертву. Було жъ ихъ тамъ много, але я тилко отыхъ реченыхъ двохъ памятаю.

Тутъ изъ толпы обвиняемыхъ „молодыковъ“ выступилъ Степанъ Сыроватченко и такъ сказалъ:

— Чому жъ то, Клымыхо, обмыльне говорышъ? Аже жъ ты, барзо пизно пьючы за мистомъ, молодыкивъ циловала; мо-

лодыкы жъ на улыци зосталы, а ты мене сама у яръ повела. Тоди я, варуй (храни) Боже, жадного гриху не строячы,—бодай мене жывого червы иззилы и нехай я гиршои напасты не уйду!—и крви тоби не розлывавъ,—нехай мене Богъ на души и на тили убьетъ! А тилко то моя нестатечность, що я тоби своеволне семрягъ дви пидризавъ, видячы твою нестатечность, що пидъ часъ ярмарковый у ночи по корчмахъ волочышся и молодыкивъ цилуешъ, и тое учынывъ я тоби безъ пополненя вшетечного гриха. А молодыкы, на которыхъ ты безчестя наволикаешъ, яко то на Грыцька Бурмистренка и на иншыхъ, воны зо мною не булы: я самъ обризавъ тоби полы обохъ семрягъ, моя въ тимъ вына, а не чія иншая.

Судъ далъ полную вѣру этому чистосердечному признанію и, устранивъ вовсе обвиненіе въ изнасилованіи, призналъ виновнымъ одного лишь Сыроватченка въ томъ, что онъ „важывся своевольне поступыты, вризуючы полы ночнымъ способомъ“, и за это велѣлъ ему „погодыты Клымыху, навязкы йій давшы висимъ копъ“, и сверхъ того вернуть ей „правныи наклады“ и заплатить судебный доходъ въ пользу полковника.

---

26. Обманутая шинкарка.

Гораздо чаще, нежели вдовы, въ дѣлахъ о прелюбодѣяніи фигурировали шинкарки. Съ одной изъ представительницъ этой профессіи мы уже встрѣчались въ лицѣ полтавской шинкарки Гапки, кружившей голову женатому человѣку и безпу́тно погибшей отъ его рукъ [1]). Не мѣшаетъ ближе познакомиться съ этимъ интереснымъ типомъ, воспѣтымъ и въ козацкомъ эпосѣ въ лицѣ извѣстной „Насти Горовои, шинкарки молодои“.

Въ старой Малороссіи, при изобиліи и дешевизнѣ хлѣба и полной свободѣ винокуренія, выкуривалось очень много спирта, а для его распродажи существовало безчисленное количество шин-

[1]) См. очеркъ № 7.

ковъ. Старшины и простые „заможные“ козаки, мѣщане и духовенство, цехи и братства, а паче всѣхъ монастыри—другъ передъ другомъ старались заводить какъ можно больше корчемъ и „шинковыхъ дворовъ“ въ городахъ и селахъ, на большихъ дорогахъ и перевозахъ. Попытки гетманскаго правительства ограничить этотъ промыселъ введеніемъ арендъ вызывали общее озлобленіе и при Мазепѣ были оставлены. Благодаря конкуренціи, водка, медъ и пиво продавались по баснословно дешевымъ цѣнамъ; но такъ какъ каждый предприниматель продавалъ въ своихъ шинкахъ лишь напитки собственнаго производства, то и при дешевыхъ продажныхъ цѣнахъ промыселъ этотъ оказывался все-таки очень прибыльнымъ. Та же конкуренція понуждала предпринимателей проявлять особенную заботливость относительно выбора лицъ, которымъ поручалась продажа напитковъ, такъ какъ отъ ихъ ловкости, умѣнья обойтись съ потребителями и даже привлечь ихъ въ большей или меньшей степени зависѣла прибыльность предпріятія. При тогдашней многочисленности шинковъ, на службѣ у питейнаго дѣла состоялъ не менѣе многочисленный классъ людей, спеціально посвящавшихъ себя этой профессіи; но въ то время, какъ въ Великороссіи этотъ промыселъ создалъ характерный типъ „сидѣльца“, въ Малороссіи женщина оттерла на этомъ поприщѣ мужчину, и „шинокъ“ сдѣлался областью почти исключительнаго господства „шинкарки“. Помимо того, что украинская женщина вообще болѣе способна къ торговому дѣлу, нежели мужчина, это предпочтеніе женскаго труда отчасти обусловливалось еще и специфическими свойствами данной профессіи. Малорусскій шинокъ того времени не былъ лишь винной лавкой, но исполнялъ немало и другихъ функцій. Въ воскресные или праздничные дни сюда, какъ въ народный клубъ, сходились не одни пьяницы, но и степенные люди, мужчины и женщины, повидаться съ пріятелями, узнать новости, поглядѣть на людей; даже духовныя лица, какъ мы видѣли, [1]) не считали зазорнымъ заходить въ шинокъ для прія-

[1]) См. очеркъ 6-й.

тельской бесѣды. Проѣзжіе или прохожіе, нуждавшіеся въ ночлегѣ или въ отдыхѣ, то и другое находили въ шинкѣ, ибо онъ служилъ обыкновенно и постоялымъ дворомъ. У кого не было своего семейнаго угла, кто тяготился одиночествомъ, кого грызла „журьба-печаль“, тотъ также шелъ въ шинокъ, чтобы размыкать на людяхъ тоску, затуманить голову хмѣлемъ или же утѣшиться ласковымъ взглядомъ чернобровой шинкарки, какъ поется въ одной чумацкой пѣснѣ:

Журба мене зъ нигъ валяе,
А я зъ тугы та зъ печали
Пиду въ корчму загуляю,
Шинкарочку одвидаю.
—Шынкарочко молода,
Усыпъ меду ще й вына,
Усыпъ меду ще й горилкы—
Теперъ въ мене нема жинкы!

Наконецъ, прохожіе козаки, проѣзжіе чумаки, „мандрованые дьяки“, „волочащіеся чернецы“—весь этотъ народъ одинаково умѣлъ цѣнить какъ доброкачественность напитковъ, такъ и ласковость шинкарки. Чтобы угодить столь разнообразнымъ гостямъ и посѣтителямъ, требовалось немало ума, женской изворотливости и извѣстная доля беззастѣнчивости. О правилахъ строгой нравственности, обязательныхъ для всякой другой женщины, не могло быть и рѣчи по отношенію къ шинкаркѣ: всѣ считали ее „нецнотою“, способною на дурныя дѣла. И точно, судебные акты даютъ немало указаній на то, что шинкарки нерѣдко находились въ связи съ „нетягами“, „прибышами“ и другимъ темнымъ людомъ, припрятывали у себя „злодійскую“ добычу и помогали сбывать краденое; а по свидѣтельству современника, извѣстнаго стихотворца Климентія, многіе корчемные дома „въ градѣхъ, а наипаче где въ поляхъ“, вдали отъ урядоваго надзора, представляли настоящіе блудные притоны [1]).

[1]) Основа, 1861 г., январь, стр. 193.

Понятно, что за такую профессію, пользовавшуюся въ обществѣ самою дурною репутаціею, не могли браться женщины, сколько-нибудь дорожившія добрымъ именемъ; сюда шли лишь тѣ, кому въ этомъ отношеніи нечего уже было терять: покинутыя мужьями жены, опороченныя вдовы и „покрытки“, т. е. незамужнія женщины, прижившія дѣтей. Изъ нихъ лишь самыя легкомысленныя могли болѣе или менѣе продолжительное время находить прелесть въ безшабашной корчемной жизни, съ ея вѣчною сутолокою, пьянымъ весельемъ и грязными амурными приключеніями; большинство же, предаваясь даже всѣмъ излишествамъ и порокамъ, стремилось вырваться изъ этой нездоровой атмосферы и вернуться на путь честнаго, хотя-бы и тяжелаго труда. Лучшимъ и едвали не единственнымъ средствомъ къ этому считалось замужество; только подъ защитою мужа, въ званіи „мужней жоны“, бывшая шинкарка могла вернуть утраченныя ею права честной женщины.

Искала для себя мужа и полтавская шинкарка Хвенна и думала, что наконецъ нашла его въ лицѣ нѣкоего Грыцька Бондаренка, безпутнаго забулдыги, котораго Хвенна поила и кормила, жупаны ему справляла, вѣря его обѣщаніямъ взять ее въ замужество. Это легкомысленное довѣріе давно уже перешло должныя границы, а Грыць все откладывалъ „весилья“. Убѣдившись наконецъ, что она сдѣлалась жертвою обмана со стороны безсовѣстнаго пройдохи, Хвенна не побоялась сраму и прибѣжала въ полковый судъ (въ февралѣ 1691 года).

— Панове!—жаловалась она,—любо (хотя) той Грыцько мени кгвалту жадного до чужолоэтва не чынывъ, однакъ уже зайшовъ третій мисяць, якъ зійшлысьмося на той грихъ, бо винъ пидняв бувъ взяты мене за жону. Которымы словами его я упевнывшыся, була ёму поволна, и черезъ немалый часъ мешкавъ винъ, Грыцько, зо мною, не безъ того, щобъ и дытыны мени не прыплодывъ. А теперъ, якъ бачу, смихъ той зъ мене учынывшы, ни на що мене зводытъ. Прошу зъ оного Грыцька, якъ мылость ваша уважыте, святои справедлывосты“.

Скоро на судъ былъ „припроваженый“ и Грыцько Бондаренко. Сначала онъ „тыхъ нестатечныхъ своихъ поступкивъ таився“, но когда судьи приказали было его „подъ кіевое карання дати“, Грыцько сталъ виниться:

— Правда то есть, панове, гришывъ я зъ тою Хвенною молодыцею одъ того часу, якъ и вона говорытъ,—тыхъ своихъ нестатечныхъ поступкивъ не могу ся затаиты. Есть и тое, що я оную Хвенну пиднимався за жону взяты; а колы такъ сталося, що слово свое одминывъ, воля есть ваша що хотиты чыныты.

Грыцько, повидимому, полагалъ, что судъ обяжетъ его жениться на шинкаркѣ, и съ фаталистическимъ равнодушіемъ рѣшилъ уже подчиниться этой непріятности. Но каковъ былъ его ужасъ, когда объявленъ былъ слѣдующій декретъ: „повскромляючы тое, абы ся люды спроснымы и такъ нестатечнымы поступкамы обходыты не смилы, прыказуемъ декретомъ нашымъ, абы оный Грыцько Бондаренко посередъ миста смертне кіямы бувъ бытый за такее свое значное проступство“.

Протоколъ умалчиваетъ о томъ, какъ сама Хвенна отнеслась къ этому суровому вердикту, но безъ сомнѣнія онъ не удовлетворилъ ее. Не гибели своему безпутному Грыцю она пришла сюда добиваться, а лишь того, чтобы его понудили исполнить обѣщаніе. Но мы уже знаемъ, какъ малорусскіе суды, подъ вліяніемъ идей Магдебургскаго права, несочувственно относились къ браку, которому предшествовало прелюбодѣяніе.

Все жъ таки данный приговоръ былъ безмѣрно суровымъ. Такимъ онъ показался и многимъ изъ присутствовавшихъ, и они стали просить, „абы Бондаренко посередъ миста не бувъ караный“. Судъ немедленно измѣнилъ приговоръ: „давшы мистце прозби людей зацныхъ, даровалысьмо оного Грыцька тымъ годнымъ (заслуженнымъ) караннямъ, однакъ панская и наша врядовая вына плачена маетъ быти конечне“.

Удивительно, что Хвенна оставленна безъ всякаго наказанія. Это едвали не единственный случай, что истица въ подобной „справѣ“ ушла изъ суда не наказанной.

27. Мельникъ и шинкарка.

Село Брусія, близъ Полтавы, славилось водяными мельницами на р. Ворсклѣ. Если гдѣ-либо въ предѣлахъ полтавскаго полка возникалъ споръ по поводу неправильнаго устройства водяныхъ мельницъ, задержанія воды и т. под., то судъ чаще всего посылалъ туда, въ качествѣ экспертовъ, Брусійскихъ мельниковъ, какъ спеціалистовъ, „добре на водномъ строеніи знаючихся“. Но за мельниками, или „мырошныками“, вообще въ Малороссіи издавна установилась репутація людей „добре знаючихся“ и въ другомъ искусствѣ—въ ловеласничествѣ, въ умѣніи сводить съ ума молодыхъ вдовъ и легкомысленныхъ „мужнихъ жонъ“. Брусійскій мельникъ Кондратъ своимъ поведеніемъ достаточно оправдывалъ эту репутацію. Все село говорило о его черезчуръ близкихъ отношеніяхъ съ мѣстной шинкаркой Гапкой, молодой—не то вдовой, не то „безмужней женой“, такъ какъ въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ ни она сама, ни кто другой не могли съ точностью сказать, гдѣ именно „валасается“ (шатается) ея законный мужъ и существуетъ ли онъ еще на свѣтѣ. Были у Кондрата озлобленные соперники, засаживавшіеся на него по ночамъ и горѣвшіе желаніемъ обрѣзать ему полы и надѣлать сраму; но хитрый мельникъ былъ остороженъ и не давался легко въ руки. Вырвался было сгоряча козакъ Иванъ Забила и сталъ передъ судомъ обвинять Кондрата, что онъ съ Гапкою „вшетеченство пополнялъ“, но судъ потребовалъ отъ обвинителя „слушныхъ доводовъ“, именно—„полъ вризаня показаты“, и такъ какъ Забила не представилъ такихъ „доводовъ“, то его присудили за клевету „еднаты“ Кондрата, и это ему не дешево стоило. Съ тѣхъ поръ Забила поклялся—не давать своимъ очамъ сна, ни вѣждамъ дреманія, пока не урѣжетъ полы Кондрату и не вернетъ съ лихвой понесенные изъ-за него убытки.

Какъ ни береглись Кондратъ съ Гапкою, имъ не удалось таки укрыться отъ мстительнаго ока ихъ преслѣдователя. Какъ-то, въ декабрѣ 1688 года, сошлись они для свиданія въ чу-

жомъ погребѣ и подперли дверь надежнымъ коломъ,—а черезъ нѣсколько минутъ Забила приветъ сюда толпу людей, во главѣ съ мѣстнымъ атаманомъ. Кондрату и Гапкѣ обрѣзали полы и связанными отправили къ сотнику.

На судѣ Забила торжественно „презентовалъ лице“: кусокъ Кондратового „кожуха“ и полу изъ Гапчиной сорочки, и домогался, чтобы ему были возвращены убытки, „що передъ тымъ утратывъ, еднаючы Кондрата“.

Спросили Гапку: „Чы ты мила той грихъ зъ Киндратомъ пополняты?“

— А що жъ, панове—винилась она—любо жъ то и теперъ мію мужа и не видаю, де винъ по ризныхъ мисцяхъ туляется; а що грихъ вшетечный зъ Киндратомъ пополняла, такъ есть и було, бо винъ мивъ мене за жону взяты. Билшъ мене ни о чимъ не пытайте.

Кондратъ также не отрицалъ связи съ Гапкою, но утверждалъ, что въ погребѣ, гдѣ ихъ схвачено, ничего предосудительнаго не происходило. Въ виду этого, судъ велѣлъ на мѣстѣ, въ Брусіи, произвести дознаніе, „хто бъ доскопале видавъ о зловеню Кондрата на чужолозстви зъ Гапкою“. Тамъ были допрошены свидѣтели, изъ коихъ Лесько мельникъ, пріятель Кондратовъ, показалъ:

— Киндратовыхъ дій не бачывъ, але кгвалтъ чувъ и шыпкарку простоволосую бачывъ.

Другой свидѣтель „вызналъ:“

— Киндратъ, пры пойманю въ погреби, въ убраню якъ въ кайданахъ ходывъ по погребу.

Остальные свидѣтели прибавили ко всему этому, что Кондратъ, „пры пойманю, еднавъ Забилу: дававъ ёму десять таляривъ, не допускаючы до уряду“.

Судъ справился съ закономъ и въ книгѣ „Порядокъ“(часть IV, листъ 139) нашелъ предписаніе, что уличенные въ данномъ проступкѣ—„которыи убогшіи суть, выгнанемъ зъ поспольства какарани маютъ быти, а богатшіи—виною пѣняжною“, и на этомъ основаніи постановили декретъ: „поневажъ Кондратъ мелникъ

каранемъ смертелнымъ дарованъ, міетъ Ивану Забили утрату его нагородыты, на чимъ бы той шкодовавъ, а особливе выну панскую міетъ платыты, а вшетечныцю Гапку велилы-сьмо зъ миста вынудыты“, т. е. подвергнуть позорному изгнанію изъ города.

---

28. Грѣхъ съ кумою.

Въ маѣ 1688 года прибыли изъ села Ивашекъ, близъ Полтавы, мѣстный атаманъ Иванъ Пушкаренко съ „товарыствомъ“, жителями Ивашковскими, и подали полковнику Ѳедору Жученку слѣдующую „атестацію“:

„Мылостывый добродію нашъ, пане полковныку полтавскій! Подъ сумленемъ душъ нашыхъ повидаемо, що Петро, зять Дмытровъ, содомскій и Богу мерзкій учынокъ черезъ многіе часы зъ Тетяною Павловною, кумою его, пополняючы, строилы, о чимъ давно видомо намъ було; а теперъ Богъ объявывъ ёго, Петра, съ кумою ёго Тетяною грихъ, которыхъ піймано на горищу, и взялы мы прызнакъ зъ Петра кожухъ, а зъ Тетяны плахту, обохъ давны до вяженя сильского. А теперъ того вшетечныка и вшетечныцю передъ вамы становымо“.

Полковникъ передалъ эту „атестацію“ въ судъ, гдѣ она при разборѣ дѣла и была въ слухъ всѣмъ прочитана, послѣ чего атаманъ предъявилъ суду „прызнакъ“, или „лыце“, т. е. кожухъ и плахту. Судьи поинтересовались узнать: какимъ же именно способомъ „Богъ объявывъ“ столь тяжкій грѣхъ кума съ кумою? Тутъ выступилъ почтеннаго вида старикъ Мартынъ Кушниръ и сказалъ:

— Панове! Якъ мене бачыте подейшлого въ литахъ моихъ, и готуюся я въ дорогу поклонытыся мисцямъ святымъ Кіевопечерскымъ, то Боже дай, щобъ я съ тои дорогы не вернувся, колы бъ то на Петра и на куму ёго несправедлыво мавъ повидаты, але самую истыну. Ишовъ я зъ жоною моею, и Кулычыха стара зъ намы йшла, и колы прыходылы мы до тіеи пусткы,

ажъ бачымо—Тетяна, кума Петрова, съ горища скочыла. Тоди моя Кулына мовыла мени: „Стань, Мартыне, на прысьпу и глянь, чы нема тамъ на горищи нашои куркы“. Я глянувъ, ажъ тамъ лежытъ Петро на постели и прыкрывся кожухомъ. Тоди Петро почавъ насъ слезне просыты: „Сусиды мои мылыи, покрыйте по мени той грихъ сей разъ“. Мы бъ и покрылы, такъ уже на тое позорыще зибралось багато людей, що трудно було того покрыты“.

Обстоятельства дѣла были ясны, обвиняемые не отрицали своей вины и лишь молили о милосердіи, поэтому судьи приступили къ составленію декрета. Всѣ они согласны были въ томъ, что къ данному проступку слѣдуетъ отнестись съ особенною строгостью, „не допускаючы плюгавого того вшетеченства въ сродстви плодыты и поскромляючы той содомскій грихъ“, поэтому рѣшили примѣнить 73-й артыкулъ Права Цисарскаго и артыкулъ изъ книги „Порядокъ“ (часть 4-я, листъ 131), гласящій: „чужоложникъ мечемъ абы былъ каранъ, а чужоложница у пронкга (позорнаго столба) абы быта була и одъ права малженскаго одсужена“. Но тутъ подняли громкій плачъ дѣти Петровы, которыхъ было у него много, и между ними находились и совсѣмъ „недорослыи“, лѣтъ пяти-шести. Призадумались судьи, услышавъ этотъ горькій плачъ: съ кѣмъ же останутся эти жалкіе сироты, у которыхъ не было матери, а теперь хотятъ отнять у нихъ и отца? И „зглянувшись на плачливіи прозьбы дитей Петровыхъ“, судъ „учинилъ его вольнымъ одъ смертнои карности“ и „вынайшовъ другой артыкулъ изъ того же права, гласящій: „убогшіе выгнанемъ зъ поспольства, а богатшіе виною пѣняжною карани быти мѣютъ“. Къ послѣднему взысканію и были приговорены „Петро вшетечникъ зъ кумою ёго, вшетечницею“.

Любопытно, что съ той поры эта Тетяна Павловна,—очевидно „покрытка“, не имѣвшая иного прозвища, кромѣ отчества,—навсегда получила насмѣшливое прозвище Кумы, сдѣлавшееся для нея фамильнымъ. Два года спустя въ актахъ полтавскаго полкового суда записано, что приходила „Тетяна,

по прозвищу Кума“ жаловаться на нѣкоего Василія Бута, который обманнымъ увѣреніемъ, будто женится на ней, склонилъ ее къ блудному сожительству, „приплодилъ“ ей дитя, а теперь отказывается исполнить обѣщаніе. Слѣдствіемъ былъ удостовѣренъ фактъ сожительства Бута съ жалобщицею, но такъ какъ онъ заявилъ, что не хочетъ „тоеи вшетечници за жону собѣ мѣти“, то судъ приговорилъ „оного Бута виною панскою и врядовою скарати, такъ тежъ и тую вшетечницу Татяну Куму, поневажъ первѣй зъ кумомъ грихъ смертелный плодила и поймана була на вшетеченстви, а теперъ зъ Василемъ Бутомъ“. Очевидно, у этой Кумы имѣлись достаточныя матеріальныя средства для двукратной уплаты судебныхъ „винъ“, иначе ее, какъ неисправимую грѣшницу, подвергли бы позорному наказанію и „выгнаню зъ поспольства“.

---

29. Кишиньскій Донжуанъ.

Въ сотенномъ городѣ Кишинькѣ должность городового атамана занималъ долгое время „значный“ козакъ Степанъ Москаль. Имѣлъ онъ и другую, болѣе шляхетскую фамилію—Раецкій, но въ Кишинькѣ всѣ его именовали „Москаль“ или даже „Москалець“, да и самъ онъ обыкновенно подписывался этою фамиліею, вѣроятно указывающею на великорусское происхожденіе его рода. А нужно знать, что Степанъ Москаль, или Раецкій, былъ не только грамотнымъ (иначе не быть бы ему атаманомъ), но и порядочно таки вышколеннымъ и хорошо начитаннымъ грамотѣемъ, какъ можно судить по его письму. Былъ онъ уже не молодымъ человѣкомъ, имѣлъ взрослыхъ сыновей, нажилъ кое-какое добро и пріобрѣлъ такое неограниченное вліяніе на слабаго сотника, что фактически самъ правилъ сотнею, при чемъ позволялъ себѣ разныя злоупотребленія, за которыя въ началѣ 1693 г. попалъ подъ судъ, сидѣлъ въ Полтавѣ въ тюрьмѣ и избѣжалъ наказанія лишь тѣмъ, что далъ полковому суду торжественное обѣщаніе пойти въ монастырь. Получивъ свободу,

Москаль не спѣшилъ исполненіемъ невольнаго обѣта, а занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ „господарскихъ“ дѣлъ, изрядно разстроенныхъ послѣднимъ процессомъ. Онъ занялся барышничествомъ, сталъ ѣздить по ярмаркамъ и надѣялся, что, при своемъ умѣ и ловкости, онъ скоро поправитъ свое состояніе. Но недогадливый Москаль позабылъ о томъ, что въ его прошлой жизни накопилось слишкомъ много темныхъ дѣлишекъ, которыя оставались скрытыми лишь до тѣхъ поръ, пока онъ былъ въ силѣ, пользовался значеніемъ и всѣ его боялись, но теперь ничто не мѣшало имъ всплыть наружу. Такъ и случилось.

Въ началѣ іюля того же 1693 года въ Кишиньскій сотенный судъ пришелъ мѣстный козакъ Василь Шабалда, „зять Петращишинъ“, и сталъ жаловаться:

— Панове вряде и вы, пановое товарыство! Сталася въ дому моемъ, безъ бытносты моеи, шкода въ пистъ святого апостола Фылыпа, о святытелю чудотворци Ныколаю, що нема висты де ся подило намысто зъ кимнаты, каралевое, червоное, зъ трёма червонымы золотымы полталярковымы, за якое намысто жона моя матку свою рожоную не разъ и не два укаряла, думаючы, що вона взяла и дитямъ дядьковымъ дала, и дивку Васылышыну крамарчину хотила до права позываты. Я тежъ и самъ, вельмы по тій шкоди жалкуючы, одъ того часу и по сее время терпивъ и державъ на пыльномъ баченю, чы не мигъ бы я де тое намысто пизнаты. А теперъ я перечувъ, якъ пидъ часъ ярмарку, бувшою въ насъ, въ Кишиньци, Грыцько Гречыненко, пьючы съ товарыствомъ, зъ якоись прычыны проговорывся, що „бачывъ я, каже, тое намысто у Степана Москаля, якъ винъ пывъ у братерскимъ дому, на кануни“. Чувшы тую мову одъ Гречыненка, Савка Гороховский прыйшовъ до моёго дому и сказавъ мени. Я, тое одъ Савкы почувшы и вельмы съ того обрадовавшыся, освидчаю тую мою крадижъ, теперъ прослынувшуюся, мылостямъ вашымъ и прошу святои справедлывосты“.

Судъ приступилъ къ слѣдствію. Былъ призванъ Грыцько Гречыненко и спрошенъ: видѣлъ ли онъ пропавшее монисто у

Степана Москаля и когда именно? Грыцько, „Божий на себе взываючи срокгий декретъ“, если скажетъ неправду, показалъ:

— Выдилемъ, панове, тое намысто такымъ способомъ. Бувъ я въ той часъ канунныкомъ [1]) и колы выйшовъ съ погреба, тогди и Степанъ Москаль ишовъ зъ надвирья, а кынувшыся до своеи кишени, выпявъ зъ оной намысто Васылевои господыни (жены жалобщика). Еднакъ, не смивъ я ёму, Москалцеви, говорыты ничого, а давшы товарышови своему медъ зъ конвою, пишовъ до господы. Незабаромъ знову повернулемся въ домъ братерский, а мешкаючая въ томъ же двори старушка сказала мени: „тутъ, прави, показувавъ Москалець намысто Васылышыне; чы ты, прави, не бачывъ?“ Я хочъ и бачывъ, а сказавъ ій: „Ни, не бачывъ“. Потимъ тая старушка сказала: „Москалець, носячы тое намысто, говорытъ: „Оттакъ козакъ добувся у Шабалдыхы! Тилько дайте мени ножа: пійду и другіи еще зъ шыи одрижу“. Я, почувшы тыи слова одъ бабы, не отказуючы ій ничого а ни пытаючись еи объ тое, свое орудовавъ, на що бувъ отъ братства прыставленъ“.

Призвана была „старушка“ Евдокія и спрошена: видѣла ли она монисто Василишино у Москаля? Она такъ „посвѣдчила“:

— Панове! Часу того, якъ бувъ канунъ братерскій, едного разу и Москаль пывъ на ономъ кануни дней зъ пять и якось, прыйшовшы у хату, показуетъ намысто и говорытъ: „Добувъ я тое намысто у Шабалдыхы“, и просытъ у Даця Сыдоренка ножа, щобъ пійты до Васылыхы и другее одризаты. Я тежъ, мало не що-дня буваючы у Васыля, познала, що то есть истынное Васылышыне намысто, и говорыла Греченкови Грыцькови, чы не бачывъ и винъ того намыста. На завтришній день, почувшы, що Васылыха матиръ свою за тое намысто ганытъ, а дивку Крамарчыну хочетъ до права прытягнуты, упоминала-мъ (уговаривала) еи, Васылыху, такъ мовячы: „Васылыхо, не гришы на матку и дивкы не турбуй.“ А хочай и знала-мъ про те намысто, що зостаетъ у Степана Москаля, тилько жъ, боячысь ёго, бо

[1]) Т. е. распорядителемъ по продажѣ канунныхъ напитковъ.

бувъ винъ въ той часъ атаманомъ городовымъ, видаючы о своимъ убожестви, не сказала про тое.

Тѣмъ и ограничилась первая „инквѣзиція“, такъ какъ Степана Москаля не было на ту пору въ Кишинькѣ.

Когда онъ „прыбувъ зъ дорогы“, его жена Киліяна, съ которой у него были вѣчные нелады, съ нескрываемымъ злорадствомъ оповѣстила его о томъ, что происходило въ судѣ. Степана какъ громомъ поразило это извѣстіе. Вѣдь Шабалда, его жена Вуцька (Евдокія) и жившая съ ними теща Ганна Петращиха [1])—это были первѣйшіе его пріятели. Правда, съ самимъ Шабалдой у него нерѣдко происходили пререканія: какъ напьется онъ до невмѣняемости, такъ и начнетъ, бывало, приставать къ Степану: „мовятъ люде, що ты зъ моею жоною чужоложышъ“, и при этомъ лѣзетъ въ драку; но протрезвившись, первымъ приходитъ мириться. Впрочемъ, Василь Шабалда рѣдко и дома бывалъ: онъ занимался прасольствомъ и почти всегда находился въ отлучкѣ. Но съ Вуцькой Шабалдыхой и ея матерью Степанъ былъ въ тѣснѣйшей дружбѣ. Обѣ онѣ были веселаго, беззаботнаго нрава, охотницы пображничать, „зъ ничевя“ устроить бенкетъ, созвать „бесиду“,—такъ для Степана во всей Кишинькѣ не было лучшаго пріюта, какъ въ ихъ домѣ: тамъ онъ, по ядовитому выраженію Киліяны, „и напывся, и наився, и спаты уклався“. И вотъ теперь эти милые пріятели хотятъ устроить ему скандалъ, опозорить предъ всей Кишинькой, публично обвинить его—въ чемъ же? въ кражѣ какого-то „намыста“! Вѣдь онѣ же знаютъ, какимъ путемъ оно ему досталось. Глупый Шабалда, точно, невѣдаетъ ничего и, пожалуй, радъ теперь свести съ нимъ счеты по старымъ подозрѣніямъ; но какъ же Вуцька и ея мать допускаютъ его до этого? Неужели онѣ разсчитываютъ на то, что онъ, Степанъ, не осмѣлится на судѣ разсказать по правдѣ, какъ ему это намисто досталось? Или это старая Петращиха мститъ ему за то, что, поссорившись какъ-то съ нею въ пьяномъ видѣ, онъ при

[1]) Та самая, о которой идетъ рѣчь въ очеркѣ № 5.

всей честной компаніи сбилъ съ ея головы очипокъ? Старая вѣдьма ужасно тогда разъярилась и поклялась передъ образомъ, что вовѣкъ ему этого не проститъ. Степанъ рѣшилъ, что завтра же отнесетъ ей купленный въ Миргородѣ гостиницъ и напрямикъ объяснится съ нею и съ Вуцькою, чего онѣ хотятъ отъ него; да надо будетъ возвратить Вуцькѣ и это глупое намысто.

Но на утро, не успѣлъ еще Степанъ хорошенько „поснидать“, какъ за нимъ пришли „асаульци“ и стали торопить его:

— Иды, мосьпане, до ратуша: тамъ уже урядъ засивъ для доконченя твоеи справы съ Петращышынымъ зятемъ.

Пришелъ Степанъ въ ратушу, а туда набилось уже столько народа, что и онъ съ трудомъ протиснулся. Видно было, что затѣянный Шабалдою процессъ заинтересовалъ весь городъ. Тутъ было наперечетъ все „значное товарыство“ Кишиньское, „славетное мѣщанство и всечестное духовенство“; каждому хотѣлось послушать, какъ будутъ судить вчерашняго атамана за кражу намиста у своей же пріятельницы. Сколько здѣсь было недавнихъ друзей и „щирыхъ“ пріятелей павшаго атамана, которые, бывало, заискивающими глазами ловили его взглядъ, наперерывъ спѣшили сказать ему „добрыдень“! Теперь же съ нимъ здоровались нехотя, точно стыдились его знакомства.

Началось слѣдствіе. Призваны были прежніе свидѣтели и вторично допрошены въ присутствіи обвиняемаго. Грыцько Гречиненко показалъ:

— Мои ласкавыи панове! Якъ первей говорилемъ, такъ и теперъ, при самомъ Степану, правдыве повидаю, що выдилемъ у Москальця намисто червоное, тилько жъ ёму, Степанови, ничого не говорылемъ. Поты мого свидителства.

— Другой „свидокъ“, Евдокія старушка „такъ ему, Москалеви, у вичи говорыла“:

— Степане! Богъ мене скараетъ, колы я на тебе кламлыве говорыла; але правдыве повидаю, що выдила-мъ тое въ тебе намысто тогди власне, якъ прыйшовъ ты зъ дому Васылевого. Того часу и господыня твоя стояла пидъ викномъ Васылевымъ зъ Игнаткомъ (сыномъ), зазыраючы въ хату.

Теперь судьи обратились и къ Степану:

— А що, мосьпане, на такіи слушне на тебе показуючіися доводы що ты маешъ одвитуваты и чымъ одводытыся?

Степанъ видимо растерялся; не успѣвъ предварительно переговорить съ женою и тещою истца, онъ совсѣмъ не зналъ, какъ ему оправдываться. Сначала онъ „прысягався“, что молъ „я того не видаю“, но когда свидѣтели стали уличать его, онъ не выдержалъ роли и вдругъ „передъ всимъ товарыствомъ“ началъ просить Шабалду прекратить дѣло, „обовязуючысь тое намысто заплатыты“. Это было равносильно открытому сознанію въ кражѣ. Такъ это и поняли судьи и присутствовавшая публика. Шабалда ловко воспользовался промахомъ противника и, отказавшись мириться съ нимъ, попросилъ судей занести въ протоколъ выраженное Москалемъ обязательство уплатить ему стоимость пропавшаго мониста. Судьи исполнили его желаніе и, признавая данное дѣло себѣ неподсуднымъ, составили протоколъ, ствердили его „звыклою мѣскою“ печатью и вручили „поводовой сторонѣ“ (истцу) для представленія „до зверхнѣйшого суду“, полкового полтавскаго.

Получивъ эту „атестацію“, или „инквѣзицію“, Васыль Шабалда тотчасъ же отправился въ Полтаву, а черезъ нѣсколько дней оттуда на имя Кишиньскаго сотника полученъ былъ полковничій приказъ арестовать Степана Москаля и препроводить его въ Полтаву „до туремного вязеня“.

Это означало, что въ Полтавѣ не забыли его прежнихъ „злыхъ учинковъ“, и не предвѣщало ему ничего добраго. Предварительный арестъ обвиняемаго практиковался обыкновенно въ „горловыхъ справахъ“, то есть въ такихъ уголовныхъ дѣлахъ, когда подсудимому могъ угрожать смертный декретъ; но по тогдашнимъ законамъ можно было казнить преступника и за простую кражу. А на милосердіе судей Степанъ не могъ разсчитывать: онъ хорошо помнилъ, какихъ усилій стоило его пріятелямъ—сотникамъ, съѣхавшимся въ Полтаву для обычнаго поздравленія пана полковника съ „великодными святками“, выпросить ему прощеніе, и какъ послѣдній неохотно уважилъ ихъ

ходатайство. Теперь и обѣтъ иночества не спасетъ его. Но если ужъ суждено ему не сносить головы, то лучше и достойнѣе испить смертную чашу въ искупленіе дѣйствительныхъ грѣховъ своихъ, которыхъ такъ много на его совѣсти, а не болтаться на „шибеницѣ“ въ качествѣ презрѣннаго „злодія“, польстившагося на какую-то глупую «цяцьку». Много тяжкихъ грѣховъ совершилъ онъ на вѣку, но отъ воровства все-таки Богъ миловалъ его. И Вуцька Шабалдыха, и ея мать хорошо это знаютъ, и если теперь безсовѣстно взводятъ на него „злодійство“, желая погубить его, то дѣйствуютъ такъ лишь въ томъ разсчетѣ, что у него не хватитъ смѣлости откровенно разсказать на судѣ, какъ ему досталось это злополучное „намысто“. Правда, ему придется при при этомъ повиниться въ другомъ, болѣе тяжкомъ и позорномъ грѣхѣ, о которомъ никто не знаетъ и за который тоже ожидаетъ его смерть, но зато онъ очиститъ свою совѣсть, чистосердечно покатся предъ Богомъ и предъ людьми въ дѣйствительномъ прегрѣшеніи и оправдается въ томъ позорномъ поступкѣ, который ему безсовѣстно приписываютъ. А можетъ быть панъ полковникъ и остальные судьи, видя его чистосердечное раскаяніе, смилуются надъ нимъ. А ужъ Вуцька и старая Петращиха навѣрное „сказятся“ отъ злости и срама, когда онъ разскажетъ всю правду.

Съ такими мыслями Степанъ легче переносилъ и тяжкое «вязеня», а отправляясь въ Полтаву наказалъ женѣ не возвращать Щабалдыхѣ „намыста“, а оставить его у себя, какъ свою собственность.

— Хай уже воно тоби на подзвиння! не приминула и въ эту минуту уколоть мужа безсердечная Киліяна.

Она не высказывала нималѣйшаго участія къ его злосчастному положенію и хотя разливалась въ слезахъ и громко причитывала, провожая Степана, но при этомъ кляла его всѣми „проклёнами“ за то, что своими „злыми учинками“ онъ довелъ семью до позора и разоренія. Сыновья тоже угрюмо простились съ отцемъ.

Сидя въ полтавской „вязныци“, Степанъ Москаль задумалъ изложить письменно свою исповѣдь, въ формѣ „суплѣки“ на имя полковника Павла Семеновича Герцыка. Приводимъ этотъ документъ въ подлинникѣ, лишь съ незначительными текстуальными измѣненіями, именно съ устраненіемъ немногихъ слишкомъ книжныхъ словъ и выраженій и съ замѣной тогдашняго безсистемнаго правописанія фонетическимъ.

„Мосци пане полковныку полтавскій, мой велце ласкавый пане и найласкавшій добродію!

„Хочай вже явне гришныкомъ черезъ искони вселукавого и во мыру дійствуючого врага дыявола, якъ выдыте, ставъ я, однакъ, на Бога маючы надію, и вашои мылосты, пана и добродія мого, не отчаиваюся ласкы, а паче Божои, который прыйшовъ въ мыръ не призваты праведныхъ, а гришныхъ на покаяніе. Такъ и я, міючы уфность (увѣренность) въ Бози, велце покорно кланяючысь, прошу слезно вашои, добродія, мылосты, абы и мене, недостойного и паче всихъ окаянного гришныка (выслухавшы мого доводу, якымъ початкомъ стався скутокъ гриха) помыловано. А то, мій мылостывый пане, було такъ. Сёго року прошлои зимы, на день святытеля Христова Ныколая, бувъ я въ дому братерскимъ на меду, видкиль пишовъ до Жадана, кума свого, просыты на медъ. Ажъ тутъ Вуцька Шабалдыха Васылыха невидомо куда иде и просыть мене, абы ій давъ таляра грошей: „куплю, мовытъ, соби полотна на кошулю“. Я ій ничого иншого не одказавъ, тилько веливъ себе на тимъ мистцу, де и просыла, пождаты. Прыйшовшы зась до Литовкы шынкаркы, которая въ мене брала медъ, заставъ тамъ и жону мою Кыліяну и пысаря городового, що пылы горилку. Казавъ я Лытовци, щобъ одличыла таляра. Пытае мене жона моя: „на що ты стилькы грошей берешъ?“ Я ій одказавъ: „Що тоби до того? Тоби того не потреба пытаты“. Однисъ я таляра Васылыси, а вона, взявшы того таляра зъ рукъ моихъ, казала мени изъ собою до своеи хаты пійты, и тамъ заразъ зъ нею, Вуцькою, запамятавшы страхъ Божій, вчынылы спросный (мерзкій) грихъ. Тоди жъ, въ своій господи, Вуцька зняла зъ руки моеи

сегнитъ (перстень съ именною печатью) щырозлотный, а я зъ неи знявъ намысто, яке того жъ часу и показувавъ Грыцькови Гречыненкови въ братерскимъ кануни и баби тій, якая въ тимъ двори мешкаетъ. Прыйшовшы жъ додому, похвалывся своій жони, мовячы: „Отсе жъ, Киліяно, я и князь, да вже перстня нема—отдавъ Шабалдыси“. На другый день Кыліяна посылала Лытовку до Шабалдыхы, абы вернула перстень, а потимъ, не вдержавшысь, и сама пишла; ажъ іи стритыла Лытовка и показала перстень и два золотыхъ грошій, що Вуцька Шабалдыха дала. Довго жъ вона, Вуцька, терпила, не правлячы въ мене того намыста. Ажъ сымы вже часамы первей Вуцька упомыналася оного намыста у мене,—отказавъ ій, що нема; а вдруге сама Петращыха пидъ своею вже хатою пытала про те намысто; я тежъ отказавъ и старій, що того намыста немае въ мене. Тоди просылы мене обыдви, абы того никому не открывавъ. Видала про те и жона моя; тилько жъ для того те намысто таилы-сьмо, що то есть ричъ не меншая (т. е. цѣнная), и дотого господарства свого щадячы. А оце вже недавнёго часу Грыцько Гречыненко и баба тая, которымъ я на кануни намысто показувавъ, пидпывшы, вызналы Гориховському, а Савка Гориховській отказавъ тое слово Гречыненково Васылеви Шабалди, Васыль же Шабалда, чувшы тое одъ Савкы, бигавъ ажъ до Зинькова за Гречыненкомъ пытаты, а прыбувшы зъ Зинькова, презентовавъ тее прызнатя на уряди. У якимъ признатю чувъ я, що просывъ яко бы то я у Дацька Сыдоренка ножа и ходывъ зъ ножемъ до Вуцька за другымъ намыстомъ. А я не чуюся въ тимъ, щобъ мавъ въ кого ножа прохаты и ходыты зъ ножемъ вдруге, и черезъ те повоппывъ я прызнатя Гречыненкове и прытаився того першого разу, що намыста не бравъ. А ранише я зъ нымъ не таився; и господыня моя, міючы жаль, що я зъ нею не бытковавъ, сказала мени: „що то есть за намысто?“ и я передъ нею не таився.

„Въ якій мири маючы вышепысаныхъ злостей, вже не чыню себе свободнымъ. А що неправедно на мене клеплютъ и злодійство вернутъ, въ тимъ полецаю (поручаю) себе вашій пан-

скій мылости на выводъ и въ тимъ слезно прошу: якъ маете высокій розумъ и мылость, помылуйте мя по велыкій своій мылости. Бью чоломъ. Слуга и подножокъ Стефанъ Москаль".

Эта „суплика" не произвела на полковую старшину того впечатлѣнія, на какое авторъ разсчитывалъ. Тамъ, видно, давно составили о немъ опредѣленное представленіе, какъ о лживомъ и порочномъ человѣкѣ, и не повѣрили искренности его раскаянія, а признаніе въ новомъ преступленіи еще болѣе повредило его репутаціи. Впрочемъ, самъ полковникъ, на милосердіе котораго почему-то разсчитывалъ Степанъ, былъ занятъ въ это время другими дѣлами и не могъ принять личнаго участія въ судѣ надъ нимъ; свои предсѣдательскія полномочія онъ передалъ полковому обозному Адаму Ненаденку.

Судъ происходилъ 24 и 26 іюля того же 1693 года. Къ этому времени были вызваны изъ Кишиньки истецъ Василь Шабалда съ женою и тещею и свидѣтели. Оттуда же прибыла жена Степана Москаля съ сыновьями и нѣкоторые кишиньскіе обыватели—одни изъ любопытства, другіе же съ особыми цѣлями. Приступивъ къ разсмотрѣнію дѣла, судьи прежде всего отмѣтили „зелживость" обвиняемаго, усмотрѣнную ими въ томъ, что на предварительномъ слѣдствіи онъ обязался уплатить Шабалдѣ стоимость украденнаго у его жены или инымъ способомъ ему доставшагося мониста, а между тѣмъ доселѣ этого не исполнилъ. Затѣмъ послѣдовала интересная сцена очной ставки Степана съ Вуцькою Шабалдыхою. Первому было предложено, „абы онъ Евдокіи Патрашковни у вичи тое говорывъ, якъ и въ суплици подавъ"—какимъ способомъ добылъ онъ ея монисто. Степанъ смѣло началъ:

— Мои мылостывыи панове! Вольно вамъ за такый мій тяжкый грихъ, що я не еднократне чужоложывъ, и смертелне мене удекретоваты, чого я уже и годенъ, бо обитыцю тую, яку передъ страшнымъ маестатомъ Божымъ духовному моему обищавъ, прыймуючы зъ жоною моею тайну святого малженства, шлюбовавъ пры ній заховаты вшелякую святоблывость, теперъ черезъ чужоложство зламавъ, и мешкаючы въ спросности зъ чужымы вшетечными (распутными) жонамы, ложе жоны моеи осквернывъ. А теперъ, передъ мылостямы вашымы стоячы, такъ говору: намыста того я не кравъ, але для порубства (прелюбодѣянія) и спросносты гриха, пополнывшагося зъ Петрашкивною, зъ шыи еи знявъ, якъ и вона зъ рукы моеи перстень зняла, доброволне, бо тоди булы-сьмо едно другому, для злои сполычносты (общенія), повольни. А на завтрешній день просыла мене старая Петращыха зъ дочкою своею, щобъ я того намыста никому не объявлявъ, „бо (мовытъ) то меншая ричъ есть намысто, а якъ довидается про те старшына, то певне черезъ те, що у тебе своя жона, а у дочкы моеи мужъ есть, будете обое на ростани укопани, [1]) та и худоба въ обохъ пропаде". Я такъ и учынывъ на ихъ прозьбу, никому про те намысто не объявлявъ. А колы теперъ воны на мене злодійство звернулы, то, хочъ моя жона, може, й вернула вже черезъ урядъ те намысто, однакъ я до злодійства не знаюся. Богъ мене нехай скараетъ и на души, колы говору неправду!"

Тутъ не сдержалась старая Петращиха. Она схватила зятя за руку, стремительно ринулась къ судейскому столу и заголосила.

— Наши мылостывыи панове! Невравду той смердячый песъ Степанъ Москалець на мою дочку а на жону Васыля, зятя мого, говорытъ. Власный винъ есть тому нашому намысту шкодца, бо те намысто зъ кимнаты въ насъ вкрадено. А щобъ Евдокія таке зъ нымъ чынила, тому трычи брехня! Це винъ зъ своеи запамяталосты та зъ гниву на насъ говорытъ, щобъ того злодійства позабуты.

То же самое, хотя и безъ материнской запальчивости, подтвердила и Вуцька. Но Степанъ съ бѣшенствомъ перебилъ ее:

— Собако нечыстая! Сама жъ мене пидвела есы на те, що я таився. Мужъ твій Васыль, правда, про те не видае, бо на

---

[1]) Т. е. заживо закопаны на перекрестной дорогѣ. Любопытное указаніе на существовавшій нѣкогда въ Малороссіи родъ казни для прелюбодѣевъ.

той часъ и дома не бувъ. А я съ тобою мавъ сполкованя першый разъ, якъ жупанъ до васъ прынисъ, а вдруге пополнывъ съ тобою, враже, нечыстый грихъ, колы вже завела есы мене до своеи господы; тоди жъ я и намысто съ твоеи шыи знявъ. Нехай за тобою, поганко, матка твоя прысягнетъ, еслы я не мавъ съ тобою сполкованя. А мужъ твій ничого не видае, бо по дорогахъ завше волочытся.

— А що жъ, и прысягну, колы урядъ звелытъ,—неувѣренно отозвалась Петращиха.

Такъ какъ Литовскій Статутъ допускалъ такой способъ доказательства, при отсутствіи другихъ, болѣе убѣдительныхъ, то судьи объявили Петращихѣ, что она можетъ, если желаетъ, „сумненямъ своимъ за дочку поправыты". Но она видимо смутилась и объявила:

— Я маю прысягнуты въ тимъ, що сама не видаю, чы чныла що моя дочка. Нехай лише зять мій прысягае за жону свою.

Но Василь Шабалда замялся еще больше и сказалъ:

— А що жъ, панове, чуючы одногласную ричъ Москалеву, не могу и я прысягнуты за жону свою, бо нихто ничіёго поступку не видаетъ, а звлаща я маю и дома буваю. Нехай вона псу жона, а не мени: я теперъ еи цураюсь!"—и съ этими словами онъ въ гнѣвѣ выбѣжалъ изъ ратуши, а за нимъ побѣжала Петращиха. Этотъ комическій эпизодъ вызвалъ неудержимый смѣхъ среди присутствовавшихъ. Степанъ Москаль злобно торжествовалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Шабалда, видимо успокоенный, возвратился въ залу и заявилъ, что хочетъ присягнуть за жену; но судьи отказали ему въ этомъ, мотивируя отказъ тѣмъ, вопервыхъ, что онъ „зъ ратуша побигъ съ права, а друге—що мужови непрылычно въ такій справи прысягнуты".

Судъ поспѣшилъ положить этой скандальной „справѣ належытый конецъ" и объявилъ декретъ: „абы за тое намысто и правные наклады було нагорожено Васылеви Шабалди осмъ копъ грошей зъ Москалцевои худобы, котырый чи тое намысто

укравшы, чи тежъ черезъ сполечность зъ Петрашкового гриха мивъ у себе и не вернувъ". Собственно говоря, судъ какъ-бы уклонился отъ рѣшенія дѣла по существу, считая его маловажнымъ или недостаточно выясненнымъ, и перешелъ къ разбору дѣла, героемъ котораго являлся тотъ же Степанъ Москалецъ.

—

Изъ среды публики вышла немолодая женщина, невзрачнаго вида, бѣдно одѣтая. Она оказалась Вивдей (Евдокіей) Дудкивной, „удовыцею зъ Кишинькы", и поклонившись судьямъ, стала излагать свою „скаргу":

— Панове судьи! Нехай я не видаю, чы правду, або ни, говорытъ той Москаль на Петрашкивну, а надо мною, певне мовлю, шыдерства (глумленіе) чынывъ. А то такымъ способомъ. Мешкала я у Кишинци, у Грыцька Бутка у сусидахъ, зъ мужомъ ище Гордіемъ, есть тому рокивъ зъ пять. Едного жъ часу Степанъ Москаль, прыйшовшы до мене, казавъ такъ: „Вивде, ходы до насъ, на щось тебе моя Кыліяна зоветъ". Я, розуміючы, що тому була правда, пишла зъ нымъ до ихъ двору и скоро увійшла у двиръ, винъ, Степанъ, не видаю для чого у стайню мене повивъ и тамъ, не говорячы мени ничого, ставъ усылствоваты до гриху спросного. Хочъ я и одмовлялася не чынты того, мовячы, що у ёго своя господыня, а у мене мужъ есть, однакъ винъ мене на то зневолывъ. Нарикала жъ я на ёго, плачучы, що мене, сыроту, на тее пидвивъ; а Степанъ мени и каже: „Однакъ, твій мужъ выненъ мени за сино, то менше ёму жъ буде одробляты; а я могу за те на васъ оглянутысь". Я одъ ёго стайни пишла и була и въ хати ихъ, и якъ прыйшла видъ ихъ до дому, гирко плакала мъ передъ мужомъ моимъ, нарикаючы на ёго жъ, Степана, и на мужа свого, на що винъ мене зъ нымъ до двору ихъ пустывъ. Тоди мужъ мій сказавъ мени: „Не журыся, небого, однакъ вже въ мене мало сылы; що жъ маешъ чынты!" Було жъ тое, панове, межи намы посередъ дня, зимою, а хочай на той часъ и людей много плуталось мымо двиръ ихъ, тилко жъ для страху не чынла-мъ кгвалту и кримъ мужа билшъ никому не оповидала. И одъ того

жъ разу не мала я зъ нымъ, Степаномъ, сполкованя. А колы вже мужъ мій померъ, мешкала-мъ удовою два рокы; а на третій, пройшлои осены, передъ Покровою, якъ около города нашого дворы скыдано,[1]) тоди и Степанъ Москаль, свій двиръ изъ-за миста перенисшы, въ самомъ городи побудовавъ, до якого двору позвавъ мене стайни мазаты и поступывъ мени тры возы дровъ привезты за мою працю. Мазала жъ я увесь день, ажъ до засвиченя свичкы, и за свичкою вже домазувала. Тутъ Степанъ, прыйшовшы до мене у стайню, почавъ мене усыловне валяты и прыводыты до гриха. Я ёму говорыла: „Степане, змылуйся, теперъ мене не займай, бо видаешъ, що теперъ я зостаю удовою, и въ глыну вся умазалася, та й Кыліяна дома знайдуется". А Степанъ, не даючы мени говорыты, зневолывъ до гриху. Одъ того разу я и на сюю дытыну зайшла. А колы теперъ для тои дытыны, якій вже часъ прыходыть и родытыся, просыла-мъ у ёго безъ суду, щобъ давъ що-небудь, винъ не схотивъ даты и ще й зъ погрозкамы мене отправывъ. Черезъ те, панове, прошу зъ ёго, Степана, справедлывосты; бо винъ въ Кишиньци не тилко зо мною мешкавъ въ прелюбодіяніи, але и зъ тою Лытовкою, що ёго медъ продавала, чужоложывъ".

Судьи спросили подсудимаго: „чы була бъ тому истына, щобъ винъ съ тою Гордійкою або и съ Лытовкою спросне мешкавъ? Москаль взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, я въ вашыхъ рукахъ зостаю: вильно вамъ якъ хочете мене скараты. Тому есть истына, що я по кількокротне зъ тою Лытовкою чынывъ злую сполечность, та и зъ другою, Петрашкивною Вуцькою; а щобъ я мавъ на сюю плюгавую Дудкивну и помыслыты, не тилько що чыныты зъ нею, або усылствовати, Богъ мя на души нехай скараетъ. Тилько мого отъ такои напрасныци выводу".

---

[1]) Эта была обычная мѣра военной предосторожности въ виду татаръ, приходившихъ въ августѣ 1692 года, вмѣстѣ съ Петрикомъ, къ южнымъ границамъ Полтавскаго полка.

Но впечатлѣніе этой рѣчи было совершенно испорчено, когда неожиданно выступила жена Степана Киліяна съ сыновьями Семеномъ и Яковомъ и, сильно волнуясь, сказала:

— Не ймите ёму виры, панове, бо винъ есть власный роспутныкъ отъ давныхъ часивъ и прыставъ винъ до мене роспустне и жаднои учтывосты въ малженстви святому не заховуючы мешкавъ. Уже колы винъ самъ на себе прызнавъ, що зъ Петрашкивною и зъ Лытовкою злую сполечность мивъ, то певне, що и зъ Дудкивною, и зъ иншымы вшетечнымы жонамы спросность богомерзкую чынывъ. Колы вже Богъ мене вызволыть одъ такого збрудня! Вельмы радила-мъ я, колы мужъ мій, за свои злыи и недобрыи учынкы найдуючысь у вязеню, просывъ панивъ сотныкивъ всихъ о прычыну (о ходатайствѣ) до пана полковныка и давъ Богови обитъ у монастырь пойты, колы ёго учынятъ свободнымъ. Отже злый и незбожный чоловикъ и Бога оманувъ, не ставшы чернцемъ, певне для вшетеченства. Теперъ, мылостывыи панове, и я, и сыны мои слезне просымо, абы одъ такого збрудня зостала-мъ свободна; бо вси его злыи дила отдавна видаючы, не оголошала. А поневажъ мене, пры моій старости, до вичнои ганьбы и неславы прывивъ, та и худобы мене позбавывъ, не хотячы ему далій того терпиты, прошу, абы винъ, яко не заховуючій прыказаня Божого, не бувъ мени одъ сёго часу въ малженстви участныкомъ и мужомъ моимъ, бо не мужомъ моимъ винъ бувъ, але тыраномъ. Прошу васъ, панове, надъ собою змылованя".

Эта страстная обвинительная рѣчь жены противъ мужа, сказанная въ судѣ въ такую минуту, когда рѣшался, можетъ быть, вопросъ о его жизни, произвела на всѣхъ гнетущее впечатлѣніе. Но Киліяна, безъ сомнѣнія, не была столь жестокосердой, чтобы сознательно и намѣренно отягощать участь мужа. Какъ женщина строгихъ правилъ, она не чувствовала ни жалости, ни состраданія къ безпутному супругу; но отсюда еще далеко до того, чтобы она способна была откровенно домогаться его казни. Ея достоинство добродѣтельной жены было глубоко оскорблено развернувшейся на судѣ яркой картиной безпут-

ства мужа; но еще болѣе, можетъ быть, возмущала ее перспектива тѣхъ матеріальныхъ жертвъ, какими приходилось эти безпутства окупать, и при томъ изъ состоянія, которое, кажется, принадлежало ей одной. Вотъ и сейчасъ присудили уплатить восемь копъ Шабалдѣ, могутъ присудить вознагражденіе и Дудкивнѣ, а за ней появятся съ претензіями, пожалуй, десятки ей подобныхъ. Какъ бережливая хозяйка и заботливая мать, она не могла перенести, чтобы изъ-за распутства мужа гибло благосостояніе семьи. Дѣтямъ не нуженъ такой негодный отецъ, а ей и подавно онъ не нуженъ, какъ мужъ. Но какъ отъ него избавиться? Киліянѣ не приходило на мысль опасеніе, что мужъ по данному процессу можетъ поплатиться головой: выкрутился же онъ еще недавно изъ большей, какъ ей казалось, бѣды, и теперь она увѣрена была, что дѣло кончится крупнымъ штрафомъ въ пользу полковника и судей, какъ чаще всего такія дѣла оканчивались. А вотъ, если бы судъ подвергъ Степана иному наказанію—расторгъ его бракъ съ нею! Въ тѣ времена расторженіе браковъ, какъ мы знаемъ, входило въ компетенцію и судовъ свѣтскихъ, именно полковыхъ и примѣнялось обычно въ дѣлахъ подобныхъ настоящему, при томъ непремѣнномъ условіи, если невинный супругъ добивался этого.[1]) О такомъ именно декретѣ и молила слезно Киліяна.

Между тѣмъ ея страстная обвинительная рѣчь противъ мужа, ея негодованіе и живыя улики въ его распуствѣ, помимо ея воли упали тяжелымъ бременемъ на вѣсы правосудія и рѣшительно склонили ихъ въ сторону, роковую для обвиняемаго. Судъ призналъ доказанными слѣдующія „слушные доводы“ виновности Степана Москаля: а) онъ „самъ на себе суплѣковалъ, чинячися явнымъ чужоложникомъ“; б) „Вивди Гордійци дытыну прыжывъ и хочай крився того, отводячись, будто не чынывъ зъ нею гриха, еднакъ судъ ему не понявъ виры“; в) „обитъ давшы Господу Богу пойты въ монастырь, а не пойшовъ“, г) „самая жона его одступуетъ и не хочетъ за мужа миты“. Справившись

[1]) См. объ этомъ очерки №№ 12, 13 и 14.

съ законами, судьи примѣнили къ данному дѣлу артыкулъ изъ книги „Порядокъ“, четвертой части, на листѣ 128, гдѣ сказано: „чужоложникъ мѣетъ быти стятый“, т. е. усѣченъ мечемъ, и постановили декретъ: „той же карности и Степанъ Москаль зосталъ подлеглымъ“. Претензію Вивди Дудкивны (она же Гордійка) оставили безъ удовлетворенія, а ее самое велѣли „даты до вязеня, нимъ (пока) дытя зродытъ“,—съ тѣмъ, конечно, чтобы потомъ особо подвергнуть ее суду и наказанію за прелюбодѣяніе. Относительно Вуцьки Шабалдыхи не было сдѣлано подобное постановленіе очевидно потому, что оговоръ ея Степаномъ въ преступномъ сожительствѣ съ нимъ судъ не призналъ доказаннымъ.

---

30. Грѣшный игуменъ.

Случалось, что прелюбодѣйному грѣху подвергались и такія лица, которыя по самому положенію своему должны были оставаться свободными отъ малѣйшихъ подозрѣній въ этомъ отношеніи.

Въ февралѣ 1690 г. въ Борзенскую ратушу, въ числѣ жалобщиковъ, явился „стадникъ“ (пастухъ) Максаковскаго монастыря[1]) Иванъ Шкута и „объявилъ ричъ такую, ижъ якобы превелебный отецъ Ѳеодосій Гугуревичъ, игуменъ мененого монастыря, препомнившы боязнь Божую, Мотрю дивку, въ дворци (хуторѣ) монастырскимъ въ той часъ мешкаючую, смивъ панянства позбавыты“. По обычному судебному порядку ратушный урядъ долженъ былъ потребовать отъ обвинителя представленія доказательствъ и вообще произвести предварительное дознаніе, но необычность обвиненія и исключительное положеніе обвиняемаго привели урядъ въ такое смущеніе, что онъ рѣшилъ уклониться

[1]) Максаковскій монастырь существуетъ и понынѣ въ Сосницкомъ у., Черниг. губ.

отъ разслѣдованія даннаго дѣла подъ предлогомъ, что „таковіи на таковыхъ особъ жалобы и протестаціи до уряду и суду нашого не належатъ“, а обвинителю Ивану Шкутѣ данъ былъ такой отвѣтъ: „кому крывда діется, той самъ можетъ права шукаты“.

— Нехай и такъ буде! подумалъ Шкута и отправился сообщить Мотрѣ объ этомъ рѣшеніи.

Пока явится въ судъ сама потерпѣвшая, познакомимся хотя въ общихъ чертахъ съ личностью обвиняемаго.

Ѳеодосій Гугуревичъ былъ человѣкъ далеко не заурядный, имѣвшій всѣ данныя къ тому, чтобы занять выдающееся положеніе въ южнорусской іерархіи. Воспитанникъ кіевской коллегіи и затѣмъ, какъ кажется, преподаватель въ ней въ годы ректорства Лазаря Барановича, онъ оставилъ Кіевъ скоро послѣ того, какъ его патронъ и бывшій учитель занялъ епископскую каѳедру въ Черниговѣ и, задумавъ рядъ просвѣтительныхъ учрежденій въ своей епархіи, нуждался въ ученыхъ и способныхъ сотрудникахъ. На первыхъ порахъ Гугуревичъ занялъ скромное званіе „духовнаго отца рукоположенцевъ архіепископа Чернѣговского“, т. е. духовника и вмѣстѣ наставника и руководителя для лицъ, приготовлявшихся къ священству; въ этомъ званіи онъ участвовалъ въ 1677 году въ судѣ надъ нѣжинскимъ протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ. Въ 1681 г. онъ, въ званіи уже батуринскаго игумена, ѣздилъ въ Москву съ ходатайствомъ о покупкѣ въ царскую казну разныхъ книгъ, напечатанныхъ Лазаремъ Барановичемъ въ его черниговской типографіи; здѣсь были и сочиненія самого Барановича, и разныя богослужебныя книги, въ изданіи которыхъ, въ составленіи къ нимъ модныхъ въ то время „дедикацій“ и „конклюзій“, навѣрное принималъ участіе и самъ Гугуревичъ. Послѣ пятилѣтняго управленія Батуринскимъ монастыремъ Гугуревичъ переходитъ въ Кіевъ игуменомъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря, а черезъ годъ (въ 1686 г.) его избираютъ игуменомъ Кіево-братскимъ и вмѣстѣ ректоромъ коллегіума. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ почетнымъ избраніемъ Гугуревичъ болѣе всего былъ обязанъ

всегда къ нему благоволившему черниговскому архіепископу, но очевидно, что онъ и самъ обладалъ выдающимися качествами ума и образованія, дававшими ему право на занятіе столь виднаго поста. Въ спискѣ ректоровъ кіевскаго Коллегіума можно насчитать рядъ крупныхъ талантовъ и дарованій и очень немного посредственностей. Д. т. порч. Чиншин —

Но если Гугуревичъ и принадлежалъ къ лицамъ первой категоріи, то онъ во всякомъ случаѣ не оправдалъ надеждъ, возлагавшихся на него при его избраніи на столь почетный постъ. Въ тѣ времена случаи подобныхъ разочарованій были нерѣдки въ іерархической средѣ. Дѣло въ томъ, что въ Малороссіи, еще со временъ П. Могилы, все еще остро ощущалась нужда въ способныхъ и ученыхъ людяхъ, необходимыхъ для занятія высшихъ духовныхъ должностей, для ученой и преподавательской дѣятельности, вообще для нуждъ церкви, школы, науки и литературы. Такихъ людей обыкновенно отмѣчали еще на школьной скамьѣ, давали имъ средства для полученія возможно основательнаго образованія, нерѣдко посылали ихъ въ заграничные университеты и академіи, оказывали имъ покровительство въ ихъ служебной дѣятельности и съ молодыхъ лѣтъ уже готовили ихъ на видныя іерархическія мѣста, по мѣрѣ ихъ заслугъ и дарованій. Но въ этой погонѣ и своего рода ухаживаніи за умомъ, талантомъ и ученостью поневолѣ приходилось снисходительно относиться къ нравственнымъ качествамъ избранниковъ, къ слабости и неустойчивости ихъ характеровъ, а нерѣдко и прямо къ ихъ порокамъ, въ надеждѣ возможнаго исправленія. Только этою снисходительностью можно объяснить, почему изъ среды такихъ избранниковъ могли выходить иногда даже прямые предатели и отступники, въ родѣ Смотрицкаго, Саковича и др. Со времени политическаго отдѣленія Малороссіи отъ католической Польши случаи явнаго вѣроотступничества сдѣлались, конечно, невозможными, но за то участились случаи безнравственныхъ дѣяній и даже явныхъ преступленій среди ученыхъ иноковъ, занимавшихъ обыкновенно настоятельскія мѣста въ монастыряхъ. Попадая на эти мѣста, по большей

части, не по внутреннему влеченію къ монашеству, а лишь потому, что тогдашній ученый человѣкъ могъ сдѣлать сколько-нибудь видную карьеру только въ монашескомъ клобукѣ, такіе невольные иноки не были склонны къ строгому выполненію иноческихъ обѣтовъ. Нужно замѣтить еще, что самая эта должность настоятеля монастыря, по условіямъ того времени, для лицъ съ нетвердыми нравственными принципами представляла не мало соблазновъ и искушеній. Еще незадолго предъ тѣмъ южнорусскіе монастыри, тѣснимые и всегда угрожаемые со стороны католиковъ и уніатовъ, нерѣдко являли высокіе образцы иноческихъ добродѣтелей; но съ тѣхъ поръ, какъ опасность иновѣрнаго гнета навсегда миновала, въ ихъ жизни возобладало другое направленіе—стремленіе къ обогащенію. Не успѣлъ Хмельницкій окончательно изгнать поляковъ изъ Украины и ввести въ ней новый гражданскій порядокъ, какъ къ нему со всѣхъ сторонъ стали стекаться смиренные иноки съ просьбами о дарованіи монастырямъ маетностей. Пришелъ въ 1664 г. съ войскомъ въ Малороссію польскій король Янъ-Казимиръ съ цѣлью отвоевать ее—тѣ же иноки стали стекаться и къ нему съ тѣми же просьбами. Скоро, однако, они почуяли власть болѣе могучую, чѣмъ власть гетманская и королевская, и толпами устремились въ Москву съ ходатайствами о царскомъ подтвержденіи дѣйствительныхъ, а нерѣдко и фиктивныхъ правъ на владѣніе разными маетностями, и при томъ „со крестьяны". Въ царскихъ грамотахъ, часто выдаваемыхъ безъ справокъ на мѣстѣ, границы и объемъ земельныхъ владѣній обыкновенно опредѣлялись со словъ просителей и при томъ крайне неопредѣленно, что давало монастырямъ возможность дѣлать какіе угодно захваты и нерѣдко верстать въ свои „подданные" вольныхъ людей, даже козаковъ, съ ихъ предковскими землями. Это порождало на каждомъ шагу чрезвычайно острыя столкновенія, сопровождавшіяся грубыми насиліями и даже убійствами. Высшая церковная власть обыкновенно снисходительно относилась къ подобнымъ подвигамъ игуменовъ и простыхъ монаховъ, якобы ревновавшихъ объ охранѣ церковнаго достоянія, но сколько горечи и остроты накоплялось

въ чувствахъ и настроеніи народа по отношенію къ такимъ недостойнымъ представителямъ иночества! Обезпеченные сверхъ нужды, тогдашніе монахи естественно склонны были забывать о своихъ обѣтахъ, вели праздную, нерѣдко пьянственную жизнь, убѣгали изъ тѣхъ монастырей, гдѣ бывали болѣе строгіе настоятели, „волочились" по корчмамъ и предавались разнымъ порокамъ. Не лучше вели себя и многіе настоятели. Облеченные неограниченною властью надъ подчиненною имъ братіею, монастырскими слугами и „подданными", обезпеченные богатыми доходами и удаленные отъ глазъ своихъ старшихъ, они безнаказанно попирали церковные уставы и гражданскіе законы, до излишества предавались порочнымъ удовольствіямъ и нерѣдко творили вопіющія беззаконія.

Къ этому именно типу ученыхъ, но безнравственныхъ иноковъ принадлежалъ и Ѳеодосій Гугуревичъ. Прежде всего это былъ человѣкъ необузданнаго нрава, не останавливавшійся ни передъ чѣмъ, если его воля или прихоть встрѣчала какое-либо препятствіе. Еще въ бытность батуринскимъ игуменомъ онъ безправно захватилъ у козака Грибъ его предковскую „сѣножать" и дуброву съ бортнымъ деревомъ, а когда Грибъ вздумалъ „обстоювать" свое достояніе, игуменъ явился съ толпою слугъ на мѣсто столкновенія и убилъ непокорнаго, а тѣло его велѣлъ взять въ монастырь и похоронить „проводомъ христіанскимъ". Трудно допустить, чтобы этотъ возмутительный поступокъ остался безвѣстнымъ мѣстному архіерею Лазарю Барановичу, но это нимало не повредило Ѳеодосію въ его служебной карьерѣ, и скоро послѣ того мы видимъ его уже въ Кіевѣ на видномъ посту игумена и ректора Братскаго монастыря. Какими поступками обезславилъ онъ себя здѣсь—достовѣрно неизвѣстно. Можетъ быть, именно къ нему надо отнести тѣ „шумныя дненощныя забавки" начальствовавшихъ въ коллегіи лицъ, о которыхъ говоритъ Ѳеофанъ Прокоповичъ II, учившійся здѣсь, между прочимъ, и въ ректорство Гугуревича. Какъ бы то ни было, ректоромъ онъ оставался всего лишь около двухъ лѣтъ (1686—1688 г.) и затѣмъ рѣзко спустился внизъ по іерархической лѣст-

ницѣ, поступивъ отсюда настоятелемъ одного изъ малозначительныхъ монастырей черниговской епархіи, Максаковскаго. Можно полагать, что и этимъ скромнымъ урядомъ павшій ректоръ былъ обязанъ единственно благоволенію своего прежняго патрона, Барановича.

Потерпѣвъ крушеніе въ честолюбивыхъ замыслахъ относительно достиженія высшихъ іерархическихъ должностей, къ какимъ обычно вело ректорство въ кіевской Коллегіи, Гугуревичъ видимо ожесточился и далъ полную волю необузданнымъ порывамъ своей порочной натуры. Онъ пробылъ игуменомъ Максаковскаго монастыря лишь немного болѣе одного года, но за это короткое время успѣлъ натворить столько преступленій, что болѣе сдержанному грѣшнику ихъ хватило бы на много лѣтъ. Онъ сразу же завелъ открытую связь съ крестьянскою дѣвушкою, успѣлъ п. лжить съ нею ребенка, выдалъ ее насильно замужъ за монастырскаго слугу и все таки продолжалъ удерживать ее въ качествѣ наложницы; открыто издѣвался надъ монастырскими уставами, ѣлъ скоромное, предавался пьянству и всякимъ излишествамъ; держалъ братію и весь монастырь въ такомъ рабскомъ страхѣ, что никто не смѣлъ и помыслить о протестѣ противъ его злоупотребленій, а непокорныхъ подвергалъ жестокимъ наказаніямъ и истязалъ до смерти. „Утоплю, замордую!"—это были обычныя его угрозы всякому, кто хотѣлъ противиться его прихоти, и всѣ покорно смирялись, ибо знали, что игуменъ не задумается привести угрозу въ исполненіе. Одинъ только монахъ Гавріилъ по временамъ осмѣливался порицать его дѣйствія и вообще возмущался противъ его деспотизма; за это онъ неоднократно подвергался жестокимъ истязаніямъ и наконецъ былъ замученъ до смерти. Когда слухъ объ этомъ преступленіи достигъ архіепископа Барановича и онъ велѣлъ послать въ Максаковскій монастырь слѣдственную комиссію, озвѣрѣвшій игуменъ въ какомъ-то изступленіи приказалъ чинить монастырское крѣпостное оружіе, поставилъ на башняхъ стражу и видимо сталъ готовиться къ вооруженному отпору, но скоро одумался, усомнившись въ успѣхѣ военной обороны, и сталъ молить о заступничествѣ

передъ архіепископомъ. Только эта катастрофа, постигшая Гугуревича, развязала уста, до того времени скованныя страхомъ, и безвѣстный монастырскій „стадникъ" Иванъ Шкута могъ явиться въ судъ и безбоязненно обличать игумена въ позорномъ грѣхѣ.

—

На другой день сюда же пришла сама потерпѣвшая Мотря и такъ повѣдала о постигшемъ ее насиліи:

— Отець игуменъ поневолне мене збавывъ панянства, а тое такъ сталося: поты до мене челядь свою Ивана Куделю, хлопця свого упокоёвого (комнатнаго слугу) Иванця и другого Ивана Велыкого, явне, въ день, отець игуменъ посылавъ, якобы для якогось дила мене потребуючы, покы ажъ запровадылы мене. Тамъ же заразъ, напавшы, кгвалтовнымъ способомъ учынывъ зо мною сполкованье и не отпустывъ мене скоро, а овшемъ (напротивъ) державъ мене пры соби таемне въ келіи для вшетечного гриха и обищавъ мени такъ за збавеня панянства, якъ и за повольность (склонность) вельце ласкавую нагороду. Еднымъ словомъ, мешкавъ отець игуменъ зо мною, мажучы мене и себе грихомъ тилеснымъ, мисяцивъ килька. Подъ часъ бытносты ясне въ Богу преосвященого его мылости архыпастыря нашого Лазаря Барановича у Максакови на праздныкъ Преображенія Господня, о. игуменъ пославъ по мене челядныка свого, который, убравшы мене, по панскій науци (т. е. по приказу о. игумена) у челядныи сукманы и у боты жовти, замисто пахолка до келіи игуменскои запровадывъ; а такъ отець игуменъ, заразъ учынывшы зо мною сполкованье, трымавъ мене дней килька пры соби, ажъ покы ёго мылость отець архыпастырь зъ монастыря поихавъ. По ёго зась отъизди, килька дней згодывшы (спустя), знову взявъ мене до намету монастырского и учынывъ зо мною грихъ тилесный по своій воли. А щобъ я була повольна ёму, такый страхъ прекладавъ мени на очи о. игуменъ: „я тебе, мовытъ, черезъ тую жъ челядь мою секретную утоплю або забью, колы ты похоти моеи не будешъ чыныты;" а такъ мусила мъ ёму подлягаты. Потимъ, колы о. игуменъ постеригъ, що я вше-

течное отъ нёго понесла бремя, усыловне за вынныка (рабочаго на винокурнѣ) монастырского замижъ мене виддавъ; еднакъ бидный мужъ мій николы зо мною не мивъ малженскои воли, бо и по шлюби (послѣ брака) частокротъ, якъ хотивъ, черезъ тыхъ же зводныкивъ, слугъ своихъ, о. игуменъ до покою свого бравъ мене и беззаконно мною ся паствывъ. Ледво по такъ усыловному, а прави мало не щоденному сполкованю, подобно (вѣроятно) побоявшыся караня Божого и строгого а посполитого на таковыхъ блудныкивъ ферованого права (установленнаго закона), выправывъ мене до села Ховмивъ, до моихъ кревныхъ, видкиль я прыбувшы въ Борзну а хотячы страченя панянства свого одъ о. игумена одержаты нагороду, прошу у вашыхъ мылостей справедлывости".

Конечно, сотенный урядъ былъ некомпетентенъ постановлять по такимъ дѣламъ рѣшенія; онъ лишь записалъ въ свои книги заявленіе потерпѣвшей и донесъ обо всемъ высшей судебной инстанціи, нѣжинскому полковому суду.

Заявленіе Мотри было случайно подтверждено показаніемъ одного изъ свидѣтелей того преступленія, въ которомъ она обвиняла Гугуревича. Свидѣтелемъ явился не кто иной, какъ тотъ Иванъ Куделя, который и по разсказу Мотри, и по его собственнымъ словамъ, былъ однимъ изъ довѣренныхъ слугъ, „секретной челяди" игумена. Попалъ онъ въ свидѣтели по дѣлу Мотри совершенно случайно. Въ томъ же февралѣ 1690 г. по распоряженію Барановича, должна была прибыть въ Максаковскій монастырь слѣдственная комиссія, съ игуменомъ черниговскаго Ильинскаго монастыря Лаврентіемъ Крщоновичемъ во главѣ, для разслѣдованія дѣла о „замордованію" о. Гавріила. Узнавъ объ этомъ, Гугуревичъ въ первую минуту такъ растерялся, что сталъ было помышлять о вооруженномъ отпорѣ; въ то же время онъ послалъ двухъ вѣрныхъ своихъ слугъ въ Батуринскій монастырь за тамошнимъ игуменомъ о. Димитріемъ Тупталовичемъ, приглашая послѣдняго къ себѣ для совѣта и, вѣроятно, разсчитывая, что этотъ праведный и благосердный мужъ не откажется предстательствовать за него передъ слѣдователями и самимъ Барано-

вичемъ. Въ числѣ посланныхъ былъ и Иванъ Куделя, который, возвращаясь изъ Батуринскаго монастыря, на дорогѣ заѣхалъ въ шинокъ, напился и очутился въ с. Холмахъ, въ хатѣ одного крестьянина. Отсюда онъ былъ взятъ какимъ-то сельскимъ урядникомъ и представленъ въ Борзну, гдѣ 16 февраля и разсказалъ въ ратушѣ о томъ, „про що такъ прудко ездилъ по росказаню игумена своего", равно и исторію Мотри, которою урядъ, повидимому, очень заинтересовался. Онъ во всемъ подтвердилъ разсказъ Мотри и подробно сообщилъ, „якого часу и якымъ фортелемъ отець игуменъ на вшетечный учынокъ Мотрю дивку до себе черезъ Ивана хлопця и Ивана Велыкого, упокоёвыхъ своихъ, а впродъ черезъ рыкуню (коровницу) бабу, въ той часъ звивъ еи и позбавывъ панянства". А свое участіе въ этомъ дѣлѣ Куделя такъ оправдывалъ: „хочъ знавъ, мовытъ, о шпетномъ (гнусномъ дѣлѣ), никому не смивъ повидаты того явного учынку его злого". Вѣдомы ему были и другіе „учинки и поступки злоявные" о. Гугуревича: „безпечне, мовытъ, игуменъ куры печеныи зъ масломъ и голубы смаженыи уживаетъ, а тое ёму ко уживаню Савка, челядныкъ упокоёвый, хочъ купуючы, готуетъ. Хочъ уси монастырскіи знаютъ про тое, да нелзя говорыты, бо дався кождому знаты. Якъ отця Гавріила у першій разъ, черезъ прыказъ игуменскій, той Савка нещадно бывъ, то о. игуменъ того часу, чы боячысь кого, чы що, мушкетовъ, оружье монастырское, слюсарямъ на поготовность певную прыказавъ охондожоваты (обрядить) и сторожу щоденно и ночью миты".

Убійство монаха Гавріила, исторія съ Мотрей, а равно и другія раскрытыя слѣдствіемъ беззаконія максаковскаго игумена, какъ видно, переполнили мѣру долготерпѣнія епархіальной власти, и Гугуревичъ лишенъ былъ игуменства и въ качествѣ простого чернца водворенъ въ Батуринскомъ монастырѣ, въ которомъ нѣкогда настоятельствовалъ. Здѣсь, подъ благосердымъ началомъ Димитрія Тупталовича, скоро и кончилъ жизнь максаковскій грѣшникъ. А благосердный игуменъ такъ отмѣтилъ день его кончины въ своемъ „Діаріушѣ": „декабря 25 (1690 г.) преставился въ монастырѣ нашемъ іеромонахъ Ѳеодосій Гугуревичъ,

бывшій игуменъ въ разныхъ монастыряхъ (слѣдуетъ ихъ перечень), а въ бѣдахъ и скорбехъ, послѣ максаковскаго игуменства, страдалъ также цѣлый годъ"—и при этомъ ни слова о томъ, что же было причиною этихъ „бѣдъ и скорбей"? Такъ эта причина и оставалась неизвѣстною историкамъ, интересовавшимся личностью Гугуревича, какъ одного изъ ректоромъ кіевской коллегіи, и только недавно опубликованные отрывки изъ древней актовой книги Борзенской ратуши отчасти повѣдали намъ объ этой причинѣ и при томъ такъ откровенно, какъ можетъ говорить только судебный актъ. [1])

---

31. Дьякъ ловеласъ

Въ старинныхъ малорусскихъ комедіяхъ весьма часто героями любовныхъ похожденій являются „дьяки". И гоголевская баба не нашлась ничѣмъ такъ допечь ткачихѣ, какъ попрекомъ, будто къ ней дьякъ ходитъ каждый вечеръ. Несомнѣнно, что мелкое ловеласничество—черта довольно характерная для нашихъ старинныхъ причетниковъ. Такими ихъ дѣлали своеобразныя условія тогдашняго ихъ быта и положенія. Не принадлежа, какъ нынѣ, къ составу клира, старинные дьяки были вольными людьми своей профессіи и не были подчинены духовной администраціи. Поступая на должность, они имѣли дѣло исключительно съ прихожанами, которые естественно требовали отъ нихъ лишь профессіональныхъ знаній и способностей и мало интересовались ихъ нравственными качествами. Съ другой стороны, необезпеченная жизнь и вѣчное скитаніе лишали дьяка возможности обзавестись семьей, и онъ, беззаботный горемыка, всегда готовый взять въ руки странническій посохъ, естественно становился пьяницей и ловеласомъ.

---

[1]) Эти отрывки, касающіеся дѣла Гугуревича, въ подлинникѣ напечатаны А. М. Лазаревскимъ въ его драгоцѣнной книгѣ «Описаніе Старой Малороссіи», т. II, 153—156.

Таковъ былъ и дьякъ решетиловской михайловской церкви Семенъ Поповичъ, о которомъ въ 1698 г. разошлась молва, что онъ „злигся зъ Вовковою невисткою Педорою Иваныхою и щовечора до неи ходыть". Конечно, ближе всего это могло интересовать ея мужа Ивана или, по крайней мѣрѣ, ея свекра Вовка, но почему-то тѣ мало объ этомъ безпокоились, а нашлись совершенно посторонніе блюстители нравовъ, решетиловскіе обыватели Олекса и Федоръ Тищенки, Грыцько Чутченко и Гаврыло Лещенко, которые, „видаючы о незбожномъ поступку Педоры Иваныхы зъ дякомъ, засадылыся" на нихъ, т. е. устроили засаду, и когда въ одинъ изъ чудныхъ майскихъ вечеровъ Семенъ Поповичъ, тщательно пріодѣвшись въ новенькій жупанъ и захвативъ съ собою „пляшку зъ горилкою", прокрался огородами къ своей восхитительной Педорѣ, они неожиданно нагрянули и накрыли влюбленную пару въ самый неудобный моментъ. Дьякъ съ легкостью испуганной серны вспрыгнулъ было на „горище" и хотѣлъ дать тягу, но его стащили оттуда, обрѣзали ему и Педорѣ полы, и, сверхъ того, взяли снятый дьякомъ и тщательно повѣшенный на колочкѣ жупанъ и принесенную имъ цыновую „пляшку" съ водкой.

Урѣзаніе полъ платья или бѣлья—это былъ, какъ извѣстно, обычный способъ позорнаго клеймленія прелюбодѣевъ, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія. Но обычай и судебная практика требовали, чтобы „лице", т. е. отрѣзанныя полы, было немедленно „презентовано" мѣстному уряду или, по крайней мѣрѣ предъявлено „околичнымъ" людямъ, конечно вмѣстѣ съ заявленіемъ о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла. Между тѣмъ выше названные „инстигаторы" (обвинители) въ теченіе трехъ дней держали у себя „лице" и никому ни о чемъ не объявляли,—вѣроятно, торговались о выкупѣ, а тѣмъ временемъ дьякъ скрылся изъ города, и дѣло само собою огласилось. Тѣмъ не менѣе Педора Иваныха была арестована и отправлена въ Полтаву, въ полковый судъ; туда же вызваны были и ея обличители. На допросѣ Педора всячески „вымѣрялася въ томъ быти невинною" и показывала такъ:

— Сыдила я на пидпытку у черпецькимъ двори, [1]) де и дякъ тамъ же сыдивъ, и запытавъ мене: „Чы дома твій Иванъ?“ Я отказала: „нема“.—„Съ кымъ же ты, мовытъ, ночуватымешъ?“ А я ёму: „хто до мене на ничъ прыйде, той и переночуе“. Я жъ пидпылая (пьяная) спала въ хати зъ дивкою Хрыстею и не чула, чы дякъ бувъ въ дому въ мене, чы ни, якъ воны, инстыкгаторы, напавшы на насъ, мене взялы въ синяхъ, а дяка, схопывшогося на горище, піймалы и полы намъ обомъ безъ дання прычыны уризалы“.

Разъ въ дѣлѣ имѣлось „лыце“, не могло быть и сомнѣнія относительно виновности обвиняемаго, и потому судъ, „не шырячы справы“, постановилъ декретъ: „Познавшы Педорыну явную выну, що вона, змазавшы (осквернивъ) ложе мужа своего, зъ дякомъ чужоложыла“, надлежало бы ее, какъ „право Божое учитъ и велитъ, горломъ караты“; но, принимая во вниманіе, что „оный сполничыкъ (соучастникъ) еи утикъ, а вдруге—вважаючы на еи, Педорыну, молодость, росказавъ судъ оную выбыты добре на мосту“.

Не остались безъ наказанія и „инстикгаторы“, нарушившіе законный порядокъ: всѣ они были приговорены къ денежному штрафу „за тое, що, поймавшы тую пару, тамошнему урядови не оповидалы и лыце—жупанъ дякивъ и полы—дотоль въ себе держалы, поколь ажъ тая справа черезъ иншыхъ людей до уряду прыйшла“.

---

32. Явдоха пономарка.

Подобная исторія случилась и съ дьякомъ села Ивончинецъ [2]) Романомъ Ивашенкомъ, который „злигся“ не съ какою

[1]) Въ Решетиловкѣ въ то время Полтавскій Крестовоздвиженскій монастырь владѣлъ многими «грунтами» и угодьями, и тамъ былъ монастырскій шинокъ.

[2]) *С. Ивончинцы*—близъ Полтавы.

нибудь безотвѣтною Педорою, а съ женой своего сослуживца, Ивончинецкаго пономаря Яцка Даценка, Явдохою, женщиною очень энергичною, умѣвшею зажимать рты тѣмъ, кто смѣлъ болтать объ ея амурныхъ дѣлахъ. Дурные слухи доходили, однако, и до ушей пономаря; но сколько ни слѣдилъ онъ за женой, ничего не выслѣживалъ, потому что умная Явдоха умѣла хорошо прятать концы. Наконецъ ему удалось таки накрыть ее. Лѣтомъ 1690 г. отправился онъ однажды въ поле „на жнива“, предупредивъ жену, что пробудетъ тамъ нѣсколько дней, пока не снимутъ весь хлѣбъ; но когда наступилъ вечеръ, Яцко, „покынувшы на поли зъ женцямы волы свои, прыйшовъ крыема въ домивку свою и заставъ въ кимнати Романа дяка зъ Явдохою на богомерзкимъ учынку“. Въ первую минуту пономарь такъ разсердился, что заперъ ихъ обоихъ въ „кимнати“ на замокъ и хотѣлъ звать людей; но, послѣ долгихъ перебранокъ, уговариваній и слезъ, Явдохѣ удалось таки обезоружить простоватаго мужа, такъ что онъ не только выпустилъ ее и гостя изъ заключенія, но и миролюбиво сѣлъ съ ними ужинать и пить неизвѣстно откуда появившуюся въ домѣ „запиканку“.

Такъ бы келейно этотъ эпизодъ и окончился; но на бѣду случилось такъ, что когда дьякъ оказался запертымъ, то онъ, опасаясь попасть въ руки ревниваго мужа, рѣшилъ во что бы то ни стало выбраться изъ заключенія черезъ небольшое окошко. Чтобы удобнѣе было лѣзть, онъ снялъ съ себя жупанъ и выбросилъ на улицу; но, когда полѣзъ самъ, то немедленно завязъ такъ основательно въ узкомъ окошечкѣ, что Явдоха съ трудомъ вытащила его за ноги обратно въ „кимнату“. Когда сѣли ужинать, дьякъ хватился своего жупана и вышелъ за нимъ на улицу; но сколько ни шарилъ въ темнотѣ, жупанъ какъ въ воду провалился. Дьяку некогда было раздумывать, куда могъ запропаститься его жупанъ; онъ рѣшилъ поискать его еще разъ на разсвѣтѣ, а самъ сѣлъ ужинать безъ жупана. Между тѣмъ съ жупаномъ случилось вотъ что. Проходила позднимъ вечеромъ мимо пономаревой хаты Гапка Ковалыха съ своею невѣсткою и услышала въ ней „галасъ“.

— „За що жъ се паламарь посваръ чынытъ зъ жинкою? чы не за дяка?“ сразу догадалась она, и черезъ минуту обѣ женщины были подъ окномъ. Онѣ слышали, какъ и за что пономарь бранилъ Явдоху и какъ та сначала отругивалась, а потомъ перешла въ миролюбивый и даже ласковый тонъ, видѣли, какъ дьякъ выбросилъ въ окно жупанъ и потомъ пробовалъ самъ вылѣзть; а когда бурный эпизодъ закончился мирнымъ ужиномъ, Гапка порѣшила, что далѣе не предвидится ничего интереснаго, взяла дьяковъ жупанъ и отправилась домой. На утро она была уже у сельскаго атамана Олексія Руденка и „презентовала“ ему дьяковъ жупанъ, какъ „лыце куревское“; но атаманъ былъ кумомъ пономарки и потому не только не далъ хода заявленію Ковалыхи, но еще пригрозилъ, что привлечетъ ее къ отвѣтственности за кражу чужого жупана, если она не возвратитъ его тотчасъ дьяку и станетъ разводить сплетни. Тогда Ковалыха отправилась съ жупаномъ къ мѣстному священнику, честному отцу Климентію, и повѣдала ему обо всемъ, чему была случайной свидѣтельницей. Много затѣмъ пришлось пономаркѣ и ея мужу поваляться у ногъ священника, умоляя его „вернуть“ имъ злополучный жупанъ и никому „не розголошать“ о происшедшемъ, а главное—не доносить „старшыни городовій“, т. е. полтавской. Священникъ согласился исполнить ихъ просьбу, но съ условіемъ, чтобы дьякъ-чужеложникъ немедленно убрался изъ Ивончинецъ и искалъ другой „парахвіи“, а Явдоха пономарка подверглась бы церковному покаянію и была посажена въ „*куну*“. [1]) По волѣ или по неволѣ условіе это было принято, и Романъ Ивашенко перешелъ на дьяковское мѣсто въ Решетиловку, но ловкая Явдоха какъ-то отвертѣлась отъ „куны“.

—

[1]) «*Куной*» называлась желѣзная скобка съ замкомъ, прикрѣпленная къ наружной стѣнѣ колокольни или церкви. Въ нее запирали провинившагося и оставляли въ этомъ положеніи, пока не оканчивалась церковная служба. Такому наказанію обыкновенно подвергались виновные по приговору братчиковъ или священника.

Скоро послѣ этого „заможная“ вдова Гапка Тышчиха справляла поминальный обѣдъ по своемъ мужѣ. Были приглашены духовенство, урядъ въ лицѣ атамана и старосты и немало „зацного товарыства“. Гости пили, ѣли, а когда перепились, „учынывся немалый посваръ“: пономарка за что-то сцѣпилась съ Хвеською Дмытрыхою. Это была бой-баба, не позволявшая никому наступить себѣ на ногу. Ея мужъ Дмытро Нычыпоренко былъ отважный козакъ, не разъ перевѣдывавшійся съ лихимъ татариномъ, но и онъ пасовалъ передъ своей Хвеською, когда она приходила въ ярость. А пономарку Хвеська давно не переносила за то, что та на „бесидахъ“ старалась играть первую роль и занимала всегда почетное мѣсто, точно она и впрямь была честною женщиною. Въ разгарѣ ссоры Хвеська не удержалась и крикнула на пономарку при всей честной компаніи:

— Мовчы, нецното! Хиба забула, що на тебе коваль куну робывъ, якъ тебе злапано на куревстви зъ дякомъ?

Атаманъ и староста хотѣли угомонить расходившуюся бабу, но она „и увесь урядъ Ивончинецкій публиковала тымъ же злымъ диломъ“. Пономарка сорвалась съ своего мѣста и хотѣла бить Дмытрыху, но ее не допустили къ ней. Тогда она объявила, что позоветъ дерзкую Хвеську „до права“, и просила присутствовавшихъ быть ея „свидками“.

И точно, на другой же день пономарь съ женою отправились въ Полтаву и занесли жалобу, что Хвеська Дмытрыха назвала прилюдно Явдоху „нецнотою и задала ій куревство, якобы вона зъ дьякомъ вшетеченство мила, чого оная Дмытрыха не докажетъ, а мы (заявляли жалобщики) дамо о своимъ цнотлывимъ мешканю слушный доводъ“. Полковый судъ приказалъ Ивончинецкому сельскому уряду произвести по этому дѣлу слѣдствіе и представить за тѣмъ „атестацію“.

Хвеська ни мало не испугалась пономарчинаго позова: она была увѣрена, что все село будетъ свидѣтельствовать въ ея пользу, такъ какъ скандальная исторія пономарки съ бывшимъ дьякомъ всѣмъ была вѣдома; но она упустила изъ виду, что производство слѣдствія поручено урядникамъ, которыхъ она

„публиковала“ на обѣдѣ у Тышчихи и которые завѣдомо были пріятелями пономарки. И точно, при слѣдствіи всѣ свидѣтели единогласно показывали о томъ, какъ Дмитрыха поносила пономарку, но чуть дѣло касалось связи послѣдней съ дьякомъ, у всѣхъ былъ одинъ отвѣтъ: „я того не знаю, не видаю“. Спросили Михайла коваля: „На кого ты куну робывъ?“ Онъ отвѣчалъ: „То братчыкы казалы мени зробыты, тилько на Прыхожого, а не на Яцыху паламарку“. Иные свидѣтели прямо удостовѣряли: „Не знаю жадного куревства на жону Яцкову, паламарку, до кильку-десять литъ жывучы у въ Ивончынцяхъ“. О Дмытрыхѣ же урядъ отъ себя прибавилъ, что она и раньше нѣкую Солоху „тако жъ злымъ куревствомъ публиковала, але того не доказала“. Словомъ, выходило такъ, что Явдоха пономарка была чиста какъ голубица и невинна какъ агнецъ, а Хвеська Дмитрыха рисовалась по меньшей мѣрѣ задорной женщиной, если не завѣдомой клеветницей.

Когда эту „атестацію“ прочли въ засѣданіи полковаго суда, Дмытрыха горячо запротестовала:

— Обмыльная, панове, то атестація, выданная Яцыси. Я того докажу, що вона зъ дякомъ вшетеченство пополняла, шлитъ едно (только) персону врядовую: многіи Ивончинецкіи люде вызнаютъ на Яцыху, що вона есть ничого доброго“.

Судъ исполнилъ это ходатайство и командировалъ въ Ивончинцы изъ своей среды Крыська Іосыфовича, бурмистра; но и вторичное слѣдствіе дало тѣ же результаты, можетъ быть потому, что въ производствѣ его участвовали и прежніе слѣдователи, мѣстный атаманъ и староста, вмѣстѣ съ атаманомъ сосѣдняго села Жуковъ. Кромѣ прежнихъ свидѣтелей, было допрошено и нѣсколько новыхъ. Между прочими, мать бывшаго ивончинецкаго дьяка Романа Ивашенка показала, что приходила къ ней въ Жуки Хвеська Дмытрыха съ двумя пріятельницами „за для вывидуваня отпору права“ и просила ее: „Змылуйся Ивашыхо, скажы намъ, чы на сыхъ часахъ не буде твій сынъ зъ Решетыливкы? Нехай бы прийшовъ и прызнавъ намъ на прави, якъ ёго піймано зъ Яцыхою на богомерзкимъ дили“; на что Ивашиха отвѣтила:

„Я за сына не шлюбую, а вы лыце до права становите; а колы не доведете, то на те право намъ вынайдутъ въ Полтави“,— отвѣтъ, нѣсколько напоминающій историческій афоризмъ: „есть судъ въ Берлинѣ!“ Одна свидѣтельница упоминала и о жупанѣ дьяковомъ, поднятомъ Гапкою Ковалыхою, но этому факту придано было такое объясненіе, что самъ пономарь выбросилъ этотъ жупанъ за окно, поссорившись за что-то съ женой. Одно лишь странно, что ни Ковалыхи, ни священника, которому она отдала дьяковъ жупанъ, слѣдователи не спрашивали. Отмѣтимъ еще, что допросъ свидѣтелей и засѣданіе слѣдственной комиссіи происходили въ Ивончинцахъ „въ дому братерскомъ“, какъ отмѣчено въ слѣдственномъ протоколѣ.

Когда полковый судъ разсмотрѣлъ „повторную аттестацію“, во всемъ согласную съ первичною, ему ничего не оставалось, какъ признать, что „Дмытрыха на Яцыху не довела“ своего поклепа „и сама стала переконаною правомъ“. А въ Статутѣ (розд. 3, арт. 28) сказано: кто учинитъ „прымовку билымъ головамъ“ и не докажетъ, тотъ обязанъ „тую прымовку предъ тымъ же судомъ заразъ, съ права не одходячы, отмовыты и очыстыты и тыми словами міетъ мовыты: „що я на тебе менывъ, то я на тебе брехавъ, якъ песъ“. Въ такой формѣ должна была и Хвеська Дмытрыха съ мужемъ „перепросыты“ Яцыху пономарку и, сверхъ того, „слушне нагородыты“ Яцка и Яцыху „за вси правныи выклады, на чомъ бы шкодовалы“, и заплатить „вину панскую и урядовую“, что все составило довольно крупную сумму, около ста золотыхъ.

Когда Дмытрыха, сгорая отъ позора и негодованія, выполнила унизительный обрядъ извиненія передъ торжествующей соперницей, злобная пономарка не утерпѣла и дала ей нѣсколько пощечинъ; и судьи не удержали ее отъ этого, потому что это допускалось обычаемъ.

—

Не трудно представить, съ какимъ тріумфомъ возвратилась въ Ивончицы Явдоха пономарка и какую непримиримую злобу и жажду мести затаила противъ нея невинно опозоренная Хве-

ська Дмытрыха. Отнынѣ она недремлющимъ окомъ станетъ слѣдить за каждымъ ея шагомъ. Зная натуру и характеръ пономарки, Дмытрыха была увѣрена, что та ни исправится, ни сдѣлается осторожнѣе; надо только не спускать съ нея глазъ и при случаѣ заручиться надежными свидѣтелями. И точно, разсчеты ея скоро оправдались.

Какъ-то разъ пономарка собралась навѣстить своихъ родственниковъ въ Яреськахъ и наняла Ивана Демченка свезти ее туда. Узнала объ этомъ Дмытрыха и сразу порѣшила, что эта поѣздка не что иное, какъ замаскированный визитъ къ решетиловскому дьяку. Она тайно призвала Демченка, который былъ ея „подсусѣдкомъ", и стала заклинать его живымъ Богомъ, чтобы онъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ пономарки, когда та заѣдетъ въ Решетиловку, и, въ случаѣ какихъ-либо ея шашней, помогъ ей, Хвеськѣ, смыть съ себя незаслуженный позоръ, какимъ безсовѣстно запятнала ее „безбожная вшетечныця". Добродушный Иванъ поклялся, что исполнитъ все это. Пономарка, дѣйствительно, съѣздила въ Яреськи, а оттуда велѣла везти себя въ Решетиловку и остановилась для ночлега въ квартирѣ Романа Ивашенка. Помня данную клятву, Иванъ прокрался въ полночь въ хату и засталъ хозяина и гостью, спавшими на одной постели. Вернувшись въ Ивончицы, онъ подробно передалъ обо всемъ этомъ Дмытрыхѣ и согласился быть ея „свидкомъ" на судѣ. Дмытрыха немедленно пригласила къ себѣ въ домъ атамана и другихъ „зацныхъ" людей и заставила Ивана Демченка въ ихъ присутствіи повторить разсказъ о томъ, какъ пономарка гостила у решетиловскаго дьяка. Теперь атаманомъ въ Ивончицахъ былъ другой козакъ, Иванъ Пустоваръ, находившійся не въ ладахъ съ Яцкомъ пономаремъ. Онъ первый вызвался свидѣтельствовать на судѣ о томъ, какъ полгода тому назадъ пономарь поймалъ свою жену съ дьякомъ „на богомерзкомъ учынку"; слѣдуя его примѣру, вызвалось еще человѣкъ пять свидѣтелей.

Теперь Дмытрыха съ мужемъ смѣло поѣхала въ Полтаву и, ставши предъ полковымъ судомъ, заголосила:

— Панове, змилосердится надо мною! Прошу у васъ святои справедлывости. Яцко паламарь збавывъ мене много худобы за жону свою Явдоху, якій я задала куревство, а до того тая жъ Явдоха передъ урядомъ по щокахъ мене вытынала; а теперъ Явдоха паламарка знову пополныла богомерзкій грихъ зъ тымъ же дякомъ Романомъ Ивашенкомъ, чого я доведу ій слушнымы доводамы".

На этотъ разъ судъ не повторилъ прежней ошибки—не поручилъ сельскому уряду производства дознанія, а вызвалъ стороны съ ихъ свидѣтелями и самъ допросилъ ихъ подъ присягою. Всѣ они въ одинъ голосъ повторили извѣстную уже намъ исторію о томъ, какъ пономарь накрылъ свою жену съ дьякомъ и какъ послѣдній неосторожно выбросилъ свой жупанъ, а Иванъ Демченко разсказалъ, какъ пономарка ночевала въ Решетиловкѣ у своего возлюбленнаго. Любопытно, что въ числѣ свидѣтелей двое оказались изъ тѣхъ, что въ прежнемъ процессѣ твердили: „я того не знаю и не видаю".

Судъ видимо былъ смущенъ непріятнымъ открытіемъ, что въ прежній разъ онъ дался въ обманъ по этому дѣлу, и, не колеблясь, призналъ Яцка пономаря и „его жону нецноту" виновными въ томъ, что они „хвалшывымы, найманымы, небогобоячымися свидками вышалвировалы (обманно добыли) неслушный декретъ и збавылы Дмытра Нечыпоренка золотыхъ ста грошей, надто ще й по щокахъ паламарка Дмытрыху вытынала", и приговорилъ, чтобы Яцко пономарь возвратилъ Дмитру означенную сумму, вознаградилъ его за всѣ убытки и расходы по настоящему дѣлу и и уплатилъ „вину панскую и урядовую". Сверхъ того, оправданной сторонѣ, въ видахъ ея реабилитаціи, должна быть выдана копія настоящаго декрета, посвидѣтельствованная подписью всѣхъ членовъ суда и скрѣпленная приложеніемъ „звыклыхъ печатей, полковои и мискои". А чтобы это пакостное дѣло не возобновилось еще въ третій разъ, судъ постановилъ: „если бы которая сторона впредь могла сюю справу взновляты, на такого упорного покладаемъ вины пивтысячи золотыхъ".

Судебный протоколъ умалчиваетъ о томъ, расквиталась ли Дмытрыха съ пономаркой за тѣ пощечины, которыми та „вытынала“ ее въ судебномъ присутствіи.

---

33. Блудливый старецъ.

Искушалъ нерѣдко бѣсъ и людей старыхъ, конечно—въ „подпиломъ“ состояніи.

Въ сентябрѣ 1683 г. предстала предъ судомъ козачка изъ с. Супруновки, Настя Гноиха, женщина довольно пожилая, имѣвшая взрослыхъ внуковъ. Она „оповидала жаль свій и ускаржалася“ на супруновскаго шинкаря—козака Василія Собка, „мовячи:“

— Панове врядовыи особы! Въ середу прошлую подпывалы-сьмо зъ иншымы жонамы зацными въ ёго жъ, Василевомъ, дому медъ. Просыла-мъ ёго, щобъ и мени повирывъ гарнець меду; однакъ Собко мовывъ мени: „и такъ много есы выпна—не повиру“. А потымъ повирывъ гарнець и другый меду, который я зъ людьмы зацнымы подпывала. Аже видячы себе подпылую, пошла-мъ до господы своеи одъ тыхъ людей зацныхъ, и прыйшовшы ку домивци, лягла-мъ спочываты на земли, позачинявшы двери; а унукъ мій Иванъ бувъ на току. Тоди помененый Васыль Собко прыйшовъ до моеи господы, отворывъ помаленьку двери и, прыступывшы до мене, торкнувъ у плече, мовячы: „будь мени повольна, а я вже и тыхъ чтырохъ шагивъ за медъ въ тебе правыты не буду“. Я съ постели схопывшысь, почала-мъ ёго быты—первей въ синяхъ, а потимъ и на двори была-мъ ёго истыкомъ, [1]) що бачылы жоны зацныи Теслыха Гладкая и Иваныха Чорненькая“.

Эти свидѣтельницы показали: „Выдилы-смо, якъ Настя Гноиха была Собка истыкомъ, а Иванъ, унукъ іи, бигучи зъ току,

---

[1]) *Истыкъ*—палка при плугѣ, употребляемая для очистки лемеша.

говорывъ Насти: „за що ты, бабо, бьешъ чоловика?“ Вона, прави, одказала: „то я ёго не бью, але даю“. И побигъ Собко уже не у ворота, але черезъ тынъ и черезъ левады, и не ночувавъ въ домивци, але въ Семена, жытеля тамошнёго, черезъ ничъ пробувавъ; видтиль и челядныка посылавъ на довидкы, що ся діетъ въ старшыны“.

Изъ другихъ свидѣтельскихъ показаній видно, что Настя Гноиха тотчасъ пожаловалась Супруновскому атаману, и по его приказанію посланы были „асаульци“ привести Собка, но не нашли его дома и лишь утромъ слѣдующаго дня отыскали его въ хатѣ Семена.

На судѣ Собко „не таився и мовывъ, же, прави, была мене Гноиха у своимъ дому“, но отказался объяснить, зачѣмъ онъ приходилъ къ ней. Судъ призналъ его „виннымъ“ и приказалъ посадить «до вязеня» (подъ арестъ), а „справу“ отложилъ «на дальшій часъ», чтобы собрать справки о прежней судимости обвиняемаго.

Черезъ двѣ недѣли справки были собраны и доложены суду, причемъ оказалось, что Собко многократно былъ судимъ за подобные же проступки, именно: «за пана Прокопа Левенца, полковникуючого въ Полтавѣ, реченный Собко на чужоложствѣ былъ зловленный, за що приплатился пану Левенцеви и врядови мѣскому значне; за пана Леонтія Черняка, тожъ полковныкуючого, зыманый былъ Собко на богомерзкомъ дѣлѣ зъ быдлыною, именно зъ шкапою, и тоди врядови мѣскому платилъ вину належную, а п. Чернякъ тую жъ шкапу, зъ которою ёго, Собка, зловлено, взялъ за проступство оного; теперъ зась потрете помененый Собко досвѣдчоный есть въ томъ же богомерзкомъ дѣлѣ, же хотѣлъ былъ невѣсту (женщину) помененную Настю усиловне зкгвалтовати и пополнити зъ нею грѣхъ содомскій“. Судъ безъ колебаній призналъ, что такой закоренѣлый и неисправимый «злочинецъ ничого иншого, тилько смертельного заслужилъ каранія, конечне“. Но когда Собко былъ приведенъ изъ «вязеня» для выслушанья приговора, то судьи, «углядѣвши на ёго въ подейшлихъ лѣтехъ старость», сжалились надъ блуд-

ливымъ старцемъ и „вину належную панскую (т. е. денежный шрафъ въ пользу полковника) отобравши, смертелнимъ горловымъ даровали оного караньемъ», но предупредили, что если онъ «еще въ томъ же богомерзкомъ поткнется дѣлѣ и зловленный будетъ четвертымъ разомъ на чужолозствѣ, тогды безотпустне каранья смертелного не уйдетъ конечне».

---

34. Поджогъ изъ мести.

Недалеко отъ Полтавы существуетъ небольшое село Ивашки. Двѣсти лѣтъ назадъ оно было еще меньше, но человѣческія страсти у его обывателей были тѣ же, что и у гражданъ столицы міра, и кто знаетъ, такъ ли волновала веронцевъ вражда Монтекки и Капулетти, какъ волновались ивашковцы по поводу непримиримой „сварки“, уже нѣсколько лѣтъ тянувшейся между „значными“ козаками, двумя Иванами, Кириченкомъ и Лемишкою. Когда-то жили они другъ съ другомъ „якъ верба зъ водою“, братались, кумились, а въ будущемъ, когда выростутъ дѣти, надѣялись и породниться; но съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Кириченко наставленъ былъ ивашковскимъ атаманомъ, долголѣтняя пріязнь разлетѣлась дымомъ, и вотъ уже не одинъ годъ прежніе „кумы и побратымы“ пылаютъ непримиримою ненавистью другъ къ другу, ихъ жены чуть не ежедневно заводятъ брань и „галасъ“ на все село изъ-за перелетѣвшей черезъ плетель курицы, крестники выростаютъ въ кровной непріязни къ своимъ крестнымъ, а предполагавшіеся когда-то женихи и невѣсты не могутъ встрѣтиться безъ того, чтобы не кольнуть другъ друга ядовитымъ словомъ или не обмѣняться комьями грязи. Не разъ и не два пытался честный отецъ Евтихій угасить эту грѣховную вражду между бывшими „побратымами“, склонялъ къ тому же и болѣе вліятельныхъ изъ ивашковскихъ братчиковъ, но враги успѣли накопить столько разнообразныхъ причинъ и поводовъ къ взаимному раздраженію, что ничьи миротворныя усилія не могли уже успокоить ихъ. Какъ взгля-

нетъ Лемишка или Кириченко на свое „господарство“, такъ и не досчитается то лѣска, то „млынка“, то „грунтыка“, то „паровыци“ воловъ. А кто его „позбавывъ“ этой „худобы“? Сегодня Лемишка „позываетъ“ Кириченка за „безчестя“, за „похвалки“ (угрозы) и за другой подобный вздоръ, а завтра его самого тянетъ въ судъ Кириченко, и оба то и дѣло ѣздятъ въ Полтаву—и платятъ „правные наклады и вину панскую и зрядовую“, а въ семьяхъ ихъ всякій разъ подымается неистовое „голосиня“ и изрекаются на голову противника страшныя проклятія, когда за эту „вину“ уводятъ со двора воловъ и коней или приходится сбывать „грунты“ и лѣски, и растетъ и ширится уже не личная, а родовая ненависть, грозящая перейти по наслѣдству къ внукамъ и правнукамъ.

Такъ вотъ и теперь (въ маѣ 1691 года) судился Лемишка съ Кириченкомъ въ полковомъ судѣ и, ѣдучи въ Полтаву, хвалился на все село, что ужъ на этотъ разъ не сдобровать его „ворогу“ и не миновать „кативскыхъ рукъ“, а на дѣлѣ вышло, что самъ онъ угодилъ „у вязеня“. Сказано: „зъ багатымъ не судысь, а зъ дужымъ не борысь“, а Кириченко если и не былъ богаче Лемишкы, за то былъ атаманомъ, и не обошлось безъ того, чтобы „свидкы“ не покривили душой въ угоду „старшинѣ“. Какъ бы то ни было, только Лемишка сверхъ ожиданія былъ еще разъ опозоренъ и понесъ новую утрату, а Кириченко чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Но, когда читали декретъ, торжествующій атаманъ не замѣтилъ, какъ у присутствовавшаго здѣсь же, на судѣ, молодого Яцка Лемищенка глаза внезапно загорѣлись, какъ у волченка, недобрымъ огонькомъ, а лицо покрылось смертной блѣдностью. Проводивъ отца до тюрьмы, Яцко съ убитымъ видомъ поплелся домой, и когда за городомъ обогналъ его Кириченко, онъ обдалъ его такимъ звѣрскимъ взглядомъ, что атаману сдѣлалось жутко, и онъ крѣпко выругался.

Въ ту же ночь у атамана загорѣлась хата и сгорѣло все подворье. Кириченко сразу заподозрилъ Яцка Лемищенка въ поджогѣ и велѣлъ арестовать его. Яцко отрицалъ это обвине-

ніе, тѣмъ не менѣе его отправили въ Полтаву и по приказу полковаго уряда посадили въ тюрьму.

Насталъ судъ. Потерпѣвшій Кириченко выступилъ съ жалобою:

— Панове! Зрайца той зъ запамяталои своеи злосты, албо можетъ тое буты, що зъ намовы отця свого, домъ мій спалывъ, де и вся моя худоба вогнемъ сила. Прошу мылостей вашыхъ скутечнои справедлывосты, бо вже не хто иншій домивку мою вогнемъ пожегъ, тилко власный Яцко Лемищенко. Бо отець ёго Иванъ Лемишка ще передъ-часы (раньше) сромотне мене и прыятеливъ моихъ килькокротне безчестовавъ, похвалкы розныи на мене чынячы, и теперъ посваръ зо мною мивъ безъ прычыны моеи жаднои; я жъ передъ мылостямы вашымы въ невынности своій вымирывся (оправдался), а той Иванъ Лемишка данъ бувъ за свій проступокъ до вязеня, сынъ же ёго Яцко къ домови своему на село Ивашкы пишовъ. Власный винъ есть запамяталець и злостныкъ, винъ спалывъ мою домивку!

Поставили къ допросу Яцка Лемищенка. Куда дѣвалось его недавнее озвѣреніе? Тюрьма ли сломила его „запамяталость", или страхъ предстоящей отвѣтственности пробудилъ дремавшія доселѣ лучшія свойства его натуры, только теперь онъ имѣлъ видъ глубоко несчастнаго человѣка, безропотно покорившагося судьбѣ. Его спросили: правда ли, что онъ „хату атаманскую смивъ спалыты"?

— Що жъ, панове—глухо заговорилъ Яцко: хочъ я своеи запамяталои злосты спершу таився, однакъ воля мылостей вашыхъ зо мною що хотиты чынты. Такъ було: якъ отця мого въ городи за прыказъ отдано, я, прыйшовшы до-дому на село, скоро вечиръ наставъ и вже смеркаты стало, выйшовшы съ хаты на двиръ, выкресавъ у губку вогню, и губку тую у платокъ взявшы, пишовъ до атаманскои хаты. Тамъ, пидъ хатою блызько, на гнои солома съ хаты спала, такъ я въ тую солому вогонь той вткнувшы, скочывъ левадамы до-дому, а хата атаманская заразъ стала гориты. Я на ту пожежу не побигъ, хотячы свою злость запамяталую утаиты. А поневажъ Господь

Богъ за мій проступокъ выдавъ мене пидъ караня, то я не хочу вже таитыся: такъ було, панове, я запалывъ зъ злосты своеи, що отця мого Ивана Лемишку посадывъ атаманъ тутъ у городи".

Посмотрѣли судьи въ Статутъ и „вынайшли" въ 11 разд. 18 артыкулъ, гласящій, что злоумышленникъ-поджигатель „маетъ самъ огнемъ быти спаленъ". И спросили судьи: настаиваетъ ли „акторская сторона" на точномъ примѣненіи закона?

Опустилъ свою чубатую голову ивашковскій атаманъ и призадумался: какъ ему послать на костеръ этого черноброваго молодца, цвѣтущаго юностью и красотою, притомъ же—своего „хрещеныка", котораго онъ въ годы его дѣтства не разъ сажалъ къ себѣ на колѣни и надѣялся, что онъ будетъ ему зятемъ? Живо вспомнилось ему спокойное, счастливое время, когда въ лицѣ Ивана Лемишкы имѣлъ онъ вѣрнаго друга и „побратыма",—и какимъ жалкимъ, ничтожнымъ показалось ему теперешнее его торжество надъ противникомъ!

— Ни, панове,—проговорилъ Кириченко послѣ долгаго раздумья: я на тое не инстыкгую, а тилько допрошуюся мылостей вашыхъ, абы зъ Лемищынои Ивановои худобы вси добра, вогнемъ спаленыи, мени нагорожени булы.

У судей словно гора съ плечъ свалилась послѣ этихъ словъ, и они, пошептавшись между собою, объявили декретъ: „Хочай Яцка Лемищенка за ёго запамяталость вогнемъ спалыты належало бъ, однакъ, поневажъ сторона жалоблывая на тое не инстыкгуетъ, а до того мы, респектуючы на ёго, Яцкови, молодыи лита, прыказуемъ, абы Иванъ Лемишка за сына свого, за запамяталое ёго проступство, вси добра спаленыи нагородывъ Иванови Кырыченкови, и на чимъ тилко винъ шкодоватыме, уеднавъ; выпа зась панская и паша врядовая зъ ёго жъ Ивановои Лемищынои худобы плачена маетъ буты конечне".

---

35. Кража имущества, спрятаннаго отъ татаръ.

Въ январѣ 1696 года Малороссію постигло страшное бѣдствіе. Мстя за прошлогоднее разореніе русскими Казикермена и другихъ татарскихъ городовъ, крымская орда неожиданно вторглась въ южные предѣлы полтавскаго полка, сожгла Китай-городъ съ шестью церквями, хотя и не взяла замка, куда укрылись успѣвшіе уйти отъ плѣна жители; та же участь постигла Кишиньку съ тремя церквями и Келеберду. Оттуда татары двинулись къ Голтвѣ, пожгли хутора около Решетиловки, Останья, Бѣлоцерковки, Богачки и направились къ Гадячу. Въ то же самое время близъ Кременчуга переправилась изъ-за Днѣпра бѣлогородская орда, вмѣстѣ съ претендентомъ на гетманство Петрикомъ, и стала разорять Поднѣпровье. Къ счастью, въ концѣ января наступила оттепель; татары испугались распутицы и ушли безъ оглядки: бѣлгородскіе—за Днѣпръ, а крымскіе спѣшно пронеслись черезъ полтавскій полкъ, въ с. Петровкѣ (близъ Полтавы) переправились черезъ Ворсклу, сожгли новопостроенный Нехворощанскій монастырь на Орели и ушли въ свои дикія степи.

Недолго продолжалась эта ужасная „инкурсія“, не болѣе двухъ недѣль, но сколько горя и слезъ оставила она на память о себѣ въ гетманщинѣ! Не говоря уже о сожженныхъ и разоренныхъ городкахъ, селахъ и хуторахъ, сколько народа было перебито татарами, а еще больше уведено въ плѣнъ!

Плачъ и „лементъ“ раздавался и въ томъ злосчастномъ сельцѣ Петровкѣ, гдѣ татары имѣли переправу. Въ числѣ многихъ, оплакивавшихъ гибель своихъ близкихъ, былъ и тамошній старый козакъ Степанъ Снитка. Еще такъ недавно справлялъ онъ свадьбу своей дочери Вивди и принялъ къ себѣ въ домъ зятя, браваго козака Микиту изъ сосѣдняго села Семяновки. Когда прошли тревожные слухи о вторженіи орды въ гетманщину, онъ посовѣтовалъ дѣтямъ сложить въ „скрыню“ болѣе цѣнное имущество и закопать гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ.

Зять такъ и сдѣлалъ: увезъ ночью свое добро въ лѣсъ и закопалъ въ отцовской пасѣкѣ. Нагрянувшіе татары не могли, конечно, найти такъ хорошо припрятанную „худобу“, но они захватили самого Микиту съ его молодою женою и погнали въ Крымъ. Поплакалъ старый Снитка вмѣстѣ съ другими, какъ и онъ обездоленными односельцами, и нескоро надумался вынуть изъ-подъ спуда имущество своихъ несчастныхъ дѣтей, чтобы оно не подверглось порчѣ въ сырой землѣ. Пріѣзжаетъ онъ въ пасѣку, подходитъ къ извѣстному мѣсту—глядь, а тамъ зіяетъ разрытая яма, и кругомъ видны слѣды ступней на оттаявшей землѣ. Ни „скрыни“, ни хранившихся въ ней вещей нѣтъ и слѣда. Степанъ Снитка сразу догадался, что здѣсь хозяйничали не татары, и заявилъ о кражѣ сельскому атаману и сосѣдямъ. Атаманъ сталъ „чинить розыскъ“. Тутъ всѣ вспомнили, что незадолго предъ тѣмъ козачка Байракивна хвалилась, будто нашла неизвѣстно кому принадлежащій мѣшокъ съ бѣльемъ. Когда ее спросили объ этомъ, она отвѣчала:

— Такъ есть, не видаю хто пидъ нашъ двиръ прынисъ михъ плаття (бѣлья) и въ яму пашéную вкынувъ. Колы я хвалылася про тое, одозвалася Степанова Емченкова господыня (жена): „то, мовытъ, плаття мужа мого первого есть и мое; отдайте мени“. Я, повирывшы на слово Емченковій господыни, отдала ій тое плаття зъ михомъ, оповистывшись атаманови сильскому и людимъ добрымъ“.

Пошли къ Емченку, потребовали предъявить этотъ мѣшокъ—тамъ оказались плахты и бѣлье, принадлежавшее дочери потерпѣвшаго Снитки. Когда затѣмъ стали „трусыты“ (обыскивать) домъ и „оселю“ Емченка, нашли и другія вещи, признанныя Сниткою принадлежащими его дѣтямъ. Степану Емченку ничего не оставалось, какъ сознаться въ кражѣ и выдать своихъ сообщниковъ Ивана Дыньку и Семена Кіяныцю. У послѣдняго при обыскѣ также найдено не мало вещей, похищенныхъ у зятя и дочери Снитки, которыя тутъ же были ему возвращены, равно какъ и вещи, отысканныя у Емченка.

Спустя нѣсколько дней, 14 февраля, дѣло это разсматривалось въ полтавскомъ полковомъ судѣ. Изъ подсудимыхъ Семенъ Кіяныця успѣлъ скрыться, остальные подъ стражей были приведены въ Полтаву. По обычному порядку, дѣло началось жалобой потерпѣвшаго.

— Мои ласкавыи панове!—началъ Степанъ Снитка.—Зять мій, неволныкъ Мыкыта, передъ тревогою, що мивъ худобы своеи, вывозывъ для схованя у лисъ отцевскій; тамъ же и внесеня (приданое) отъ мене даное за дочкою моею, то есть скрыню зъ платямъ, у тимъ же лиси поховавъ бувъ, въ певнимъ мистци закопавшы. Вь тій зась скрыня найдовалося: плахотъ десять, жоночыхъ сорочокъ симъ, памитокъ десять, серпанкивъ пять, и кылымъ, и много деякыхъ рупескивъ (мелкихъ вещей). А колы вже сылы поганскіи, зъ-пидъ городивъ повернувшы а правячись черезъ село наше на тую Ворскла сторону въ жылыща свои поганскіи, много людей въ неволю поганскую загорнулы, взялы и зятя мого зъ дочкою моею Вивдею въ свои бесурманскіи рукы. Тогды Иванъ Дынька, Степанъ Емченко и Семенъ Кіяныця, провидавшы о тій дитей моихъ похоронци а пишовшы до лиса ночною порою, трусылы пасику и выкопалы зъ земли схованную скрыню зъ платтямъ зятнимъ и всю худобу, иле (сколько) що було, забралы. О якій шкоди учынылысьмо зъ атаманомъ розыскъ... (далѣе слѣдовалъ разсказъ о томъ, какъ виновные были обнаружены). Зъ которыхъ злочынцивъ прошу у мылостей вашыхъ святои справедлывосты, бо много еще черезъ ныхъ на добри своимъ шкодуемо".

Обвиняемые были допрошены „порозну". Сначала ввели Ивана Дыньку, который сказалъ такъ:

— А що жъ, панове, хочъ я зъ нымы, Емченкомъ и Кіяныцею, не ходывъ по тое плаття, бо и пишовъ бувъ, лечъ (но) отець Иванъ Терпыло [1]) мене завернувъ зъ собою въ корчму, тилко жъ въ нась була зуполная рада на той учынокъ всихъ трёхъ. Емченко зъ Кіяныцею самы пишлы и вынялы тое плаття зъ скрынею и прыпровадылы до господы Емченковои,

[1]) Священникъ сосѣдняго села Семяновки. О немъ см. очеркъ № 6.

де и я вже якъ прыйшовъ, ажъ воны вже пивскрыни выбралы того плаття и не знаю де дилы, а тымъ остаткомъ дилылысьмося: далы и мени дви плахты и тры сорочкы, що я звертившы до купы и въ другую сорочку свою пай увинувшы, далемъ до спряту Емченкови; а Емченко, не ховаючы въ себе, лечъ всадывшы въ михъ, вкынувъ у яму пашеную пидъ Байракивнынымъ дворомъ, де теперъ и найдено тее плаття и отдано Степанови Снитци. А Емченко зъ Кіяныцею вже всимъ тымъ остаткомъ самы дилылыся, билшъ мени не даючы ничого, и якъ побралы воны кождый свою пай до себе, то скрыню тую, де було плаття, побылысьмо и у груби спалылы. Поты моеи повисты"!

Затѣмъ былъ введенъ другой обвиняемый, козакъ Степанъ Емченко; онъ былъ очень боленъ и едва держался на ногахъ. Его спросили: „Якымъ вы способомъ тое плаття вынялы въ лиси и съ кымъ, и хто вамъ до того учынку бувъ поводомъ"? Емченко отвѣчалъ;

— А що жъ, панове, якъ бачыте мя вельмы хорого, що и безъ карносты такои, якои заслужылемъ теперъ за свій злый учынокъ, блыжче зостаю къ смерти, а нижъ къ жывоту, то я самую истыну вамъ повидаю. Навидавъ я зъ Кіяныцею и зъ Дынькою тое плаття въ лиси закопаное, въ пасици, а змовывшыся тры насъ пишлысьмо булы вночи. Учувшы тежъ отець Терпыло Дыньку, идучого зъ намы, зазвавъ ёго до себе въ корчму, а мы, два насъ, самы одкопалы тую скрыню и прыпеслы въ мою господу. Була тежъ пры насъ Дыньчына и ручныця (ружье), которую мы одослалы Дыньци, не прызываючы ёго до себе, щобъ ёму не було пои въ тимъ платти; але винъ, догадавшись, що для того ручныцю прыслалы, абы ёму не було ничого зъ тои крадижи, самъ прыйшовъ до мене, прето (поэтому) мы и ёму удилылысьмо плахотъ дви и сорочокъ тры, а намъ по чотыри плахты и плаття билое все забралысьмо. Иншіи тежъ ричи зъ тои крадежи попалылысьмо, а ёго пай, Дыньчыну, даную намъ до схованя, вкынулысьмо у яму пашеную. Еднакъ, що намъ було прыпало, все ёму Степанови Снитци,

поворочалысьмо, а жупанъ ёго жъ зятя Мыкытынъ, якый тамъ же въ спряту бувъ, взявъ зъ моею худобою, перепысуючы, панъ сотныкъ за выну. По истыни вамъ повидаю. Вильно вамъ, панове, що хотиты чынты: грихъ насъ поткавъ, вынни-сьмо тому злому учынку вси тры".

Третій обвиняемый, Семенъ Кіяныця, какъ сказано, скрылся до суда и пока не былъ разысканъ.

Въ виду „добровольного" сознанія подсудимыхъ, судъ, „билшъ жадныхъ доводовъ не потребуючы", приступилъ къ составленію декрета и, руководствуясь 7-мъ арт. 14-го разд. Статута, приговорилъ всѣхъ троихъ обвиняемыхъ, яко приличныхъ злодіивъ", къ „горловой карности", „а шкода и всякая утрата зъ худобы ихъ маетъ быти пополнена шкодуючому". Но такъ какъ оказалось, что Емченко и Дынька „еще сумненя своего сповидею святою не очистили", т. е. не успѣли отговѣться, то ихъ казнь была отсрочена до третьяго дня.

А когда „терминъ декрету" насталъ и осужденныхъ хотѣли уже вести на мѣсто казни, „акторская сторона", т. е. Степанъ Снитка сталъ передъ судомъ и сказалъ:

— Панове маистрате! Я не инстыкгую на ихъ далій и овшемъ (напротивъ) дарую ихъ горломъ, а тилко допрошуюся у вашыхъ мылостей, абы моя шкода одъ ихъ була пополнена.

Судьи, охотно „схылывшись до того", тотчасъ отмѣнили прежній декретъ и постановили новый: „абы оныи злочынци Иванъ Дынька и Степанъ Емченко во всемъ Степана Снитку перепросылы, шкоду нагородылы и правныи наклады (судебные расходы) ему поворочали, а за вину маестратъ нашъ взялъ собѣ у Ивана Дынькы лѣсокъ, стоячій на Свинковцѣ, противъ Петровки, а въ Степана Емченка тежъ лѣсокъ тамъ же, на Свинковцѣ".

Помилованные, конечно, ничего не имѣли противъ того, чтобы лишиться „лѣсковъ", но сохранить „горла".

Скрывшемуся Семену Кіяныцѣ оставалось лишь пенять на себя, зачѣмъ онъ смалодушествовалъ.

---

36. Бѣлорусскіе купцы, обокраденные на ярмаркѣ въ Полтавѣ.

День 14 сентября былъ когда-то для Полтавы не только храмовымъ праздникомъ въ мѣстномъ монастырѣ, но и временемъ значительной ярмарки, на которую съѣзжались купцы со всей Украины, и кромѣ того привозились товары изъ окрестныхъ странъ: изъ Великороссіи, Литвы, Польши и Крыма. Такъ было и въ 1690 году. Пріѣхали съ товарами изъ далекаго Глуска, [1]) „изъ панства Литовского", два молодыхъ купца, Иванъ Дещенко и Севастіанъ Вовчковичъ и остановились „на господи" въ домѣ мѣщанина Мартына Бражника. Цѣлый день они „бавылыся торговымъ диломъ", а вечеромъ вернулись домой, сосчитали выручку, заперли ее въ „скрыньку", которая хранилась на одномъ изъ возовъ, прикованная „ланцухомъ" (цѣпью), сдѣлали обычный нарядъ между своею „челядью" на счетъ ночной охраны возовъ съ товарами, а потомъ сѣли на „прысьпу" и стали бесѣдовать съ „господаремъ". Сначала они „бесидовалы словесно", а потомъ Мартынъ вынесъ „пляшку зъ горилкою" и предложилъ купцамъ подкрѣпить силы послѣ дневныхъ трудовъ. Купцы слегка подкрѣпились, а затѣмъ съ своей стороны сочли долгомъ учтивости пригласить любезнаго и гостепріимнаго „господаря" „до двору братского святовоскресенского на учту".

Братскіе дома, имѣвшіеся при каждомъ приходскомъ братствѣ, въ обыкновенное время имѣли совсѣмъ другое назначеніе: здѣсь происходили сходки братчиковъ для обсужденія братскихъ дѣлъ, здѣсь хранилось братское имущество, въ братскихъ домахъ обыкновенно совершался братскій и духовный судъ, наконецъ здѣсь же нерѣдко происходили и засѣданія полковаго суда, если дѣло касалось духовныхъ лицъ и въ составѣ суда участвовало городское духовенство. Но въ дни великихъ праздниковъ,

---

[1]) Глускъ—нынѣ мѣстечко Бобруйскаго у. Минской губ.

когда братчики совершали „канунъ“ и варили медъ, братскіе дома и даже дворы временно обращались какъ бы въ общедоступные рестораны, куда и самыя почтенныя лица не считали зазорнымъ и самимъ зайти, и пріятелей пригласить „на учту“, такъ какъ выручка отъ продажи канунныхъ напитковъ составляла главный доходъ, на счетъ котораго братчики украшали свои храмы, содержали школы и „шпитали“ и творили другія дѣла милосердія. Такимъ канунным днемъ былъ и праздникъ Воздвиженія, и вотъ почему литовскіе купцы пригласили Мартына Бражника „на учту“ не въ корчму или шинокъ, а на „братерскій“ воскресенскій дворъ, находившійся въ предмѣстьи города, неподалеку отъ дома Бражника.

Долго они тамъ „забавлялись“ за пивомъ да медами, но купеческой осторожности не забывали, и вотъ одинъ изъ купцовъ, Иванъ Дещенко отлучился на минуту „до господы“, чтобы навѣдаться, исправно ли „челядь“ оберегаетъ возы съ товарами, а другой остался съ Мартыномъ „на зазванной учтѣ“. Пришелъ Иванъ на дворъ и „засталъ челядь свою зъ Мартыныхою Бражнычкою бесидуючыхъ у хати надъ горилкою“: оказалось, что когда хозяева ушли со двора, сердобольная „господарка“ зазвала къ себѣ „челядь купецкую“ тоже „на учту“,—нужно же было и бѣднымъ челядникамъ подкрѣпить силы послѣ дневныхъ трудовъ, да еще въ такое „свято“, чтобы они бодрѣе стерегли хозяйское добро. Купецъ слегка пожурилъ челядниковъ за то, что всѣ забрались въ хату и никого не оставили на дворѣ, и пошелъ самъ осмотрѣть возы. Тамъ онъ засталъ „тулючогося межи возамы“ хозяйскаго сына Ивана, молодого парубка, и спросилъ его: „А для чого ты межи возами подъ часъ смеркàня туляешься?“ Тотъ почти шепотомъ отвѣтилъ:

— „Та це я передъ отцемъ своимъ Мартыномъ крыюся, щобъ мене не бывъ, бо винъ на мене теперъ гнивлывый, не видаю за що“.

Купецъ успокоилъ Ивана Бражниченка, что его отецъ теперь съ ними „на учтѣ въ дому братерскимъ“ и нескоро домой

вернется, да и воротится навѣрное въ такомъ состояніи, что не будетъ въ силахъ драться. Поговоривъ еще съ Иваномъ и найдя свои возы, повидимому, въ цѣлости, купецъ снова отправился „на бесиду тую“, на братскій дворъ. Но едва онъ вышелъ на улицу, какъ его будто толкнуло что-то: онъ вспомнилъ, что не осмотрѣлъ денежной „скрыньки“. Онъ поспѣшно вернулся, подошелъ къ возу—и ахнулъ: „скрынька“, въ которой хранилось полтораста таляровъ битыхъ и чеховъ, „скупныхъ (общихъ) съ товарыствомъ“, оказалась „открученною отъ ланцуха“ и безслѣдно исчезнувшей.

Не помня себя отъ волненія, купецъ „вчинилъ окрикъ и галасъ на всю улицу“, на который опрометью выбѣжала челядь изъ хаты, сбѣжались сосѣди и многіе ярмарковые люди, ночевавшіе въ сосѣднихъ дворахъ. Пошли разспросы, толки и оханья. Прибѣжалъ и другой купецъ съ братскаго двора, перепуганный и взволнованный не меньше своего товарища. Онъ, однако, тотчасъ сообразилъ, что слѣдуетъ дѣлать въ такихъ случаяхъ: по его предложенію, всѣ присутствовавшіе „сталы заразъ шукаты въ двори Мартыновимъ и коло двора слиду, куда бъ тая украденная скрынька могла буты вынесенною зъ воза“, и когда вошли съ огнемъ „у стайню“ Мартынову, то увидѣли тамъ „на затылку вынятую тынну“ (часть плетня), а за нею нашли разбитую „порожнюю скрыньку“. Это былъ важный слѣдъ, и его немедленно слѣдовало предъявить уряду. И хотя было уже близко къ полуночи, оба купца, „не бавячыся“, отправились въ ратушу, велѣли разбудить войта и бурмистровъ, предъявили имъ разбитую „скрыньку“ и занесли „мѣйскому“ уряду жалобу на Ивана Бражниченка и на его мать Мартыныху „за тое, що Мартыныха челядь въ хату заклыкала горилкы пыты, а сынъ еи межи возамы тулявся и на ёго слиду тая скрынька украдена зъ гришмы“. Магистратская старшина „справу отложыла до утра, нѣмъ (пока) розсвинется“, но купцамъ не терпѣлось, и какъ только „ихъ Богъ освитывъ“ (настало утро), они уже были у полковника, „оповидали ему шкоду свою“ и „скаржились“ на

Мартына Бражника, его жену и сына, обвиняя ихъ въ покражѣ. „Зглянувшись на ихъ скаргу и плачливый скорбъ", полковникъ приказалъ „даты до вязеня" Ивана Бражниченка „до слушного доводу и до далшои резолюціи".

Когда узналъ объ этомъ старый Мартынъ, онъ прибѣжалъ къ полковнику и со слезами сталъ умолять „сохранить домъ его чистымъ отъ публики злодійскои"; въ крайнемъ случаѣ онъ просилъ отдать ему сына на поруки; но купцы „на поруку сына Мартынового не пустили" и домогались скораго суда надъ нимъ и „скутечнои справедливости". Ивана отвели таки въ тюрьму. Тогда Мартынъ позвалъ къ себѣ купцовъ, „частувавъ" ихъ всѣмъ, что было лучшаго въ домѣ, наконецъ вмѣстѣ съ женою упалъ къ ихъ ногамъ и со слезами началъ умолять прекратить дѣло и не позорить сѣдой головы его,—„а я вамъ (божился онъ) тіи краденыи гроши пивтораста таляривъ верну, бо то зъ безумія сына нашого такъ сталося, що винъ ихъ укравъ,"—и тутъ же далъ имъ своихъ три таляра, „абы тое злодійство утаилося передъ старшыною". Купцы согласны были на такую сдѣлку, но требовали, чтобы предварительно имъ были возвращены украденныя деньги, а Мартынъ Бражникъ настаивалъ на томъ, чтобы купцы немедленно сдѣлали передъ старшиной заявленіе о прекращеніи дѣла, и тогда уже получатъ свои деньги. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, порѣшили на томъ, что Мартынъ снялъ со стѣны образъ, и купцы передъ нимъ „прысягу такую учинили, що милы ихъ затаиты злодійство пры соби, никому не оповидаючы." Послѣ этого Мартынъ отправился съ ними на свой хуторъ, на урочище Сорокового Яръ, близъ города, и тамъ „указалъ ихъ гроши, у чотырохъ мистцяхъ похованыи у терну, у левади своій". Вся украденная сумма оказалась сполна налицо. Купцы взяли свои деньги и изъявили готовность, согласно условію, немедленно вмѣстѣ съ Мартыномъ отправиться къ полковнику и заявить, что пропавшія деньги случайно отыскались, и они никого не обвиняютъ въ кражѣ.

Пришли къ полковнику, а у него, по случаю ярмарки, домъ полонъ гостей; была здѣсь вся полковая и городовая старшина, много было и „значного войскового товарыства", какъ мѣстнаго, такъ и пріѣзжаго. Всѣмъ уже была извѣстна новость дня—исторія о томъ, какъ „литовскіе" купцы дерзко обокрадены на Мартыновомъ дворѣ, поэтому, когда эти купцы съ сіяющими лицами вошли въ полковничью свѣтлицу, ихъ окружили съ любопытствомъ. А они, отвѣсивъ передъ полковникомъ по низкому поклону и положивъ на столъ мѣшочекъ съ деньгами, сказали:

— Вельможный добродію и вы панове уряде! Презентуемъ передъ вами тое лице злодѣйское—власные наши гроши, якіе у насъ Мартыновъ сынъ покралъ, а онъ, Мартынъ, поховавши на своемъ хутори, теперъ указалъ намъ и вернулъ. Просимъ зъ оного Мартына Бражника, его жоны и сына святои справедливости".

Это вѣроломство купцовъ такъ ошеломило несчастнаго Мартына, что онъ едва не свалился съ ногъ и долго не могъ промолвить ни слова. Да и было отъ чего потерять голову: вѣдь онъ, довѣрившись купеческой присягѣ, окончательно погубилъ не только сына, но и жену и себя самого. До сихъ поръ было лишь одно подозрѣніе противъ Ивана; но теперь своими признаніями и главное—указаніемъ мѣста, гдѣ были спрятаны украденныя деньги, онъ самъ же вооружилъ противниковъ могущественнымъ орудіемъ—„злодійскимъ лицемъ", которое одно могло повести прямо на „шибеницу" и вора, и его сообщниковъ. И когда полковникъ спросилъ Мартына, точно ли это тѣ самыя деньги, которыя сынъ его укралъ и спряталъ на его хуторѣ, а „онъ и жона его, видаючи о томъ схованю, самы ихъ вказалы и до рукъ купцамъ отдалы", — то ни самъ Мартынъ, ни приведенный сюда же изъ тюрьмы сынъ его „одъ того лица злодійского не таились". Тогда полковникъ, „по тому ихъ лицу злодійскому видячы неробочое дило", приказалъ, чтобы они къ той суммѣ „краденой" доложили еще полтораста таляровъ „и во всемъ погодили шкодуючую (потерпѣвшую) сторону безъ откладу" (немедленно), а судъ объ этомъ „злодійствѣ" былъ отложенъ до другого времени („до увагы нашои").

Судъ этотъ состоялся черезъ двѣ недѣли. Подъ предсѣдательствомъ полковника, въ немъ участвовали оба полковые асаулы Дорошъ Дмитровичъ и Стефанъ Фиринченко, полковый судья, атаманъ городовой, войтъ и два бурмистра. Суду былъ преданъ не одинъ Иванъ Бражниченко, но и его родители. Потерпѣвшіе купцы все еще оставались въ Полтавѣ и лично обвиняли подсудимыхъ. Послѣдніе въ своей винѣ не „таились", и потому въ производствѣ полнаго слѣдствія не было надобности. Судъ призналъ Ивана Бражниченка виновнымъ въ кражѣ, а обоихъ родителей въ соучастіи въ ней, выразившемся въ томъ, что они оказывали содѣйствіе преступленію сына „и сами тые украденые гроши сховали". Опредѣляя затѣмъ мѣру наказанія, судьи приняли, конечно, во вниманіе и то обстоятельство, что этотъ самый Иванъ Бражниченко всего лишь два мѣсяца передъ тѣмъ былъ приговоренъ полковымъ судомъ къ смертной казни за изнасилованіе служанки, сироты Васьки, и только во вниманіе къ слезной просьбѣ его родителей эта кара была замѣнена крупнымъ денежнымъ взысканіемъ; поэтому къ нему примѣнили 7-й артикулъ 14 розд. Статута, трактующій „о важности лица, за що злодій горло тратитъ", а къ его родителямъ—статью изъ права Магдебургскаго (на 129 л. книги „Порядокъ") и приговорили: Ивана Бражниченка къ „шибеницѣ" (висѣлицѣ), а его отца и мать къ „назначенію члонковъ" [1]). Тутъ осужденные и ихъ родственники подняли неистовый плачъ и рыданіе, и судьи безъ долгаго колебанія, „за слезнымъ упрошенямъ Мартыновымъ и жоны его, даровали сына ихъ смертелною карностю и ихъ самыхъ назначенямъ члонковъ", обязавъ ихъ, „абы они, упросывшы реченыхъ купцовъ, нагородили имъ вси правные выклады (судебныя издержки), на чимъ бы шкодовалы, отъ мала до велика". Сверхъ того, „поневажъ немалая шкода" въ интересахъ правосудія „сталася въ той крадежи отъ реченого Мартына, жоны и отъ потомка его", то въ удовлетвореніе за это „міетъ Мартынъ

[1]) Т. е. къ отсѣченію ушей или носа, или же одной руки и одной ноги—въ декретѣ не обозначенъ точно этотъ родъ наказанія.

съ худобы своеи выну панскую и врядовую платыты, якъ явный и приличный злодій" (т. е. уличенный „злодійскимъ лицемъ").

Къ декрету приложенъ „реестрикъ, що взято въ Мартына Бражника за проступство его"; изъ него можно видѣть, во что обошлось ему судейское милосердіе. „Напродъ его милости пану полковнику Ѳеодору Ивановичу Жученку за тую вину панскую достался хуторъ, стоячій на Сорокового Яру, съ хатою, зъ выцею (винокурнею) изо всими угодями и съ трома казанами, кромъ збожа (кромѣ хлѣба) въ стогахъ будучого и молоченого, а до того взято хату, стоячую за мистомъ (городомъ), зъ дворомъ, и бчолъ трыдцятеро и четверо, и дви пари воловъ. Зъ которои отобранои злодійскои выны его милость панъ полковникъ старшыни полковій отдаетъ дворъ за мистомъ стоячій зъ хатою, а на врядъ городовый полтавскій (т. е. на долю войта съ бурмистрами) бчолъ двадцятеро и четверо и дви пари воловъ. А зверхъ того ясневелможному милостивому добродіеви пану гетманови бчолъ тыхъ же пнювъ (пней) десятеро до пасикы панскои отставлено".

Это была не взятка, а законный судейскій доходъ, открыто взымаемый на основаніи одной статьи Магдебургскаго права (книга „Порядокъ", часть IV, листъ 139), которой малороссійскіе суды давали распространительное толкованіе: „убогшіе выгнаньемъ зъ панства, а богатшіе виною пѣняжною карани маютъ быти". Вотъ почему и гетманъ, какъ верховный судья, иногда получалъ принадлежавшую ему часть судейскаго дохода.

---

37. Кража у курскаго купца на той же ярмаркѣ.

На тотъ же „честнохрестскій ярмарокъ" полтавскій прибылъ въ 1701 г. изъ Курска съ галантерейнымъ товаромъ посадскій человѣкъ Фока Лукьяновъ и сталъ „господою" во дворѣ значнаго козака Бронлка. Не успѣлъ онъ еще и „расташоваться" съ товаромъ, какъ въ ночь на 12 сентября кто-то укралъ съ воза

35 фунтовъ желтаго шелку, кафтанъ и сагайдакъ съ лукомъ и стрѣлами. На разсвѣтѣ купецъ съ своими „молодцами“ принялся за розыскъ. „Господыня“ сосѣдняго двора, выйдя на поднятый ими „галасъ“, нашла среди своего двора три фунта шелку и оповѣстила объ этомъ Фоку; тотъ призналъ шелкъ своимъ. Другой сосѣдъ сообщилъ, что, выйдя ночью на лай собаки, замѣтилъ какого-то „москаля“ (солдата), пробѣжавшаго черезъ его дворъ. Тутъ и Фока вспомнилъ, что видѣлъ наканунѣ великорусскихъ стрѣльцовъ, безъ дѣла шатавшихся по городу; на разспросы о нихъ ему отвѣтили, что въ Полтаву нѣсколько дней назадъ пришелъ откуда-то цѣлый „гуртъ москаливъ“, и теперь хозяйки плохо спятъ по ночамъ, дрожа за цѣлость своего „господарства“. Лукьянову лучше было извѣстно, что стрѣльцы были и не на то способны.

— „Гдѣ же они стоятъ „господою?“ допытывался онъ.

Ему объяснили, что добрый человѣкъ не пуститъ стрѣльца къ себѣ въ „господу“, развѣ мѣщанамъ бурмистры такую бѣду накинутъ и то—въ военное время, а эти стрѣльцы пришли сами, безъ своей старшины, и должно быть ночуютъ въ братскомъ „шпиталѣ“; тамъ никому нѣтъ отказа: заплати шелягъ, и ночуй спокойно. А днемъ на что имъ „господа?“ Ходятъ себѣ по городу, а иные и на работу нанимаются.

Лукьяновъ рѣшился поскорѣе разыскать этихъ стрѣльцовъ. Прежде всего онъ обратился въ „шпиталь“. Тамъ, оказалось, точно ночевалъ какой-то „москаль“, которому нечѣмъ было и за ночлегъ заплатить, но съ утра ушелъ къ своимъ товарищамъ, имѣвшимъ „господу“ гдѣ-то на предмѣстьи. Лукьяновъ забѣжалъ въ ратушу, выпросилъ себѣ въ подмогу „миськихъ слугъ“ [1]) и разыскалъ своихъ земляковъ: тамъ какъ-разъ шла распродажа краденнаго шелку, только что принесеннаго однимъ изъ ихъ товарищей, Васькой стрѣльцомъ. Ваську арестовали, привели въ полковой судъ и, по просьбѣ Лукьянова, подвергли допросу:

---

[1]) «Мѣйскіе слуги»—тогдашніе полицейскіе служители при магистратахъ и ратушахъ.

— Видкиль ты есть, чоловиче? зъ кымъ кравъ той шовкъ и де его подивавъ?

Васька показалъ:

— Отпущено меня изъ Тавани [1]) самъ-другъ съ Филькою товарищемъ моимъ, стрѣльцы мы оба полка стольника и полковника Данилы Никитича Юдина, жильцы сѣвскіе. Пришли мы въ Полтаву и, за вѣдомостью Федора, старосты шпитальнаго, двѣ ночи ночевали въ шпиталѣ, а въ день по людямъ работали. Нынѣшней ночью товарищъ мой не знаю куда и зачѣмъ ходилъ и лишь на разсвѣтѣ вернулся; а днемъ, когда мы пошли съ нимъ по городу, Филька, товарищъ мой, сказалъ мнѣ: „на томъ мѣстѣ, говоритъ, подъ валомъ, въ крапивѣ, лежитъ шелкъ; возьми его себѣ“. И онъ пошелъ по своимъ дѣламъ, а я тотъ шелкъ взялъ,—пять вязокъ всего тамъ было,—пришелъ въ шпиталь и далъ одну вязку Федору, старостѣ, за ночлегъ, а четыре вязки понесъ продавать своимъ землякамъ, пріѣхавшимъ изъ Сѣвска; тамъ меня и взято. Только я этого шелку самъ не вороваль, развѣ товарищъ укралъ гдѣ“.

Послали за Федоромъ, старостою шпитальнымъ, съ которымъ вмѣстѣ „слуги миськіи“ принесли три пачки шелку, завернутаго въ бумагу. Это былъ возвращенный Федоромъ тотъ самый шелкъ, который далъ ему Васька стрѣлецъ въ уплату за ночлегъ; но обертка на немъ была перепачкана, а въ самомъ шелку оказалось много зеренъ гречихи: „знаты, що у гречци хованый бувъ“. На допросѣ Федоръ такъ оправдывался:

— Не бувъ я, панове, дома: у воскобойни братерскій дило було, тамъ бавывся. А колы прыйшовъ до господы, заразъ жона моя мени сказала: „Давъ, мовытъ, мени москаль шовку сёго фунтъ, та безмаль (едвали) винъ не краденый; треба бъ ёго до ратуши обвистыты“. Я веливъ той шовкъ задержаты, покиль

---

[2]) *Тавань*—прежній турецкій городъ и крѣпость, потомъ русское укрѣпленіе, въ которомъ съ 1697 г. находился постоянный великорусскій и козацкій гарнизонъ. Нынѣ на мѣстѣ бывшей Тавани лежитъ м. Каховка, Днѣпровскаго у. Таврич. губ.

той москаль зъявытся, щобъ ёго разомъ съ тымъ шовкомъ до уряду повесты, и ждавъ чымало, тилько ёго не було. А по недовгимъ часи того москаля, не знаю де взявшы, купци прыпровадылы до двору братерського, до господы моеи, и я, того шовку не таячы, отдавъ слугамъ та и самъ теперъ передъ судомъ станувъ. А Богъ мени свидокъ, що той москаль, злодюга, безъ мене жони моій шовкъ той оддавъ".

Судъ не повѣрилъ этому объясненію и приказалъ Федора „дати до секвестру" (подъ арестъ взять), а отобранный у него шелкъ, „що въ гречци десь въ спряту лежавъ", оставить на урядѣ въ качествѣ „лица".

Тутъ „слуги миськіе" пришли сказать, что видѣли, какъ, послѣ Федороваго ухода, „дивка въ тимъ же двори братерськимъ мчала жмутъ шовку у афедронъ" (отхожее мѣсто). Судъ немедленно отрядилъ изъ своей среды бурмистра вмѣстѣ съ слугами, и послѣдніе точно отыскали пачку шелку, „въ сопль афедроновъ вкыненого", и принесли на урядъ.

На другой день судъ принялся за продолженіе вчерашнихъ розысковъ. Былъ призванъ снова стрѣлецъ Васька и спрошенъ: „Де бильшъ шовку подивавъ?" Васька „прився" (запирался): „Больше, говоритъ, ничего не знаю, потому не я воровалъ, а товарищъ мой Филька". Но когда позвали „мистра" и велѣли „буты ёму готовому" для производства пытки, а пока что Ваську „дано въ допросъ пидъ канчукы", онъ сталъ откровеннѣе:

— Того шелку, признался онъ, продалъ я въ лавкахъ вчерашняго дня одной жонкѣ два фунта, по 19 шаговъ, и другой дѣвчинѣ одинъ фунтъ, и еще кому-то четвертый фунтъ, по той же цѣнѣ. Могу я ихъ всѣхъ познать".

Ваську подъ конвоемъ отвели „до лавокъ", и онъ точно указалъ Матвіиху „крамарьку, якая купыла пидъ ташою своею у ёго два фунты", и другую „дивчыну, Яхнову дочку", а третьяго покупателя Васька не могъ „познать". Обѣихъ „крамарекъ" повели „до уряду", вмѣстѣ съ оказавшимся у нихъ „лицемъ", краденнымъ шелкомъ. Матвѣиха такъ „вымирялась" (оправдывалась):

— Я, панове, ёго пытала: „що то за шовкъ въ тебе, москалю? Чы не краденый? А москаль: „ни, мовытъ, мій есть власный, я ёго въ Тавани набравъ за борошно".

„Пры такому лыци" (уликѣ) Ваську „знову дано пидъ канчукы и повторе пытано: де бильшъ шовку подивавъ?" Онъ сказалъ:

— Далъ я того шолку жонѣ Федоровой, старостихѣ шпитальной, восемь фунтовъ до спряту. Федоръ самъ былъ въ свѣтлицѣ, а жена его тотъ шелкъ въ сѣняхъ шпитальныхъ съ другими какими-то жонками перебирала. Да еще товарищъ мой сказывалъ мнѣ: „на пустой башнѣ (замковой), въ кулькѣ рогожаномъ, есть что-то шелку".

Ваську перестали бить и въ сопровожденіи бурмистра, слугъ и потерпѣвшаго Лукьянова, отпустили въ замокъ. Онъ пришелъ „до Глухои хвирткы миськои" и сказалъ: „здѣсь ищите". Стали искать, и точно нашли въ „башти" сагайдакъ съ лукомъ и стрѣлами, который Фока Лукьяновъ призналъ своимъ, но шелку не нашли.

Привели Ваську въ судъ—и въ третій разъ положили „пидъ кіи и не щадячы оного пытано: де шолкъ подивавъ и каптанъ кому отдавъ?" Васька подъ кіями твердилъ:

— Я того шелку не воровалъ; Филька, товарищъ мой, о всемъ знаетъ, на немъ и кафтанъ чужой былъ. А я, какъ сперва говорилъ, кому что далъ и сколько продалъ, то же и теперь говорю. Да и Федоровой женѣ больше одного фунта этого шелку не давалъ; а что послѣ на нее наговаривалъ, того и самъ съ бѣды своей не вспомню ничего".

Услышавъ это, Федоръ староста, „тутъ же стоячы зъ жоною своею", тоже привлеченною къ суду, оживленно заговорилъ:

— Ни, панове, и мало винъ, москаль, а ни мени, а ни тежъ жони моій шовку не дававъ до рукъ, а хочъ и бувъ винъ зъ тымъ шовкомъ у шпытали, лечъ (но) колы сказалы, що дадутъ до ратуша знаты, винъ, москаль (якъ жона моя повидае), покынувшы шовку вязку въ синяхъ передъ жоною моею, втикъ

Библиотека Нижегородского Педагогического Института

заразъ зъ синей; а вона, взявшы той шовкъ въ хату, оказала оный передъ людей, яки на той часъ въ домивци моій булы: кыевскій кныжныкъ и нижынскій [1]); воны мени, пры одъизди своимъ, и свидителство, пидъ дзвиныцею воскресенскою напысавшы, на оказаня моеи невынности далы, которое свидителство и ныни у паніи полковныковои найдуется".

Судьи заинтересовались послѣднимъ указаніемъ и послали къ женѣ полковника просить о сообщеніи этого документа, если онъ точно у нея имѣется. Но когда документъ былъ доставленъ, судьи съ перваго взгляда убѣдились, „що то пысьмо власнои рукы пысання сына Федорого, школяра, а информація самого Федора, оже не рука купцивъ тыхъ". На это Федоръ далъ такое неправдоподобное объясненіе:

— „Зъ купецького свидоцтва росказавъ я сынови своему перепысаты, а купци, що самы пысалы, зъ собою взялы и завезлы".

Но судьи „не допустылы далій ричей неподобныхъ Федорови шырыты" и стали „радытысь" между собою о томъ, какой постановить приговоръ. „Вглянувшы до „Порядку," правъ Майдебурскыхъ", они нашли артыкулъ: „хто бы въ себе краденіи ричи албо лупы (добытое грабежемъ) передержувавъ, а того уряду не оповидавъ, такою жъ смертію маетъ умерты, якою и самый принципалъ". Такъ какъ Федоръ Шкляръ „въ себе ричи краденіи—шовкъ отъ москаля прынятый—безотповидне державъ", то и его слѣдовало бы подвергнуть той же „карности", но „понеже въ первый разъ тое на немъ показалося", то судъ, освобождая его отъ наказанія, постановилъ: Федоръ и Матвіиха, крамарька, обязаны „шкодуючую сторону за дви части шкоды поеднаты", то есть уплатить купцу Лукьянову стоимость двухъ третей похищеннаго и не разысканнаго товара, и „правныи наклады ему нагородыты". „Дивчыну, Яхнову дочку", тоже ку-

[1]) Т. е. книгопродавцы изъ Кіева и Нѣжина, пріѣзжавшіе въ Полтаву на ярмарку. Любопытное указаніе на книжную торговлю того времени.

пившую фунтъ краденаго шелку, отъ всякой отвѣтственности освободить въ виду ея юности и „несовершеного еще розуму". Что же касается „того принципала Васькы", то хотя право посполитое „велыть его, яко злодія прылычного, скараты на шыбеныци", но такъ какъ „не подъ нашымъ правомъ сей чоловикъ, а подъ тымъ же, що и акторская сторона", поэтому судьи предоставили на волю потерпѣвшему: искать ли ему „въ належномъ судѣ" на томъ Васькѣ „остатку своеи шкоды", или „на волю ёго пустыты".

Фока Лукьяновъ заявилъ, что онъ намѣренъ предать своего „шкодцу" еще суду сѣвскаго воеводы, и по его требованію Васька снова былъ „данъ до вязеня". Но купцу скоро пришлось раскаяться въ своемъ жестокосердіи: „третего дня (какъ значится въ писарской припискѣ къ протоколу) оный Васька въ томъ вязеню животъ свой скончилъ",—вѣроятно отъ тѣхъ „кіевъ" и „канчуковъ", которыми въ большомъ количествѣ угощали его при допросахъ,—„и отъ тоей же акторской стороны своей зосталъ и погребенъ при церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, у Полтави".

Почему безвѣстному арестанту выпала такая честь—быть похороненнымъ при соборной церкви—объясняется тѣмъ, что въ то время въ Малороссіи особыхъ кладбищъ вовсе не было и покойниковъ хоронили на погостахъ приходскихъ церквей.

---

38. Служанка воровка.

У пана Леонтія Черняка, бывшаго полковника полтавскаго, а теперь „значного товарыша войскового", въ 1689 г. случилась въ домѣ „шкода": украдено денегъ болѣе ста золотыхъ, серебряныя чарки, перстень „щырозлотный", „баволныця" (бумажная матерія) и много другихъ вещей. Долго не могли напасть на слѣдъ вора, наконецъ обратили вниманіе на поведеніе бывшей „служебныци, дивкы" Каськи (Катерины), которая, оставивъ службу въ домѣ Черняка, поселилась у бѣднаго полтавскаго обывателя Лукьяна и видимо сорила деньгами, по-

купая себѣ разные ненужные предметы. По заявленному Чернякомъ подозрѣнію, въ домѣ Лукьяна сдѣлали обыскъ (его „трусылы“) и нашли чересъ съ серебряными копейками на сумму около ста золотыхъ и разные „рупески“ (мелкія вещи); то и другое оказалось принадлежащимъ Каськѣ. Ее тотчасъ взяли для допроса, но она убѣжала изъ ратуши; ее поймали и немилосердно били кіями, стараясь добиться отъ нея признанія въ кражѣ; но „запамяталая“ Каська стоически переносила истязанія и упорно отрицала взводимое на нее подозрѣніе, не умѣя, однако же, объяснить, откуда взялись у нея такія большія деньги.

Въ такомъ недостаточно выясненномъ предварительнымъ дознаніемъ положеніи дѣло это поступило на рѣшеніе полковаго суда. Въ качествѣ „лица“ судьямъ „презентованы“ были отобранныя у Каськи вещи и чересъ съ деньгами. Панъ Чернякъ въ короткихъ словахъ изложилъ свою жалобу и тѣ основанія, по которымъ онъ подозрѣваетъ въ кражѣ бывшую свою „служебныцю“. Каська попрежнему отрицала свою виновность. Судьи спросили ее:

— Повидай, необачная голово, якымъ бы ты способомъ могла набуты тыхъ копіёкъ срибныхъ?

Каська, попрежнему „плетучы“, отвѣтила:

— Достала я тыхъ грошей въ Дмытрашка грека, якъ ёго рабовано въ Зинькови.

Каська намекала на тотъ общеизвѣстный фактъ, случившійся двумя годами раньше, когда, послѣ низложенія Самойловича, въ Малороссіи во многихъ мѣстахъ вспыхнулъ мятежъ и чернь бросилась грабить богатыхъ и значныхъ. Это смутное время долго потомъ слыло въ народной памяти подъ именемъ „рабованя“, или „рабунковъ“.

Но едва Каська произнесла свое объясненіе, какъ „тутъ іи заразъ стритывъ словомъ“ панъ Андрей Яковлевичъ, войтъ, участвовавшій въ составѣ суда:

— Обмыльне то мовышъ, то не есть правда, знаю о тимъ досконале: Дмытрашко грекъ рокомъ выйшовъ изъ Зинькова передъ рабованемъ“.

Каська на минуту смутилась, но затѣмъ, тотчасъ оправившись и „повторне плетучы“, повѣдала:

— Самую вамъ правду повидаю, панове: я тыхъ грошей добула въ Зинькови въ Мартына Нестулія, якъ ёго рабовано, бо я въ ёго тоди служыла, а про шкоды пана Леонтія Черняка не видаю, якъ на мене наволикаютъ крадижъ грошей, чарокъ срибныхъ и иншыхъ ричей. А копійкы тыи срибныи—то власне Мартыновы Нестуліевы, що я въ ёго пры рабованю добула. О которыхъ копійкахъ казала я и Лукъяныси, що ихъ добула въ Нестулія, пана мого, и Москалеви Андріяшеви поминяла ихъ на чехы, и давъ мени Москаль наддачи золотыхъ пять, а на прозьбы мои личывъ тіи гроши Максымъ Лукъяненко. И дала я ти чехы сто золотыхъ до схованя самій Лукъяныси зъ мишечкомъ, чы то пакъ зъ чересомъ, который тутъ презентовано. Якъ мене бачыте, панове, дуже збытую, бильше вамъ ничого не скажу: тіи гроши копійкы я въ Нестулія достала“.

Судъ рѣшилъ провѣрить это показаніе „запамяталои“ Каськи, не откроется ли новое за нею преступленіе, и приказалъ послать „до старшины Зѣньковской, абы Мартынови Нестуліеви звистылы въ той ему шкодѣ“ и о томъ, что откроется, прислали въ судъ „атестацію“. Черезъ три дня такая атестація была прислана на имя полковаго судьи Петра Буцкаго и гласила такъ:

„Мосци пане судя полку Полтавского, зычлывій нашъ прыятелю! За донесеня видомосты ведлугъ (касательно) тыхъ грошей, которыи найдены въ тои дивкы Каськы, бувшои служебныци Мартыновои Нестуліевои, вашмосци пану покорне дякуемо и въ далшій часъ такымъ же способомъ отслуговаты субмитуемся. Дивка тая Каська, бувшы въ Мартына Нестулія пидъ часъ рабункивъ, вкрала полотна тонкого сувій билше, мовытъ, пятыдесятъ локотъ. А о гроши пыталысьмо Мартына Нестулія, чы булы пидъ той часъ въ ёго гроши копійкы, тоди винъ мовытъ: „въ той часъ побрано въ мене гроши таляры бытыи та чехы, а иншыхъ грошей, мовытъ, не було“. О тимъ вашмосци пану покорне предложывшы и доброго одъ Господа

Бога зычачы здоровя, зостаемъ вашмосци пану во всемъ зычливыи: Ѳома Грыгориевичъ и Иляшъ Павловычъ, сотныкы Зиньковскіи, Павелъ Ващенко, атаманъ городовый, Сахно Перепаденко, войтъ зъ бурмистрамы. Зъ Зинькова, іюля 6, року 1689".

Слѣдовало бы уличить и снова допросить запамяталую Каську, но она была такъ слаба послѣ „кіевого караня", что судьи рѣшили оставить ее въ покоѣ, пока она хоть немного „одужаетъ", а отобранныя у нея деньги признали похищенными у истца и возвратили ему „до рукъ, якъ его власныи". Панъ Леонтій Чернякъ поблагодарилъ судъ и при этомъ „вырекъ":

— Уже то, панове, на Бога спустывшы, естемъ контентый тымъ правомъ и тіи сто золотыхъ даю церкви божественній Спасскій полтавскій на роботу сницарскую (рѣзную). Але еще мени барзо жалосно на домъ Лукъянивъ и на жону ёго, що воны, видаючы про ти гроши, никому не оповищалы, такъ врядови и никому иншому. А въ мене шкоды много въ кимнати подіялося черезъ властную запямяталую бувшую служебныцю Каську, о чимъ могла бъ видаты и жона Лукъянова и домыслытыся, що стилько грошей Касци не можно бъ миты и ризно шафоваты, ризныи рупескы соби купуючы, и допускаты жыты ій въ своимъ дому. Прошу и въ тимъ скутечнои справедливосты".

Судъ призналъ основательной претензію пана Черняка и „выдячы его утрату и неопатрность (неосмотрительность) жоны Лукъяновои, якая допустыла тій зрайци въ дому своимъ жыты и гроши, тіи копійкы, въ себе держаты, а никымъ не оповистыла", примѣнилъ къ данному случаю 13 артыкулъ 14 разд. Статута и присудилъ, чтобы Лукьянъ съ женою удовлетворилъ пана Леонтія за понесенные имъ убытки: „на чимъ ёго упросятъ, на тимъ и станетъ". Сверхъ того, Лукьянъ долженъ былъ возвратить истцу стоимость представленныхъ въ судъ въ качествѣ „лица" „рупесковъ", такъ какъ предполагалось, что они пріобрѣтены Каськой за деньги, похищенныя у Черняка. Наконецъ, Лукьянъ же былъ обязанъ заплатить и „вину панскую", т. е. денежный штрафъ въ пользу полковника.

Между тѣмъ Каськѣ становилось все хуже. Вотъ уже она потребовала духовника и приняла предсмертное напутствіе. Видя, что относительно ея не придется уже постановлять декрета, судьи сдѣлали попытку, нельзя ли добиться отъ нея, по крайней мѣрѣ, какого-либо признанія, и послали „до тоеи зрайци" своего сочлена, бурмистра Петра Юревича, „пытаючы, що бъ мила еще знаты". Каська оказалась почти при смерти и была въ силахъ лишь прошептать: „Якъ утикала я зъ ратуша, тоди мымо бигучы, дала Степаныси Шапочныси намысто кораліовое доброе, а на сповиди велила тое намысто взяты отцу протопопи, та и не знаю, чы взявъ ёго отець протопопа, чы не взявъ".

Судъ велѣлъ записать это признаніе, какъ улику противъ Степаныхи.

Къ ночи бѣдной Каськи не стало.

39. Неблагодарная „сусида".

Лѣтомъ 1691 года пришелъ въ полковый судъ „панъ" Стефанъ Козельскій, „купець и мищанынъ" полтавскій, и такъ жаловался на Мотрю Шкурнычку, „въ дому его у сусидехъ мешкаючую":

— Панове! Тая запамяталая Мотря, сусидою въ моимъ дому будучы, вкрала зъ скрыни шисть штукъ полотна быцького [1]) и полумысокъ, а и передъ-часы (раньше) худобу мою ліотровала, розоносячы розно тютюнъ, рыбу вялую и грыбы, для прызыску (прибыли) моего купецкого поскупованыи, а не видомо, где тое все, покравшы, подивала. Прошу мылостей вашыхъ, роскажитъ (прикажите) тую Шкурнычку передъ себе зыйскаты, нехай передъ мылостямы вашымы росповисть, чы видаютъ обое зъ мужемъ своимъ Логвыномъ Шкурнымъ о тій крадежи, чы нитъ.

[1]) Особый сортъ полотна, можетъ быть, фабриковавшагося въ г. Бѣчѣ или Бичѣ, въ Краковскомъ воеводствѣ.

Привели Мотрю, и она тотчасъ повинилась:

— Воля есть ваша, панове, проступыла-мъ пану Козельскому, украла не шисть шкукъ полотна быцького, але тилко дви и полумысокъ, и первей одну штуку зъ пулмыскомъ прынесла въ домъ Вуцькы Крысьчыхы и самій же Крысьчыси до рукъ оддала, которую вона взявшы, въ кимнату понесла, а выйшовшы зъ кимнаты, всыпала дви кварты горилкы на стилъ, и пылы-сьмо вси тры насъ тую горилку: Вуцька Крысьчыха, Настя попадя и я. Пидпывшы зась тои горилкы, Настя попадя стала мени мовыты: „пійды, Шкурнычко, и ще мени другую такую штуку полотна прынесы видтиль, где есы сее взяла". Я, заразъ пійшовшы, зъ тои жъ скрыни пана Стефановои другую штуку полотна быцького вкрала и прынесла и отдала Васылыси баби, которій попадя велила оное до рукъ взяты.

Позвали Вуцьку Крысьчыху и спросили: правда ли, что Мотря приносила къ ней въ домъ краденое полотно и отдала ей одну штуку и полумисокъ, а другую сестрѣ ея, Настѣ попадьѣ?

Вуцька энергично это отрицала:

— Неправда есть то, жадныхъ я полотенъ въ дому моимъ не бачыла.

Но Мотря „злодійка у очи ей мовыла":

— Чого ся, Крысьчыхо, таишь? Въ тебе штука полотна и полмысокъ, а другая въ подилъ сестри твоій досталася. Я, покравшы зъ скрыни пана Козельского, подавала вамъ, за которое все полотно тилко прыходячы тыждень пыла у тебе, и далы-сте мени грошей симнадцять шагивъ. Не тайся, Крысьчыхо, взялы-сьте зъ своею сестрою у мене тое полотно и полумысокъ.

Крысьчыха упорно стояла на своемъ.

Тогда судьи велѣли Мотрю Шкурнычку „на мисти (на рынкѣ) передъ ратушомъ канчукамы добре пробыты, роспытуючысь того, чы не зъ злосты якои оную Крысьчыху взятьемъ того полотна и полумыска вона потворяетъ" (клевещетъ). Но Мотря и подъ канчуками одно твердила:

— Хочъ мя до смерты роскажитъ караты, а я одно повидаю, що полотно и полумысокъ въ Крысьчыхы.

Тутъ Вувдя (Вуцька тожъ) Крысьчыха, видя, „що вже проступку свого втаитысь трудно", повинилась:

— Що жъ, панове, такъ ся тое стало, поступыла мъ значне, взяла краденое тое полотно и полмысокъ у Шкурнычкы. Пійду до дому и заразъ усе вамъ попрыносю.

И точно, черезъ нѣсколько минутъ она вернулась съ полотномъ и полумискомъ. Полотно было „пожатое (измятое), плямы рудыи на немъ мокрыи, подобно въ гной було".

Судьи спросили Мотрю Шкурнычку: куда она дѣвала остальное полотно, укравши его не двѣ, а четыре штуки, и кому „тютюнъ, рыбу вялую и грибы, тако жъ крадучы, ношувала"? Но Мотря отвѣтила:

— Воля вамъ, панове, що хотиты надо мною чыныты, тилко, кроме тыхъ двохъ штукъ полотна быцького и полумыска, билше ничого не крала-мъ, по самій правди вамъ повидаю.

Судъ постановилъ декретъ: хотя Вуцька Крысьчыха „за свое проступство годна бъ була до значного вязеня отдана буты, однакъ мы, на вдовство еи респектуючы по части (отчасти), приказалысьмо декретомъ нашымъ", чтобы она, согласно Статуту (розд. 14, арт. 23), пану Козельскому „покраденое полотно пагородыла и во всемъ перепросыла за свою нестатечность, зъ нагороженямъ вины панскои и нашои врядовои".

Мотря „злодійка" оставлена безъ всякой кары; ей, очевидно, вмѣнили въ наказаніе битье на площади, какое она претерпѣла при допросѣ. Настю попадью почему-то вовсе не привлекли къ отвѣту.

---

40. Переволочанскій „крамарь."

Въ сотенномъ городкѣ Переволочнѣ проживалъ „крамарь" Янъ Грекъ. Людей греческой націи было немало въ тогдашней Малороссіи, и въ Нѣжинѣ, какъ извѣстно, существовала много-

численная греческая колонія. Потомки Перикла и Эпаминонда занимались у насъ преимущественно торговлей, а иные, роднясь со старшиной, сами проскакивали въ значное козачество и становились родоначальниками извѣстныхъ впослѣдствіи дворянскихъ малороссійскихъ фамилій. Переволочанскій Янъ Грекъ имѣлъ на рынкѣ „крамную комору“ и торговалъ полотномъ. Случилось, что лѣтомъ въ 1691 году какіе-то „запамяталыи и Бога не боячіися“ люди отбили ночью комору и выкрали много полотенъ и другихъ «крамныхъ ричей». Виновныхъ не нашли; было лишь подозрѣніе, что это дѣло рукъ какихъ-то „компанійцевъ“, то есть козаковъ охотницкаго полка, которые ушли затѣмъ въ Полтаву. Отправился туда и Янъ Грекъ и сталъ „чыныты опытъ (розыскъ) зъ стороны о своихъ шкодахъ“. Одинъ полтавскій житель Максимъ Костенко какъ-то и говоритъ ему:

— Есть въ городи нашому шинкарькы, въ якыхъ щось за полотно крамное бачывъ я очыма своима.

Грекъ передалъ эти слова уряду. Урядъ допросилъ Максима и, по его указанію, послалъ «осавульцивъ миськыхъ» произвести обыскъ у Вуцьки шинкарки. У нея нашли „крамное полотно, покраяное на кошули“. Вуцьку съ этимъ полотномъ, какъ „злодійскимъ лицемъ“, арестовали. Она оправдывалась, что получила его отъ Насти шинкарки. Арестовали и Настю и допросили, откуда взялось у нея это полотно. Настя „вчинила такую отповидь“:

— «Маю отъ Грыцька Кухара килька штукъ крамного полотна въ себе, якее полотно будто винъ купывъ на свою потребу».

Стали разыскивать Грыцька Кухара, но долго его не находили. Тѣмъ временемъ Вуцьку и Настю держали „у вязеню“, а потерпѣвшій Янъ Грекъ не захотѣлъ ожидать конца своей „справы“ и уѣхалъ домой.

Наконецъ „зиськалы“ какъ-то и Грыцька. Онъ точно оказался „компанѣйцемъ“ охотнаго пѣхотнаго полка пана Петра Кожуховскаго, поэтому при разборѣ его дѣла въ составъ суда былъ приглашенъ находившійся въ Полтавѣ писарь того же

полка Григорій Стефановичъ. На предварительномъ слѣдствіи, какъ впослѣдствіи и на судѣ, Грыцько такъ винился въ своемъ „проступствѣ“:

— Якъ бувъ я у Переволочній, то едного разу, пидпывшы въ корчми зъ товарышемъ моимъ Павломъ, ночнои поры пишлысьмо на рынокъ и комору Янову Грекову одбылы. Въ тую комору влизшы, Павло, товарышъ мій, выдававъ мени полотна и иншіи ричи крамныи, и готовыхъ грошей осьмаковъ чтыри таляры побралысьмо.

Другого „компанійца“ Павла не удалось допросить, такъ какъ онъ, заслышавъ объ арестѣ товарища, „утикъ“ и не былъ разысканъ.

Дѣло пришлось отложить до вызова потерпѣвшаго, а тѣмъ временемъ дано было знать Переволочанскому сотнику, „абы той Янъ Грекъ, яко власный всеи справы инстигаторъ, до суду въ Полтаву становывся“. Но отъ сотника получено было увѣдомленіе, что „оный Янъ не хочетъ на справу йіхаты въ Полтаву, шкоду свою полецивши въ забвеніе, хочъ то немалая есть его шкода“. Это извѣстіе поставило судъ въ немалое затрудненіе. Какъ же быть теперь? Трое подсудимыхъ томится въ тюрьмѣ, а „акторская сторона“ не хочетъ „справы своеи попыраты и шкодъ своихъ доходыты!“ И хоть бы дѣло было пустое, а то серьезная „горловая справа“, легко могущая окончиться смертнымъ декретомъ. Полагая, что Янъ Грекъ намѣренъ искать суда на своего „злочинцу“ Грыцька Кухара у его непосредственнаго начальника по „компанѣйской“ службѣ, снеслись съ полковникомъ Кожуховскимъ; но отъ него былъ полученъ отвѣтъ, что настоящее дѣло онъ признаетъ подсуднымъ полковому полтавскому суду и что онъ съ своей стороны послалъ Греку объ этомъ увѣдомленіе. Но упрямый Грекъ и послѣ того продолжалъ отказываться. Вотъ что писали Кожуховскому по этому поводу сотникъ и атаманъ переволочанскіе:

„Мосци пане полковныку охотный, намъ велце найласкавшій добродію! Уже повторне прызывалы-сьмо передъ себе Яна Грека, которому въ покраденю ричей крамныхъ одъ товарыства полку

вашмосци вчынылася шкода, показовалы-сьмо поважное пысьмо, присланое одъ вашмосци, абы въ Полтаву на конечную справу, для позысканя права на злочынцивъ, прыслухатысь йихавъ; лечъ (но) Янъ Грекъ якъ въ первомъ лысту отвитъ до маестрату полтавского вчынывъ, такъ въ едно слово и теперъ повторне мовытъ: „уже худоба моя потратылася, якои не сподиваюся на злочынцяхъ моихъ позыськаты, то и пры доконченю ихъ заслугы не хочу зоставаты",—и на волю вашмосци даетъ, якъ хотя зъ нымы поступыты: уважайте любъ (либо) караты по розуму и респекту вашому, любъ и безъ карносты пустыты, „а я, мовыть, тои втраченои худобы ни по кому не буду доходыты". О такій его помови, роспытавшы, выписуемо въ лысту нашому, даючы себе на завжды въ поволныи услугы. Зъ Переволочнои, іюля 28, 1691 року. Вашмосци нашому мылостывому пану, найласкавшому добродіеви, найподлійши слугы: Семенъ Безкровный, наказный сотныкъ переволочанскій; Васыль Селегедъ, атаманъ городовый".

Панъ Кожуховскій передалъ это письмо въ полковой судъ, и тотъ на другой же день приступилъ къ „доконченю справы."

При разборѣ дѣла подсудимые ничего новаго не прибавили къ тому, что было извѣстно уже на предварительномъ слѣдствіи, и судъ приступилъ къ составленію декрета. Весьма любопытно, что уклоненіе потерпѣвшей стороны отъ судебнаго преслѣдованія своего обидчика существеннымъ образомъ измѣняло степень уголовной отвѣтственности подсудимаго, хотя бы виновность его была внѣ сомнѣнія. По Статуту, истецъ въ такихъ случаяхъ терялъ свое исковое право и отвѣтчикъ освобождался отъ суда и наказанія. Малороссійскіе суды, въ общемъ раздѣлявшіе эту частно-уголовную точку зрѣнія на многія изъ преступленій, не признавали однако возможнымъ оставлять явныхъ воровъ безъ наказанія; они лишь не примѣняли къ нимъ тѣхъ суровыхъ каръ, какія предписывались закономъ, не присуждали въ возмѣщенію убытковъ потерпѣвшей сторонѣ, а наказывали ихъ по своему усмотрѣнію. Такъ и въ настоящемъ дѣлѣ судьи постановили приговоръ: „Поневажъ взглядомъ (относительно) тои шкоды инстигатора немае, щобъ того Грыцька Кухара наветъ (даже)

назначенемъ члонка было карано, однакъ велилы-сьмо его публице посередъ рынку добре кіямы быты; тако жъ Вуцьку и Настю шынкарокъ, прытомныхъ (прикосновенныхъ) до проступства, канчукамы казалысьмо скараты".

Въ заключеніе судъ возстановилъ опороченную честь случайно замѣшаннаго въ дѣло бывшаго полтавскаго подасаула Леська, котораго Грыцько Кухаръ оговорилъ на слѣдствіи, что далъ ему „баволныцю" (бумажную ткань, простыню) изъ числа вещей, похищенныхъ у Яна Грека. Леська тотчасъ взяли къ допросу, отобравъ у него „баволныцю" какъ «лыце злодійское». Но Лесько объяснилъ, что онъ, по просьбѣ Грыцька, взялся учить его ружейной стрѣльбѣ, и въ вознагражденіе за эту науку Грицько обѣщалъ уплатить ему полталяра и сверхъ того подарилъ „баволныцю", но вовсе не новую, а даже изорванную, такъ что не было и повода заподозрить, что она краденая. Судьи признали Леська ни въ чемъ невиновнымъ, „понеже винъ тую баволныцю не такъ, якъ зъ краму выходыть, прынявъ до своихъ рукъ, але хожалую (бывшую въ употребленіи) и вже вдовжъ була передраная", а потому „и за лыце злодійское не належытъ еи повернуты".

---

41. Народный судъ надъ ворами въ бориспольской ратушѣ.

Переволочанскій „крамарь" Янъ Грекъ, какъ мы видѣли, преслѣдовалъ судебнымъ порядкомъ своихъ „шкодцевъ" только до тѣхъ поръ, пока у него оставалась надежда возвратить похищенное или взыскать съ виновныхъ понесенные убытки; но какъ только эта надежда была потеряна, онъ рѣшительно отказался участвовать далѣе въ судебномъ процессѣ и откровенно высказалъ суду мотивъ своего отказа: „Уже худоба моя потратылася (т. е. погибла невозвратно), якои не сподиваюся на злочынцяхъ моихъ позыськаты, то и при доконченю ихъ заслугы не хочу зоставаты". Таково было въ огромномъ большинствѣ случаевъ отношеніе потерпѣвшихъ къ похитителямъ

ихъ собственности. Когда оказывалось, что воръ успѣлъ безслѣдно сбыть краденое, а съ него самого взыскать было нечего, потерпѣвшему оставалось лишь домогаться нравственнаго удовлетворенія, настаивая, чтобы виновный понесъ положенную въ законѣ кару, то есть подвергся повѣшенію, или отсѣченію уха, руки или ноги, а въ самомъ благопріятномъ случаѣ—сѣченію на площади у позорнаго столба и изгнанію изъ города. Чрезмѣрная ли суровость этихъ наказаній сдерживала естественный порывъ мстительности, или же здѣсь проявлялось природное добродушіе людей того времени, но только въ тогдашнихъ судебныхъ актахъ мы не нашли ни одного случая, когда бы потерпѣвшая сторона домогалась на судѣ, чтобы воръ понесъ заслуженное наказаніе. Лит. Статутъ разрѣшалъ выдавать вора, не имѣвшаго чѣмъ вознаградить потерпѣвшаго, „на выробъ“ послѣднему, оцѣнивая годовой отработокъ мужчины въ копу грошей, а женщины въ 50 грошей; но мы не можемъ указать ни одного случая, когда бы потерпѣвшіе домогались на судѣ примѣненія и этого закона. Обыкновенно они упорно уклонялись отъ предоставленной имъ закономъ обвинительной роли въ судебномъ процессѣ, если только убѣждались, что съ вора взятки гладки, и такое уклоненіе нерѣдко ставило судъ въ весьма затруднительное положеніе.

Характерный случай въ этомъ родѣ, между прочимъ, произошелъ въ Борисполѣ въ 1686 году.

Поймали на кражѣ трехъ мѣстныхъ „молодыковъ“: Оныська Голинку, Михайла Збиглаго и Ивана Коротенка и посадили подъ стражу при ратушѣ. Это была бездомная голь, корчемные завсегдатаи, отъ бездѣлья и пьянства занимавшіеся мелкими кражами. Они не таились въ своей винѣ и откровенно разсказывали, у кого изъ мѣстныхъ обывателей что украли и на какихъ базарахъ и ярмаркахъ сбывали краденое; а между тѣмъ никто изъ потерпѣвшихъ не являлся требовать на нихъ суда и расправы. Это обстоятельство стало наконецъ серьезно озабочивать „мѣйскій“ урядъ. Настоящихъ тюремъ въ то время не было, а имѣлись при ратушахъ небольшія арест-

ныя помѣщенія, разсчитанныя на кратковременное заключеніе подсудимыхъ, при чемъ отопленіе и освѣщеніе этихъ „вязныць“ лежали на обязанности мѣщанъ; они же должны были, по наряду, и стеречь арестантовъ. Понятно, что и въ данномъ случаѣ бориспольскіе мѣщане были крайне недовольны продолжительнымъ заключеніемъ названныхъ „злодіивъ“, тѣмъ болѣе, что ему не предвидѣлось конца. И вотъ въ одномъ изъ засѣданій мѣстнаго уряда, которое правильнѣе было бы назвать вѣчевою сходкою, потому что здѣсь присутствовала не только вся сотенная старшина, съ войтомъ, бурмистрами и лавниками, но и всѣ почти „зацныи и славетныи персоны“ изъ мѣстныхъ горожанъ, мѣщанъ и козаковъ,—зашла рѣчь о томъ, „яковымъ кшталтомъ (способомъ) тымъ проступнымъ а явнымъ злочынцямъ вчыныты кару“. Тутъ „вси едынокупно, такъ товарыство (козаки), якъ и мищане изговорылы, мовячы до вряду“:

— Пóкы тыхъ злочынцивъ держаты сыдячымы, бавыты мищанъ ихъ сторожею и прыклады свичкамы, на кождую ничъ свитячы, тратыты миськи гроши, на которыхъ вже коштовало золотыхъ билшъ десятка?

Урядъ объяснилъ собранію, что медленность въ рѣшеніи участи арестантовъ происходитъ единственно оттого, что никто изъ потерпѣвшихъ не хочетъ выступить ихъ обвинителемъ, и что урядъ не разъ уже вызывалъ, „абы одозвалысь тіи, въ которыхъ шкоду и крадецство почынылы оныи злочынци“, однако „а ни едынъ зъ ныхъ па судъ скаргы не уносылы“.

Собраніе долго „радылось еднокупно“, какъ выйти изъ этого затрудненія, и дало такую „пораду еднополную“, чтобы въ ближайшій пятничный „торгъ“ (базаръ), когда въ Борисполь съѣдутся люди со всего „въизду нашого“, вывести „злочинцевъ“ на площадь, выставить у позорнаго столба и велѣть имъ публично виниться въ своихъ преступленіяхъ, авось кто-либо, услышавъ о своей пропажѣ, станетъ просить на виновныхъ суда и наказанія.

Такъ и было сдѣлано. Въ назначенный день „миськи слугы“ привязали подсудимыхъ къ „пренгелю“ и, въ виду сбѣ-

жавшейся на зрѣлище толпы, подвергли допросу: „въ кого зломыслнымъ злодійскымъ способомъ що покралы и кому якіи шкоды почынылы“? Арестанты откровенно винились:

— Вкралы мы у Яцуты кобылу и продалы въ Фастови за висимъ золотыхъ; и знову въ Ковбасенка вкралы кожухивъ два и ярмулокъ (шапку), въ викно вытягшы, и продалы барзо за малыи гроши на прыстани Кыивскій. Воливъ тры вкралы, Явтуховыхъ два и Пятакового одного,—въ Кыиви продалы. Въ Гордія свыту вкралы и пырогы исъ погреба“...

И долго еще перечисляли они разныя „пакости“, какія чинили людямъ. А толпа слушала ихъ признанія, выражала негодованіе, осыпала ихъ бранью, а все-таки никто изъ потерпѣвшихъ не вызывался выступить противъ нихъ съ формальнымъ обвиненіемъ. Тогда судьи велѣли „миському слузи волаты по мисту (глашать по городу), абы кождый, кому крывда сталась, впомыналысь (заявляли свои претензіи) и инстыкговалы на тыхъ злочынцивъ“, но и эта крайняя мѣра не имѣла успѣха: „а ни едынъ на тыхъ не инстикговалъ и на смерть ихъ и на душу не вотовалы“, только раздавались изъ толпы голоса, что слѣдовало бы ихъ „впродъ добре выбыты и одъ чести людскои отлучыты“.

Когда преступниковъ снова привели въ ратушу, гдѣ происходило судебное засѣданіе, сюда съ базара и со всего города подошла многочисленная толпа, заинтересованная рѣшеніемъ ихъ участи. Урядъ снова обратился ко всему собранію съ вопросомъ: какъ же поступить съ этими явными „злодіями“, на которыхъ однако никто изъ потерпѣвшихъ не хочетъ „инстиговать“? „Тутъ увесь народъ, такъ станы старыи и середніи, яко жъ и меншіи, на оныхъ молодыхъ злочынцивъ сталы говорыты, абы булы пущени на покаяніе, мовячы: „колы и посли сёго не покаются, на своихъ головахъ однесутъ изгыбель“; однако всѣ были того мнѣнія, что отпустить ихъ безъ всякой кары все-таки не приходится.

Согласно этому народному приговору, судъ постановилъ: подвергнуть виновныхъ публичному сѣченію и затѣмъ изгнать

ихъ съ позоромъ изъ города, при чемъ всѣмъ присутствовавшимъ было объявлено, „абы и еденъ не тилко изъ прыятеливъ и кревныхъ ихъ не держалы и не прыймовалы въ домы, але и кождому прыказалы, абы сусидъ сусида перестерегавъ такыхъ зломыслныхъ надъ-звычай преступцивъ и злодіивъ не держаты, але циле (совсѣмъ) и въ уѣзду нашимъ и по селахъ не миты и не прыймозаты“. А для памяти на будущее время судъ велѣлъ „тое ихъ злодіяніе до кныгъ миськыхъ чорныхъ впысаты“ [1]).

42. Пойманный пчелокрадъ.

Съ незапамятныхъ временъ пчеловодство было любимымъ промысломъ въ Малороссіи. Еще въ половинѣ XVI ст., когда вся нынѣшняя полтавская губернія была незаселенной пустыней, сюда ежегодно, съ наступленіемъ весны, изъ разныхъ мѣстъ стекались тысячи народа главнымъ образомъ ради пчелинаго и охотничьяго промысловъ и оставались здѣсь до глубокой осени. Каневскіе и чаркасскіе мѣщане, считавшіе эти пустыни своими извѣчными „уходами“ и имѣвшіе здѣсь многочисленныя пасѣки, жаловались въ 1552 году, что большая „перекáза“ чинится имъ въ тѣхъ „уходахъ“ не столько отъ татаръ, „але большъ отъ своихъ козаковъ, которыи уставичне тамъ живутъ на мяси, на рыби, на меду, зъ пасикъ, зъ свепетовъ (бортей), и сытятъ тамъ соби медъ якъ дома“ [2]). Въ концѣ XVII ст., когда край уже былъ довольно густо заселенъ, бортное пчеловодство должно было отойти въ область преданія, но лѣсовъ, луговъ, степныхъ

[1]) По Лит. Статуту (разд. XIV, арт. 12), каждый урядъ долженъ былъ вести особыя «чорныя» книги, куда исключительно вписывались жалобы и суд. рѣшенія по дѣламъ о воровствѣ. Въ малор. судахъ «чорными книгами» именовались вообще книги уголовныхъ дѣлъ, которыя велись отдѣльно для дѣлъ гражданскихъ.

[2]) Архивъ юго-зап. Россіи, часть VII, т. I, 103.

пространствъ все еще оставалось много, цѣнность продуктовъ пчеловодства по прежнему, какъ и въ былые вѣка, превосходила цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ, поэтому въ рѣдкомъ хозяйствѣ не было своей пасѣки. Въ мѣстахъ особенно пригодныхъ для пчеловодства находились пасѣки „съ гетманскою пчелою"; ихъ было немало, въ разныхъ полкахъ, и онѣ, кромѣ естественнаго прироста, пополнялись еще тѣми пчелами, какія нерѣдко въ качествѣ судебной „вины" взыскивались съ провинившихся въ разныхъ уголовныхъ проступкахъ и, за удовлетвореніемъ мѣстной старшины, поступали также и въ пользу гетмана. Тѣмъ же способомъ увеличивали свои пасѣки до весьма значительныхъ размѣровъ полковники и другія старшины. Но самыя многочисленныя пасѣки принадлежали монастырямъ. Помимо того, что монастыри владѣли наиболѣе крупною земельною собственностью, они то и дѣло получали въ даръ отъ разныхъ лицъ именно пасѣки; такъ, напримѣръ, въ 1682 году бывшій полтавскій полковникъ Прокопъ Левенецъ „съ побожности своеи" записалъ въ даръ Скельскому монастырю свою пасѣку на рч. Орчику. Это было продолженіемъ обычая благочестивыхъ людей XV—XVI вв. жертвовать въ пользу монастырей „медовую дань" изъ своихъ имѣній.

При такомъ широкомъ распространеніи пасѣчнаго промысла въ краѣ, пчелокрадство являлось однимъ изъ наиболѣе обычныхъ преступленій. Въ рѣдкихъ случаяхъ крали медъ или воскъ, а чаще всего сами же пасѣчники воровали одинъ у другого пчелы съ ульями и переносили въ свои пасѣки, а чтобы скрыть слѣды преступленія, перегоняли пчелъ въ свои ульи, а краденые ульи сожигали или же уничтожали на нихъ чужія клейма и вырѣзывали свое. Трудно было хозяевамъ уберечься отъ этого воровства, потому что пасѣки въ то время содержались не при усадьбахъ, какъ теперь, а вдали отъ селеній, въ дикихъ лѣсныхъ мѣстахъ, преимущественно вблизи рѣчекъ. Тамъ, подъ защитою земляныхъ укрѣпленій, имѣвшихъ подобіе маленькихъ крѣпостей, пасѣчники безвыходно проводили весну, лѣто и часть осени; тамъ же имѣлись спеціальные погреба,

куда прятали пчелъ на зиму,—и въ это время, когда пасѣки оставались безъ должной охраны, онѣ всего чаще и подвергались обкрадыванію.

Такую пасѣку имѣла на р. Голтвѣ козачка-вдова Игнатыха Емчиха, изъ Диканьки, и въ декабрѣ 1690 г. послала сына Олексу навѣдаться, все-ли тамъ благополучно. Пріѣзжаетъ Олекса въ свою пасѣку и видитъ: дверь въ пчелиный погребъ открыта, и тамъ кто то хозяйничаетъ. Вмѣсто того, чтобы запереть вора въ погребѣ, растерявшійся Олекса сталъ кричать, хотя и зналъ, что въ этомъ пустынномъ мѣстѣ крикъ его не привлечетъ ничьего вниманія. Тогда изъ погреба вылѣзъ воръ, оказавшійся диканскимъ же козакомъ Ѳедоромъ Гриненкомъ, имѣвшимъ по сосѣдству собственную пасѣку. Онъ схватилъ Олексу за горло, повалилъ на землю, вынулъ ножъ изъ ноженъ и, угрожая его заколоть, грозно потребовалъ:

— Прысягайся, вражій сыну, чы не будешъ сёго никому повидаты?

Олекса, конечно, далъ требуемую присягу, но возвратившись домой, разсказалъ обо всемъ матери, а та сейчасъ же побѣжала къ атаману и сотнику и съ плачемъ пожаловалась, что Гриненко кралъ ея пчелы и хотѣлъ зарѣзать ея сына.

Въ тотъ же день Гриненко былъ схваченъ и представленъ въ сотенный урядъ, гдѣ уже собралось немало „товарыства". Его подвергли допросу, и онъ „доброволне прызнався, повидаючи":

— А що жъ, панове, правда то: такъ було, якъ Олекса говорытъ, и ще-сьмо мовывъ Олекси: „колы, Олексо, могъ бы есы сказаты, що заставъ мене въ погреби надъ пчолою, то я не теперъ—иншого часу зглажу за тое тебе зъ свита".

Несмотря на это признаніе, урядъ, „не доймуючи Олекси виры", послалъ трехъ значныхъ козаковъ на Голтву „тыхъ мистъ глядиты", гдѣ совершилось преступленіе. Тѣ, возвратившись, донесли, что точно на снѣгу „свижая патолочъ есть, де Федоръ Олексу мордовавъ".

Судъ сотенный протоколировалъ всѣ обстоятельства даннаго дѣла и вмѣстѣ съ копіей этого протокола отправилъ под-

судимаго въ Полтаву; туда же поѣхала и Емчиха съ сыномъ. Допрошенный полковымъ судомъ, Гриненко повторилъ прежнее сознаніе:

— Воля есть ваша, панове, зо мною що хотиты чыныты. Правда то: заставъ мене Олекса въ погреби пщолянимъ на злодійскимъ дили, где милемъ тіи пщолы выкравшы, на свою корысть обернуты. А якъ я зъ нымъ тамъ нестатечне поступовалемъ, хвалячыся ёго сколоты, зъ того жъ пысьма дыканьского есть мылостямъ вашымъ видомо. Тилко прошу мылостей вашыхъ надъ собою змылованя: горломъ мя даруйте, покаюся впередъ такыхъ своихъ злыхъ поступкивъ.

Справившись съ Лит. Статутомъ (разд. XIV, арт. 16), судъ призналъ, что Федоръ Гриненко за свое „злодійство" долженъ подлежать смертной казни. „Мы, однакъ (продолжаетъ декретъ), того проступцу не тилко горломъ, але и назначенямъ члонка даровалы-сьмо, тилко за проступство ёго значное злодійское вына панская маетъ быти плачена имъ конечне".

Интересно, что въ этомъ приговорѣ рѣчь идетъ только о покушеніи Гриненка на кражу пчелъ, а объ угрозѣ его лишить Олексу жизни нѣтъ и помину.

---

43. Воровство, приведшее къ убійству.

Пчелокрадъ Гриненко, какъ мы видѣли, грозилъ лишь заколоть Олексу, застигшаго его на кражѣ; но вотъ предъ нами случай, когда пойманные въ лѣсу дровокрады, желая избѣгнуть отвѣтственности за воровство, убили хозяина.

Жила въ Полтавѣ вдова козачка Настя Лесиха Чамариха, имѣвшая молодого сына Степана. Въ февралѣ 1700 года этотъ Степанъ Лесенко вздумалъ навѣдаться въ отцовскій хуторъ, находившійся на рч. Ольшаной, близъ Супруновки. Ждали его къ вечеру домой, а онъ и на другой и на третій день не возвратился. Встревоженная мать послала справиться о немъ въ хуторѣ, но его тамъ не оказалось. Стали искать повсюду, и на-

шли въ лѣсу присыпанный снѣгомъ его трупъ съ разрубленной головой. Предстояла трудная задача разыскать убійцъ. За это дѣло взялся житель с. Супруновки, значный козакъ Романъ Гояринъ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что у нѣкоторыхъ супруновскихъ жителей, не владѣвшихъ лѣсными участками, имѣются однако во дворахъ рубленыя дрова. Взявъ съ собою сельскаго атамана, онъ прежде всего отправился къ двумъ обывателямъ, пользовавшимся въ селѣ дурною репутаціею и еще недавно предъ тѣмъ судившимся за кражу вола, Герасиму Цюцюперденку и Олексѣ Твердохлибенку. Пришли на дворъ къ Герасиму и стали его спрашивать: гдѣ онъ дрова рубилъ?

— Рубавъ, де трапытся,—уклончиво отвѣчалъ тотъ.

— А чи бувъ съ тобою при томъ рубаню и товарышъ твій Олекса?

— Бувъ и Олекса,—признался Герасимъ.

Пришли на дворъ къ Олексѣ и предложили ему вопросъ: въ чьемъ лѣсу рубилъ онъ дрова вмѣстѣ съ Герасимомъ? Но Олекса угрюмо отвѣтилъ:

— Я не знаю и не бувъ зъ нымъ.

Тогда потребовалъ панъ Гояринъ, чтобы Олекса шелъ съ нимъ для очной ставки съ Герасимомъ. Олекса сказалъ, что ему нужно зайти въ хату одѣть хожухъ, но пока его ожидали на дворѣ, онъ выскочилъ въ огородъ и скрылся. За нимъ гонялись по всему селу и едва поймали. Послѣ этого Олексу и Герасима связанными отправили въ Полтаву и предали полковому суду, какъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ убійствѣ Степана Лесенка. Обвинительницей ихъ выступила мать убитаго, Настя Лесиха. „По выслуханю" ея жалобы, судьи спросили обвиняемыхъ:

— Що тому за прычына, и чы есть вы прытомныи тому учынку?

Несмотря на отсутствіе прямыхъ уликъ, оба обвиняемые добровольно признались и такъ повѣдали:

— А що жъ, панове, якъ маемо неподобныхъ ричей говорыты, прызнаемся по правди: вже намъ треба умираты. Такъ насъ грихъ поткавъ, наша прычына, що мы, два насъ, прыи-

халы до ёго грунта по дрова безотповидне, и винъ, небожчыкъ Степанъ, заставшы насъ, взявъ бувъ кобылу; въ которого мы просылы, абы вернувъ еи, и не вернувъ, хотивъ до господы взяты зъ собою. Потимъ мы, варуючись, щобъ насъ до права не удавъ, намовывшися межи собою, еденъ за груды взявъ, то есть Гарасымъ, а другій, Олекса, взявшы сокыру, обухомъ вдарывъ пидъ ухо; а якъ зспавъ зъ нигъ, такъ тогди разивъ зкилко въ голову обухомъ Гарасымъ затявъ. И взявшы кобылу, одійшлы-сьмо, а ёго на тимъ мистцу покынулы, розуміючы, що умеръ. И не забарывшысь, знову оглядилы трупу, щобъ, закрывшы снигомъ, одъихаты; ажъ винъ, небожчыкъ, звився и сыдивъ, на колоду спершысь. И тамъ вже остріемъ сокырою повыще потылыци затялы, и на тимъ мистцу зъ свитомъ попрощався, и одъихалы-сьмо ку домамъ, где насъ Богъ въ руки сёму чоловику (т. е. пану Гоярину) за невынную кровъ выдаты рачывъ, въ чимъ будетъ воля, панове, ваша. Поты нашои повисты.

Мать убитаго требовала, „абы забойци декретомъ конечнымъ булы сужени на смерть“.

Такъ какъ убитый Лесенко былъ козакъ, а убійцы принадлежали къ посполитому сословію, то судьи примѣнили къ данному дѣлу 39-й арт. 11-го разд. Лит. Статута, трактующій „о каранню людей простого стану за забытя шляхтича“, и приговорили обоихъ обвиненныхъ къ смертной казни, „поручаючи души ихъ суду праведному Божію“.

---

44. Кража въ чумацкой дорогѣ.

Среди необозримыхъ Запорожскихъ степей, по извѣстному Муравскому «шляху», въ августѣ 1690 года медленно двигалась чумацкая валка, возвращавшаяся съ солью изъ Перекопа. То были козаки изъ Сокологорской сотни, [1]) полтавскаго полка, въ свободное отъ походовъ время занимавшіеся чумацкимъ промысломъ. У передней „мажи“ шелъ „ватагъ“, или отаманъ, а за нимъ безконечною линіею тянулись воловьи и конные возы

[1]) *Сокологорка*, бывшій сотенный городокъ—нынѣ м. *Соколка*, Кобел. у., на р. Ворсклѣ.

„товарыства“. Всѣ чумаки были вооружены, потому что въ безлюдной степи имъ на каждомъ шагу грозила опасность со стороны шнырявшихъ здѣсь ногайцевъ. Впрочемъ, пока путь шелъ черезъ запорожскія паланки, чумацкая валка могла себя чувствовать сравнительно безопасной: въ каждомъ зимовникѣ, расположенномъ обыкновенно на берегу рѣки, въ уединенной балкѣ, или у вырытаго колодца, она находила защиту и пристанище, а если было нужно, то и провожатыхъ. Хозяинъ зимовника, запорожскій козакъ, обыкновенно былъ и шинкаремъ; безопасность „ватагъ“ чумацкихъ была для него не только долгомъ, но и источникомъ прибыли: онъ хорошо зналъ, что слава добраго зимовника распространяется по всей Украинѣ. Но перешагнувъ у Конскихъ-Водъ границу запорожскихъ владѣній, чумакъ мазалъ свою рубашку и одежду дегтемъ изъ предосторожности отъ „чумы и гадины“, заряжалъ „рушныцю“, добывалъ изъ воза „спыса“, а на груди, на ремешкѣ, вѣшалъ „гаманъ“, въ которомъ хранился „ярлыкъ“. Въ Ногайской степи уже ни селъ, ни зимовниковъ не было; хорошо еще, если трава уродила и вода въ полевыхъ рѣчкахъ не повысыхала, а то уже не у кого достать ни корму, ни водопоя. Отъ запорожской границы до самой Перекопской „башты“ не увидятъ уже чумаки ничего, кромѣ табуновъ или стадъ татарскихъ, весь годъ блуждающихъ съ чабанами, такими же дикими, какъ и ихъ лошади. Въ голой степи, вдали отъ аула, ногайцы не боялись никого, и для нихъ зарѣзать двухъ-трехъ ватажанъ, отнять скотину или хлѣбъ считалось молодечествомъ. А сколько обмановъ на соляныхъ озерахъ, сколько прижимокъ и вымогательствъ въ „баштѣ“ отъ всякаго рода дыздарей, имановъ, каймакановъ и другихъ ханскихъ чиновниковъ! [1])

Но наша „ватага“ сокологорцевъ благополучно миновала уже всѣ эти мытарства. „Повернувши“ отъ Молочныхъ-Водъ, [2]) она „простовала ку домивкамъ“ и уже вступила снова на тер-

[1]) Скальковскій, Исторія Новой сѣчи, т. 6, стр. 133—134.

[2]) *Молочная*, или *Молочныя-Воды*, рч. въ Таврич. губ., течетъ на границѣ Мелитоп. и Бердянскаго уѣздовъ.

риторію Коша Запорожскаго. Но нерадостный видъ имѣлъ теперь этотъ «степъ шырокій, край веселый». Въ томъ году лѣто выпало дождливое, и когда наши чумаки шли въ Крымъ, ихъ круторогіе волы буквально тонули въ буйной степной травѣ; но въ іюлѣ прилетѣла отъ Азовскаго моря саранча и въ двѣ недѣли превратила цвѣтущую степь въ безотрадную пустыню. А новыя полчища все еще продолжали нестись съ юга, закрывая солнце и наводя ужасъ на все живущее. Отъ ихъ гніющихъ труповъ появился моръ—сначала на скотѣ, а потомъ и на людяхъ, и когда наши чумаки стали приближаться къ р. Самари, встрѣчные запорожцы сообщали имъ тревожныя вѣсти, что Самарскій монастырь, а равно и оба новопостроенные московскіе городки на Самари, Новобогородицкъ и Сергіевъ, на половину или и совсѣмъ опустѣли отъ мора, и воевода тамошній князь Ржевскій „тіеи жъ смертнои не уйшовъ плягы". Слыша эти нерадостныя вѣсти, чумаки обильнѣе смазывали дегтемъ свои сорочки и усерднѣе подгоняли круторогихъ, поспѣшая къ недалекимъ уже предѣламъ родного края. Вдали уже синѣла гора Калитва, надъ Орелью, а тамъ рукой подать и до Сокологорки.

Но тутъ встрѣтилась неожиданная задержка. Одинъ изъ „товарыства", сокологорскій козакъ Васыль Башлаенко заявилъ всей „ватазѣ и старшому", что у него случилась пропажа: украдено изъ воза „убранье (платье) синее и грошей талярей девять". Что тутъ было дѣлать? Не помочь товарищу въ бѣдѣ считалось у чумаковъ однимъ изъ самыхъ позорныхъ поступковъ; съ другой стороны, нельзя было оставить безъ разслѣдованія происшедшую кражу, иначе—подозрѣніе могло падать на каждаго изъ «товарыства». И вотъ „ватагъ, по звычаю, товарыство зъ ватагою спынывъ и у всихъ возахъ струсывъ", т. е. сдѣлалъ обыскъ, причемъ у молодого козака Кирика Дмытренка „вытрусили" въ возу поличное,—„штаны тилько Васылеви, що зъ гришмы булы", а остального платья и денегъ не нашли. „Ватагъ" немедленно подвергъ Кирика допросу, и тотъ „при товарыству при всемъ, у ватази, заразъ ся прызнавъ":

— А що жъ, мои ласкавіи панове, зъ убраня гроши я вынявъ и въ прыкмети (въ замѣченномъ мѣстѣ), подле шляху, на Кильчени [1]) въ бурьянъ кынувъ.

„Ватагъ" призналъ необходимымъ провѣрить это показаніе и, взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ „товарыства", отправился на Кильчень и велѣлъ Кирику указать „тую прыкмету"; но послѣдній такъ былъ взволнованъ страхомъ ожидавшей его кары, что никакъ не могъ указать мѣста, куда онъ припряталъ украденное, и сколько ни искали всѣ по бурьянамъ, ничего не нашли. Случись подобное дѣло въ глубокой степи, вдали отъ поселенныхъ мѣстъ, ватагъ, пользовавшійся въ пути почти диктаторскою властью, обязанъ былъ произнести формальный приговоръ и подвергнуть провинившагося должному наказанію; но завтра вся валка должна вступить въ предѣлы своего полка, и всѣ полномочія атамана должны окончиться; ктому же провинившійся и потерпѣвшій были односельцами. Поэтому ватагъ „не прикрылъ ихъ декретомъ", а ограничился тѣмъ, что отобралъ у Кирика Дмитренка коня съ возомъ и солью „и зъ рушныцею" въ качествѣ „вины", предоставивъ Башлаенку судиться съ нимъ дома, передъ сотеннымъ урядомъ, а „лице", т. е. отысканное у Кирика платье, обязался самъ представить сотнику.

Спустя нѣсколько дней по возращеніи домой, Василь Башлаенко предъявилъ сокологорскому сотенному уряду жалобу на Башлаенка о кражѣ. Онъ не добивался наказанія для провинившагося и впередъ заявилъ, что если Башлаенко „вси мои утраты нагородитъ, то отъ мене вольнымъ станетъ, а вины панскои не заступую, и овшемъ (напротивъ) повиненъ будетъ Кирикъ платити за свое проступство, якъ явный злодій". Дѣло было настолько безспорное, что присутствующій на судѣ отецъ Кирика, „старый Дмитро, не вдаючися въ жадную контроверсію", немедленно изъявилъ готовность удовлетворить истца и тутъ же, на урядѣ, „во всемъ его погодилъ". На судѣ предсѣдательствовалъ

---

[1]) *Кильчень*—рѣчка въ теперешнемъ новомосковскомъ у., правый притокъ Самари.

въ это время бурмистръ полтавскій Олекса Рымарь, присланный отъ полковника въ Сокологорку для какой-то судебной ревизіи. Онъ согласился на мировую потерпѣвшаго съ Кирикомъ и здѣсь же отобралъ отъ Дмитра „вину панскую за тотъ крадижъ его сына при явномъ лицу“: воловъ три, яловицъ двѣ и „яловка“ (молодого бычка). Протоколъ по данному дѣло былъ вписанъ „до книгъ мѣскихъ сокологорскихъ“, а засвидѣтельствованная копія его была взята Олексой Рымаремъ для предъявленія полковому суду, которому принадлежало право окончательнаго рѣшенія настоящаго дѣла. Послѣдній, принявъ во вниманіе молодость Кирика Дмитренка, „даровалъ его назначенямъ члонку, якъ явного злодія“, а велѣлъ его „скарати виною панскою и врядовою“, которая впередъ была взыскана.

---

45. Попытка утаить деньги, взятыя на храненіе.

Осенью 1698 года супруновскій шинкарь Петро Максименко ходилъ по селу Гуджуламъ, что близъ Полтавы, и правилъ долги, „за напой уроблыи“, такъ какъ въ то время шинковые напитки рѣдко продавались на наличныя деньги, а больше въ долгъ („наборгъ“), и лучшимъ временемъ для сбора этихъ долговъ была осень. Обошелъ Максименко много дворовъ и собралъ немало денегъ, но это стоило ему большого труда, такъ какъ въ рѣдкомъ дворѣ ему не приходилось браниться съ хозяевами, отказывавшимися платить или оспаривавшими сумму долга, записанную углемъ на стѣнкѣ его шинковаго дома. Желая отдохнуть и подкрѣпить силы, зашелъ онъ къ мѣстному шинкарю Ничипору Юрченку, потребовалъ конву меду и сѣлъ пить съ хозяиномъ. Вскорѣ „въ той же компаніи згодывся“ давній пріятель Максименка, мѣстный козакъ Иванъ Безсусидненко, любившій ежедневно навѣщать шинковый домъ въ видахъ неожиданной встрѣчи съ друзьями. По этому поводу была потребована другая конва, за нею и третья. Между тѣмъ наступалъ вечеръ, и хотя до Супруновки было рукой подать, но

Максименко чувствовалъ себя охмелѣвшимъ и не рѣшился ѣхать домой „пóночи“, а согласился принять радушное приглашеніе хозяина переночевать у него. Послѣ этого пріятели пили еще немалое время, а затѣмъ окончательно охмелѣвшій Максименко вынулъ изъ-за пазухи „тхорыкъ“ (родъ кошелька) съ деньгами и, отдавая его Безсусидненку, сказалъ:

— Брате Иване! Чомусь на мене люде ропэтятъ. Прыймы ты въ мене, пидпылого, тіи гроши и заховай, щобъ въ мене ихъ хто не выдравъ пóночи.

Безсусидненко и Юрченко взяли эти деньги и тотчасъ уложили гостя спать на лавѣ, и хотя къ комнатѣ долго еще продолжался шумъ и гамъ пьянствовавшихъ здѣсь посѣтителей, но Максименко былъ привыченъ къ подобному шуму и спалъ какъ убитый.

Проснувшись поутру, онъ обратился къ хозяину съ просьбой возвратить взятыя на сохраненіе деньги,—тотъ притворился, что не понимаетъ даже, о какихъ онъ деньгахъ говоритъ. Побѣжалъ къ Безсусидненку—тотъ такъ же „ротился и клялся“, будто не бралъ отъ него никакихъ денегъ. Тутъ несчастный Максименко взвылъ благимъ матомъ: пропала немалая сумма, сорокъ золотыхъ, а главное—это были деньги чужія, такъ какъ онъ состоялъ лишь наемнымъ шинкаремъ у значнаго козака Романа Гоярина, въ Супруновкѣ, и въ его пользу собиралъ долги въ Гуджулахъ. Явился сельскій атаманъ, собрались старые козаки изъ числа мѣстныхъ жителей, судили-рядили, а дѣла рѣшить не могли, такъ какъ Юрченко и Безсусидненко упорно стояли на своемъ и клятвенно утверждали, что не брали отъ Максименка на храненіе никакихъ денегъ и вовсе не видѣли у него таковыхъ. Наконецъ имъ удалось отвести отъ себя подозрѣніе и свалить его на нѣкоего Процыка, извѣстнаго пьяницу, наканунѣ дольше всѣхъ остававшагося въ шинкѣ Юрченка и даже заночевавшаго подъ столомъ, въ одной хатѣ съ потерпѣвшимъ. Несчастный Процыкъ съ похмелья рѣшительно ничего не помнилъ, что происходило наканунѣ, тѣмъ не менѣе на него „зложили злодійство“, посадили въ колоду, боемъ хотѣли выму-

чить отъ него сознаніе въ кражѣ, наконецъ взяли его веревкой за шею и хотѣли вести въ Полтаву, на судъ къ полковнику. Но въ эту минуту пріѣхалъ въ Гуджулы „самъ акторъ тои шкоды“, панъ Романъ Гояринъ,—и дѣло приняло другое теченіе.

Этотъ „панъ“ Гояринъ представляетъ собою интересную, хотя и загадочную личность. Онъ не занималъ никакого уряда, и мы ничего не знаемъ ни о его происхожденіи, ни объ уровнѣ его образованія; но изъ всего видно, что это былъ очень умный человѣкъ, вѣроятно не лишенный и школьнаго образованія, а главное—одаренный выдающимися судебно-слѣдовательскими способностями. Мы уже имѣли случай видѣть, какъ онъ, дѣйствуя безъ всякаго оффиціальнаго полномочія, проявилъ эти способности въ постороннемъ для него дѣлѣ—объ убійствѣ Степана Лесенка [1]).

Такую же слѣдовательскую опытность обнаружилъ Гояринъ и въ настоящемъ случаѣ, близко касавшемся его личныхъ интересовъ. Онъ сразу же разгадалъ, что пьяный Процыкъ непричастенъ воровству, и тотчасъ настоялъ на его освобожденіи. Затѣмъ онъ разслѣдовалъ, кто именно изъ жителей с. Гуджуловъ находился въ шинкѣ Юрченка въ тотъ вечеръ, когда тамъ пьянствовалъ Максименко,—и ему удалось отыскать между ними троихъ важныхъ свидѣтелей, которые почему-то не рѣшались уличить Юрченка и Безсусидненка при разслѣдованіи дѣла, произведенномъ атаманомъ и громадою. Заручившись этими данными, Гояринъ обратился за судомъ къ владѣльцу с. Гуджуловъ, полтавскому полковому судьѣ Петру Буцкому, находившемуся въ то время въ своей „маетности“. И Буцкій не отправилъ истца въ Полтаву, въ полковой судъ, а немедленно открылъ судебное засѣданіе въ своемъ домѣ, допустивъ къ участію въ немъ „многихъ особъ“, очевидно изъ числа мѣстныхъ жителей. Это—единственный извѣстный намъ случай, что полковой судья судитъ безъ участія полковой и магистратской старшины и, притомъ, не въ ратушѣ, обычномъ мѣстѣ засѣданій полковаго суда, а у себя въ имѣніи.

[1]) См. выше очеркъ подъ № 43.

Гояринъ, въ качествѣ главнаго истца, выступилъ съ открытымъ обвиненіемъ Юрченка и Безсусидненка въ утайкѣ взятыхъ ими „до спряту“ денегъ у Максименка и „на доводъ своеи справы“ ставилъ трехъ свидѣтелей. Первымъ изъ нихъ допрошенъ былъ житель с. Гуджуловъ Сидоръ Зинычъ. Онъ такъ показалъ:

— Бачывъ я, панове, тое, що Максыменко, вынявшы гроши зъ пазухы своеи у тхорыку, давъ Ивану Безсусидному до спряту. Безсусидный и Нычыпоръ Юрченко заразъ пишлы у сины и личылы оныи гроши.

— Неправда то есть, панове,—возражали обвиняемые: прысягою и клятвою себе заслоняемъ, що не знаемъ и не видаемъ о тыхъ грошихъ; а колы бъ тое на насъ мило перевестыся, то мы самы на себе мылосты не просымъ и горло свое ставымъ.

Тогда истецъ, „на досконалый доводъ тои жъ справы“, поставилъ еще двухъ „свидковъ“, Ивана Петренка и Дыныса Сергіенка, которые „у очи“ стали говорить обвиняемымъ:

— Шкодà билшъ и людей добрыхъ турбоваты! Не тайтеся: у васъ гроши—верните, бо Максыменко, пидпылый будучы, давъ вамъ зъ тхорыкомъ гроши до спряту, якіи взявшы, и личылы-сте въ синяхъ.

Послѣ этого судъ, „уважаючы тое“, что хотя обвиняемые и продолжали упорно отрицать приписываемое имъ преступленіе, „але же (такъ какъ) при трёхъ или двохъ свѣдителяхъ всякъ глаголъ станетъ“, призналъ Юрченка и Безсусидненка виновными въ утайкѣ денегъ и, „давши ихъ до вязеня, велѣлъ ихъ домы и худобу арештовати“.

Приговоръ этотъ подлежалъ немедленному исполненію, такъ что истецъ, вмѣстѣ съ атаманомъ и понятыми, прямо изъ суда отправился описывать имущество обвиняемыхъ. И когда пришли въ домъ Безсусидненка, то его жена, убѣдившись, что

запирательство мужа не привело ни къ чему, и желая выгородить себя, призналась предъ всѣми:

— А що жъ, панове, въ мене тыи гроши не булы: въ Ивана воны и теперъ за пазухою вси есть.

Гояринъ тотчасъ вернулся къ судьѣ и потребовалъ, чтобы Иванъ Безсусидненко былъ подвергнутъ допросу и обыску. Когда послѣднему предложили добровольно возвратить полученныя отъ Максименка деньги, онъ продолжалъ увѣрять:

— Немашъ у мене жадныхъ грошій, кромъ пяты золотыхъ.

Но когда его „велено струснути" (обыскать), за пазухою у него нашли въ цѣлости сорокъ золотыхъ, только не въ „тхорику", а въ калытци". Тутъ только Безсусидненко, „будучи поконаный лицемъ", пересталъ запираться и сказалъ:

— Гроши твои, пане Романе; а тхорыка я тогди жъ покынувъ на улыци, щобъ хто взявъ, а гришмы милы-сьмо зъ Нычыпоромъ подилытыся,—въ тимъ наша вына.

Послѣ этого судъ приступилъ къ составленію окончательнаго декрета. Въ законѣ не оказалось параграфа, прямо относящагося къ случаямъ, подобнымъ настоящему, поэтому пришлось по аналогіи примѣнить 7-й арт. 14-го разд. Статута, предписывающій казнить смертью „приличного злодія", укравшаго на сумму болѣе четырехъ копъ [1]). Хотя въ данномъ случаѣ не было прямой кражи, а была лишь попытка утаить чужія деньги, но (продолжаетъ декретъ) „поневажъ оныи злочынци взывали имя Божое надаремно и сталыся крывопрысяжцямы, бо за свидоцтвомъ трёхъ особъ мусилы тыи гроши лыцемъ шкодуючому вернуты",—то судъ, увольняя ихъ „отъ горловои карности", объявилъ ихъ „безецными", т. е. лишенными чести, въ силу чего они, согласно праву Магдебургскому [2]), „до кождого такъ достоинства, яко жъ и свидоцтва не маютъ быти припущоны". Сверхъ того, они обязаны были уплатить суду „звыклую вину" и „вси утраты шкодуючому нагородити".

1) Литовская копа равнялась двумъ золотымъ и 15-ти грошамъ; слѣдовательно, сорокъ золотыхъ составляло 16 копъ.

2) Jus Municipale, изд. Щербича, 1581 г., артык. IV, п. 7 и 8.

46. Раскаявшійся воръ-утайщикъ.

У полтавскаго мѣщанина Стефана Бутка, зятя извѣстнаго въ то время богатаго „купца" Стефана Козельскаго, лѣтомъ 1699 года случилась покража: изъ его „коморы" (лавки), стоявшей на рынку, кѣмъ-то была похищена значительная сумма 596 золотыхъ. Огорченный этой потерей, Бутко просилъ и родныхъ, и пріятелей, и всѣхъ „добрыхъ людей" помочь ему въ розыскѣ украденныхъ денегъ, но и самые энергичные розыски не привели ни къ чему: ни вора, ни денегъ не отыскивалось. Такъ прошло около мѣсяца. Бутко никакъ не могъ примириться съ постигшимъ его несчастьемъ и продолжалъ „журиться". Но вотъ однажды, раннимъ утромъ, вышла его жена въ сѣни и увидѣла на полу какой-то свертокъ; развязала—тамъ оказались деньги 92 таляра [1]), очевидно кѣмъ-то вброшенные въ оконце. Скоро послѣ этого объявился и похититель.

Былъ у Бутка въ Полтавѣ шинокъ, куда часто заходилъ „на пидпытокъ" его сосѣдъ Якимъ, „Пороховниковъ зять". Это былъ бѣдный ремесленникъ, какъ и его тесть, занимавшійся выдѣлкой пороха. Однажды онъ засидѣлся въ шинкѣ дольше обыкновеннаго и, увидя зашедшаго сюда хозяина, сталъ униженно просить его выпить съ нимъ меду, обѣщая за то сообщить ему нѣчто очень важное. Заинтересованный этимъ обѣщаніемъ, Бутко присѣлъ къ подвыпившему гостю и велѣлъ подать конву съ медомъ. Якимъ находился въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, былъ необыкновенно говорливъ, безъ всякаго повода пустился увѣрять Бутка въ своей необыкновенной якобы преданности и расположеніи къ нему, и всѣ эти излія ія неожиданно закончилъ слѣдующимъ признаніемъ:

1) Таляръ равнялся тремъ золотымъ.

— Знай, брате, що твоимъ грошимъ, за якіи журышся, я есть прытомнымъ. Бо въ той часъ, якъ ты, маючы утрату, спрошувавъ людей для розыску шкоды, и я на прошеніе твое пишовъ и тіи гроши у сини на комори знайшовъ и въ пазуху зъ мишкомъ вложывъ, а прынисты, въ господи своій сховавъ у землю и накрывъ бочкою. А не за довгымъ часомъ моя сестра и сусидка Марья товклы порохъ, и метучы сины, знайшлы пидъ бочкою тіи гроши. Сестра жъ взяла соби золотыхъ десять, а сусида пивсорока золотыхъ. Я, узнавшы про тое, поотбиравъ отъ ныхъ тіи гроши, хочай не вси, и вже по розныхъ мистцяхъ ховавъ. И стало мени нудно вельмы, и не знавъ, где ся зъ нымы подиты,—вкынувъ въ сины тоби оконцемъ, где двери отчыняютъ.

Разумѣется, Бутко не замедлилъ на другой же день представить откровеннаго Якима въ полковый судъ и „просить на него святои справедливости". На допросѣ судебномъ Якимъ не отрекся отъ своихъ словъ и повторилъ прежнее „самохотное" признаніе:

— Гроши чодъ синомъ въ комори я взявши, въ дому своимъ сховавъ и доброволне прызнаю, що Степанови прытомніи гроши, мною не краденыи, тилко найденыи и схованыи въ дому моимъ, подкынувъ я у Степанови сины, до которыхъ и теперъ, якъ насамоти, выннымъ ставаю себе Степанови, чого недостаетъ ёго суммы, отплачоватыся, покы мого здоровья и худобы станетъ.

Судъ, вмѣсто декрета, велѣлъ прочесть въ слухъ 7-й арт. 14-го разд. Статута, гласящій: „кождый злодій, зъ лицемъ приведеный и правомъ переконаный при лыци его, которое бы стбяло вышей чотырохъ копъ грошій, маетъ быти горломъ каранъ", и затѣмъ выдалъ обвиняемаго „на волю шкодуючой сторонѣ", предоставляя ей „якъ хотиты зъ злодіемъ поступыты". Степанъ Бутко заявилъ, что онъ „не инстигуетъ шкодцу своего на смерть", а желаетъ, чтобы Якимъ выплачивалъ ему недостающіе 320 золотыхъ, истраченные имъ изъ общей суммы 596 золотыхъ. Судъ объявилъ Якима „вольнымъ отъ смерти"

и обязалъ его „во всемъ погодити" истца. Здѣсь же, на судѣ, сдѣлана была разцѣнка убогаго имущества отвѣтчика, которое должно было поступить на пополненіе „утраты" Бутковой: хата съ дворомъ была оцѣнена въ 8 копъ, конь въ 10 таляровъ, двадцать смушковъ въ 10 золотыхъ, полкаменя пороху въ 10 копъ, три плахты съ полотномъ въ 5 золотыхъ, поясъ шелковый въ ту же цѣну. Недоставало еще около 200 золотыхъ, но Бутко согласился, чтобы Якимъ выплачивалъ ему эту сумму по мѣрѣ своего заработка.

---

47. Возстановленіе опороченной чести.

Одну изъ многочисленныхъ категорій судебныхъ дѣлъ въ старой Малороссіи составляли дѣла „о заданю ущипливыхъ словъ", „о зелженю въ доткливости чести", т. е. о поношеніи, клеветѣ и диффамаціи. Здѣсь, на ряду съ серьезными обвиненіями, встрѣчается много и мелочныхъ претензій, нерѣдко возникавшихъ изъ-за такихъ же маловажныхъ обидъ, какъ и та, изъ-за которой поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Но какъ въ повѣсти Гоголя неправильно было бы видѣть лишь забавный фарсъ, комическое изображеніе чрезмѣрной обидчивости или страсти къ тяжбамъ, такъ и въ старинныхъ тяжбахъ о безчестьи ясно сказывается вовсе не мелкое сутяжничество, а сознательная заботливость людей того вѣка—безъ различія ихъ званія и общественнаго положенія—объ охранѣ чести, объ огражденіи добраго имени отъ малѣйшаго нареканія. Такая заботливость вообще свойственна характеру малоросса, который какъ огня боится худой о себѣ славы, „людской поговирки". Ему совершенно чужда и непонятна мысль пословицы: брань на воротѣ не виснетъ,—напротивъ, его больно задѣваетъ малѣйшее оскорбительное слово, пустая сплетня, и онъ готовъ отважиться на крайнія средства, чтобы очиститься отъ несправедливаго нареканія и возстановить опороченную честь. Въ XVI—XVII вв. среди южно-русскаго дворянства

правобережной Малороссіи, знакомаго съ рыцарскими понятіями о чести, дѣла объ оскорбленіи весьма часто разрѣшались формальными поединками, запрещенными (и то не безусловно) лишь третьей редакціей Лит. Статута. Въ козацкой Малороссіи дуэль не практиковалась, но общественное мнѣніе требовало, чтобы всякій, кто считалъ себя невинно обезчещеннымъ или опороченнымъ, непремѣнно обращался въ судъ, приговоръ котораго одинъ имѣлъ силу возстановить его доброе имя. Кто этого не дѣлалъ, тотъ создавалъ для себя крайне опасный прецедентъ, которымъ могъ безнаказанно воспользоваться любой изъ его недруговъ. Предполагалось, что только тотъ терпѣливо сносилъ безчестье, чья репутація была не совсѣмъ безупречна. Поэтому, едва заводилась въ шинкѣ, на „бѐседи“ или въ иномъ публичномъ мѣстѣ ссора и кто-либо „публиковалъ“ другого воромъ, прелюбодѣемъ или „наволикавъ“ на него иной безчестный поступокъ, обиженный тотчасъ обращался въ судъ съ жалобой за клевету и съ требованіемъ, чтобы клеветникъ доказалъ свои слова. Часто обидчикъ, одумавшись или протрезвившись, спѣшилъ примириться съ обиженнымъ и просилъ у него прощенія при свидѣтеляхъ; но потерпѣвшій не могъ удовлетвориться этимъ: соглашаясь на мировую, онъ все-таки требовалъ, чтобы „угода“ и „помиркованье“ непремѣнно были заявлены передъ урядомъ и записаны въ судебныя книги. И судъ въ такихъ случаяхъ, по просьбѣ невинно опороченнаго, постановлялъ декретъ, въ которомъ „приписовалъ ему зацность (честь), якъ и передъ тымъ цнотливымъ зоставалъ“, и выдавалъ ему форменную копію этого декрета; а чтобы кто иной не посмѣлъ вновь взводить на него ту же напраслину, ссылаясь на то, что первый клеветникъ остался безнаказаннымъ, судъ въ томъ же декретѣ налагалъ денежную „заруку“ (штрафъ) на всякаго, „хто мѣлъ бы тое поновити“. Если же обидчикъ не успѣвалъ до суда примириться съ обиженнымъ или же упорно стоялъ на своемъ, судъ требовалъ отъ него доказательствъ, выслушивалъ его свидѣтелей, и когда его обвиненія не подтверждались, объявлялъ его „потварцею“ (клеветникомъ), присуждалъ къ вы-

полненію позорнаго обряда „ревокаціи“, взыскивалъ „вину“ и „навязку“ въ пользу потерпѣвшаго, съ возвратомъ понесенныхъ имъ по веденію дѣла издержекъ, а иногда подвергалъ виновнаго и тюремному заключенію. Въ дѣлахъ о поношеніи женской чести, сверхъ всего этого, практиковался еще (какъ мы не разъ упоминали) обычай, въ силу котораго невинно оклеветанная имѣла право, въ судебномъ присутствіи, бить по щекамъ своего клеветника.

Была, однако, категорія лицъ, которыхъ можно было безнаказанно поносить и злословить всякому, а они не имѣли права обращаться къ судебной защитѣ. Это были, прежде всего, неисправимые воры, которыхъ судъ съ позоромъ изгонялъ изъ мѣста ихъ жительства и „одъ чести людской отлучалъ“ [1]), а равно и тѣ, кого онъ за мошенничество и ложную клятву, увольняя „одъ горловои карности“, объявлялъ „безецными“, т. е. лишенными чести [2]); во-вторыхъ, приговоренные къ смертной казни, но помилованные судомъ по просьбѣ потерпѣвшихъ или по ходатайству „зацныхъ людей“; въ-третьихъ, потерпѣвшіе наказаніе у позорнаго столба, „цехованные на тѣлѣ“, т. е. подвергшіеся отсѣченію руки, ноги, уха, подвергшіеся пыткѣ и вообще побывавшіе „въ катовскихъ рукахъ“; захваченные на „мерзкомъ учинкѣ“ и подвергшіеся обрѣзанію полъ платья; уличенные въ воровствѣ, хотя бы они успѣли примириться съ потерпѣвшимъ и тѣмъ избѣгли положеннаго въ законѣ наказанія; уличенные въ лжесвидѣтельствѣ, ложной присягѣ и т. под. [3]). Всѣ такія лица, по выраженію Магдеб. права, „терпятъ змазу на славѣ и почтивости и право свое втратили“, именно—они

---

[1]) Для примѣра укажемъ на такой приговоръ въ очеркѣ № 41.

[2]) Такой приговоръ см. въ очеркѣ № 45.

[3]) Магдеб. право къ этой же категоріи „безецныхъ“ причисляетъ, сверхъ того, незаконнорожденныхъ („бенкартовъ“), ростовщиковъ („лыхварей“), шулеровъ („костыровъ“), опекуновъ-расточителей и др.; но въ практикѣ козацкихъ судовъ мы не нашли указаній на то, чтобы такія лица почитались лишенными чести.

не могли быть свидѣтелями въ судѣ, не имѣли права занимать общественныхъ должностей, лишались права „довести присягою своей невинности“ въ тѣхъ случаяхъ, когда это дозволялось закономъ; „таковымъ жаденъ отповѣдати не повиненъ“ (въ судѣ), но они „всякому обязаны справляться“, кто бы ихъ въ чемъ-либо обвинялъ [1]). Какъ видимъ, положеніе подобныхъ лицъ было въ высшей степени тяжелое. Это нужно принимать въ соображеніе для правильной оцѣнки того безпримѣрнаго милосердія, съ какимъ малороссійскіе суды сплошь и рядомъ освобождали приговоренныхъ отъ смертной казни и другихъ суровыхъ наказаній. Очевидно, потому и освобождали, что помилованный преступникъ все равно не оставался безнаказаннымъ: надъ нимъ до конца его жизни тяготѣлъ позоръ лишенія чести, тѣмъ болѣе ужасный, что онъ передавался по наслѣдству и его потомкамъ, ибо, по смыслу Магдеб. права, „срамота предковъ простирается до третьяго поколѣнія“ [2]). О степени тяжести этого позора краснорѣчиво говорятъ такіе факты, какъ домогательства невиновныхъ супруговъ относительно расторженія ихъ брачнаго союза съ мужьями или женами, опозорившими себя и семью совершеніемъ преступнаго дѣянія. Вспомнимъ, напримѣръ, съ какою страстною мольбою обратилась къ суду жена бывшаго кишиньскаго атамана Раецкаго: „Мылостывіи панове! И я, и сыны мои слезне просымо, абы одъ такого збрудня зостала-мъ свободна, бо винъ мене, при моій старости, до вичнои ганьбы и неславы прывивъ“ [3]). Или припомнимъ отвѣтъ бориспольскаго козака Лукьяна Лихолапа на вопросъ судей: согласенъ ли онъ продолжать брачный союзъ съ женою, хотя и обвиненною въ незначительной кражѣ, но получившей прощеніе отъ потерпѣвшей стороны и потому „дарованной жадною карностью“?—„Пане вряде! Я не хочу єѣ мѣти собѣ за жону, колы вона съ тыхъ злыхъ речий выводу не дастъ (не

[1]) Jus Municipale, изд. Щербича 1581 г., арт. IV.
[2]) Тамъ же, арт. IV, п. 5,
[3]) См. выше, очеркъ № 29.

оправдается): болше неславы не хочу на собѣ носыты“ [1]). И судъ, вопреки всякому писанному закону, расторгалъ браки въ такихъ случаяхъ, а чтобы преступленіе виновной стороны не падало и малѣйшею тѣнью на репутацію невиннаго мужа или жены, выдавалъ имъ особое письменное удостовѣреніе, въ родѣ того, какое истребовалъ себѣ Лихолапъ: „Якъ до сего часу Лукьянъ Лихолапъ цнотливымъ былъ, и теперъ цнота (честь) его ни въ чомъ не нарушона; якъ зацнымъ передъ тымъ былъ, и теперъ зацный. А хто бъ мѣлъ важитися ему на цноту (посягать на его доброе имя), на собѣ самъ понесетъ“. Очевидно, даже разводъ не вполнѣ гарантировалъ невиновнаго супруга отъ возможныхъ нареканій, и требовался особый документъ для огражденія его чести. Тѣмъ болѣе необходимъ былъ такой документъ лицамъ, привлекавшимся къ суду хотя бы по самымъ маловажнымъ дѣламъ. Мнѣніе толпы не могло точно разбирать, за какія именно преступленія законъ каралъ лишеніемъ чести, и готово было предавать позору чуть не всякаго, кто вообще подвергался суду, хотя бы и не былъ осужденъ. „Ты—нецнота: тебе въ чорныхъ кныгахъ напысано“!—это была наиболѣе обычная форма диффамаціи. „Чорными книгами“, по Статуту (разд. XIV, арт. 12), именовались особыя актовыя книги въ судахъ, куда для памяти вносились спеціально „справы злодійскія“, т. е. дѣла о воровствѣ. Въ актахъ малороссійскихъ судовъ такія „справы“ не выдѣлялись изъ числа другихъ уголовныхъ дѣлъ и на ряду съ ними вносились въ однѣ книги. Отсюда, вѣроятно, возникло ошибочное представленіе, будто всякая судимость сопровождалась внесеніемъ въ „чорныя книги“ и, слѣдовательно, влекла за собою лишеніе чести.

Въ предыдущихъ очеркахъ разсѣяны многочисленныя фактическія подтвержденія высказаннымъ здѣсь положеніямъ; въ дополненіе приведемъ еще нѣсколько характерныхъ процессовъ.

—

[1]) Очеркъ № 14.

Нѣкій Павло Жукъ, полтавскій „швець“ (сапожникъ), имѣлъ за что-то злобу на хорунжаго Кузьму Воскобойниченка и, „не шануючи“ нимало его старшинскаго званія, поносилъ его всенародно въ іюлѣ 1689 г. среди базарной площади, „подъ часъ торгу“, обзывалъ „злодіемъ“, а когда вели на казнь осужденнаго вора, то Павло Жукъ, завидѣвъ среди старшины пана хорунжаго, кричалъ ему: „И ты такый же розбойныкъ!“ Хотя всѣ видѣли, что „швець“ былъ въ это время пьянъ, но Воскобойниченко не могъ простить публично нанесеннаго ему поруганія и позвалъ Жука въ судъ.

— Мылостывыи панове! жаловался онъ при разборѣ дѣла великое зелженя одержавъ я на слави моій. Прошу васъ, нехай оный Жукъ того злодійства мени доводыть, а я о своимъ цнотливомъ мешканю дамъ слушный выводъ.

Судьи приказали „шевцеви на тую зелживость отповидаты“; но что онъ могъ отвѣтить, когда у него болѣла голова съ похмелья и онъ плохо понималъ событія вчерашняго дня?

— А що жъ, панове,— винился онъ,—пьяный то я бувшы, пащековавъ на цнотлывого чоловика. Моя въ тимъ вына.

Судъ, „прыхыляючися до рады товарыскои“, примѣнилъ къ данному случаю 28-й артыкулъ 3-го разд. Статута, относящійся собственно къ опороченію женской чести и чьей-либо законнорожденности, и приговорилъ Жука къ уплатѣ пану хорунжему „навязки“ сорока копъ грошей и къ „ревокаціи“. Обрядъ ревокаціи состоялъ въ томъ, что клеветникъ былъ обязанъ здѣсь же, въ судебномъ присутствіи „тую примовку очистити и тыми словами отмовити: „що я на тебе менывъ, яко бы ты бувъ злодій, то на тебе я брехавъ якъ песъ“. Когда Павло Жукъ выполнилъ этотъ обрядъ, судъ обязалъ его еще разъ „перепросити пана хорунжого и нагородити ему вси правные выклады (судебныя издержки)“, уплативъ сверхъ того „вину панскую“.

Такъ не дешево обошлась Жуку „примовка на зацную персону“.

—

Впрочемъ, тогдашній судъ одинаково оберегалъ честь и доброе имя всякаго.

Въ ноябрѣ того же 1689 года жаловался въ полтавскомъ полковомъ судѣ обыватель села Мачохъ, Остапъ Кгуліянъ:

— Панове, мію неменшое зелженя (не малое безчестье) отъ Васыля Слынченка въ доткливости чести моеи: задаетъ мени злодійство, одъ чого рачъ мя Пане Боже вароваты!

Судьи спросили Слынченка:

— Якъ бы ты могъ злодійство Остапови прыректы?

Слынченко не растерялся и смѣло отвѣтилъ:

— Не тилько я скажу злодійство Остапови, але мію людей зацныхъ старынныхъ: Грыцуна Росошенка, зъ Мачохъ, Петра Золоченка,—тыи могутъ посвидчыты, що Остапъ есть злодій.

Названные свидѣтели оказались на лицо,—ихъ очевидно привезъ съ собою отвѣтчикъ,—и судъ, „обязавши впередъ ихъ сумненямъ и боязню Божою, абы по самій истыни сказалы о злостехъ Остаповыхъ“, подвергъ допросу. Но каково было негодованіе Слынченка, когда первый изъ нихъ, Грыцунъ, „зацная персона“, показалъ такъ:

— Варуй Боже, панове, не знаю я о найменшихъ злостехъ Остаповыхъ. А то вамъ правдыве повидаю: Слынченко Васыль дававъ мени таляра, абы я на Остапа злодійство наволикавъ, то я того таляра, варуй Боже, не бравъ. Очне (въ глаза) тое Васылеви мовлю.

Позвали другого „свидка“, Петра Золоченка, но и онъ показалъ то же:

— Варуй того Боже, на Остапа я ничого не знаю, а тое одъ тебе, Васылю, чувъ, що ты Грыцунови дававъ таляра, щобъ винъ на Остапа злодійство наволикавъ.

Слынченко все еще не сдавался и, обращаясь къ истцу, сказалъ:

— Уже ты, Остапе, въ чорныхъ кныгахъ злодіемъ напысанъ.

Судъ велѣлъ „въ чорныхъ кныгахъ шукаты, и не знайдено тои справы, бо и немашъ“. Тогда судъ призналъ Василя Слын-

ченка „за власного потварцу“ (настоящимъ клеветникомъ) и примѣнилъ къ нему 109 арт. 4-го разд. Статута, гдѣ сказано, что „потварца“ за первымъ, вторымъ и третьимъ разомъ обязанъ заплатить невинно оклеветанному вины шесть копъ грошей, а за четвертымъ разомъ ему должны быть вырваны ноздри, и онъ, какъ безчестный человѣкъ, не можетъ впредь свидѣтельствовать на судѣ. Такъ какъ Слынченко впервые былъ изобличенъ въ клеветѣ, то его присудили только къ тому, чтобы онъ испросилъ прощеніе у Остапа, вознаградилъ его за судебныя издержки и заплатилъ „панскую вину“.

Конечно, теперь Остапъ (и всякій другой) могъ съ полнымъ правомъ колоть глаза Слынченку, что онъ „въ чорныхъ книгахъ потварцею написанъ“.

—

А вотъ интересный процессъ о безчестьи, возникшій изъ гражданскаго иска.

Кобеляцкій житель Романъ Петличный продалъ Герасиму Пивовару часть своего лѣса надъ р. Ворсклой. На границѣ обоихъ участковъ росъ дубъ, который былъ затѣмъ срубленъ Петличнымъ, а Пивоваръ предъявилъ къ нему искъ, обвиняя, что онъ „того клейненого и проданого дуба, потаемне зрубавшы, ку своему пожыткови прывлащилъ“. Это крайне оскорбило Романа Петличнаго, „старинную и зацную персону“. Явившись въ сотенный судъ, онъ „прекладалъ жаль немалый“, что „при старости своей“ терпитъ столь тяжкое безславіе, и просилъ произвести тщательное разслѣдованіе относительно того, кому именно принадлежало срубленное дерево. Сотникъ Андрей Хилецкій и прочая старшина, близко принимая къ сердцу огорченіе почтеннаго старца, немедленно отрядили четырехъ „вѣры годныхъ“ людей, мѣстныхъ козаковъ, „и при нихъ, за-для лѣпшои певности, чужостороннного человѣка“ Дмитра запорожца, козака куреня Каневскаго. Посланные осмотрѣли пень срубленнаго дуба и пришли къ рѣшительному заключенію, что онъ стоялъ на части, принадлежащей Петличному. Основываясь на этомъ, сотенный судъ призналъ Романа Петличнаго правымъ и приказалъ Пивовару „во всемъ его погодити, правные наклады нагородити и честь оного удостоити“. Герасимъ Пивоваръ, убѣдившись, что онъ легкомысленно опорочилъ невиннаго человѣка, испросилъ у Петличнаго прощеніе, отдалъ ему, въ удовлетвореніе за убытки, у него же купленный лѣсъ и въ видахъ полнаго возстановленія его чести выдалъ ему такую запись: „Я Герасимъ Пивоваръ, житель кобеляцкій, чиню вѣдомо: которую шкоду мѣлъ Романъ Петличный въ врубаню въ своемъ лѣсѣ дерева, теды о томъ изъ нимъ вѣчне примирье взявши, и сіе мое письмо даю, варуючы того, ижбы (чтобы) жаденъ якъ зъ товариства, такъ и зъ поспольства не мѣлъ нихто ему, Романови Петличному, нѣчого зректи, або тежъ домовити и на честь наганити. А мѣлъ бы хто неуважне що прыкре ему въ томъ домовити, таковый подпадаетъ срокгой карности на здоровью, яко тежъ и заруки выполнитъ: на пана полковника полтавского талярей двадцать, а на врядъ нашъ мѣскій кобеляцкій девять таляровъ; задля чого тежъ и сіе мое письмо ему, Петличному, даю, съ подписомъ руки писарскои и съ притисненемъ печати городовои. Року 1691, декабря 17 дня.

Послѣдняя угроза была бы умѣстна въ судебномъ декретѣ, а не въ частной записи; но такъ какъ самая запись была составлена въ судебномъ присутствіи и утверждена урядомъ, то заключающуюся въ ней угрозу нужно было понимать, какъ исходившую отъ сотеннаго уряда.

—

Еще одно характерное дѣло о безчестьи, происходившее въ томъ же Кобелякѣ, въ октябрѣ 1682 года.

Священникъ никольской церкви о. Михайло обозвалъ своего ктитора Ивана Хведчуна „злодіемъ“. А надо знать, что въ ктиторы избирались люди безусловно честные, пользовавшіеся общимъ почетомъ и уваженіемъ. Опорочить такое лице—значило нанести ему смертельную обиду. Такъ какъ духовную особу нельзя было позвать въ свѣтскій судъ, то Хведчуну, если онъ не хотѣлъ сносить безчестье, оставалось ѣхать въ Кіевъ къ митрополиту и у него просить суда. Хведчунъ такъ и поступилъ. Въ то время, за отсутствіемъ митрополита, администраторомъ

кіевской митрополіи былъ черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ, по распоряженію котораго былъ присланъ въ Кобелякъ іеромонахъ Амвросій „на инквѣзицію“ по жалобѣ Хведчуна. Онъ открылъ формальное засѣданіе „духовного суда“ при участіи мѣстнаго протопопа Павла Заславскаго и священниковъ—спасскаго Демяна Филиповича и покровскаго Іосифа Василевича. А кобеляцкій сотенный урядъ, „для прислухання тои справы суду духовного“, назначилъ 16 человѣкъ „своихъ товариства, людей зацныхъ“, въ томъ числѣ ктиторовъ: пречистскаго, михайловскаго, пятницкаго и церкви Рождества Богородицы. Священникъ о. Михайло брался доказать, что Иванъ—„злодій“, но не доказалъ. Духовный судъ призналъ, что „самъ отецъ Михайло во всей винѣ зостаетъ, якую на Ивана зринулъ“, а „за такое ущипливое слово, ижъ онъ Ивана злодіемъ называлъ, повиненъ о. Михайло ктитора своего во всемъ, якъ пристоитъ, погодити и годнымъ учинити, вернувши ему вси правныи выклады“. Со словъ присутствовавшихъ на судѣ свѣтскихъ делегатовъ это рѣшеніе немедленно было записано въ сотенномъ урядѣ, скрѣплено подписями и приложеніемъ городовой печати и выдано Ивану Хведчуну въ удостовѣреніе его полной реабилитаціи. Впослѣдствіи онъ внесъ эту запись „задля певнои виры и правного попертя“ (судебнаго доказательства) въ актовыя книги полтавскаго полковаго суда.

---

48. Запорожецъ съ откушеннымъ ухомъ.

Если Хведчунъ и ему подобные были готовы искать суда у самого гетмана, истратить на это хотя бы все состояніе, лишь бы добиться возстановленія опороченной чести, то каково было положеніе козака славнаго войска Запорожскаго, котораго опорочили не на словахъ, „задавши ему злодійство“ или другой „злый учинокъ“, а запятнали на тѣлѣ, какъ обычно клеймили въ то время воровъ и разбойниковъ,—отняли ухо! Такое несчастье постигло въ февралѣ 1683 года запорожца Якова Гу-

сака, товариша сотни Иванининой. Въ ту пору сотня эта зимовала въ полтавскомъ полку. Якову Гусаку пришлось квартировать въ Диканькѣ, гдѣ онъ часто пьянствовалъ и однажды затѣялъ въ шинкѣ ссору съ мѣстнымъ жителемъ Василіемъ Вовкомъ, который въ дракѣ откусилъ ему ухо. На судѣ Вовкъ чистосердечно каялся въ томъ, что „за наущеніемъ бисовскимъ“, будучи пьянымъ, „зъ запальчивости гниву“, причинилъ Гусаку такой непоправимый изъянъ. Судъ присудилъ ему „еднати“ потерпѣвшаго, и Вовкъ не отказывался предложить ему какую угодно „нагороду“. Но чѣмъ можно вознаградить человѣка за отнятое ухо? Дѣло было не въ томъ, что потеря такого виднаго члена безобразила козака или что ему не за что было завернуть своего „оселедця“, а въ томъ: какъ онъ покажется безухимъ на славномъ Запорожьи? Тамъ все „товарыство“ навѣрное заподозритъ, что онъ „збувся“ уха за дурныя дѣла, и потребуетъ его удаленія изъ Сѣчи, чтобы онъ не чинилъ безславія всему войску. И всюду, куда бы онъ ни удалился, его ждетъ позоръ и отчужденіе, ибо преступники съ тою цѣлью и карались „назначеньемъ члонковъ“, чтобы всѣ ихъ остерегались, какъ людей явно безчестныхъ, способныхъ на все дурное. Какъ же ему оградить себя отъ этого ужаснаго подозрѣнія? Какъ доказать добрымъ людямъ, что не отъ руки палача лишился онъ уха, а потерялъ его въ пьяной ссорѣ? И вотъ Гусакъ потребовалъ, чтобы виновникъ его злосчастія выхлопоталъ для него такое урядовое „письмо“, которое онъ могъ бы предъявить въ Сѣчи и вездѣ въ удостовѣреніе своей неопороченной чести и для огражденія отъ несправедливаго подозрѣнія. Исполняя это требованіе, Василь Вовкъ явился въ засѣданіе полковаго суда съ такою просьбою:

— Панове маистрате полтавскій! Поневажъ то я, за наущеніемъ бисовскимъ, выкрочывъ бувъ (провинился) Яковови Гусакови, товарышови сотни Иванынынои козаковъ запорожскихъ, а то въ подпилости, зъ наважденія бисовского, а до того зъ запалчивости гниву, оному ухо зубами откусывъ, що зъ суду вашого декретомъ прыкрыто и велено мени Гусака една-

ты, я того, варуй Боже и не одмовляюся: повыненъ буду, якъ змогу, едваты. А що болшая ричъ, абы Яковъ одъ товарыства войска Запорозского безчестя и наругання и въ потомныи часы не поносывъ, прошу—рачте мылость ваша ему, Якову, пысьмо врядовне даты".

Судъ призналъ просьбу Вовка заслуживающей уваженія и постановилъ: „Выдячы мы склонность (покорность, раскаяніе) Васылеву Вовкову и помиркованя межи обома сторонамы, выдаемъ сие пысьмо врядовне Яковови Гусакови для имовирности, ижъ (что) онъ той члонокъ втерявъ презъ выступокъ Васыливъ, за нестатокъ и злость не отъ кого иншого, тилко одъ власного Васыля Вовка, и тое шкодыты Якову не міетъ на слави его такъ на самомъ славномъ Запорожу, яко тежъ на поляхъ и где-колвекъ (гдѣ бы то ни было) въ станахъ козацкихъ и при войскахъ, везде, абы оному паганы на честь не роблено и добрій слави его не нарикано, але и овшемъ при стародавній братерскій любви яко зацного товарыша хозяно, на що для лишшои виры и певности и задля увиреня кождому, хотячому о томъ видаты, сие наше пысьмо выдаемъ и тутъ въ книги мѣскіе полтавскіе велилысьмо вписаты. Діялось въ Полтави, въ дому судовомъ, 1683 року, февраля 28 дня".

Кромѣ полковой старшины и войта, удостовѣреніе это скрѣпили своими подписями участвовавшіе въ составѣ суда представители Запорожья, въ то время находившіеся въ Полтавѣ: Иванына, „сотникъ товарыства войска Запорожского", непосредственный начальникъ Якова Гусака; Матій, писарь куреня Щербинина, и рядовые запорожцы: Миско Брижаха, Грицко Мсвчаненко, Иванъ Шульга и Петрикъ изъ куреня Васюрина [1]).

---

[1]) Текстъ этого документа напечатанъ въ апрѣльской книгѣ «Кіев. Старины» 1890 г. изъ полт. актовой книги, находящейся въ Музеѣ В. В. Тарновскаго, но мы нашли этотъ же документъ въ болѣе исправной редакціи въ другой актовой книгѣ, принадлежащей А. М. Лазаревскому.

49. Сынъ, ложно опорочившій отца и брата.

Не диво, когда чужіе люди, ссорясь между собою, по злобѣ взводили одинъ на другого небывалыя преступленія. А вотъ предъ нами случай, что сынъ „задалъ злодійство" родному отцу, брату и зятю, и самъ вызвался быть на судѣ ихъ уличителемъ.

Такимъ „опачнымъ удавцею" (ложнымъ обвинителемъ) оказался старосанжаровскій обыватель Стецько Мосуренко—человѣкъ, по отзыву мѣстнаго сотника, нрава крайне дерзкаго и задорнаго. Поссорившись за что-то съ родней, онъ сталъ разглашать, что его отецъ Антонъ Мосуръ, братъ Миско и зять Василь „много шкодятъ людемъ въ крадежахъ": у такого-то они украли „лемишъ", у иного „чересло" и тому подобныя хозяйственныя мелочи. Нашлись потерпѣвшіе, которые, основываясь на показаніяхъ Стецька, привлекли его родичей къ суду, и послѣдніе были приговорены къ вознагражденію жалобщиковъ и къ уплатѣ судебной „вины". Считая себя невинно опозоренными, Антонъ Мосуръ, его сынъ Миско и зять пришли въ полковый судъ и „плачливе просили святои справедливости":

— Милостывіи панове! Опачне (ложно) той Стецько наволикъ на насъ безчестя, яко бы мы милы бути шкодцамы людемъ въ крадежахъ. Але мы дамо слушный выводъ о своимъ мешканю; тилко, презъ ласку вашу панскую, нехай бы зослана була въ Старый-Санжаровъ якая зацная персона для прислуханя тоеи справы.

Судъ „изволилъ на ихъ жаданя" и послалъ своего делегата козака Миска, а полковникъ полтавскій Ѳедоръ Жученко, сверхъ того, велѣлъ написать старосанжаровскому сотнику, чтобы онъ принялъ особое участіе въ этомъ явно несправедливомъ дѣлѣ и побудилъ Стецька Мосуренка взять назадъ свое обвиненіе, испросить у отца, брата и зятя прощеніе и „честь онымъ нагородити".

Но Стецько пренебрегъ внушеніемъ сотника, и слѣдствіе было произведено. О результатахъ его козакъ Миско такъ доложилъ полковому суду:

— Панове! За опачнымъ вданямъ Степановымъ, неслушне обвинено було Антона старого и сына его и зятя.

При этомъ онъ представилъ „атестацію одъ старшины старосанжаровскои“ въ формѣ нижеслѣдующаго письма сотника къ полковнику:

„Мосци пане полковнику полтавскій, мій милостывій добродію! На росказаня ваше панское, заразъ Степана Мосуренка прызвавши передъ себе, вычытали вашъ поважный листъ, ижбы (чтобы) погодывъ отца и брата и зятя, наклады правныи поворочавши, и честь онымъ нагородывъ, который Мосуренко, не слухаючи важного вашого письма, еще идетъ молестовати (утруждать) вашу мудрую голову. Змылуйся, добродію, такому плутови не повирай, бо винъ якыйсь характерныкъ: много нашымъ жителемъ пакости почынывъ черезъ свою неуважную губу. Вси люде ёго якъ недоброго оббигаютъ: хочъ за малную (малую) справу, то заразъ до суду енералного вдается. О которомъ вашій панскій милости ознаймывшы, зостаю вашмости пану найподлійшымъ слугою Никифоръ Мазанъ, сотныкъ наказный старосанжаровскій. Року 1690, мая 8 дня“.

Въ письмо была вложена особая „цедулка“, въ которой собственно и заключалось донесеніе о результатахъ разлѣдованія дѣла. Здѣсь стояло: „Милостывій добродію! У першомъ ихъ заводи передъ намы Стецько подвоивъ соби мову: перше казавъ—„у Цопенка лемишъ потай узялы“, а Цопенко мовытъ: „въ мене чересло, а не лемишъ пропавъ“; ажно наопосли вже ставъ мовыты: „у Васька Бовы лемишъ узялы“. То першое его обмылное слово. Цопенко казавъ (обѣщалъ) Мосуру передъ правомъ ревиковаты“ (взять назадъ обвиненіе)

Судъ призналъ Стецька Мосуренка виновнымъ въ томъ, что онъ „на отца своего, на зятя и на рожоного брата наволикъ велыкое безчестя и прывивъ ихъ до утраты“, а потому декретомъ постановилъ, „абы оный опачный вдавца“ выполнилъ

обрядъ „ревокаціи“, „упросилъ и во всемъ погодилъ“ невинно опороченныхъ родственниковъ, возвратилъ понесенные ими „правные выклады“ и заплатилъ „вину панскую и врядовую“.

50. Ссора между родственниками.

Въ октябрѣ 1694 года богатая полтавская мѣщанка Цыганчучка выдавала замужъ дочь. Свадьба была пышная и „бучная“ и продолжалась цѣлую недѣлю. Въ числѣ ежедневныхъ гостей бывалъ тамъ родственникъ невѣсты, сынъ бывшаго полтавскаго войта Лукьянъ Максимовичъ и его „швагеръ“ (братъ жены) Андрей Ваценко. Несмотря на близкое родство, оба они были въ давней ссорѣ другъ съ другомъ, и сколько ни старались родственники примирить ихъ, ничего изъ этого не выходило. Лишь на третій день свадьбы, среди ночного пира, сильно охмелѣвшій Ваценко неожиданно загорѣлся желаніемъ выпить мировую съ „швагромъ“, но его уже не было среди гостей: незадолго передъ тѣмъ Лукьянъ, тоже изрядно пьяный, незамѣтно удалился. Тогда Ваценко изъявилъ намѣреніе отправиться къ Лукьяну въ домъ. Напрасно его отговаривали отъ этого, указывая на позднюю ночную пору; Ваценко не послушался и, пригласивъ себѣ въ спутники двухъ тоже не вполнѣ тверезыхъ пріятелей, отправился мириться къ Лукьяну.

Результатомъ этого несвоевременнаго визита было то, что Лукьянъ на другой день пришелъ въ полковый судъ и заявилъ такую жалобу:

— Мылостывый пане уряде! Будучи мени вчорашнёго вечера у Цыганчучкы на весилю, одколь южъ пизно прышедши до господы моеи, положылемся спаты. Ажъ опивночи Андрій Ваценко, швагеръ мій, знаты зъ непрыязни и особлывого гниву, якый винъ на мене здавна маетъ, прыйшовъ зъ Щербаченкомъ и зъ Иваномъ Дрыжденкомъ до господы моеи, и жаднымъ одозвомъ а ни словомъ мене не звистывшы, якая була ёму до мене потреба, почавъ першъ мене Дрыжденко клыкаты: „вставай,

мовытъ, Лукьяне, одчиняй намъ"! Я жъ, панове, самъ не одмовлявся до ныхъ, бо бувъ пидпылый, а господыня (т. е. жена) моя одказала имъ: „Для чого, мовытъ, вставаты? И Лукьяна самого дома не маешъ; не намагайтеся"! Потимъ зачувъ я, що и Щербаченко тамъ же бувъ, бо виконыцею кимнатною трусячы такъ, що мало онои изъ зависокъ не позрывавъ, тежъ будывъ мене. Про те я и до ёго не обзывався, а господыня моя знову нарикала имъ, що такъ неслушно середъ ночи чынятъ галасы; правди, и не ганыла имъ. Ажъ въ той часъ заразъ не видаю хто зъ ныхъ, знаты, обухомъ по тому викну кимнатному почавъ быты, що ажъ оконныци шматъ зъ середыны вылупылося и въ оболони и една шыба не осталася, кримъ самыхъ рямъ; а потимъ и до остатку тую жъ оконныцю хтось побывъ, де и мене, лежачого на постели, скризь тое жъ викно кимнатное мало не обезвичывъ. Того вже я не могучы билшъ терпиты, а обизвавшыся до ныхъ, ставъ пытаты: „для якои миры и одъ кого неслушная такъ надъ домомъ моимъ вщынается руина середъ ночи"? Ажъ Ваценко тогди обизвався противъ мене яростно: „Отъ пизнаешъ, одъ кого, бо ще достанется и тоби"! Выдячи ёго, Ваценка, що не въ добрій мысли противъ мене, и не маючы общого (сторонняго) чоловика, кымъ бы можно мени освидчытыся, тилко самымъ Богомъ и ёго жъ, Ваценковымъ, товарыствомъ свидчывся я, що такая негидность и розореня домивци моій одъ Ваценка строится. А до того Ваценко и на здоровя мое чынывъ похвалкы, повидаючы: „маю тебе самого и жону твою обухамы трепаты, не тилко твои викна быты". Що мылостямъ вашымъ освидчаючы, прошу зъ ёго, Ваценка, въ тій мири святои справеллывосты".

Спросили свидѣтеля или, точнѣе, участника этого происшествія, Ивана Дрыжденка, какъ происходило дѣло. Онъ далъ показаніе:

— Правда, панове, булы-сьмо вкупи зъ Ваценкомъ на весилю у Цыганчучкы, тилко вкупи зъ Лукъяномъ не сыдилы, одкиль вже й надто пизно одишедшы, прыйшлы-сьмо зъ нымъ же, Ваценкомъ, и до двору Лукъянового. Я, правди, тилко що

клыкавъ Лукъяна, щобъ вставъ; также и Щербаченко хочъ трусывъ оконныцею, але не учынывъ жаднои шкоды. А Ваценко—чого, не видаю: чы зъ жарту, або зъ гниву,—взявшы у выростка школного (подростка—школяра) обухъ, почавъ быты по оконныци, зъ якои за первымъ ударомъ и шматъ середыны одлетивъ, а потимъ и оболону (раму) всю на дризкы побывъ. Лукъянъ зась тогди, обизвавшыся зъ кимнаты, мовывъ: „для чого вы такъ домови моему чыныте збытки, и хто власный злый сынъ тому есть дійця"? и свидчывся намы. А Ваценко на Лукъяна зъ фуріею одказувавъ: „не тилко, мовытъ, оболону твою одну выбывъ, и вси ще повыбываю, а самого тебе, овакый сыне, забью". А такъ, по тимъ ростырку, розійшлысьмося по домахъ. Тое, панове, що знаю и видаю, по истыній правди, пидъ прысягою Божою, и мылостямъ вашымъ повидаю".

Спросили и „сторону прыпозваную", т. е. отвѣтчика: „Для якои прычыны такъ важывся на чужый домъ ночною порою найты и кгвалтъ строиты"? Ваценко отвѣтилъ:

— Панове! Жадного на Лукъяна ренкору (злопамятства) не милемъ, тилко за любовъ прыйшолемъ бувъ зъ людьмы до ёго дому; а покеважъ такъ ся стало, що, за жартъ того не прыймуючы, теперъ мене позываетъ и хочетъ худобы позбавыты, гребай вже ёго песъ, сякого овакого сына! Нехай позываетъ: скоро выдхнетъ тое, що батько ёго, бувшы войтомъ, надравъ зъ миста! А я ёго за тое перепрошу: вына моя въ тимъ.

Судьи поспѣшили унять забывшагося отвѣтчика. „Знаты", замѣтили они, „що на те и походытъ, якъ Дрыжденкове объявыло свидоцтво, колы ты и передъ судомъ Лукъяна ганышъ, яко ся не годытъ и слухаючымъ брыдко".

Затѣмъ судъ призналъ нужнымъ послать изъ своей среды бурмистровъ Семена Иляшенка и Олексу Рымаря для осмотра поврежденій, причиненныхъ Ваценкомъ дому жалобщика. По возвращеніи посланные доложили суду:

— Такъ есть, панове: викно кимнатное зъ улыци выбыто и виконыця на прахъ побыта, а въ оболони и еднои шыбы (стекла) немашъ, тилко сами ряма".

Въ это время Лукьянъ Максимовичъ, въ опроверженіе оскорбительныхъ для памяти его отца словъ, произнесенныхъ на судѣ „запамяталымъ“ Ваценкомъ, „презентовалъ“ суду документъ съ просьбою о прочтеніи его вслухъ всѣмъ присутствующимъ. Это была „квитанція“, выданная „мѣйскимъ“ урядомъ его отцу въ 1688 г., когда онъ оставилъ войтовскую должность. Мѣщане удостовѣряли, что бывшій войтъ Максимъ Попенко представилъ имъ „слушный рахунокъ“ (правильный отчетъ) по своей должности. Квитанція была посвидѣтельствована бывшимъ тогда полковникомъ Ѳедоромъ Жученкомъ, снабжена двумя печатями, полковою и „мѣйскою“, и внесена въ актовыя книги.

Судьи признали Ваценка подлежащимъ наказанію „за найстя домовое (нападеніе на домъ), за кгвалтъ поры ночнои и за безчестя на Лукъяна“ и выписали изъ Статута 1-й артыкулъ 11-го раздѣла, по которому виновный въ первыхъ двухъ проступкахъ долженъ подвергнуться штрафу въ 12 рублей грошей и сверхъ того „седѣня утерпѣти дванадцять недѣль у вязеню“. Но принимая во вниманіе родственныя отношенія тяжущихся и то обстоятельство, что Ваценко совершилъ проступокъ въ пьяномъ состояніи, судъ освободилъ его отъ положеннаго въ законѣ наказанія, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ „пана Лукъяна, яко ображоного, во всемъ поеднаръ, шкоду оправилъ и правные наклады (судебныя издержки) отъ мала до велика поворочалъ и конечне нагородилъ, при заплаченю вины панскои и врядовои“. А если бы Ваценко или, по его подговору, кто-либо иной впредь „важился“ Лукьяну „якый кгвалтъ або безчестя задавати“, въ такомъ случаѣ виновный долженъ уплатить „вину“—пану полковнику полтавскому 100 таляровъ и на урядъ мѣйскій 50 таляровъ.

---

51. Споръ изъ-за наслѣдства.

Старосанжаровскій козакъ Гаврило Саранда, умирая (въ 1693 г.), завѣщалъ замужней дочери своей Параскѣ Гонтарихѣ

почти все свое состояніе—и млынки, и гаи, и сады, и нивы, и проч., а единственному сыну Максиму и зятю, старосанжаровскому священнику о. Григорію, оставилъ очень мало. Считая себя обиженными, оба они явились въ полтавскій полковый судъ и занесли жалобу:

— Ласкавыи панове! Небожчыкъ отець нашъ Гаврыло Саранда, передъ кончиною живота своего роспоряжаючи тестаментомъ набытые (пріобрѣтенныя) добра свои, мало що на нашу сторону зъ тыхъ добръ лекговавъ (завѣщалъ), а все Парасци, сестри нашій старшій а дочци своій, отказавъ, въ чомъ намъ діется немалая крывда одъ сестры. Просымо въ томъ у мылостей вашыхъ слушнои справедливости.

Позванная Параска явилась въ судъ со свидѣтелями, присутствовавшими при составленіи отцемъ ея „духовныци“ (завѣщанія), и такъ показала:

— Мои ласкавыи панове! Небожчыкъ славнои памяты отець нашъ Саранда, споряжаючы тестаментъ, уразывся на мого брата а свого сына Максыма за лотерство (негодяйство), що винъ есть немирный (безмѣрный) пьяныця и зъ запалчивости гниву духовныцю отцевскую подравъ, и подравшы, у пичъ вкынувъ и спалывъ. А отцу Григорію, зятеви своему, небожчыкъ зъ тыхъ миръ ничого зъ добръ своихъ не лекговавъ, що отець Григорій зъ небожчыкомъ черезъ тры рокы, ажъ до кончыны ёго, гнивъ міючы, колы небожчыкъ и кончався, и въ той часъ на очи не явывся и прощення, подлугъ заховалости (обычая, долга) хрыстіянскои, не учынывъ зъ родычомъ.

Свидѣтели подтвердили, что Максимъ Саранденко, узнавши, что отецъ тестаментомъ завѣщалъ ему меньше, чѣмъ старшей сестрѣ, въ ярости „тую отцевскую духовныцю подравъ и спалывъ“, а о. Григорій до смерти тестя оставался съ нимъ въ ссорѣ.

Судъ постановилъ: „поневажъ Максымъ Саранденко, такъ малоумный, зъ пьянства, легце поважывшы родителское роспоряженя, шарпаты и палыты отцевскій тестаментъ важывся, наказуемъ декретомъ, абы въ потомныи часы якъ оный Максымъ,

такъ и отецъ Григорій, сестры своеи Параскы за вышпысаныи добра не важылыся турбоваты, подъ зарукою ста таляровъ, що вѣчне варуемъ и для твердости сторони нозваной сей нашъ декретъ, зъ подпысомъ руки нашои полковнычои и зъ прытисненіемъ печати полковои, выдати росказуемъ".

Помимо исключительныхъ обстоятельствъ даннаго случая, рѣшеніе полковаго суда вообще не противорѣчило существовавшему въ Малороссіи обычаю, въ силу котораго родители были въ правѣ распорядиться остающимся послѣ нихъ имуществомъ по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь предписаніями Лит. Статута или Магдебурскаго права.

---

52. Мировая при участіи суда.

Въ числѣ многихъ патріархальныхъ обычаевъ старой Малороссіи слѣдуетъ отмѣтить такъ называемую „угоду", „помиркованье" или „добровольное прощеніе". Это не была теперешняя мировая, когда тяжущіяся стороны по взаимному соглашенію прекращаютъ тяжбу на извѣстныхъ, точно выговоренныхъ условіяхъ. „Угода" состояла въ томъ, что примирившіеся шли въ судъ и заявляли о своемъ намѣреніи больше не ссориться и жить въ прежней любви и согласіи. Судъ принималъ это къ свѣдѣнію, налагалъ денежную „заруку" на того, кто первый нарушитъ „угоду", и все это для памяти записывалъ въ актовыя книги. Иногда „угодѣ" предшествовала судебная тяжба, но часто ея вовсе не было, а просто люди враждовали между собою и потомъ приходили въ судъ и заявляли о состоявшемся примиреніи.

Вотъ для примѣра—„угода и прощеніе добровольное промежъ" двумя полтавскими „паніями". Пани Пелагея Яковыха Тандитнычка и невѣстка пана Андрея Будянскаго Педка (Ѳеодора) Грицыха жили въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ и постоянно ссорились изъ-за разныхъ пустяковъ. Въ іюлѣ 1688 года пришли онѣ обѣ въ полковый судъ и заявили:

— Панове! По неуважныхъ пôсварахъ нашыхъ сусидскыхъ, прыйшлысьмо теперъ зобополне до вичыстои угоды, хотячы въ першій любви сусидскій жыты и пôсваровъ промежъ собою понехавшы одъ сёго часу. Просымо, панове, нехай то буде видомо милостямъ вашымъ и задля стверженя можетъ буты вписано въ кныгы мискіи полтавскіи.

Судъ сдѣлалъ постановленіе: „Слышачи тую доброволную угоду, варуемъ и твердою зарукою стверждаемъ: колы бъ отъ сёго часу найменшіи ущыплывіи слова мила узнаты пани Яковыха отъ паніи Грицыхы, такъ тежъ и пани Грицыха отъ паніи Яковыхы, повынна будетъ сторона, протывная сій угоди доброволной, вины войсковои платыты до скарбу войскового тысячу золотыхъ, а особлыве пану полковныкови полтавскому сто таляровъ, на що для памяти и въ потомныи часы велилысьмо угоду сію въ книги мѣскіи вписаты".

Послѣ этого обѣ паніи должны были всѣми мѣрами сдерживать свои языки, такъ какъ малѣйшее „ущипливое слово" обошлось бы для нихъ слишкомъ дорого.

А вотъ „згода и поеднаня честного отца Григорія Горуновича, пресвитера переволочанского, съ паномъ сотникомъ переволочанскимъ Иваномъ Ковальчукомъ за посваръ", состоявшаяся въ іюлѣ 1699 года. Этой „згодѣ" предшествовала продолжительная „контроверсія" между обоими почтенными лицами, „въ якій контроверсіи вчынылося побытья и головы пробытья и волосовъ вырваня, а тое побытья и турбація сталася за дориканя и оболженя отцемъ Горуновичемъ Ивану Ковальчуку". Теперь обѣ стороны заявили полтавскому полковому суду, что „взялы межи собою прощеніе вѣчное", и просили судъ, „абы тое было на врядѣ запысомъ обваровано, щобъ одъ сего часу едынъ другому не чынывъ перехвалокъ якъ въ словахъ безчестныхъ, такъ и въ дили на здоровя, а не тилко черезъ себе, але и черезъ иншыхъ людей. А мила бъ одъ якои рукы початкомъ статы вражда и посваръ, або побытья, любо похвалка

(угроза), таковая сторона будетъ повынна платыты—честный отець Горуновичъ на преосвященного его милость отца архыпастыря (митрополита) талярей сто, а Ковальчукъ на пана полковныка талярей сто вины".

Судъ „ствердилъ помиркованя сеи згоды" и для памяти велѣлъ все это записать въ книги.

---

53. Колдовство и чародѣйство.

Вопросъ о колдовствѣ въ правобережной Малороссіи весьма обстоятельно изслѣдованъ въ извѣстномъ трудѣ проф. В. Б. Антоновича, составленномъ на основаніи обширнаго актоваго матеріала, извлеченнаго изъ книгъ кіевскаго Центральнаго Архива. Тамъ же указано существенное различіе во взглядахъ на колдовство въ Западной Европѣ, до конца XVIII ст., и въ Малороссіи. Тотъ жестокій характеръ, какой имѣли на Западѣ процессы о колдовствѣ, предавшіе пламени тысячи невинныхъ жертвъ, выработался вслѣдствіе распространившейся повсюду и пустившей глубокіе корни въ общественномъ сознаніи вѣры въ непосредственное участіе злого духа во всѣхъ отправленіяхъ человѣческой жизни. На колдуновъ и чародѣевъ смотрѣли, какъ на слугъ діавола, вступившихъ съ нимъ въ близкія сношенія и проявлявшихъ его силу ко вреду людей. Чтобы обезопасить себя отъ этого вреда, общество, руководимое членами священной инквизиціи, усердно стремится къ тому, чтобы открыть точные признаки, по которымъ можно было бы распознать слугъ злого духа, обличить ихъ дѣйствія и истребить ихъ самихъ. И вотъ во всей Европѣ, начиная съ XIII вѣка, запылали костры, усердно раздуваемые фанатизмомъ инквизиторовъ и суевѣрной публикой, и пламя ихъ, нѣсколько лишь ослабѣвшее подъ вліяніемъ реформаціи, потухло только въ исходѣ XVIII ст., подъ вліяніемъ широко развившагося на новыхъ началахъ европей-

скаго просвѣщенія. Послѣднее аутодафе совершилось—въ Австріи въ 1766 г., въ Испаніи 1781 г., въ Швейцаріи въ 1782 г., а въ Польшѣ лишь въ 1793 году.

Казалось бы, что тотъ же взглядъ на колдовство и то же безпощадное отношеніе къ чародѣямъ должны были бы существовать и въ Южной Руси, такъ долго находившейся подъ культурнымъ вліяніемъ Польши и заимствовавшей отъ нея порядокъ судопроизводства, основныя юридическія понятія и множество отдѣльныхъ законоположеній, вошедшихъ въ законодательство края какъ при передѣлкахъ Литовскаго Статута и дополненіяхъ его сеймовыми постановленіями, такъ и при устройствѣ городского управленія на основаніи перешедшаго черезъ польскую редакцію Магдебургскаго права. Между тѣмъ оказывается, что фанатическій взглядъ на чародѣйство и примѣненіе къ нему пріемовъ выработаннаго инквизиціонными судами процесса не переходили этнографической границы, до которой простиралось католическое населеніе Рѣчи-Посполитой, и хотя въ Магдебургскомъ правѣ прямо предписывалось подвергать чародѣевъ казни чрезъ сожженіе, но даже магистратскіе суды правобережной Малороссіи почти никогда не примѣняли этой безчеловѣчной кары, обыкновенно замѣняя ее уплатою штрафа въ пользу церкви, духовною епитиміею или же предоставляя обвиняемымъ оправдаться очистительною присягою. Причина этой мягкости судебныхъ приговоровъ, по мнѣнію проф. Антоновича, лежала „не столько въ гуманномъ настроеніи судей, сколько въ отсутствіи въ Малороссіи тѣхъ демонологическихъ понятій, которыя вызывали на Западѣ жестокое преслѣдованіе колдуновъ. Допуская возможность чародѣйнаго, таинственнаго вліянія на бытовыя, повседневныя обстоятельства жизни, народный взглядъ не искалъ начала этихъ вліяній въ сношеніяхъ съ злымъ духомъ; демонологія не только не была развита, какъ сводъ стройно развитой системы представленій, но, до самаго конца XVIII ст., насколько можно судить по процессамъ, совсѣмъ не существовала въ народномъ воображеніи, даже въ видѣ неяснаго зародыша. Народ-

ный взглядъ на чародѣйство былъ не демонологическій, а исключительно пантеистическій. Допуская существованіе въ природѣ силъ и законовъ, невѣдомыхъ массѣ людей, народъ полагалъ, что многіе изъ этихъ законовъ извѣстны личностямъ, тѣмъ или другимъ образомъ успѣвшимъ проникнуть или узнать ихъ. Само по себѣ обладаніе тайною природы не представлялось, такимъ образомъ, дѣломъ грѣховнымъ, противнымъ ученію религіи. Если вчинялся искъ, то судьи не преслѣдовали обвиняемаго за самый фактъ обладанія или употребленія таинственнаго средства, а старались опредѣлить, употреблено ли оно было въ пользу, или во вредъ другому лицу, и только во второмъ случаѣ, разсматривая дѣло съ точки зрѣнія гражданскаго иска, соразмѣряли наказаніе со степенью причиненнаго вреда. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда мѣстность была поражена эпидемическою болѣзнью, настроеніе населенія становилось тревожнымъ, и паническій страхъ побуждалъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ по отношенію къ мнимымъ чародѣямъ" [1]).

Всѣ эти положенія могутъ быть цѣликомъ примѣнены и къ лѣвобережной Малороссіи, чего и слѣдовало, конечно, ожидать въ виду однородности населенія обѣихъ сторонъ Днѣпра. Имѣя подъ руками лишь нѣсколько актовыхъ книгъ малороссійскихъ судовъ XVII вѣка, мы не могли собрать такого же обширнаго матеріала, какимъ располагалъ проф. Антоновичъ для исторіи колдовства въ правобережной Малороссіи въ XVIII ст.; но и тѣ немногочисленные процессы о чародѣйствѣ, какіе намъ удалось разыскать, представляютъ совершенно однородную картину и народныхъ вѣрованій въ таинственныя силы природы, и отношенія суда къ предполагаемымъ обладателямъ этихъ тайнъ— „чаровникамъ и чаровницамъ". Болѣе полные изъ этихъ процессовъ мы перескажемъ ниже, въ формѣ отдѣльныхъ очерковъ, а здѣсь передадимъ лишь тѣ, о которыхъ не сохранилось подробностей.

—

[1]) Труды этнографическо-статистич. экспедиціи въ западно-русскій край. Югозападный отдѣлъ, томъ I, стр. 327 и 336.

Въ 1684 г. въ Кишинькѣ нѣкая Мотря Лисовчиха обвинялась въ томъ, что „посродку ночи чаровала домъ Ивапышынъ Язловеджышынъ, нагая зъ замкомъ у волоси вплетеннымъ ходячы, и поймалъ еи Корній Язловедженко подъ своею хатою". По приговору полковаго суда, „взято за тое проступство у Лисовчихи едного коня, а пару воловъ сынамъ еи вернено".

Въ 1690 г. нѣкто Тишко Матвіевъ, изъ с. Озаровки, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ явился въ Стародубскій магистратъ и заявилъ такую жалобу на своего односельца Ярмолу Чорнобая: „Оный Чорнобай, въ часъ моего весилья, обовязовалъ мене по сорочци портнинкою невѣдать для чого, и отъ того часу, черезъ два южъ роки, не маю жадного зъ моею жоною сполкованя и мѣти не могу. А тое мнѣ сталося въ клѣтѣ, подъ часъ вѣнчаня. А на завтрее самъ онъ тую ниточку отвязалъ, потомъ изгубилъ (потерялъ) оную, а говоритъ Чорнобай теперъ: „колы бъ, правѣ, тая ниточка була, я бы-мъ помоглъ тобѣ". Приговоръ суда по этой жалобѣ неизвѣстенъ.

Въ томъ же 1690 г. козакъ Маячской сотни Иванъ Червоный жаловался, что его односелицы Антоныха и Малярка безчестятъ жену его, „задаючи ей неслушный доводъ о мечтахъ бѣсовскихъ", т. е. распускаютъ слухъ, будто она чаровница. Полтавскій полковой судъ послалъ въ Маячку бурмистра Петра Юревича и двухъ козаковъ, чтобы они совмѣстно съ сотникомъ Иваномъ Керебердою произвели слѣдствіе, кому и какой вредъ причинила Червоныха своимъ чарованьемъ. Въ присутствіи всей мѣстной старшины, „товариства и мѣщанъ маяцкихъ", слѣдователи опрашивали „мирянъ всихъ: кому якая шкода и укрывженя було отъ Ивановои жоны Червоного, або колы-бъ на неи якый настоятель [1]) бувъ?"—„Тогди жаденъ духъ прызнавъ, що не міемъ жадного ущербку отъ жоны Червоного". На основаніи этого отчета полковый судъ, согласно 105 арт. 14 разд. Статута,

[1]) Неточный переводъ юридическаго термина instigator=обвинитель, обыкновенно въ то время употреблявшагося въ латинской формѣ.

призналъ Антоныху и Малярку „хвалшывымы свидками“ и велѣлъ имъ, „упросивши Ивана Червоного и жону его, нагородити имъ всѣ правные выклады“.

Если въ извѣстной мѣстности появлялся моръ, благодушное отношеніе суда и населенія къ чародѣямъ рѣзко измѣнялось.

Осенью 1652 года въ г. Борисполѣ, въ переяславскомъ полку, была какая-то эпидемія. Кто-то распустилъ слухъ, что болѣзнь насылаютъ бабы-чаровницы. Съ особенною настойчивостью молва указывала на нѣкую Овдіиху Трасчиху, и сотникъ Антонъ Гарасименко, посовѣтовавшись съ войтомъ и другими урядниками, рѣшился арестовать ее. Когда посланные отъ уряда Василь Волочай, Павло Галяспенко и Матвѣй Шульга пришли въ хату къ Тращихѣ и объявили, по какому дѣлу имъ приказано арестовать ее, она сказала:

— Возьмитъ же, панове, и Путятыху, бо вона старшая наша есть: вона дивкою рядытся и въ косахъ ходытъ, молодою чынытся, по дворахъ ходытъ и дворы надыхае: якъ якый двиръ натхне, то вси вымрутъ.

Взяли, конечно, и Путятыху и обѣихъ въ ожиданіи суда посадили въ заключеніе.

Спустя нѣсколько дней въ ратушу, во время судебнаго присутствія, пришли многіе изъ мѣстныхъ козаковъ и мѣщанъ и заявили:

— Пане уряде! Велыкая крывда намъ діется одъ тыхъ незбожныхъ и запамяталыхъ боязни Божои билогловъ (женщинъ) Тращихи и Путятыхи, що воны намъ згубыли отцивъ, матокъ, бративъ, сестеръ, дитокъ, та и намъ самымъ одъ ихъ досталося. Просымо, абы вашмости рачили (изволили), ведлугъ святои справедлывости и ихъ учинкивъ, билшъ ихъ у вязеню не триматы, але по заслузи карность имъ даты.

Урядъ изъявилъ готовность немедленно учинить судъ надъ обвиняемыми, если есть желающіе выступить въ роли обвинителей и представить улики. Желающіе оказались. Первымъ выступилъ Харько Якубенко и далъ такое показаніе относительно Овдіихи Тращихи:

— Едного часу, передъ святою Покровою, йшовъ я на торгъ, на мисто, а за мною ишла Тращиха; такъ я спытавъ еи: чи уймется моръ до Покровы? Вона мовыла: „ни“, и далій мовыла до мене: „выходь съ того кутка, де мешкаешъ, бо колы не выйдешъ, то вымрешъ“.

Другой свидѣтель Овсій Онанка показалъ такъ:

— Молотывъ я въ гумни жыто, ажъ прыйшла до мене Тращиха. Я тоди жыто у михъ сыпавъ, а вона мовыла до мене: „Йовсію, выкинь зъ миха тры зерна жытныхъ, тоди въ дому твоимъ ничого не станется лыхого, вси будутъ жыви“. И меду, и воску, и мукы просыла; медъ и вискъ взяла, а мукы не взяла: „не треба, мовытъ, намъ такои мукы—на тую ричъ не згожа“.

Третьимъ свидѣтелемъ оказался мѣстный „орендарь“ Кирило Давидовичъ, давшій такое показаніе:

— Овдіиха мовыла мени: „Пане орендарю, выходь зъ миста на Иваньковскую улыцю, то будешъ жывъ зо всею челядью“.

Вѣроятно, Тращиха на судѣ отрицала приписываемыя ей слова, поэтому ее подвергли пыткѣ, и „на квестіи“ она признала все, что показывали свидѣтели. Другая обвиняемая, Путятыха, очевидно совсѣмъ слабоумная,—не даромъ она рядилась молодою,—безъ пытки, „добровольно“ винилась во всемъ, чего отъ нея спрашивали, но ея показаніе не занесено въ протоколъ. Она же „добровольно“ показала:

— И Васылыха попадья така, якъ и я.

То же показала и Тращиха о «вынныччкѣ» (женѣ винокура):

— Такая есть вынныччка, якъ и я.

Какъ ни были ничтожны улики, но судьи, очевидно поддаваясь настроенію встревоженной толпы, приговорили Тращиху къ сожженію. И когда она „стояла на остатнимъ стопню“ [1]),

---

[1]) Техническое выраженіе, заимствованное изъ обряда смертной казни чрезъ повѣшеніе. Осужденнаго взводили на висѣлицу по лѣстницѣ, и когда онъ стоялъ уже на послѣдней ступени („на остатнимъ стопню“), его еще разъ спрашивали, подтверждаетъ ли онъ прежнія

т. е. въ данномъ случаѣ была взведена на костеръ, она въ изступленіи твердила одно:

— Попадью, и Путятыху, и вынычку згубитъ, а не згубыте, то гирше буде зъ вамы.

И когда уже пламя охватило ее, она „по десять разъ мовыла“:

— Не пуститъ ихъ ни еднои!

Послушались ли судьи этого безумнаго совѣта изступленной старухи, или же ограничились сожженіемъ ея одной,—неизвѣстно, такъ какъ въ подлинномъ протоколѣ заключительныя строки оторваны.

---

54. Санжаровскія чаровницы.

Въ сентябрѣ 1693 года въ ново-санжаровскомъ сотенномъ судѣ разбиралось необыкновенно интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло. Мѣстный житель Яковъ Михайленко, „прозвискомъ“ Бридуненко, молодой, болѣзненнаго вида человѣкъ, чинилъ „оповѣдь“ такими словами:

— Панове! Мешкавъ я спочатку изъ жоною своею полюдски, а теперъ и самъ не знаю, що намъ стало: чы то зъ навиженя Божого, чы черезъ злыхъ людей, взявъ мене якыйсь страхъ—и самъ не знаю, чого пужаюся, и жоны своеи чогось ненавыжу черезъ немалый уже часъ. А теперъ я почавъ узнаваты, що тое стало, мабуть, черезъ чары. Зостаючая у мене швачка Ганна Крывая дня вчорайшого прызнавала на Приську, [1]) бувшую мою наймычку, а теперъ жіючую у Якова Перехрыста,

показанія и не оговорилъ ли кого понапрасну. И тому, что говорилъ осужденный „стоячи на остатнимъ стопню“, давали большую вѣру, чѣмъ пыточнымъ его рѣчамъ.

[1]) Въ подлинникѣ: *Пруска* и *Прюска*, какъ далѣе: *кушка* (кошка) Ясное указаніе, что нынѣшнее малорусское острое *и* (изъ основного *о*) въ концѣ XVII ст. еще звучало какъ *у* или *ю*.

що вона, исъ чіеись наукы, ирвала собачую и кошачую шерсть и палыла, не знаю задля чого“.

Тутъ выступила жена Бридуненка и дополнила жалобу его:

— Мылостывыи панове! То еще не все оповидавъ мужъ мій. Власне черезъ тыи чары немалый часъ винъ въ велыкыхъ пóстрахахъ бувъ: нибы одъ челяды своеи у полю утикавъ до болота и все зъ себе скыдавъ, и чувъ голосъ одъ того прывыдинія, неначе говорылы: „быймо, быймо овакого сына; нехай каже, де гроши поховавъ!“ И просывся Якивъ отъ оного прывыдинія, сыдячы въ багни, мовячы: „Не залазьтеся души моеи: вывезу вамъ гроши золотыхъ сто зъ дому и розсыплю передъ вамы, и подилытеся соби“. А воны повидають: „Ни вже, овакый сыну, не увійдешъ одъ нашыхъ рукъ жывъ!“

Услышавъ этотъ разсказъ, присутствовавшіе выразили изумленіе, иные же замѣтили, что Яковъ, когда „на ёго находыло“, продѣлывалъ и не такія „чудасіи“.

Тѣмъ временемъ сотникъ распорядился, чтобы бывшая наймычка Бридуненка Приська была приведена, и когда она предстала предъ судомъ, ей задали вопросъ:

— Чы було тое такъ, якъ Ганна Крывая на тебе прызнаетъ?

Приська „безъ усякого замолчаня стала признаватыся“:

— Що жъ, панове, було тое: ирвала-мъ собачую шерсть и кошечую и палыла; а на тое злое дило учила мене Ющыха Гузіенкова, що служыла на той часъ мамкою у Якова Бридуненка, и казала мени той попилъ и у страву (въ кушанье) сыпаты, тилько жъ я не сыпала, и не знаю, задля чого. А вона мени такъ говорыла: „Я, мовытъ, тое чынила, якъ зъ Ромашкомъ позывалася, и якъ той попилъ розсыпала, а Ромашко уступывъ, то заразъ и люде Ромашкови сталы лаяты, и право, мовытъ, позыскала“. Тилько, панове, моеи речи“.

Позвали Ющыху и спросили:

— Чи було тое, якъ дивка на тебе вызнаетъ?

— Ото, панове,—показывала Ющыха,—якъ була на мене оказія, що я була байстря прывела, то Семеныха Лытвыныха

навчыла мене на тое дило, абы-мъ кыдала кишку на собаку и ирвала зъ ныхъ шерсть и палыла, то, мовытъ, не будутъ на тебе люде ничого говорыты.

Спросили затѣмъ Ющыху:

— А чи не вчыла тебе Лытвыныха, щобъ ты мила и Якову Бридуненку що чыныты?

— Ни, отвѣчала Ющыха:—на тое Лытовка ничого не учыла.

— Задля чого жъ ты дивку на тое злое дило учыла?

— Задля того-мъ учыла, що Бридунка дивци выслугы не заплатыла, а дивка на нюю плакала; съ тыхъ миръ я дивку на тое учыла.

Тутъ Ющыху прервала Приська и, обращаясь къ ней, сказала:

— Спалывшы того попилу, я отъ Якова Бридуненка одыйшла до Перехрыста, а ты у Якова осталася и попилъ въ мене той узяла. Я жъ не знаю, де ты ёго задила.

На это Ющыха ничего не отвѣтила, можетъ быть потому, что въ это время ввели Семеныху Литвиныху, или Литовку. Это была извѣстная всему Санжарову „баба-пупоризка", далеко еще не старая женщина, своимъ привѣтливымъ видомъ и ласковымъ выраженіемъ глазъ менѣе всего напоминавшая злую колдунью. Она проворно подошла къ урядникамъ, чинно поклонилась и застыла съ выраженіемъ почтительной готовности. Ее спросили, учила ли она чарамъ Ющыху Гузійку.

— А такъ, мылостывыи панове,—начала Литовка,—якъ Ющыха прывела, выбачайте, байстря, а я у неи бабою була, то й учыла де-чему, жалуючы еи, щобъ не було на неи поговору. Та вы, ласкавыи панове—заговорила Литовка другимъ тономъ, приблизившись къ судьямъ—не турбуйтесь: колы дозволыте, я хочъ заразъ пиднимаюсь Бридуненкови мешканя поправыты: буду старатыся, щобъ Якивъ знову зъ жоною своею полюдски мешкавъ, якъ и спочатку.

Но въ отвѣтъ на это услужливое предложеніе послѣдовалъ приказъ сотника взять Литовку, вмѣстѣ съ Ющихой и Приськой, „до туремного вязеня." Дѣло было слишкомъ важно и подлежало компетенціи высшаго суда; а въ такихъ случаяхъ на обязанности сотеннаго суда лежало лишь производство предварительнаго слѣдствія, или „инквизиціи," и снятіе показаній сторонъ и свидѣтелей, затѣмъ подлинный протоколъ подписывался членами суда, скрѣплялся „звыклою мѣскою" печатью и вручался истцу для представленія „въ зверхнѣйшій судъ," т. е. въ полковый. Туда же подъ конвоемъ были отправлены и подсудимыя.

Недѣлю спустя былъ назначенъ разборъ того же дѣла въ полтавскомъ полковомъ судѣ. Сюда прибылъ истецъ Яковъ Бридуненко съ своими свидѣтелями и, вмѣсто устной жалобы, „презентовалъ выведенную атестацію," т. е. слѣдственный протоколъ ново-санжаровскаго сотеннаго суда. Какъ бы ни была подробна и обстоятельна такая „атестація", полковый судъ обыкновенно допрашивалъ вторично подсудимыхъ и свидѣтелей и вообще, въ чемъ требовалось, дополнялъ слѣдствіе. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, „хотячи познати явніе знаки и слушные доводы" преступленія, судъ велѣлъ сначала „передъ собою ку конечной отповѣди статы" Семенихѣ Литвинихѣ и задалъ ей вопросы:

— Для чого ты, препомнившы боязнь Божую, велила такіи чары діяты и мешканя Бридуненкови и жони его псоваты, и зъ чіеи направы и якымъ способомъ, якого часу? Що за слова до тыхъ чаривъ своихъ прымовляты, оныи справуючы, казала? Одъ кого ты сама навчылася?

— А що жъ, панове,—отвѣчала Литовка: то правда, що я-жалуючы Ганны, мамкы, щобъ на еи не було одъ людей пого, вору, що байстря прывела, учыла мамку, тилько не на тое, щобъ шерсть собачую и кошечую ирвала и палыла, а на тое, абы вона замокъ, замкнувшы, у воду укынула въ якое судно и тіею водою умывалася рано, якъ маетъ сонце сходыты, и такъ прымовляла: „Якъ сей замокъ замкненъ есть, такъ людей, котры на мене злость якую будуть говорыты, языкъ и ричъ и мову абы замкнуло", и тіею водою трычи умыватыся велила. А тіеи ричи, про зопсованя мешканя Бридуненкови, не видаю; однакъ можу

панове, о тое постаратыся, щобъ ёму и жони ёго мешканя поправыты.

При послѣднихъ словахъ судьи значительно переглянулись. Бѣдной старухѣ и на мысль не приходило, какъ много вредила она себѣ этой ненужной услужливостью. Больше не стали ее и допрашивать. Мѣсто ея заступила Приська.

— Панове! начала она: якъ первей говорыла-мъ, такъ и теперъ говору, що за заведеную заслугу мою Бридуненкомъ учыла мене Ганна Гузійка, мамка бувшая Бридуненкова, на тое, абы-мъ, кишку взявшы, на собаку кыдала и, шерсть зъ обохъ бестій рвучы, говорыла тыи слова: „Въ якій згоди песъ съ кишкою жывутъ, такъ нехай и Якивъ Бридуненко зъ жоною своею мешкаетъ,“—поневажъ мени не заплатылы. Тую жъ шерсть палыла и мала у страву сыпаты Бридуненкови, бо мене и на тое учыла тая жъ мамка, тилько жъ, панове, не сыпала, а той попилъ взяла въ мене тая жъ мамка. А колы вона зъ Ромашкомъ, Гарячого зятемъ, управовала (судилась) за посваръ, а власне за такый, що ёго господыня (жена) мамку назвала нецнотою, бо вона байстря прывела, а мамка й соби на Ромащыху такъ же одказала, що «и ты, прави, такыхъ же байстрятъ навела, якъ и я», то сыпала передъ урядомъ тыхъ бестій попилъ, а скоро Ромашко зъ невидомосты уступывъ ногою въ той попилъ, и вси люде тамошніи сталы якъ-бы за мамкою блажыты, а Ромашка ганыты; и такъ мамка позыскавшы право на Ромашкови, похвалылася мени, що тое чынила. А того я не видаю, де вона остатокъ того попелу подила. А тое чынылося такъ рикъ назадъ, объ симъ же часи.

Судъ пожелалъ допросить затѣмъ свидѣтельницу, пвачку Ганну Кривую, благодаря которой раскрыто было данное дѣло. Ее спросили: какъ она узнала о томъ, что наймичка Приська чаровала своихъ хозяевъ? Ганна объяснила:

— Тогды, панове, сыдила-мъ я на колоди, у двори Яковвимъ, ажъ Приська, взявшы у хати кишку, несетъ до коморы и кынула еи на пса, и такъ говорытъ: „дидчая собака не беретъ кишкы!“. Затымъ, піймавшы пса, рвала шерсть и понесла

у хату, а кишка тежъ за нею у хату побигла. Тамъ Приська шерсть спалывшы, попилъ у вузлыкъ завязала и заховала.

Снова спросили Приську:

— Чи такъ тое було? И де ты заховала попилъ?

Она отвѣтила:

— Було тое, панове, все, якъ Ганна мовытъ, а заховала-мъ я той попилъ у синяхъ, за комынъ; а навчыла мене мамка на тое.

Допрашивали и бывшую мамку Ющыху. Ее считали болѣе другихъ виновной, такъ какъ она собственно учила глупую Приську чаровать во вредъ хозяевамъ, да и въ показаніяхъ она зямѣтно путала, поэтому ее не просто допрашивали, а съ пристрастіемъ: по словамъ протокола, ее «давано подъ килька-кротную карность»; но она осталась при прежнемъ показаніи.

Слѣдствіе было окончено. Судьи признали вполнѣ доказаннымъ, что Яковъ Бридуненко былъ жертвою злостнаго чарованія: и то, что онъ «до забутя ума» приходилъ, и что «зъ жоною своею не бытковавъ» (не имѣлъ общенія)—все это «ёму ся поводыло черезъ чары». Непосредственной виновницей этого чародѣянія была наймичка Приська, но она дѣйствовала по наученію и подговору со стороны бывшей мамки Ющыхи, которую слѣдуетъ считать болѣе виновной въ данномъ преступленіи. Но главной виновницей должна быть признана Литвиныха. Она научила чародѣйству Ющыху, а отъ той уже научилась и Приська; она и на судѣ хвалилась, что можетъ «поправыты мешканя» Бридуненку, а слѣдовательно, можетъ его всякому и «зопсовати»; наконецъ она же, Литвиныха, «будучи власною чародѣйницею», учила другихъ «богомерзкимъ дѣламъ чаровницкимъ», какъ нужно «примовляти» надъ брошеннымъ въ воду замкомъ, чѣмъ «якъ бы радыла, абы кождому чоловику ричъ и мову замкнуло». Справившись съ «правами Майдебурскими», судьи нашли въ книгѣ «Порядокъ», въ артыкулахъ 14 и 22, указаніе, что «чаровники и всѣ, котории ся отъ чорнокнижства а зъ гусла обходятъ, кгды ся покаже, же (что) таковыхъ речий иного училъ, албо кому грозилъ, а тому, которому грожоно,

зъ того що злого пригодило, таковый кождый маетъ срокгою смертельною карностью быти каранъ, то есть огнемъ спаленъ». «Запобѣгаючи тому, абы ся промежъ народомъ християнскимъ такая злость, якая есть противко Пану Богу, не множила и овшемъ была заповѣдана», судъ постановилъ декретъ, по которому Семеныха Литвиныха, какъ «власная чародѣйница», и съ нею Ющиха и Приська, «яко послушаючии тыхъ ей богомерзкихъ учений», тою же «огненою карностю маютъ згинути».

Но этимъ суровымъ приговоромъ оказался недовольнымъ самъ же истецъ Яковъ Бридуненко. Онъ заявилъ, что «даруетъ горломъ» преступницъ и только желаетъ, чтобы онѣ «въ городѣ Новомъ-Санджаровѣ не мешкали вѣчне». Судъ охотно удовлетворилъ его желанію и постановилъ новый приговоръ: «абы тыи чаровници зъ мѣста били шворками выгнани и стали чуждыми отъ всѣхъ ихъ набытковъ», т. е. подверглись позорному изгнанію изъ родного города и были лишены имущественныхъ правъ, а «наклады правныи и вина панская и врядовая» были взысканы съ ихъ «худобы».

Опозореннымъ изгнанницамъ, конечно, предстояла очень печальная будущность; но если принять во вниманіе условія времени, то нужно признать, что полковый полтавскій судъ осудилъ ихъ довольно еще милостиво: судись онѣ въ другомъ мѣстѣ, хотя-бы въ самой культурной странѣ тогдашней Европы, имъ навѣрное не сносить бы головъ.

---

55. Порча вещей посредствомъ колдовства.

Впрочемъ, и изъ козацкихъ судовъ чаровницы не всегда благополучно уносили головы. Дѣйствовавшее въ малороссійскихъ судахъ Магдебургское право обычно требовало казни чаровникамъ, но примѣненіе этого суроваго закона зависѣло отъ обстоятельствъ. Санджаровскія чаровницы обвинялись въ причиненіи чарами вреда здоровью и даже жизни человѣческой, и тѣмъ не менѣе судьи нашли возможнымъ замѣнить для нихъ смертную

казнь другимъ, менѣе жестокимъ наказаніемъ; а въ это же время решетиловская чаровница Гапка Пасьчиха, обвинявшаяся лишь въ порчѣ малоцѣнныхъ вещей, поплатилась за это головой.

Существуетъ и теперь въ малорусскомъ простонародьи суевѣрное мнѣніе, будто знахари, посредствомъ чаръ, могутъ причинять непоправимую порчу вещамъ людей, почему-либо имъ непріятныхъ. Стоитъ, напримѣръ, чѣмъ-нибудь разсердить знахаря, и онъ „поробытъ“ такъ, что ваше платье окажется все въ дырахъ, холстъ, нитки, пряжа разлѣзутся въ куски, словно гнилые, корова перестанетъ давать молоко, куры нести яйца и т. под. Въ настоящее время иной хитрой крестьянкѣ не безвыгодно самой распустить о себѣ слухи, что она можетъ это дѣлать, и тогда сосѣдки станутъ ее бояться и будутъ уступать ей въ мелочахъ, чтобы не возбудить ея гнѣва. Но въ старину подобная репутація была въ высшей степени опасной, ибо легко могла привести къ костру или къ плахѣ. И тѣмъ не менѣе никогда не было недостатка въ легкомысленныхъ людяхъ, которые сами большею частію поддерживали или даже распускали о себѣ столь опасную славу.

Такой легкомысленной женщиной была обывательница сотеннаго города Решетиловки, козачка Гапка Пасьчиха, можетъ быть отдаленная прабабка знаменитаго впослѣдствіи князя Паскевича, тоже, какъ извѣстно, уроженца Полтавщины. Въ апрѣлѣ 1690 года по ея дѣлу спеціально былъ созванъ мѣстный сотенный судъ подъ предсѣдательствомъ сотника Есифа Завадовскаго, несомнѣннаго предка извѣстнаго впослѣдствіи вельможи. Жалобщикомъ выступилъ мѣстный городовой писарь Григорій Марковичъ. Онъ жаловался, что Гапка Пасьчиха, бывши у него въ домѣ на «беседи» и за что-то на него разсердившись, „перехвалялася“, что его дорогіе жупаны не долго ему послужатъ,—и точно „вскорѣ затымъ злая похвалка еи справдылася“: его платье изъ дорогихъ суконъ и аксамытовъ „зовсимъ зопсовалося“—вѣроятно, моль испортила. Удивительнѣе всего, что позванная къ допросу Пасьчиха и не думала отрекаться отъ приписываемаго ей „злого учинку“, котораго, конечно, не со-

вершала; напротивъ, она признала себя „прычынною до зопсованя платя“ и „заразъ передъ врядомъ и передъ всимъ мыромъ (т. е. присутствовавшей на судѣ публикой), постокротне даючы руку писареви“, просила у него прощенія, говоря:

— Отъ тоби рука моя, що уже бильше не будешъ въ той втрати шкодоваты; я тоби поражу, що твое платя не буде бильше терятыся, и сама на себе покладаю декретъ: колы-бъ мило еще терятыся (портиться), то вольно тоби въ той часъ и мистру (палачу) до рукъ мене даты и смертелною карностю караты“.

Конечно, наивная женщина этимъ самымъ давала суду достаточный поводъ подвергнуть ее такой „карности“ немедленно, не ожидая повторенія проступка; но панъ Марковичъ былъ человѣкъ милосердный: онъ заявилъ суду, что готовъ простить подсудимую, и лишь просилъ, чтобы ея торжественное обѣщаніе болѣе не вредить ему было занесено въ протоколъ и выдана ему формальная съ него копія. Судьи согласились съ этимъ, говоря: „и мы тожъ сей разъ не пастоемо на еи душу“, и ограничились строгимъ „наказомъ оной злой жинци“, что если и впредь она станетъ вредить своими чарами „не токмо писареви, але и всякому человѣку, зъ нею знаючомуся“, то ее ни въ какомъ случаѣ „не минетъ“ тотъ смертный декретъ, который она сама на себя наложила. Пасьчиха клялась, что навсегда „поперестанетъ того злого дила“, и ее съ миромъ отпустили, а писарю выдали копію судебнаго протокола.

Но не прошло съ тѣхъ поръ и двухъ недѣль, какъ Пасьчиха поссорилась съ сосѣдкою Палажкою Гришковною и по своему обычаю пригрозила ей бѣдой, а у той, какъ на зло, бѣлье, полотно и пряжа истлѣли,—вѣроятно отъ сырости. Въ это время прибыли въ Решетиловку полтавскій полковой судья Петръ Буцкій и значный товарищъ полтавскій Василій Бунчученко, присланные полковникомъ „для слушныхъ инквѣзицій правныхъ“, т. е. для какихъ-то судебныхъ разслѣдованій. Подъ своимъ предсѣдательствомъ, вмѣстѣ съ участіемъ мѣстнаго сотника, атамана городового и войта съ бурмистрами, они открыли нѣчто въ родѣ отдѣленія полкового суда и стали разбирать дѣла. Сюда прибѣ-

жала Палажка Гришковна съ мужемъ и занесла „плачливую скаргу“ на Гапку Пасьчиху, при чемъ „и слушное лице передъ судьями покладала“: испорченное сукно, полотно и „сорочки зъ дѣрами“, „а плачучи мовила“:

— Мои ласковыи панове! Тое злое дило учынила мени оная не боячаяся Бога Гапка за тое, що намиткы еи у мене покрадено, а вона того жъ часу перехвалялася на мене, мовячы: „Ото жъ я тоби вчыню, що до смерты плакаты будешъ!“ И заразъ же, на другый день по перехвальци, одчынила-мъ я скрыню—ажъ десять моткивъ пряжи такъ потерани (испорчены), що ажъ въ ничъ мусила-мъ повкыдаты, а сама пры велыкимъ плачу зостала-мъ.

— А есть же въ тебе свидкы, кымъ ты оныи потеряныи миткы освидчала?“—спросили судьи.

Такимъ „свидкомъ“ оказался заранѣе приглашенный Палажкою въ судъ „зацный и вѣры годный“ человѣкъ Микита Василенко. Онъ показалъ:

— Окомъ своимъ видилемъ, що моткы вельмы попсовани, на порохъ.

Когда на другой день возобновилось засѣданіе суда, явились новые обвинители Гапки. Козакъ Василь Неводничій занесъ „плачливую скаргу свою на тую жъ безецную чародѣйницу“ также „о потераню платя“ и сверхъ того о порчѣ коровъ относительно „дійва“.

— Тилко разъ—плакался онъ—въ моимъ дому побувала, и одъ того часу сталыся мени незносныи упадкы.

Наконецъ, мѣстный священникъ прислалъ „цедулку“ (записку) слѣдующаго содержанія: „Року 1690, априля 23, въ день св. мученика Георгія, прыходыла мя просити Гапка Пасьчиха, которая мни попсовала платя, и мовытъ: „просты мя въ томъ, отче, що я тоби учынила, але отъ сего часу болше въ томъ шкоды тоби не будетъ, на що и слово и руку подаю пры людехъ зацныхъ, съ которыми теперъ тебе и прошу: съ Хведоромъ Гулаченкомъ, Хведоромъ Сидынкою, Иляшемъ Стрильныкомъ и зъ мужемъ моимъ Паскомъ, а вже болше тоби шкоды

не будетъ". Що для памяти собѣ и записалемъ, року и дня вышъ писаного".

Въ виду столькихъ обвиненій, а главное—въ виду того обстоятельства, что незадолго предъ тѣмъ Пасьчиха условно была помилована по однородному дѣлу, судъ имѣлъ основаніе признать ее крайне вредною и неисправимою чаровницей и, не производя дальнѣйшаго слѣдствія, приговорилъ ее, на основаніи извѣстныхъ уже намъ артыкуловъ Магдебургскаго права, къ смертной казни. Никто не пожалѣлъ несчастной, никто и слова не замолвилъ о смягченіи суроваго приговора. Не видно даже, чтобы и мужъ пытался ходатайствовать о ея помилованіи: можетъ быть, и ему надоѣла легкомысленная жена, пустыми „похвалками" безразсудно вооружившая противъ себя значительную часть односельцевъ.

56. Полтавскіе школяры.

Въ старой Малороссіи, какъ извѣстно, существовали многочисленныя приходскія школы. Ревизскія полковыя книги первой половины XVIII ст. даютъ довольно точныя свѣдѣнія объ ихъ числѣ; въ 1740—48 гг. такихъ школъ было: въ нѣжинскомъ полку 217, въ лубенскомъ—172, въ черниговскомъ—154, въ переяславскомъ—119, въ полтавскомъ 98, и проч. [1]) Вообще можно сказать, что при каждой городской и сельской церкви существовала и школа; а такъ какъ въ старину приходы въ Малороссіи были малолюднѣе нынѣшнихъ, то приходится заключить, что пропорціональное отношеніе тогдашнихъ школъ къ числу населенія едва ли не было болѣе благопріятнымъ, чѣмъ такое же отношеніе нынѣшнихъ земскихъ и даже церковно-приходскихъ училищъ.

[1]) См. «Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ» А. Лазаревскаго, Основа, 1862 г., май.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ столь же точными данными относительно того, что собственно представляли собою старинныя малороссійскія школы. Извѣстно, что въ каждомъ приходѣ существовалъ церковно-общественный домъ, именовавшійся „школою", но, по указанію ревизскихъ книгъ, въ немъ жили дьяки мѣстные и «прихожіе»; а въ вѣдомости о приходскихъ школахъ г. Прилуки (1765 г.) мы находимъ именные списки «молодиковъ и школьниковъ, при школѣ живущихъ», при чемъ оказывается, что въ четырехъ прилуцкихъ школахъ ихъ жило 18 человѣкъ, а по возрасту они распредѣлялись такъ: шесть изъ нихъ имѣли отъ 12 до 20 лѣтъ, четыре—отъ 20 до 30 и восемь—отъ 30 до 39 лѣтъ [1]) Спрашивается: какіе же это были школьники, достигшіе столь почтеннаго возраста? Въ то же время имѣются несомнѣнныя свидѣтельства о томъ, что въ „школахъ" жили и обучались безпріютныя сироты и дѣти бѣдняковъ, нерѣдко занимавшія впослѣдствіи видныя общественныя положенія. Когда въ 1692 г. къ границамъ полтавскаго полка подступилъ съ ордой и запорожцами извѣстный претендентъ на гетманскую булаву Петрикъ, то Мазепа приказалъ составить и послать ему отъ имени полтавцевъ укорительное письмо, въ которомъ говорилось между прочимъ: „Всѣ мы знаемъ, же (что) батько твій жебракъ (нищій) есть, въ городѣ нашомъ въ Полтавѣ въ шпиталѣ мешкалъ, а ты, въ школѣ межи нищими валяючися и по-подъ окнами нашими ходячи, окрушками викормился" [2]). А извѣстно, что Петрикъ въ полтавской школѣ не только вскормился, но и „выполѣровался" (образовался) настолько, что могъ потомъ занять видную должность старшаго канцеляриста въ генеральной канцеляріи. Наконецъ, „школа" служила пріютомъ для такъ называемыхъ „мандрованыхъ (странствующихъ) дьяковъ" и „волочащихся чернцовъ" въ родѣ извѣстнаго стихотворца конца XVII ст. монаха Климентія,

[1]) См. Архивные отрывки для исторіи Полт. епархіи, А. Лазаревскаго, вып. I, Полтава, 1887 г. стр, 57—60.

[2]) Лѣтопись Сам. Величка, т. III, стр. 114.

который въ одной изъ своихъ виршей приводитъ о ней пословицу: „Школа—всякимъ страннимъ домъ есть вольний.“ [1]) Итакъ, что же собственно представляла собою старинная украинская „школа“: жилище церковниковъ, страннопріимный домъ, или родъ бурсы для сиротъ и дѣтей бѣдняковъ? Кто же въ ней училъ и кто учился?

Чтобы хоть немного разобраться въ этомъ туманѣ разнорѣчивыхъ представленій, разскажемъ одно слѣдственное дѣло, производившееся въ 1699 году въ полтавскомъ полковомъ судѣ.

Въ половинѣ сентября, „по розъѣзду ярмарку полтавского“, какой-то Манець и его жена, „Безручкова невистка“, представили уряду найденную ими за городомъ, „на рецѣ Рогозной“, близъ Ворсклы, шкатулку „одомкненую, порожнюю“, въ которой оказались какія-то тетради. Разсмотрѣвъ ихъ, урядъ сразу же опредѣлилъ, что это были „школярскіи письма“ (писанія), и по надписямъ на тетрадяхъ «позналъ», что онѣ принадлежали «выросткамъ» успенской соборной школы Хвеську и Грыцьку. За ними тотчасъ послали «до школы» и предъявили имъ шкатулку «и письма». Хвесько и Грыцько «признались до шкатулки, же (что) ихъ власная», наканунѣ у нихъ кѣмъ-то украденная, но при этомъ заявили, что въ ней были не однѣ тетради, но и значительная сумма денегъ. Такъ какъ они не могли указать похитителя, то урядъ велѣлъ имъ „межи собою въ школѣ чинити опитъ и розискъ о той шкодѣ, на комъ бы выявитися мѣло.“ Объ этомъ же было сообщено и „пану *дидаскалу*“ успенской школы, каковымъ былъ въ то время „дьякъ рынковои святопречистскои“ (она же соборная) церкви Власъ Марченко, въ томъ же году перешедшій на должность „городового писаря.“ Школьники быстро разыскали виновнаго: въ тотъ же день „подзоръ (подозрѣніе) вказался на Омелька Иванчу, кравца“, о которомъ одинъ нищій, жившій въ шпиталѣ, въ одномъ дворѣ съ школой, далъ показаніе, что „ бачывъ ёго, якъ учора

[1]) Основа, 1861 г. январь, стр. 173.

у вечоръ подъ полою шкатулку нисъ“; кромѣ того оказалось, что Омелько „*тои ночи не ночовалъ въ школѣ, але десь инде*“. Его тотчасъ привели въ судъ и подвергли допросу. Въ кражѣ онъ не сознавался, а на вопросъ: почему не ночевалъ въ школѣ и гдѣ провелъ ночь?—„отказалъ, що у паламаря ночовалъ, а не каже, для якихъ мѣръ.“ Судъ велѣлъ его „за сторожу до приказу дати.“ Тамъ онъ очутился въ компаніи съ какимъ-то Савкою Ивановичемъ, „за долги посаженнымъ,“ пустился съ нимъ въ откровенную бесѣду и неосторожно признался, что онъ точно укралъ шкатулку вмѣстѣ съ другимъ школьникомъ. Савка немедленно передалъ его рѣчи уряду.

Поставленный вторично на допросъ, Омелько не сталъ болѣе запираться и сказалъ:

— Я зъ Андріемъ Степаненкомъ, выросткомъ школнымъ, тую шкатулку, зъ вечора зъ коморки школнои взявши, понеслы на Подолъ, и тамъ одомкнувши, чехи въ калюжу зарылы, а шкатулку зъ паперомъ и зъ мыломъ у воду вкынулы.

Послѣдовалъ приказъ привести „того Андрія, зъ которымъ Омелько гроши пидчепывъ“. Его „запытали: чи такъ есть, якъ Омелько признается?“ Онъ не сталъ запираться. Одно лишь возбуждало недоумѣніе: потерпѣвшіе утверждали, что въ шкатулкѣ находились не одни чехи, но и „копійки“ (серебряная монета), а Омелько заявлялъ, что онъ „тилко о чеховой монетѣ вѣдалъ, а о копѣйкахъ не зналъ“. Но Андрій разъяснилъ это недоумѣніе, признавшись:

— О чехахъ обыдва знаемъ, а копійкы зъ мишечкомъ я самъ, потай товарыша, въ писокъ зарывъ, и Омелько не знавъ.

Оба „шкодци признавали и на другихъ двохъ выростковъ“:

— Кирило, поддячій, и Юхимъ Дяченко о томъ зналы, якъ шкатулку зъ коморы мы кралы, тилко жъ о томъ несвидоми, де мы гроши задилы.

Судъ не придалъ значенія этому оговору и не привлекъ Кирилла и Юхима къ слѣдствію. Ему предстояло еще разыскать украденныя деньги. Одному изъ бурмистровъ Олексѣ Рымарю было поручено вмѣстѣ съ понятыми и въ сопровожденіи Омелька

и Андрія отправиться на Подолъ, „на тое мѣстце, где гроши сховани булы, для зысканя шкоды.“ Обвиняемые указали это мѣсто, и тамъ найдены были чехи, „у хустѣ завязаные“, а въ другомъ мѣстѣ былъ вырытъ въ песку „мѣшечокъ съ копѣйками“. То и другое вручено было уряду. Обоихъ „злодіивъ“ приказано было отправить въ заключеніе, а урядъ занялся учетомъ денегъ, припрятанныхъ ворами. При разнообразіи тогдашней монеты и частыхъ колебаніяхъ курса, это было дѣло далеко не легкое; не всякій могъ его выполнить. Судьи „упросили людей добрыхъ и вѣры годныхъ, абы заразъ, якъ скоро подано на урядъ тую сумму, перелѣчили въ дому судовомъ, чи много всеи будетъ найдоватися послѣ рукъ злодѣйскихъ“. Пану Кондрату, „крамарю, изъ Грицкомъ, Тлустого зятемъ“, поручено было сосчитать „копійки“, а пану Захарію Важничому—чехи. Первые два „налѣчили копѣіокъ сто золотыхъ и тридцять талярей“, и послѣдній „налѣчилъ чехами“ тоже сто золотыхъ и тридцять таляровъ, а всего оказалось денегъ 380 золотыхъ; [1]) между тѣмъ потерпѣвшіе заявили раньше, что въ шкатулкѣ у нихъ хранилось „полчварта ста (350) золотыхъ“. Это возбудило въ судьяхъ нѣкоторое недоумѣніе, а вслѣдъ затѣмъ возникло и другое: потерпѣвшіе „суть нищіе и убогіе—а въ рукахъ ихъ такая знатная сумма оперлася“. Ихъ спросили: „где и отколь тіи гроши вамъ въ руки пришли?“ Хвесько отвѣтилъ:

— Складаюся тутейшими мищанами, що презъ килка литъ диты людскіе учачи, чехъ до чеха збиравъ и зобравъ сто золотыхъ и десять талярей. То—моя родная праця (заработокъ).

А Грыцько представилъ такое объясненіе:

— У мене отець можный (состоятельный), до Коломыи ходытъ, и мене дома приставлювавъ силью торговаты. Одно жъ самъ зобравъ, а другое въ отца взявъ, и пойшовъ по городахъ вандруючи. А знайшовшися зъ сымъ Хвеськомъ, скупылысь до

[1]) Талеръ заключалъ въ то время 3 золотыхъ, а копа — $3^1/_4$ золотыхъ.

гурту и милы коня зъ возомъ и куфу горилкы купывшы, на еденъ грошъ за товарыша торговаты.

Урядъ, повидимому, не вполнѣ удовлетворился этими объясненіями и рѣшилъ удержать деньги до окончанія дѣла, но затѣмъ, уступая настойчивымъ просьбамъ потерпѣвшихъ, выдалъ имъ всего 9 копъ (т. е. $29^1/_4$ золотыхъ), а остальную сумму велѣлъ опечатать въ присутствіи счетчиковъ и „взялъ урядовне до рукъ своихъ“ для храненія.

Осторожность уряда, отказавшаго въ выдачѣ всей суммы, была далеко не напрасной: на другой день Хвесько и Грыцько внезапно скрылись изъ города. „Познавши по утечцѣ, що и се люде неробочіе,“ урядъ пожалѣлъ, что поддался ихъ „фортелю“ и далъ имъ 9 копъ на дорогу, и велѣлъ „всю справу о сихъ вкраденыхъ и перекраденыхъ грошехъ выписати и на далшую память и луччое повѣреня до книгъ мѣскихъ подати.“

Лишь спустя три мѣсяца объявился подлинный владѣлецъ этихъ денегъ: изъ Кіева прибылъ печерскій іеромонахъ Сила Жураховскій и предъявилъ удостовѣреніе въ томъ, что означенныя деньги были украдены у соборнаго старца и проповѣдника, кіевопечерскаго іеромонаха Аѳанасія Миславскаго [1]). Ему онѣ и были выданы подъ „квитанцію“ о. Жураховскаго.

—

Итакъ, что же мы узнаемъ о полтавской успенской школѣ изъ этого документа?

„Дидаскаломъ“ школы состоялъ дьякъ мѣстной церкви. Подъ его начальствомъ находились жившіе въ школѣ „выростки школніи,“ или, какъ ихъ именовали въ XVIII ст., „молодыки“; съ ними же жилъ и помощникъ дьяка—„поддячій“. Въ данномъ слѣдственномъ дѣлѣ упоминаются шесть человѣкъ этихъ „выростковъ“, но ихъ, конечно, было больше. Они не были учениками въ школѣ, но сами промышляли учительствомъ. Многіе

[1]) Бывшаго впослѣдствіи (1710—1714 г.) архимандритомъ Печерскаго монастыря.

изъ нихъ, если не всѣ, были люди прихожіе, странствующіе; пока проживали въ школѣ—учили „людскихъ дѣтей", а надоѣдало это занятіе—уходили дальше или принимались за другое ремесло. Одинъ изъ такихъ „выростковъ" ссылается на свидѣтельство полтавскихъ мѣщанъ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обучалъ ихъ дѣтей и заработалъ этимъ значительную сумму; другой разсказываетъ о себѣ, что сначала помогалъ отцу торговать солью, потомъ отправился „вандровать по городахъ," какъ это было тогда въ обычаѣ у молодыхъ людей, еще не избравшихъ опредѣленной профессіи. Случайно забрелъ онъ въ Полтаву и пріютился въ успенской школѣ; но ему, очевидно, не нравилось учительское и дьяковское ремесло, и онъ задумалъ бросить его и заняться шинкованьемъ по ярмаркамъ. Вообще же это была „нищая, убогая" братія, способная даже на воровство, и если у кого изъ нихъ оказывались сколько-нибудь значительныя деньги, то это возбуждало недобрыя подозрѣнія. Учились ли и сами чему-нибудь эти „выростки школніи", проживая въ школѣ,—трудно сказать; если и учились, то развѣ дьячковскому искусству подъ руководствомъ „дидаскала", который, конечно, былъ опытнымъ псаломщикомъ.

Сопоставляя эти данныя съ другими свѣдѣніями, какія вообще имѣются о старинной приходской школѣ въ Малороссіи, мы представляемъ ея организацію въ такомъ видѣ: это была вольная артель особаго рода ремесленниковъ, владѣвшихъ коекакимъ школьнымъ образованіемъ и промышлявшихъ дьячковствомъ и учительствомъ. Обыкновенно ими бывали молодые люди, еще не избравшіе для себя опредѣленной профессіи и, по обычаю того вѣка, странствовавшіе „для повиданія болѣе свѣта и ученія и людского обхожденія" [1]). Одни изъ нихъ впослѣдствіи становились настоящими причетниками и даже священниками, другіе переходили на писарскія должности или занимались торговлею,

[1]) См. автобіографію Ильи Турчиновскаго, одного изъ такихъ странствователей первой четверти XVIII ст., помѣщенную въ Кіевской Старинѣ 1885 года, февраль.

третьи уходили на Запорожье и т. д. Прихожане предоставляли этимъ странствующимъ пѣснопѣвцамъ и педагогамъ („мандрованымъ дякамъ и бакалярамъ") даровой пріютъ въ церковномъ домѣ (въ „школѣ"), но требовали, чтобы за это они „услуговали церкви Божіей" на клиросѣ. Въ этомъ смыслѣ Климентій говоритъ въ одной изъ виршей:

И причетниками тежъ школяри ся именуютъ,
Поневажъ церкви святой щире услугуютъ.

Сверхъ того, школяры обязаны были заниматься обученіемъ дѣтей, за что ихъ родители давали имъ особое вознагражденіе согласно условію, а церковные ктиторы собирали въ ихъ пользу съ прихожанъ подаянія деньгами и приносами. [1])Кромѣ школяровъ-учителей, въ „школѣ" жили и обучались и настоящіе „школники"—сироты и дѣти бѣдняковъ, призрѣваемыя церковнымъ братствомъ. Обученіе приходящихъ учениковъ происходило и въ самой школѣ, но, въ виду многолюдства постоянныхъ ея обитателей и тѣсноты помѣщенія, могло совершаться и въ домахъ родителей.

Этотъ своеобразный типъ школы со странствующими учителями и вмѣстѣ церковниками, какъ и многія другія культурныя пріобрѣтенія Малороссіи, цѣликомъ былъ заимствованъ съ Запада: нѣмецкіе vagi scholares, бакханты и польскіе gubałty—это буквально наши „мандрованые дьяки и бакаляры", со всѣми ихъ типическими чертами, пороками и слабостями. Но этотъ типъ привился повсемѣстно въ Малороссіи и исчезъ только потому, что измѣнившіеся въ ней въ концѣ XVIII в. гражданскіе порядки сдѣлали невозможнымъ его дальнѣйшее существованіе. Государственная перепись 1782 года, прикрѣпивъ всѣхъ и каждаго къ опредѣленному мѣстожительству и

[1]) Въ ктиторскихъ реестрахъ Кіево-Подольской Борисоглѣбской церкви за 1693—1699 гг., сохранившихся въ ея архивѣ, есть записи такихъ подаяній „выросткамъ въ школу". Проф. Н. И. Петрова «Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.», стр. 122.

роду занятій, отняла разомъ и у посполитыхъ право перехода отъ одного пана къ другому, и у бакаляровъ возможность перекочевывать изъ одной школы въ другую. Но этимъ самымъ былъ нанесенъ смертный ударъ и народной малороссійской школѣ.

---

57. Кіевскіе студенты.

Когда, бывало, студенты Кіево-Могилянской коллегіи предпринимаютъ по ночамъ опустошительные набѣги на обывательскіе огороды или воруютъ дрова и съѣстные припасы, никто не ставилъ имъ этого въ большой грѣхъ и не находилъ въ ихъ мародерствѣ ничего возмутительнаго, ибо всякому было извѣстно, что большинство учащейся молодежи состояло изъ бѣдняковъ, терпѣвшихъ и голодъ, и холодъ, и всякую нужду. Тогдашній стихотворецъ Климентій составилъ даже особую виршу: „О школярахъ, дрова крадущихъ", гдѣ говорится:

Приповисть есть въ школяривъ: „не вкравъ, але доставъ",
А ты, Боже, за дрова гриха имъ не поставъ» [1])

Но случалось, что студенты не ограничивались такими сравнительно невинными шалостями и затѣвали съ кіевскими мѣщанами настоящую войну, вступали съ ними въ кровопролитныя схватки, открыто грабили ихъ добро и наводили трепетъ на членовъ магистрата. Конечно, они подражали въ этихъ случаяхъ своимъ коллегамъ—студентамъ католическихъ школъ, въ особенности питомцамъ іезуитскихъ коллегій, безчинства коихъ нерѣдко достигали размѣровъ настоящаго общественнаго бѣдствія для тѣхъ городовъ, гдѣ коллегіи существовали. Было бы ошибочно полагать, что подобныя безчинства обусловливались слабостью школьной дисциплины, безсиліемъ начальствующихъ лицъ совладать съ разнузданностью учащихся; напротивъ,

---

[1]) Основа, 1861 года, январь, стр. 173.

съ такимъ орудіемъ въ рукахъ, какъ розги и вообще жестокія тѣлесныя наказанія, тогдашняя школьная власть была въ состояніи обуздывать самыя дикія натуры и предотвращать малѣйшее своеволіе, и мы видимъ, что ученики, напримѣръ, піарскихъ школъ никогда не дозволяли себѣ такихъ безчинствъ, какія почти ежедневно творили іезуитскіе коллегіаты. Слѣдовательно, эти безчинства совершались если не прямо по наущенію воспитателей, то во всякомъ случаѣ не наперекоръ ихъ воли и тайному желанію. И дѣйствительно, іезуитскіе студенты обыкновенно громили православныя или протестантскія школы и святыни, еврейскія синагоги, или же терроризовали магистраты въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе вели съ орденомъ тяжбы за захватъ городскихъ земель, привлеченіе мѣщанъ подъ свою юрисдикцію и т. под., но не было случаевъ, чтобы студенты бунтовали противъ своего начальства.

Въ кіевской коллегіи также господствовала строгая дисциплина. Кромѣ префекта, за поведеніемъ студентовъ наблюдала цѣлая фаланга его помощниковъ изъ среды самихъ учащихся: цензоры, сеніоры, директоры, инспекторы и т. под. Для усмиренія строптивыхъ употреблялись: стояніе на колѣняхъ, „пали" (битье линейками по ладонямъ), розги, публичное сѣченіе подъ звонъ школьнаго колокольчика и наконецъ позорное изгнаніе изъ коллегіи. При такихъ строгостяхъ, казалось, были немыслимы студенческія безчинства. И дѣйствительно, почти до конца XVII ст. ихъ и не было. Коллегія переживала очень трудное время; лишенная матеріальныхъ средствъ, она еще въ 1671 году открыто ко всѣмъ обращалась съ трогательнымъ воззваніемъ „о поратунокъ милостынею", и надо полагать, что ближайшую помощь ей могли оказать прежде всего кіевскіе мѣщане, коихъ дѣти здѣсь же учились. Къ тому же, въ этотъ періодъ число учащихся въ коллегіи едва ли превосходило 200—250 человѣкъ. За проступки внѣ школы студенты не только отвѣчали передъ префектомъ и ректоромъ, но и могли быть привлечены къ суду магистратскому или полковому, а въ крайнемъ случаѣ противъ

нихъ могла выступить и власть воеводы, какъ коменданта кіевской крѣпости.

Но къ концу восьмидесятыхъ годовъ XVII ст. положеніе коллегіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ измѣнилось. Съ открытіемъ богословскаго класса число студентовъ значительно возросло и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличился между ними процентъ великовозрастныхъ. Существовавшая еще со временъ Петра Могилы „конгрегація" студентовъ (духовное братство), преслѣдовавшая цѣли нравственно-религіознаго ихъ усовершенствованія, пріобрѣла теперь болѣе совершенную организацію, съ выборными префектами и вице-префектами изъ студентовъ, и немало содѣйствовала ихъ сплоченности, развитію въ нихъ чувства товарищеской солидарности, благодаря чему въ затѣянную немногими буянами исторію легко втягивалась вся корпорація. Преподаваніе философскихъ и богословскихъ наукъ фактически приравнивало кіевскую коллегію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, какими были академія Краковская, іезуитская Виленская и др., а одной изъ отличительныхъ привилегій этихъ заведеній было право собственнаго академическаго суда и независимости учащихся отъ гражданскихъ и военныхъ властей. Такое право, вмѣстѣ съ титуломъ „академіи", было нѣкогда признано и за кіевской коллегіей извѣстными Гадяцкими пактами, но не получило осуществленія потому, что и самые эти пакты не были осуществлены. Теперь обладаніе этимъ правомъ сдѣлалось предметомъ пламенныхъ желаній и учащихся, и учащихъ. Тѣ и другіе все чаще начинаютъ титуловать свое училище „академіей" и въ одинаковой мѣрѣ тяготятся судебною и административною зависимостью отъ мѣстныхъ властей. Въ особенности несносною и унизительною представлялась студентамъ подчиненность мѣстному магистрату, возбуждавшая въ нихъ чувство глухой вражды не къ однимъ магистратскимъ урядникамъ, но и ко всѣмъ кіевскимъ мѣщанамъ. Конечно, это странное чувство могло зародиться на почвѣ тѣхъ столкновеній, какія коллегіатская молодежь имѣла безпрестанно съ бурмистрами, исполнявшими полицейскія функціи; но въ немъ слышится и

другой мотивъ—высокомѣрное отношеніе къ мѣщанству, какъ сословію непривилегированному. Отношеніе это, свойственное тогдашней шляхетской молодежи, учившейся въ іезуитскихъ школахъ, было совершенною нелѣпостью въ кіевской коллегіи, питомцы которой въ огромномъ большинствѣ были дѣти тѣхъ же мѣщанъ, козаковъ и даже посполитыхъ. Противъ этихъ шляхетскихъ тенденцій должны были вопить самыя стѣны коллегіи, какъ учрежденія, взлелѣяннаго кіевскимъ братствомъ, первоначальное ядро котораго, безъ сомнѣнія, составляли кіевскіе мѣщане. Но, въ противоположность другимъ братскимъ училищамъ—львовскому, виленскому, луцкому,—съ кіевской коллегіей произошла странная метаморфоза: продолжая до конца XVII ст. носить имя „*братскихъ* школъ", она въ дѣйствительности давно перестала быть *братскимъ* училищемъ, ибо и самое братство кіевское едва ли не со временъ еще Петра Могилы фактически прекратило свое существованіе. Какъ и почему оно исчезло—это вопросъ, выходящій изъ рамокъ настоящаго очерка; но фактъ несомнѣнный, что во второй половинѣ XVII ст. въ Кіевѣ не было уже братства, а въ основанной имъ школѣ скоро заглохли и его лучшіе завѣты и преданія. Теперь коллегія находилась исключительно въ вѣдѣніи лицъ монашествующихъ, подчиненныхъ митрополиту; но ихъ чувства и настроеніе были уже не тѣ, какими воодушевлялись ея первые ректоры и преподаватели, „душею и рукою" вписывавшіеся въ братскій реестръ и въ союзѣ съ представителями всѣхъ сословій кіевскаго воеводства клявшіеся „единъ за всѣхъ и всѣ за единого стояти, духомъ любве горячои звязавшеся". И среди высшаго южнорусскаго духовенства многое уже было забыто изъ того, что выработано было въ эпоху борьбы съ уніей и въ качествѣ руководящихъ принциповъ церковной политики внесено въ актъ кіевскаго собора 1621 года[1]). Вмѣсто предписаннаго тамъ братолюбія, незлобія, терпѣливаго перенесенія обидъ отъ младшихъ,

[1]) Имѣемъ въ виду извѣстное «Совѣтованіе о благочестіи», изд. въ Памятникахъ Кіев. Коммиссіи, т. I.

нестяжательности и проч., митрополиты и игумены кіевскихъ монастырей конца XVII ст. только и дѣлали, что враждовали съ мѣщанами за земли, шинки и перевозы. Такой, напримѣръ, митрополитъ, какъ Гедеонъ Четвертинскій, типъ гордаго, надменнаго прелата, и подъ клобукомъ не забывавшаго о своемъ княжескомъ титулѣ,—какъ мало онъ напоминалъ кроткаго, благосерднаго Іова Борецкаго! Стоитъ лишь вспомнить, путемъ какихъ жестокихъ насилій поверсталъ онъ козаковъ Моровской сотни въ крестьянъ своего каѳедральнаго монастыря. Его преемникъ Варлаамъ Ясинскій, бывшій ректоръ кіевской коллегіи, несомнѣнно обладалъ многими достоинствами; однако кіевскіе мѣщане горько жаловались на него не только за земли и перевозы, но и за то, что онъ, въ противность вѣковѣчнымъ обычаямъ, самовольно назначалъ въ городскія церкви священниковъ помимо воли и избранія прихожанъ, отлучалъ мѣщанъ отъ церкви за малыя вины, по оговорамъ, и т. под. Вѣдь это какъ разъ тѣ проявленія шляхетскаго самовластія, за которыя православные столь рѣзко и единодушно порицали Ипатія Потѣя и другихъ архіереевъ-уніатовъ. Вообще нельзя не отмѣтить странной аномаліи, что демократическіе принципы, подъ знаменемъ коихъ православіе одолѣло унію, пользовались въ безсословной Малороссіи наименьшимъ кредитомъ именно въ средѣ высшаго духовенства, а слѣдовательно и въ управляемой имъ кіевской коллегіи. Не отсюда ли происходило и то, что козацкая старшина, здѣсь воспитывавшаяся, такъ легко отрѣшалась отъ преданій эпохи Хмельницкаго и проникалась шляхетскими тенденціями?

Такова была почва, на которой къ концу XVII ст. выросло уродливое явленіе—грубыя безчинства кіевскихъ студентовъ и ихъ нерѣдко кровавыя столкновенія съ мѣщанами.

Впервые подобныя безчинства въ рѣзкой формѣ произошли въ іюнѣ 1690 года. Въ одной изъ послѣдующихъ жалобъ магистратъ вспоминаетъ, что въ то время „студенты многое воровство въ нижнемъ городѣ Кіевѣ дѣлали: мѣщанъ въ ночи и въ день имая по улицахъ и зъ дворовъ беручи, забивали смертно и

платье съ нихъ снимали, а иныхъ мѣщанъ, поймавъ и приволокъ въ бурсу или въ школы, били розками, плетьми и кіями, и въ желѣза оковывали, о чемъ въ книгахъ нашихъ майстратовыхъ лѣта 7198 (1690), іюня 11 числа, записано“.[1]) Къ сожалѣнію, книги кіевскаго магистрата всѣ погибли, и мы не знаемъ, чѣмъ окончилось дѣло объ этихъ насиліяхъ; но, безъ сомнѣнія, мѣщане не остались въ долгу и за нихъ, конечно, вступился и кіевскій полковникъ съ козаками, и воевода съ ратными людьми. Это, вѣроятно, и побудило ректора Іоасафа Кроковскаго, при содѣйствіи митрополита Варлаама Ясинскаго и гетмана Мазепы, испросить (въ январѣ 1694 года) жалованную грамоту царскую, въ которой предписывалось: великороссійскимъ всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ разныхъ полковъ, и кіевскаго и иныхъ полковъ полковникамъ и козакамъ, и кіевскому войту и мѣщанамъ, никакихъ ректору и учителямъ и ученикамъ, въ школахъ будучимъ, обидъ и утѣсненія не чинить, подъ угрозою царской опалы и двойного взысканія за обиды, а начальству коллегіи вмѣнялось въ обязанность „неспокойныхъ и вражды творящихъ учениковъ унимать и смирять и ни до какова своевольства ихъ не допускать, и таковыхъ въ собраніе ученическое не принимать“. Хотя въ текстѣ грамоты нѣтъ прямого указанія на изъятіе коллегіи изъ административной и судебной подчиненности городскимъ властямъ, но вся коллегіатская корпорація почему-то толковала эту грамоту въ такомъ именно смыслѣ, что отнынѣ коллегіи предоставлялось право самоуправленія и собственнаго суда надъ учащимися, а магистратскіе и воинскіе чины не имѣли-де власти ни судить ихъ, ни даже подвергать предварительному аресту. Такая привилегія приравнивала коллегію къ заграничнымъ академіямъ и университетамъ и сулила студентамъ относительную безнаказанность: въ крайнемъ случаѣ префектъ могъ приговорить ихъ къ розгамъ и за такіе проступки, за какіе магистратъ приговаривалъ къ висѣлицѣ.

---

[1]) Сборникъ историч. матеріаловъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ Кіев. Центр. Архива И. Каманинымъ, вып. I, стр. 48.

Можетъ быть, въ разсчетѣ на эту безнаказанность, студенты въ томъ же 1694 году учинили грандіозное буйство, при чемъ одного мѣщанина, сапожнаго мастера Григорія Ополоника „смертно саблею порубили, и отъ тѣхъ ранъ тотъ человѣкъ умеръ". „Да они-жъ, студенты (жаловались мѣщане), многажды находя на сторожу, которая по вся нощи оберегаетъ на рынку торговыхъ лавокъ, убивали ихъ смертно и тѣхъ сторожей отъ лавокъ зъ рядовъ отгоняли, а въ лавкахъ невѣдомо якіе воры животы наши выкрадали, отъ чего намъ великая учинилася обида. Тѣ жъ студенты покрали зъ двора половинками сукно у мѣщанина нашего Филиппа Серебреника, а у иныхъ мѣщанъ покрали зъ дворовъ вино, медъ и съѣстныя харчи: муку, масло, пшено; такожде и животину всякую зъ дворовъ зводили и, убивъ, зъ того себѣ кормъ имѣли; да дрова и дерево хоромное зъ дворовъ мѣщанскихъ беручи и стѣны градскіе на дрова розбираючи, въ школу и въ бурсу по сту человѣкъ и болѣе носили и всякое воровство дѣлали. А тое покраденное сукно и всякіе краденные мѣщанскіе съѣстные харчи и дрова аще и были знайдены у студентовъ, но изъ нихъ немашъ намъ ниякои управы." [1])

Этотъ припѣвъ: „нѣтъ на студентовъ управы"—тянется съ этихъ поръ непрерывною нотою въ теченіе долгаго времени.

Съ умноженіемъ числа учащихся въ коллегіи, имѣвшаяся при ней бурса уже не могла вмѣстить всѣхъ бѣдняковъ, поэтому митрополитъ Варлаамъ Ясинскій велѣлъ размѣстить ихъ по приходскимъ „школамъ", существовавшимъ при кіево-подольскихъ церквяхъ. Собственно говоря, это было нарушеніемъ права прихожанъ, содержавшихъ школы совсѣмъ для другихъ надобностей, но они не протестовали противъ распоряженія митрополита, пока призрѣваемые ими студенты не обратили школьныхъ домовъ въ своего рода разбойничьи вертепы. Вотъ что писалъ по этому поводу московскій патріархъ Адріанъ митрополиту Ясинскому отъ 26 апрѣля 1699 года: „Доносиша нашей мѣрности кіевскіе

[1]) Тамъ же, стр. 49.

граждане, яко при храмѣхъ Господнихъ ихъ приходскихъ живутъ поющіи и малыхъ дѣтей учащіи дьяки, а храмины имъ строятъ прихожане; и съ тѣми де церковными дьяки въ тѣхъ храминахъ велиши ты жити вмѣстѣ студентомъ, пришельцомъ изъ польскихъ городовъ, которые хотятъ учитися въ школѣ (т. е. въ коллегіи) мудростныхъ наукъ языкомъ латинскимъ, и они де, студенты, живучи постойкою, многая сотворяютъ бѣдства и безчинства странная, а тѣхъ дьяковъ и малыхъ дѣтей, учащихся словенскаго нашего языка письменъ, бьютъ и бранятъ, и мѣщанъ, идущихъ къ церкви на пѣніе въ нощахъ, бьютъ и увѣчатъ и безчестятъ женъ и дѣтей, и ради ихъ, студентовъ, плутовства и досадительныхъ обидъ къ церковникомъ, иногда въ церквахъ и пѣнія не бываетъ, а управы де на нихъ сыскати негдѣ. Да они де, студенты, многочисленно собрався, въ нощахъ ходя по мѣщанскимъ дворамъ, крадутъ дрова, запасъ и всякія вещи, и отъ того де имъ великая обида и разореніе чинится, а унять ихъ отъ того некому. И ты... студентомъ, когда они творятъ пакости людемъ, въ церковныхъ жилищахъ жити не вели, зане могутъ быти при школахъ въ особныхъ домѣхъ и у мѣщанъ стояти, гдѣ кому придется". [1])

Въ декабрѣ того же 1699 года войтъ Дмитрій Полоцкій доносилъ воеводѣ князю Петру Ивановичу Хованскому, что студенты толпами по ночамъ растаскиваютъ бревна изъ городскихъ стѣнъ, какими тогда былъ обнесенъ Подолъ. Воевода приказалъ произвести осмотръ разоренныхъ стѣнъ и учинить допросъ стрѣльцамъ, стоявшимъ на караулѣ въ нижнемъ городѣ. Въ подьяческомъ актѣ осмотра значилось: «отъ Крещатицкой башни до Глѣбоборисовскихъ воротъ съ городовой стѣны, съ тарасовъ, снято 23 бревна, да срублено 8 зубцовъ, да изъ башни мосты

[1]) Кіевская Старина, 1885 г., сентябрь, стр. 142. Патріаршій наказъ не былъ исполненъ митрополитомъ; кіевскіе мѣщане и въ 1741 году напрасно добивались удаленія студентовъ изъ приходскихъ школъ. См. статью Д. Вишневскаго въ янв. книгѣ Кіевской Старины 1896 года.

и у дверей два бревна и съ цѣпью выломано». А караульные стрѣльцы дали такую сказку: „стояли-де они у Крещатицкихъ воротъ и въ иныхъ мѣстехъ, и студенты-де не по одну ночь приходили къ городовой стѣнѣ человѣкъ по 20 и по 30, и съ городовой стѣны снявъ бревна, пошли къ себѣ въ школы, а по окличкѣ голосу они имъ, караульнымъ, не отдали, для чего одинъ по нихъ, студентахъ, изъ пищали выстрѣлилъ; а поймать ихъ невозможно, что приходятъ многолюдствомъ.“ [1])

А въ январѣ 1700 года студенты учинили настоящій погромъ.

Дѣло началось съ пустяковъ. Вечеромъ, 29 января, студенты встрѣтили на Подолѣ пріѣхавшаго изъ Хвастова еврея Беню Абрамова и стали его бить. Спасаясь, еврей забѣжалъ во дворъ ратуши и сталъ кричать, чтобъ его оборонили. Выбѣжавшіе на крикъ магистратскіе служители отняли еврея и задержали нѣсколько человѣкъ студентовъ. Бывшій въ ратушѣ бурмистръ Гордѣй Минцовъ приказалъ было арестовать ихъ до разслѣдованія дѣла, но затѣмъ отпустилъ, по ихъ просьбѣ. Когда студенты узнали, что ихъ товарищи подверглись хотя и временному аресту изъ-за какого-то „невѣрного жидовина“, они рѣшили прежде всего жестоко отомстить послѣднему. Развѣдавъ, что онъ остановился въ одномъ мѣщанскомъ дворѣ, они ночью нагрянули туда, перерыли весь домъ и дворъ, грозя убить еврея, но онъ успѣлъ скрыться. Тогда студенты пограбили его лошадь и изъ саней кое-какія „подорожнія“ вещи. Чтобы досадить и магистрату, вступившемуся за еврея, студенты зашли въ ратушный шинокъ, избили оказавшагося тамъ мѣщанина Стецька Карпенка, отняли у него два рубля денегъ и сняли кожухъ, поясъ и шапку. На утро прибѣжали въ ратушу Беня и Карпенко съ жалобами. Въ то время войтъ Дмитрій Полоцкій былъ въ Москвѣ.

---

[1]) Документъ Моск. Архива Мин. Юстиціи, д. Прав. Сената, кн. № 5, 1732 г., листы 129—134. Пользуемся спискомъ, сдѣланнымъ проф. С. Т. Голубевымъ и любезно предоставленнымъ редакціи «Кіев. Старины».

Правившій его должность бурмистръ Гордѣй Минцовъ, посовѣтовавшись съ товарищами, послалъ къ ректору, игумену Прокопію Колачинскому, и префекту, іеромонаху Иннокентію Поповскому, „который студентами владѣетъ“, магистратскихъ урядниковъ съ почтительною просьбою наказать виновныхъ студентовъ, вернуть ими пограбленное и принять мѣры, чтобы „впредь въ городѣ такого забойства и грабежу пріѣзжимъ людямъ и мѣщанамъ студенты не дѣлали, понеже всякій пріѣзжій съ польской стороны человѣкъ или жидъ, понесши въ Кіевѣ отъ студентовъ или отъ иныхъ майстрату неналежныхъ людей якую обиду, нашихъ мѣщанъ въ польскихъ городахъ грабитъ и забираетъ“. Ректоръ не далъ на это никакого отвѣта, сославшись на то, что это дѣло префекта, а послѣдній отвѣтилъ такъ: «не токмо жиду не вернемо коня, але и всихъ васъ, мищанъ, будемо, розложивши, рузками (розгами) бити», въ доказательство чего онъ и крестъ поцѣловалъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, студенты снова подстерегли на улицѣ еврея Беню и хотѣли „смертно убить“, но онъ убѣжалъ во дворъ кіевскаго полковника Константина Мокіевскаго, „господарь“ котораго Савва Можневскій «сховалъ его въ коморѣ». Студенты большою толпою ворвались въ дворъ, долго искали несчастнаго Беню и, не найдя, „похвалялися самого господаря розками бити“. Въ сумерки Савва тайкомъ привелъ еврея въ ратушу, чтобъ его студенты на смерть не убили, и Беня провелъ ночь въ ратушѣ, подъ охраною.

Утромъ, 31 января, бурмистры послали своихъ урядниковъ въ верхній городъ къ воеводѣ съ докладомъ, что студенты великое «воровство» въ городѣ дѣлаютъ, а префектъ не хочетъ „дать съ нихъ никакой управы“, и съ просьбой вступиться въ это дѣло. Тогда князь Хованскій послалъ къ ректору и префекту подьячаго приказной палаты Давида Фатѣева, да и бурмистрамъ велѣлъ послать съ нимъ своихъ людей; при этомъ посольствѣ ходилъ и потерпѣвшій Беня съ другимъ евреемъ Рафаломъ, толмачемъ войсковымъ. Ректоръ приказалъ отдать пограбленное. Студенты отдали еврею лошадь, а мѣщанину Карпенку вернули

только кожухъ и четыре гроша денегъ. Но лишь только посланцы вышли за монастырскія ворота, какъ со двора высыпало въ погоню за ними около сорока человѣкъ студентовъ съ кіями и принялись бить еврея Беню. Подьячій и магистратскіе урядники едва успѣли укрыться въ ратушѣ. Черезъ нѣкоторое время прибрелъ туда тяжко избитый и „кровью сплынучій“ Беня; голова его пробита была до кости, и онъ жаловался, что съ него сорвали кошелекъ съ четырьмя рублями.

Когда воевода узналъ о новомъ „воровствѣ студентскомъ“, онъ послалъ въ коллегію капитана Титова со стрѣльцами съ требованіемъ, чтобы „тѣхъ ворозъ студентовъ“ прислали въ приказную избу; но ректоръ и префектъ „тѣмъ посыльщикамъ не сказались“. Возвращаясь ни съ чѣмъ, посланные встрѣтили на улицѣ студента, на котораго имъ указали, какъ на участника въ нанесеніи еврею побоевъ; его немедленно арестовали. Тотчасъ на выручку товарища выбѣжали изъ коллегіи человѣкъ двѣсти студентовъ и стали отбивать его; но стрѣльцы справились съ молодежью, схватили изъ ея среды шесть человѣкъ и подъ конвоемъ повели въ верхній городъ. Вдругъ съ колокольни Братскаго монастыря раздался набатный звонъ, и со всѣхъ концовъ Подола стали сбѣгаться толпы студентовъ съ саблями, пистолями, дубинами и другимъ оружіемъ. Они бросились въ погоню за стрѣльцами, гнались за ними „до взвоза“ (нынѣшняго Андреевскаго спуска), многихъ между ними ранили, но товарищей не отбили, потому что капитанъ со стрѣльцами успѣли скрыться въ верхнюю крѣпость. Поворотивъ назадъ, толпы студентовъ разсыпались по улицамъ Подола, хватали встрѣчныхъ стрѣльцовъ, служилыхъ людей, мѣщанъ, били всѣхъ немилосердно; у извозчиковъ, стоявшихъ на рынковой площади, отняли лошадей и увели въ бурсу, а ихъ самихъ избили; потомъ повернули въ торговые ряды и стали громить лавки, бить мѣщанъ-торговцевъ и уничтожать товары. „А мы, сироты ваши (жаловались царю бурмистры и другіе магистратскіе урядники), бояся, чтобъ и намъ убійства и разоренія всему городу не было, заперлися и сидѣли въ ратушѣ, а наипаче для того, что на

рынку и по всѣхъ улицахъ студенты служивыхъ людей и мѣщанъ имая бьютъ, а въ Братскомъ въ большой колоколъ безпрестанно бьютъ на сполохъ“. Стоявшій на подольской заставѣ капитанъ Аристъ Фанидзинъ, заслышавъ набатъ, поспѣшилъ къ Братскому монастырю, чтобы узнать о причинѣ тревоги, но здѣсь за нимъ погнались студенты, и онъ едва успѣлъ вскочить въ ратушу. Сюда же поминутно прибѣгали избитые и раненные стрѣльцы и сказывали, что студенты царскихъ ратныхъ людей и мѣщанъ „убиваютъ смертно“. Опасаясь, какъ бы студенты не раснесли и ратуши, бурмистры и лавники упросили капитана Фанидзина отправиться къ воеводѣ, донести ему „о студентскихъ бунтахъ“ и просить отъ имени магистрата о вооруженной защитѣ. Храбрый капитанъ отважился пробраться въ верхній городъ, но не прямымъ, а окольнымъ путемъ, черезъ Кожемяцкія ворота. Скоро послѣ этого воевода прислалъ на ратушный дворъ большой отрядъ стрѣльцовъ, оберегая хранившуюся тамъ казну и „бороня“ бурмистровъ и лавниковъ, „чтобы студенты майстрату и всего города не разорили и ихъ не позабивали“. Теперь только магистратскіе урядники вышли изъ осады и въ полномъ составѣ отправились съ жалобою къ князю Хованскому, при чемъ сообщили ему, „что и въ то время, якъ ратные люди зъ верхняго города на ратушу въ большомъ числѣ на оборону нижняго города и всѣхъ мѣщанъ ишли, то безперестанне студенты на сполохъ въ болший колоколъ били и въ то время наготовилися ввесь нижній городъ разорити, а когда бъ не были присланы ратные люди, тогда бы студенты ввесь нижній городъ разорили и всѣхъ мѣщанъ позабивали“.

Когда прекратился погромъ, со всѣхъ сторонъ потянулись „битые и граблевные“, чтобы занести жалобы и „записать бои и грабежи“,—мѣщане въ магистратъ, а „служивые“ въ приказную палату. Князь Хованскій снесся съ митрополитомъ, и оба они послали въ коллегію приказъ, чтобы ректоръ и префектъ „про бои ратныхъ людей и про набатъ сыскали“ и велѣли вернуть отнятыхъ у извозчиковъ лошадей. Послѣднія немедленно были возвращены, а относительно сыска ректоръ съ префектомъ

отвѣтили: „мы ратныхъ людей и въ набатъ бить не велѣли, а кто такъ чинилъ—не вѣдаемъ“. Судя по этому отвѣту, трудно было разсчитывать на то, чтобы начальство коллегіи произвело какое-либо разслѣдованіе и подвергло виновныхъ студентовъ заслуженному наказанію; о томъ же можно заключить и изъ жалобы магистрата, посланной царю тотчасъ послѣ событій 29—31 генваря. Подробно и въ живыхъ краскахъ описавъ все происшедшее, члены магистрата такъ оканчиваютъ свою челобитную: „и нынѣ такое жъ воровство не переставая студенты мѣщанамъ дѣлаютъ, да и на насъ, сиротъ вашихъ, всѣхъ бурмистровъ и урядниковъ, похваляются смертнымъ убійствомъ и всего города разореніемъ. Милосердный великій государь! Пожалуй насъ, сиротъ своихъ, по премногой своей царской милости: вели, государь, тѣмъ своевольнымъ студентомъ дати по розыску наказаніе, и впредь вели своимъ боярамъ и воеводамъ насъ, сиротъ вашихъ, отъ такого убійства и разоренія студентскаго оберегать, чтобъ намъ отъ нихъ въ конецъ не разориться“. [1]).

Такъ какъ донесенія кіевскаго воеводы во всемъ подтверждали челобитную мѣщанъ, то въ царской жалованной грамотѣ, данной въ началѣ 1700 г. кіевскому магистрату на маетности и на всѣ права и вольности, [2]) сдѣлано было слѣдующее прибавленіе: „буде имъ, мѣщанамъ, отъ студентовъ впредь какія обиды чиниться будутъ и, приходя на дворы ихъ, учнутъ что имать насильствомъ,—и ихъ имая, имъ, мѣщанамъ, кіевскихъ полковъ съ служилыми людьми приводить въ приказную избу, и будущимъ въ Кіевѣ бояромъ и воеводомъ тѣхъ студентовъ принимать и противъ ихъ (мѣщанъ) челобитья розыскивая, указъ чинить по Уложенью и по новоуказнымъ статьямъ, до

---

[1]) Жалоба мѣщанъ напечатана г. Каманинымъ въ его «Сборникѣ историч. матеріаловъ» вып. I, стр. 42—50. Донесеніе воеводы о безчинствахъ студентовъ — въ цитированномъ выше документѣ Архива Мин. Юстиціи.

[2]) Для исходатайствованія такой грамоты кіевскій войтъ Димитрій Полоцкій еще въ концѣ 1699 г. отправился въ Москву.

чего доведется“. Такимъ образомъ, если начальство кіевской коллегіи почему-то было убѣждено, будто грамотой 1694 года ему даровано было исключительное право суда надъ учащимися, то теперь оно несомнѣнно лишалось этой привилегіи: настоящей грамотой магистрату предоставлялось право арестовывать буйныхъ студентовъ при помощи великороссійскихъ ратныхъ людей и передавать на судъ воеводѣ, который будетъ судить и наказывать виновныхъ не по мѣстному, а по болѣе строгому—великороссійскому праву.

Когда войтъ Полоцкій вернулся въ Кіевъ съ новопожалованной грамотой и объявилъ ее мѣщанамъ, вся коллегія, а съ нею и высшія духовныя власти впали въ уныніе и въ превеликое огорченіе. Митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, незадолго предъ тѣмъ получившій, по жалобѣ войта, отъ патріарха Адріана отеческое внушеніе не отнимать у мѣщанъ земель, не нарушать ихъ исконнаго права выбора приходскаго духовенства и не подвергать ихъ за малыя вины анаѳемѣ, былъ сугубо огорченъ новымъ торжествомъ тѣхъ же мѣщанъ и униженіемъ любимаго его дѣтища—коллегіи. Не будучи въ состояніи примириться съ новымъ порядкомъ, въ силу котораго ненавистные ему мѣщане станутъ „за караулъ брать“ благородную „молодь“ и отдавать на судъ московскимъ приказнымъ, онъ послалъ царю Петру челобитную, въ которой желалъ представить генварьское событіе въ иномъ освѣщеніи и между прочимъ писалъ: „Братскаго училища дѣтямъ учинилося разореніе, къ чему подвели кіевскіе мѣщане ратныхъ государевыхъ людей, и тѣ училище разорили и взяли въ приказъ семь человѣкъ учениковъ“, о чемъ просилъ учинить надлежащій розыскъ. „А что мѣщане получили себѣ жалованную грамоту, чтобъ тѣхъ учениковъ за караулъ брать, и то мнѣ слезно и учителемъ учинился болѣзненный случай“. Ссылаясь затѣмъ на грамоту 1694 года, якобы освобождающую студентовъ коллегіи отъ подчиненія городскимъ властямъ, митрополитъ ходатайствовалъ о пожалованіи коллегіи новой грамоты, „чтобъ виннымъ школьнымъ ученикамъ наказаніе чинить въ

школахъ“ и чтобы магистратскія и приказныя власти не имѣли никакого къ нимъ касательства [1]).

Эта челобитная не имѣла успѣха. Между тѣмъ столкновенія студентовъ съ мѣщанами хотя и продолжались, но уже не достигали прежнихъ безобразныхъ размѣровъ—можетъ быть именно потому, что мѣщане съ помощью стрѣльцовъ безъ стѣсненія хватали буяновъ „за караулъ“ и тѣмъ предотвращали дальнѣйшія безчинства, а въ приказной избѣ, вѣроятно, мало церемонились съ учеными людьми. Съ этимъ позоромъ и униженіемъ никакъ не могла примириться коллегіатская молодежь, среди которой были вѣдь и сыновья полковниковъ, обозныхъ и другихъ старшинъ. Много разъ студенты и даже профессора умоляли митрополита избавить коллегію отъ этого „неудобоносимаго ига“, но что могъ онъ предпринять въ виду неуспѣха первой попытки? Лишь послѣ того, какъ бывшій питомецъ и впослѣдствіи преподаватель и префектъ кіевской коллегіи, рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій занялъ высокій постъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, Ясинскій рѣшился прибѣгнуть къ его ходатайству и въ іюнѣ 1701 года послалъ ему письмо такого содержанія: „били-де челомъ ему, Варлааму, кіевскихъ братскихъ школъ учители, что кіевскій войтъ и мѣщане великую обиду имъ чинятъ противу крѣпостныхъ великаго государя грамотъ, данныхъ имъ, привлекая себѣ власть и волю взять студента въ ратушную тюрьму, не извѣщая власти духовной, ректору и префекту, какъ было изъ начала того училища, но еще изъ своей тюрьмы отдаютъ въ верхній городъ къ генералу [2]), который тѣмъ хвалится, что имѣетъ власть сажать въ тюрьму студентовъ, каково иго и работа есть неудобоносимо“. Поэтому Ясинскій „всеусердно“ просилъ Стефана Яворскаго, дабы онъ былъ „ходатаемъ къ великому государю въ подаяніи полномощной грамоты и крѣпости, чтобъ тѣмъ училищамъ не

[1]) Документъ Моск. Архива Мин. Юстиціи.

[2]) Кіевскій воевода въ то время былъ переименованъ въ генералъ-губернатора.

имѣли отнынѣ мѣщане и генералъ-губернаторъ надъ студентами власти и воли, а какой студентъ провинится, чтобы искать управы въ належащемъ судѣ и правѣ: школъ братскихъ кіевскихъ у ректора и префекта, какъ было и прежде изначала“. Къ этому письму Варлаамъ Ясинскій приложилъ и подлинное прошеніе учителей и учениковъ коллегіи слѣдующаго содержанія [1]): „Академія ихъ Кіево-Могилянская, отъ прежняго своего основанія будучи равными привилегіями, какъ обыкновенно инымъ академіямъ во всѣхъ государствахъ иноземческихъ право свободность имѣти, утверждена, нынѣ несвободна есть, но подъ игомъ тяжкой обиды пребывающая, и просятъ его, митрополита, слезно о помощи отъ мѣщанъ кіевскихъ, которые-де прошлаго году, ставъ за одного невѣрнаго жидовина, привели на ихъ школы служилыхъ людей и много сдѣлали кровопролитія, а иныхъ, какъ злодѣевъ, взявъ въ приказную избу, въ цѣпи посадили; а и окромѣ того, мѣщане дерзаютъ многажды не къ праву школьному и его, митрополита, начальству, но въ тюрьму ратушную студентовъ берутъ и оттуду безъ всякого разсмотрѣнія отдаютъ въ верхній городъ, какъ нынѣ, въ Свѣтлую недѣлю, ихъ, студентовъ, много раненыхъ и битыхъ было отъ мѣщанъ нещадно; и били-де челомъ они о управѣ въ верхнемъ городѣ генералу, надѣясь, что онъ дастъ имъ на нихъ (мѣщанъ) управу такую, какъ и надъ ними (студентами) даетъ. И онъ, генералъ, посланныхъ ихъ старцевъ обезчестя, сказалъ, что онъ не имѣетъ власти надъ мѣщанами, а надъ школами-де власть онъ и студентовъ въ тюрьму брать имѣетъ. О чемъ найпокорно его, митрополита, просятъ, чтобъ онъ своимъ челобитьемъ къ великому государю потщался объ нихъ умолити о освобожденіи ихъ отъ плѣненія и отъ безчинства и дерзости мѣщанъ кіевскихъ, а въ чемъ ихъ, студентовъ, случится вина, судъ бы былъ въ академіи“. Подъ этимъ прошеніемъ подписались: „Его царского

[1]) Къ сожалѣнію, какъ это прошеніе, такъ и приведенныя выше челобитную и письмо Ясинскаго мы имѣемъ не въ подлинномъ текстѣ, а въ приказномъ экстрактѣ, по документу Архива Мин. Юстиціи.

пресвѣтлаго величества академіи кіевской префектъ и школъ учитель наукъ философскихъ и богословскихъ, іеромонахъ Иннокентій Поповскій именемъ и прочихъ всѣхъ учащихъ, отцевъ учителей и профессоровъ.—Его царскаго пресвѣтлаго величества стольникъ Николай Зотовъ, во академіи кіевской учащійся [1]).—Григорій Новицкій, префектъ конгрегаціи.—Семенъ Мировичъ, вице-префектъ, намѣстникъ префекту, полковниченко переясловскій.—Семенъ Лизогубъ, полковниченко черниговскій.—Семенъ, Василій, Павелъ, полковниченки прилуцкіе [2]).—Яковъ Лисица; Григорій Голубъ, именемъ и прочихъ всѣхъ учащихся во академіи кіевской".

Въ этомъ прошеніи, помимо подписей студентовъ, нарочито выбранныхъ изъ представителей малорусской и даже великорусской знати, весьма любопытна ссылка просителей на какія-то исконныя права коллегіи, которыми она, наравнѣ съ иностранными академіями, пользовалась якобы съ самаго основанія своего.

Царь Петръ уважилъ ходатайство Яворскаго и слезную просьбу кіевскаго митрополита; грамотою отъ 26 сентября 1701 года, онъ утвердилъ прежнюю грамоту 1694 года, предоставивъ ректору и префекту коллегіи судъ надъ студентами, но съ такимъ добавленіемъ, что если они виновнымъ студентамъ „управы чинить не учнутъ", то обиженные могутъ входить съ жалобами на ректора и префекта къ митрополиту; если же и митрополитъ не захотѣлъ бы дать надлежащаго удовлетворенія, въ такихъ случаяхъ виновные студенты подвергаются суду кіевскаго генералъ-губернатора на общемъ основаніи, но послѣднему при этомъ вмѣнялась въ обязанность особенная осмотрительность, чтобы и права коллегіи не были нарушены, и „государевымъ дѣ-

[1]) Изъ другого документа, помѣщеннаго въ сент. кн. «Кіевской Старины» 1893 г., мы знаемъ, что въ августѣ 1700 г., по царскому дозволенію, отпущенъ былъ въ Кіевъ, «въ академію, для наукъ свободныхъ», сынъ думнаго дьяка, стольникъ Кононъ Никитичъ Зотовъ. Не былъ ли Николай Зотовъ его братомъ?

[2]) Т. е. сыновья Дмитрія Горленка, тогдашняго прилуцкаго полковника.

ламъ неуправленія" не послѣдовало, «и студентамъ къ невоздержанію ихъ потачки не было».

Эта мѣра, конечно, не сразу умиротворила буйное студенчество. Посѣтившій въ томъ же 1701 году Кіевъ московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ вынесъ такое впечатлѣніе о студентахъ и ихъ отношеніяхъ къ мѣщанамъ: „Въ Кіевѣ школьниковъ очень много, да и воруютъ много: попущено имъ отъ митрополита. Когда имъ кто понадокучитъ, пришедши ночью, да и укокошатъ хозяина-то, а съ двора корову или овцу сволокутъ. Нѣтъ на нихъ суда; скаредно сильно; попущено воровать пуще московскихъ солдатъ. А вечеръ пришелъ, то пошли по избамъ псалмы пѣть да хлѣба просить; даютъ имъ всячиною, и хлѣбомъ и деньгами, а иные имъ даютъ убоясь".

Лукьяновъ, конечно, не самъ выдумалъ, будто студентамъ «попущено отъ митрополита», а слышалъ это отъ кіевлянъ. Дѣйствительно, никогда коллегіаты такъ не безчинствовали, какъ въ управленіе Варлаама Ясинскаго. Бывали у нихъ и впослѣдствіи столкновенія съ мѣщанами, но такого погрома, какой они учинили въ 1700 году, больше не бывало.

---

58. Цыганы и евреи.

Хотя Литовскій Статутъ 1588 года предписывалъ поголовное изгнаніе изъ предѣловъ государства всѣхъ цыганъ, какъ праздныхъ и вредныхъ людей, живущихъ обманомъ и кражей, и угрожалъ крупнымъ штрафомъ за передержательство ихъ, тѣмъ не менѣе цыганы благополучно проживали въ польско-литовскомъ государствѣ, кочуя по всѣмъ его областямъ. Въ гетманщинѣ жилось имъ привольнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Общая свобода передвиженія вполнѣ благопріятствовала ихъ привычкѣ къ кочевой жизни, а малороссійская простота и довѣрчивость открывали широкое поле цыганской ворожбѣ и хитростямъ. Любимымъ занятіемъ цыганъ и тогда было кузнечество и лошадиный промыселъ, въ связи съ чѣмъ находились и наиболѣе обычные ихъ преступленія—фабрикація фальшивой монеты и конокрадство.

Въ октябрѣ 1684 г., во время ярмарки, въ Кобелякѣ были пойманы „миндзари“ [1]) цыганы, фабриковавшіе мѣдные чехи и пускавшіе ихъ въ оборотъ при помощи „переводчиковъ“, мѣстныхъ шинкаровъ. Ихъ, вмѣстѣ съ переводчиками, отправили подъ конвоемъ въ Полтаву, въ полковой судъ. Чѣмъ окончилось это дѣло—не извѣстно; по Лит. Статуту, фальшивомонетчики подлежали смертной казни чрезъ сожженіе.

А вотъ случай конокрадства.

Весною 1657 г. группа „прочанъ“ [2]) ночевала подъ с. Шаповаловкою, близъ Борзны, пустивъ спутанныхъ коней „на попасъ“. Къ утру исчезли лошади. Стали искать по „слѣду“; слѣдъ привелъ въ березнякъ, по другую сторону Борзны, гдѣ и были накрыты три цыгана съ уворованными лошадьми. Ихъ привели къ сотнику, который произвелъ разслѣдованіе, и затѣмъ дѣло поступило въ нѣжинскій полковой судъ. Несмотря на явныя улики, цыганы, оказавшіеся извѣстными „волоцюгами ярмарковыми“, „не зналися до учинку“ и утверждали, будто отъ нихъ отобраны ихъ собственныя лошади. Судъ, согласно Статуту, велѣлъ потерпѣвшимъ „поприсягнути“ своихъ „виноватцовъ“: одинъ долженъ былъ присягою подтвердить, что „не такъ ёго коня спутано, якъ онъ былъ спутанъ его путомъ“, а другой—что „не его уже путомъ коня его спутано“. Послѣ совершенія присяги, цыганы отданы были „на квестію“; два изъ нихъ признались въ кражѣ, а третьяго сколько ни мучили, ничего отъ него не добились. Тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ всѣхъ трехъ къ висѣлицѣ.

Любопытно, что въ тотъ же самый день нѣжинскій судъ разсмотрѣлъ однородное дѣло „о украденье коня зъ ночлѣгу“ нѣкіимъ Степаномъ Якубенкомъ, но послѣдній понесъ „вольнѣйшее каранье“: онъ былъ подвергнутъ отрѣзанью уха и позорному изгнанію изъ города. Очевидно, судъ не оказалъ пощады цыганамъ потому, что это племя вообще пользовалось дурною славою въ Малороссіи.

[1]) Польское mincarz, нѣм. münzer, монетчикъ.

[2]) *Прочане*—переселенцы, «идущіе на слободы».

—

У тогдашняго стихотворца Климентія есть вирша: „О цыганахъ и жидахъ“, начинающаяся такъ:

Цыгане та жиды едни еднимъ равни,
Поневажъ вельми тие люде есть злонравни,
Бо въ ныхъ только есть правды, якъ въ шелягу сребра...
Збытечные людямъ чинятъ ошуканства...

Покойный П. А. Кулишъ, напечатавшій эту виршу, предполагалъ, что она относится къ польской Украинѣ, такъ какъ-де евреямъ не было доступу въ козацкую Украину до временъ Екатерины II. Дѣйствительно, при жизни Богдана Хмельницкаго никто изъ нихъ не осмѣливался и показываться въ козацкомъ краѣ, а тѣ изъ евреевъ, которые не успѣли бѣжать отсюда, подверглись истребленію или же приняли крещеніе [1]). Проѣзжавшій въ это время чрезъ Малороссію Павелъ Алеппскій расточаетъ похвалы свирѣпости, съ какою козаки искореняли іудеевъ, и восхищается тѣмъ, что въ краѣ не осталось ни единой души изъ людей этого „гнуснаго народа“. Но не прошло и четверти вѣка послѣ Хмельницкаго, какъ евреи снова стали исподоволь появляться въ козацкой странѣ. Прежняя народная ненависть и злоба къ нимъ, видимо, была забыта, и евреи, разъѣзжая по ярмаркамъ, не только сознаютъ себя въ полной безопасности, но иные прямо ведутъ себя дерзко, вызывающе по отношенію къ мѣстному населенію. Вотъ, для примѣра, характерная запись въ полтавской актовой книгѣ 1684 года—если не ошибаемся, первое по времени документальное свидѣтельство и пребываніи евреевъ въ гетманщинѣ: „На ярмарку тутейшомъ о Воздвиженіи честнаго креста Господня, жидъ Ицикъ менуе-

[1]) Многіе изъ такихъ «перехрыстовъ» сдѣлались родоначальниками старшинскихъ (впослѣдствіи дворянскихъ) фамилій въ Малороссіи.

мый, з Прилуки мешканець, од суботи до понеделка (13—15 сент.) з многими особами духовними и свѣцкими диспутуючись, значне хулилъ вѣру нашу християнскую; а потомъ, впросившись до Трохима, обывателя полтавского, перегонити горѣлку, посеред ночи в хату уйшол до молодицѣ, хотячи ее зкгвалтовати (изнасиловать), еднакъ тотъ Трохимъ, вже ведле (подлѣ) своеи жоны жида того зловивши, оповѣстилъ врядови". Какъ же поступилъ урядъ съ дерзкимъ евреемъ? „За тое проступство (отмѣчено въ протоколѣ) взято в того жида коня з возомъ и з горѣлкою до двора полковничого". Можетъ быть, съ Ицыкомъ такъ милостиво было поступлено потому, что тогдашній полтавскій полковникъ Павелъ Герцикъ самъ былъ сыномъ крещеннаго еврея, торговавшаго въ Полтавѣ иголками и шпильками.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что уже въ 1680-хъ годахъ евреи свободно проживали (хотя и въ маломъ количествѣ) въ Малороссіи, разъѣзжали по ярмаркамъ и торговали водкою. Въ роли осѣдлыхъ корчмарей и шинкаровъ они пока еще не выступаютъ.

Но вотъ предъ нами процессъ о евреяхъ, занимавшихся болѣе предосудительнымъ промысломъ. Дѣло происходило въ Стародубѣ, въ ноябрѣ 1690 года. Незадолго предъ тѣмъ поселился здѣсь еврей Ирша Якубовичъ, „захожій" изъ м. Народичъ, Овручскаго повѣта. Кромѣ двухъ сыновей, при немъ проживали „два жидки молодыхъ" Израиль и Гаврило, которые, „постерегши, знатъ, по немъ шкодливые христіянскому жытью поступки, отверглися злого ихъ еврейского невѣрыя", приняли крещеніе и были переименованы въ Романа и Михайла. Желая свести какіе-то счеты съ прежними единовѣрцами, эти неофиты выступили въ полковомъ судѣ обвинителями Ирши въ томъ, что онъ, „жывучы межи християнами, маетъ такихъ злочынцовъ, которые, крадучы въ людей конѣ и рѣчы иншыѣ, потаемне продаютъ ему". При этомъ они назвали нѣкоего Петра Кондратенка, какъ одного изъ такихъ „жидовскихъ переводниковъ". Онъ оказался выходцемъ изъ Стеблева, что близъ Корсуня. Его и еврея Иршу съ

двумя сыновьями тотчасъ разыскали и привели въ судъ. Всѣ они, конечно, отрицали взводимыя на нихъ преступленія, но когда Кондратенку пригрозили сѣченіемъ, онъ сталъ виниться и такъ показалъ:

— Жыдъ Ирша Якубовичъ зъ сынами своими подмовили мене на переводню—красты имъ кони, которыхъ южъ я, на розныхъ мисцехъ, въ розныхъ людей укравши зъ десятеро, безцинне (задешево) попродалемъ жыдамъ помененымъ.

Слыша это сознаніе, выкресты Романъ и Михайло прибавили:

— Въ того жъ злочынця Петра жыдъ Ирша не тылко краденые куповавъ кони, але и казаны горилчаные такіе жъ краденые покупывъ.

Кондратенко, „за погрозкою постронковою", долженъ былъ сознаться, что укралъ казаны у нѣкоей Хваихи и продалъ евреямъ.

Старый Ирша „ни до чого не признался", говоря:

— Не знаю того и не видаю; хиба мій сынъ якый безъ видома мого вчынывъ тое.

А обвинители все не унимались. Выкрестъ Михайло разсказалъ слѣдующее:

— Въ семъ же року 1690, о празницѣ Вознесенія Господня, йидучи мы зъ Мошкомъ Иршовичомъ, жыдомъ, зъ Почеповского ярмарку, сталы на ночлигъ подъ Почепомъ, подля горы Бабынои, де при початку ночи противко цегельни ставши, покилкокротне Иршовичъ ходывъ подъ ночлижныкы для крадижкы коней, але вертався, бо брехалы собакы; потимъ, пойшедшы подъ туманъ, ранкомъ, украли двое коней, зъ которыхъ едного позналъ Заруцкій, а другого Мошко мни отдавъ, а я того коня проминявъ на діоготь. А старый Ирша на самый празныкъ Рождества Богородици, въ Яремы, такого жъ злодія, купывъ четверо коней и попродавъ рознымъ людемъ на сторону.

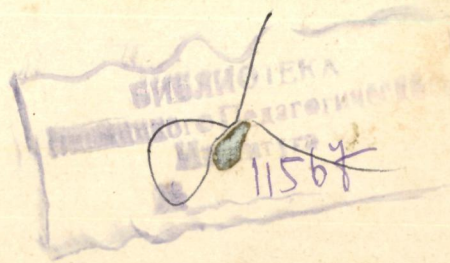
Романъ разсказалъ еще худшее о другомъ сынѣ Якубовича, Копелѣ Иршовичѣ:

— Едного разу оный Копель, звирывшися мни, яко жыдови такому жъ на тотъ часъ будучому, повидавъ: „Я, прави, и братъ мій слипый, та жыдокъ докторчикъ, который мешкавъ въ городи Коропови, згубилисмо за Христиновкою, за рикою Ушею,[1]) чоловика именемъ Микиту, купца кіевского, которому перше зъ отрутою въ ротъ улили килишокъ горилкы, потымъ оного вожками задавили до смерты“.

Такъ какъ обвиняемые отрицали всѣ эти факты, то въ виду предстоявшаго слѣдствія полковой судъ велѣлъ арестовать Кондратенка и обоихъ Иршовичей, а съ ихъ отца взялъ подписку въ томъ, что по всѣмъ означеннымъ обвиненіямъ онъ обязанъ „усправедливитися зъ доводами певными, где належатиметъ“. Къ сожалѣнію, дальнѣйшій ходъ этого дѣла не извѣстенъ.

Судя по даннымъ этого документа (и другимъ), можно полагать, что евреи раньше всего стали проникать изъ Бѣлоруссіи и Кіевскаго Полѣсья именно въ сѣверную Украину и что къ концу XVII ст. ихъ было здѣсь больше, чѣмъ въ южныхъ полкахъ. Промышляли они здѣсь перепродажей лошадей по ярмаркамъ, торговали дегтемъ, а нѣкоторые изъ нихъ слыли „докторчиками“, т. е. занимались врачевствомъ. Послѣднее не удивительно, если вспомнимъ, что на Волыни еще во второй половинѣ XVI ст. было немало ученыхъ докторовъ евреевъ, практиковавшихъ среди мѣстныхъ магнатовъ и шляхты; много было евреевъ и между тамошними „балверами“ (фельдшерами). Проникая въ сѣверную Украину, евреи скоро начали арендовать панскіе шинки и корчмы, а попутно съ этимъ занимались конокрадствомъ, устройствомъ воровскихъ притоновъ и сбытомъ краденнаго. Скоро послѣ того ихъ стали обвинять и въ тайныхъ убійствахъ. Неудивительно, что именно въ сѣверной Малороссіи евреи возбудили противъ себя всеобщее неудовольствіе, и не далѣе какъ въ 1704 г. въ черниговскомъ полку про-

[1]) Христиновка—нынѣ дер. Овручскаго у., при впаденіи рч. Норыни въ Ушу.



изошелъ настоящій еврейскій погромъ, не распространившійся на другіе полки лишь благодаря принятымъ Мазепою предохранительнымъ мѣрамъ.[1]) А въ гетманство Скоропадскаго и Апостола издается уже рядъ универсаловъ о повсемѣстномъ изгнаніи іудеевъ изъ предѣловъ Малороссіи, и только въ царствованіе Екатерины II они снова пріобрѣли здѣсь право гражданства.

[1]) См. очеркъ Н. И. Костомарова „Жидотрепаніе въ началѣ XVIII ст.“, въ Кіевской Старинѣ 1883 г., кн. 1 и 3.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	11,	*строка*	5	*свер.:*	соотвѣтственно...	*Слѣд.*	*чит.:*	соотвѣтственное
„	35	„	2	„	безполезный вопль	„	„	безплодный вопль
„	47	„	1	„	тикномъ	„	„	викномъ
„	—	„	6	„	вы хлопця	„	„	ты хлопця
„	53	„	23	„	спасибу	„	„	спасибо
„	77	„	8	„	уличять	„	„	уличать
„	135	„	6	„	„лица“, т. е. преступленія	„	„	„лица“, т. е. улики въ преступленіи
„	150	„	33	„	оставленна	„	„	оставлена
„	152	„	34	„	какарани	„	„	карани
„	153	„	4	„	вынудыты	„	„	выпудыты
„	156	„	14	„	пановое	„	„	панове
„	—	„	25	„	бувшою	„	„	бувшого
„	159	„	4	„	гостиницъ	„	„	гостинецъ
„	161	„	16	„	покатся	„	„	покается
„	—	„	27	„	не приминула	„	„	не преминула
„	163	„	26	„	до Вуцька	„	„	до Вуцькы
„	165	„	27	„	позабуты	„	„	позбуты
„	166	„	21	„	маю	„	„	мало
„	167	„	1	„	зъ Петрашкового	„	„	зъ Петрашковною
„	—	„	5	„	къ разбору дѣла	„	„	къ разбору другого дѣла
„	169	„	4	„	роспутныкъ	„	„	роспустныкъ
„	170	„	30	„	крився того	„	„	прився того
„	217	„	24	„	розоносячы	„	„	розносячы
„	219	„	5	„	поступыла-мъ	„	„	проступыла-мъ
„	232	„	27	„	по извѣстному	„	„	по извѣчному
„	248	„	17	„	понималъ	„	„	помнилъ
„	273	„	27	„	пого, вору	„	„	поговору
„	—	„	32	„	котры	„	„	котрiи